

С. В. МИРОНЕНКО

АЛЕКСАНДР I И ДЕКАБРИСТЫ

РОССИЯ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА. ВЫБОР ПУТИ

Александр I
и декабристы

С. В. Мироненко

АЛЕКСАНДР I И ДЕКАБРИСТЫ

Россия в первой четверти XIX века
Выбор пути

 **КУЧКОВО
ПОЛЕ**

МОСКВА
2017

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)47
М64

anatoli & waleriy

Мироненко С. В.

М64 Александр I и декабристы: Россия в первой четверти XIX века. Выбор пути. — М.: Кучково поле, 2017. — 400 с.

ISBN 978-5-9950-0700-5

Книга известного российского историка и архивиста, научного руководителя Государственного архива Российской Федерации, профессора, заведующего кафедрой исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова Сергея Мироненко посвящена истории России первой четверти XIX века. Автор исследует проблемы политической истории, пытается найти ответ на вопросы. почему в это время Россия не стала конституционной монархией, и не было отменено крепостное право. Казалось, для этого были все предпосылки. Как доказывает автор, Александр I понимал необходимость коренного преобразования отживших своей век основ российской жизни — неограниченного самодержавия и крепостного права. По его распоряжению был подготовлен проект конституции для России и проекты решения крестьянского вопроса. Передовая часть тогдашнего российского общества — молодые офицеры, сплотившиеся в тайные общества, стремились к тому же. Декабристы не сразу решились добиться своих целей силой. Только окончательно поняв, что правительство отступило от проведения реформ, они решились на вооруженное восстание. Не получилось ни у Александра I, ни у декабристов. В чем причины этого? Поиску ответа на этот вопрос и посвящена настоящая книга.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)47

ISBN 978-5-9950-0700-5

© Мироненко С. В., 2017
© Оформление. ООО «Кучково поле», 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Введение</i>	9
<i>Глава 1. Александр I. Воспитание. Первая половина царствования</i>	14
<i>Глава 2. Возникновение первого тайного общества</i>	43
<i>Глава 3. Александр I. Вторая половина царствования.</i> Попытки приступить к реформам	66
<i>Глава 4. «Не мне их наказывать...»</i>	114
<i>Глава 5. Как в России не было отменено крепостное право</i> и почему Россия не стала конституционной монархией	150
<i>Заключение</i>	189

Приложения

Крестьянский вопрос в трудах декабриста М. А. Фонвизина	195
Записка Фонвизина «О социализме и коммунизме»	233

Был ли М. А. Фонвизин автором записки «О повиновении вышней власти» 1823 г.	258
Журналы и докладные записки Следственного комитета по делу декабристов . . .	271
Биографический справочник декабристов. Принципы издания	301
Московский заговор 1817 г. и проблема формирования декабристской идеологии	337
П. И. Пестель. Создание «Русской Правды»	349
14 декабря 1825 года. Восстания могло не быть	366
Именной указатель	383

АЛЕКСАНДР I И ДЕКАБРИСТЫ

Россия в первой четверти XIX века
Выбор пути

ВВЕДЕНИЕ

Россия начала XIX века. Страна, необъятная по размерам, границы которой простираются от Сибири и Дальнего Востока до Западной Европы, от Черного моря до Северного Ледовитого океана. И дело даже не в огромных размерах, а в неимоверной сложности управлять огромной империей из одного центра. Император Александр I, получивший за любовь к поездкам прозвище «кочующий деспот» (А. С. Пушкин: «Всю жизнь провел в дороге, простыл и умер в Таганроге»), не сумел побывать и в десятой доле российских городов. Страна по преимуществу сельскохозяйственная. Почти все население сосредоточено в сельской местности, и лишь незначительная его часть живет в городах. Уровень развития сельского хозяйства крайне низок. Оно ведется по старинке, примитивными сельскохозяйственными орудиями, которые столетиями остаются неизменными. Лишь отдельные помещики применяют в своем хозяйстве машины и пользуются достижениями современной агрикультуры. Подавляющее большинство крестьян находится в рабской зависимости от частных владельцев (помещиков) и государства и не имеет никаких стимулов к ведению хозяйства на современный лад¹. Низкий уровень промышленного развития очевиден². Да и промышленность,

¹ Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. 2-е изд., доп. М.: РОССПЭН, 2006. Часть первая. Великорусский пахарь в XVIII столетии.

² Струве П. Б. Крепостное хозяйство: Исследования по экономической истории России в XVIII и XIX веках М., 1913; Лященко П. И. История народного хозяйства в СССР. М., 1956. Т. 1; Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России и СССР. М.: Наука, 1966; Очерки экономической истории России в первой половине XIX в. М., 1959

которая возникла в результате петровских преобразований, работает в основном для нужд армии и использует по преимуществу рабский труд крепостных крестьян. Вольнонаемный труд только-только начинает пробивать себе дорогу. Политическое устройство страны консервативно, если не сказать больше. Государственная власть, как и прежде, персонифицирована в фигуре императора. Он одновременно и источник власти, и сама власть. Больше того, в глазах подданных огромной Российской империи он помазанник Божий.

Однако с петровских времен, а то и раньше, взгляды россиян устремлены уже не на Восток, а на Запад. Петр не только поднял Россию «уздой железной... на дыбы» (выражение А. С. Пушкина), но и решительно и бесповоротно повернул ее лицом к Западу. Там, в западных странах, одни россияне искали образцы для подражания, другие постепенно обретали зримого врага, стремящегося, по их мнению, разрушить самобытность вековых устоев русской жизни. Но западное влияние с течением времени становилось все более и более ощутимо. И дело не только во французском языке, отделяющем господ от простого люда, не только во всепроникающем влиянии западной культуры: литературы, архитектуры, живописи, научных достижений. Главное — распространение идей. Великая французская философия, благодаря которой XVIII столетие назвали веком Просвещения, постепенно принесла с собой новые идеи и на русскую почву. Идеи энциклопедистов, развитые в начале XIX века европейскими мыслителями, и прежде всего Бенжаменом Констаном, в стройные политические концепции народного представительства, разделения властей, верховенства закона, исходящие из представления о народе как источнике законов, о равенстве всех людей перед законом, недопустимости обладания человека человеком и прочие, с большим трудом, но все же проникали в сознание образованной части российского общества.

Конечно, основная масса дворянства оставалась косной и приверженной идеалам старины. Это касалось всех слоев тогдашнего образованного и не очень образованного российского общества. Но все-таки тенденция с течением времени становилась все более очевидной. Екатерина II переписывалась с Вольтером и Дидро. Последний, собственноручно переписав свои основные произведения, с почтением отослал их «Северной Авроре» и даже несколько месяцев по приглашению императрицы прожил в новой столице империи — Санкт-Петербурге. Екатерина в своем наказе Уложенной комиссии стара-

лась, что называется, не ударить в грязь лицом и предстать перед всем миром «философом на троне». Даже французская революция, сильно пошатнувшая представления императрицы о благодетельности новых идей и заставившая ее пересмотреть свое отношение к революционной Франции, не привела к ее полному разочарованию в идеях века Просвещения¹. Принципам, заложенным в наказе, написанном самой Екатериной, не суждено было осуществиться. Но идеи, однажды возникшие и овладевшие умами коронованных особ и передовых русских людей, не исчезли бесследно. Наследник российского престола, будущий император Павел I уже предметно размышлял о конституции для России. Мы, к сожалению, мало знаем о конституционном проекте Фонвизина — Панина, но одно несомненно: он существовал и занимал ум «русского Гамлета»². Пусть это был проект аристократической конституции на манер шведской, пусть он преследовал интересы сановной верхушки страны, продолжая в какой-то степени линию «верховников», попытавшихся ограничить власть Анны Иоанновны «кондициями». Не в этом суть. Главное — идея законодательного ограничения самодержавной власти обсуждалась в кабинетах верховной власти. Как не была чужда Екатерине и мысль о необходимости освобождения крестьян.

В начале XIX века эти идеи получили новое развитие, и их обсуждение и властью, и обществом обрело новые формы. До сих пор в историографии реформаторские попытки власти и общества рассматривались в отрыве друг от друга. В советской историографии такой подход был доведен до крайности. Пальма первенства в попытках открыть перед страной новые горизонты, определить новый вектор ее развития, безусловно, отдавалась деятелям революционного движения — декабристам, которые самоотверженно боролись с косным и реакционным самодержавием³. И, на первый взгляд, в таком подходе была своя логика. Ведь власть жестоко подавила попытку, предпринятую 14 декабря 1825 года частью российского общества, повернуть страну на новый путь развития. Но это верно только на первый взгляд. Исследователи старались не замечать и даже игно-

¹ Каменский А. Б. «Под сению Екатерины»... СПб., Лениздат, 1992; Он же. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М., 1999.

² Сафонов М. М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., Наука, 1988; Эйдельман Н. Я. Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII — начало XIX столетия. М.: Мысль, 1982; Песков А. М. Павел I. М.: Молодая гвардия, 1999.

³ Нечкина М. В. Движение декабристов. М., Издательство Академии наук СССР, 1955. Т. I, II.

рировали очевидные факты — стремление Александра I разработать пути постепенного освобождения крепостных крестьян и введения в России представительного монархического правления. Задача, однако, состоит не в противопоставлении одного другому, а в выяснении причин неудач осознаваемой и верховной властью, и радикально настроенной частью российского общества необходимости коренной модернизации страны.

Поэтому, задавшись целью рассмотреть вопрос о том, как власть и передовое дворянство, объединившееся в начале XIX века в тайные декабристские общества, размышляли о путях развития страны, что делали (или не делали) для реализации намеченных планов преобразований, нужно прежде всего спокойно и взвешенно проанализировать намерения и действия и тех, и других. На первый план здесь выступает фигура императора Александра I. Ведь все в огромной Российской империи происходило по его повелению и от его имени. Конечно, император жил и действовал не в безвоздушном пространстве. Его окружали советники и умудренные опытом государственные мужи — высшие чины государства, его оплотом было российское дворянство и чиновничество (бюрократия). Без их одобрения (пусть даже молчаливого) трудно было рассчитывать на успех преобразований, затрагивавших вековые основы Российского государства. Будучи самодержавным правителем, император тем не менее был ограничен в своих реформаторских устремлениях. И даже не столько удавкой, которая, по меткому выражению знаменитой французской писательницы Жермены де Сталь, ограничивала самовластье российских императоров¹, сколько невозможностью без поддержки не только правящей политической элиты, но и определенной части общества проводить в стране коренные изменения.

Однако и без анализа места тайных обществ декабристов в отечественной истории первой четверти XIX века при рассмотрении заявленной проблемы не обойтись. Отечественная война 1812 года и последовавшие за ней заграничные походы русской армии, та роль, которую сыграла Россия в победе над Наполеоном, оказали огромное влияние на развитие общественного сознания в стране. В кругах передовой части русского общества произошел качественный переворот. Возникла и организационно оформилась группа молодых патриотов, которые осознали свою ответственность за судьбы Родины.

¹ См.: Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. В 16-ти т. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1949. Т. 11. С. 17.

Для императора участие общества в обсуждении насущных преобразований казалось недопустимым нарушением вековых традиций самодержавного устройства, а потому было совершенно неприемлемо. Для декабристов, наоборот, стремление поддержать реформаторские усилия верховной власти на первых порах было естественной потребностью, гражданским долгом. Когда же император, как им казалось, отступил от заявленных им же намерений преобразовать страну в «духе времени», декабристы стали обдумывать, каким образом в новых условиях добиться своего. В тайном обществе у части радикально настроенных членов появилась и окрепла идея военной революции как средства изменения политического устройства Российского государства и освобождения крестьян от крепостной зависимости. Дело закончилось, как известно, восстаниями гвардии в Петербурге и армейского пехотного Черниговского полка на Украине, которые были решительно и жестоко подавлены властью.

Реформы, которые признавались столь необходимыми России и властью (конечно, не всей, а только небольшой ее частью, но во главе с императором), и радикальной частью российского общества — участниками тайных обществ, так и не были осуществлены. Они были отложены на несколько десятилетий. Почему так произошло? Поиску ответа на поставленный вопрос автор и посвятил свое исследование¹.

¹ Обзор источников и историографии не входил в задачу автора. За последние два десятилетия источниковая база не претерпела кардинальных изменений, чего нельзя сказать об историографии. Появились новые исследования, было высказано много новых идей и оценок. Их анализ — дело будущего. Однако не могу не назвать фундаментальные исследования Т. В. Андреевой «Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение» (СПб., 2009), В. М. Боковой «Эпоха тайных обществ» (М., 2009), А. О. Чубарьяна «Русский европеизм» (М., 2006), биографии Александра I А. Н. Архангельского (М., 2000), М.-П. Рэй (М., 2013) и А. Н. Сахарова (М., 1998), которые по-новому взглянули на эпоху, людей и события.

Эта книга не могла бы появиться без деятельной поддержки моих коллег по Государственному архиву Российской Федерации Л. А. Роговой, Л. Н. Малашенко, И. С. Тихонова, Е. А. Чирковой, И. Н. Засыпкиной, Л. В. Крячковой, Г. Г. Толстиковой, И. А. Бутенко, П. А. Словягина и многих других, за что я приношу им мою сердечную благодарность. Благодарю также профессора С. И. Посохова (Харьковский университет) за сведения о М. К. Грибовском

АЛЕКСАНДР I. ВОСПИТАНИЕ. ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА ЦАРСТВОВАНИЯ

В обыденном сознании имя императора Александра I никогда или почти никогда не стояло в первом ряду государственных деятелей России. В советское время он предстал прежде всего в образе мрачного гонителя Пушкина, жестокого сатрапа, безжалостной рукой насаждавшего военные поселения в России, одного из основателей Священного союза, поддерживавшего реакционные режимы в Европе, лживого политика, ловко скрывавшего за либеральной фразеологией свое истинное лицо, и, наконец, просто откровенного бездельника. Как правило, на Александра I предлагалось смотреть глазами Пушкина, заклеившего императора как «плешивого щеголя», «врага труда», «нечаянно пригретого славой»¹. В постсоветский период он оказался практически вне поля зрения историков, заслоненный фигурами других, ранее незаслуженно вычеркнутых из контекста истории монархов².

А ведь при нем Россия достигла вершины своего влияния в мире. Был повержен Наполеон, проведены реформы государственного управ-

¹ Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами властвовал тогда.

² Дело стало меняться только в 1990–2000-х годах, когда начали появляться специальные биографии Александра I. Вначале это были отдельные статьи (см., например, статью А. Н. Сахарова об Александре I, помещенную в сборнике «Российские самодержцы (1801–1917)», выпущенном в свет в 1993 году издательством «Международные отношения»), а затем и отдельные монографии (см., например, книгу А. Н. Архангельского «Александр I», изданную издательством «Вагриус» в 2000 году).

ления, существенные элементы которых сохранились чуть ли не до сегодняшнего дня (например, министерства), сделаны решительные шаги на пути развития просвещения. В чем дело? Почему до сих пор Александр I остается «сфинксом, не разгаданным до гроба»?¹ Кем был в действительности сын «русского Гамлета», победитель Наполеона и освободитель Европы, умерший, не дожив и до 50 лет, в далеком провинциальном Таганроге? Вряд ли можно сразу ответить на все закономерно возникающие вопросы, но попытаться сделать это необходимо.

Александр родился в 10 часов 45 минут 12 декабря 1777 года и почти сразу же был отнят от родителей, великого князя и наследника престола Павла Петровича и его жены великой княгини Марии Федоровны, и взят на воспитание бабушкой, императрицей Екатериной II. С первых дней жизни и на долгие годы внук поселился в покоях императрицы. Сегодня подобное решение может показаться странным, но тогда в этом не было ничего необычного. Екатерина поступила точно так же, как императрица Елизавета, забравшая у нее сына Павла.

Свое имя новорожденный получил в честь Александра Невского, к тому времени уже причисленного к лику святых. Однако чуть ли не с первых дней стали говорить и о другом персонаже всемирной истории — Александре Македонском (Александре Великом), по стопам которого, может быть, суждено было пойти будущему венценосцу. Екатерина шутиливо обсуждала разные возможности, отдавая, впрочем, предпочтение Александру Невскому («он отлично колотил шведов и слава его была велика»), но справедливо считала, что собственные дарования внука «направят его на стезю того или другого».

Воспитанная в европейских традициях Екатерина с самого начала стала приучать Александра к здоровому образу жизни: ребенка не кутали, спал он на твердом волосяном матрасе, в детской всегда было много света и свежего воздуха — полная противоположность тому,

¹ Строка из стихотворения П. А. Вяземского «Сфинкс» (1868).

Сфинкс, не разгаданный до гроба,
О нем и ныне спорят вновь,
В любви его роптала злоба,
А в злобе теплилась любовь.

Дитя осьмнадцатого века,
Его страстей он жертвой был,
И презирав он человека,
И человечество любил.

как Елизавета воспитывала Павла. Екатерина сыграла огромную роль в воспитании своего любимца. Она постоянно возилась с ним («после обеда мой мальчуган приходит, сколько раз ему вздумается, и проводит до трех и четырех часов в моей комнате»), играла («мы ежедневно узнаем что-нибудь новое, то есть из всякой игрушки делаем десять или двенадцать, смотря по тому, кто из нас двух выкажет в этом более гениальности», «все требуют, чтоб мы продолжали вместе играть»), сочиняла для него и его младшего брата Константина, родившегося в апреле 1779 года, сказки, составила свод нравственных правил («бабушкину азбуку») и, наконец, написала для внуков краткую российскую историю.

Александр с малых лет отличался выдающимися способностями. Он был необычайно сметлив и имел поразительную тягу к чтению и получению новых знаний. «Любопытство и любознательность господина Александра преобладают над всеми другими его вкусами, — писала Екатерина 10 июля 1781 года. — Он проводит до часу и двух над книгами с картинками, и Бог знает, с чем этот ребенок не ознакомился». Еще пять месяцев спустя: «Теперь мы за арифметикой и не принимаем на веру, что дважды два четыре, если мы их сами не сосчитали. Я еще не видала мальчугана, который так любил бы расспрашивать, так был бы любопытен, жаден на знания, как этот. Он очень хорошо понимает по-немецки и еще более по-французски и по-английски; кроме того, он болтает как попугай, любит рассказывать, вести разговор, а если ему начнут рассказывать, то весь обращается в слух и внимание. У него прекрасная память». По мнению державной бабушки, в четыре года он имел «в тысячу раз больше познаний, чем всякое другое дитя тех же лет». Одновременно Александр быстро овладевал самыми различными ремеслами: смешивал и растирал краски, красил, рубил дрова, пахал, косил, вскапывал грядки, исполнял обязанности кучера, овладевал столярным искусством, обивал мебель. По словам Екатерины, в эти годы его «никогда не заставляли читать или учиться, но сам он смотрел на это как на удовольствие и на долг». К шести годам он уже мог читать и писать по-русски и по-английски¹.

В конце 1783 года воспитание Александра переходит из женских рук (умерла С. И. Бенкендорф, которой Екатерина доверила присмотр за маленьким великим князем) к генералу Н. И. Салтыкову. Сохранившаяся переписка показывает, что утвердившееся в историографии

¹ Письма Екатерины II к барону Гримму. Цит. по: *Шильдер Н. К.* Император Александр I. Его жизнь и царствование. СПб., 1897. Т. I. С. 2–24.

представление об отношениях Александра с Салтыковым как весьма сложных не совсем соответствует действительности. Хотя прямолинейный и жесткий Салтыков являл собой разительный контраст с чувственным и нежным воспитанником, письма Александра не оставляют сомнений в близости воспитателя и воспитанника, искренности и доверительности их отношений¹. Императрица хорошо понимала, что рядом с Александром должен находиться военный человек, хорошо знавший реалии как придворной, так и государственной жизни того времени. Любопытно, что Екатерину совсем не смутило то обстоятельство, что Салтыков заведовал двором ее сына, хотя, казалось бы, одно это могло быть веской причиной не доверять ему воспитание Александра. Характерно, что именно через Салтыкова Екатерина получила записку швейцарца Фредерика Сезара де Лагарпа, ставшего вскоре наставником ее любимого внука и сыгравшего выдающуюся роль в формировании Александра как человека и государственного деятеля, — записку, где излагались взгляды Лагарпа на то, чему и как надо учить великого князя, и которая чрезвычайно понравилась Екатерине.

Лагарп был убежденным республиканцем, впитавшим гуманные идеи века Просвещения и обладавшим независимым характером, достаточно сильным для того, чтобы передать эти идеи своему воспитаннику. В записке, поданной императрице, он со всей откровенностью писал: «Будущий правитель не должен быть ни физиком, ни натуралистом, ни математиком, ни географом, ни филологом, ни юристом и т. д. Но он должен быть честным человеком и просвещенным гражданином и знать преподаваемые ему предметы настолько, чтобы понимать их настоящую цену и иметь ясное сознание обязанностей, лежащих на монархе, в руках которого счастье и несчастье многих миллионов». По его твердому убеждению, будущий правитель должен был знать, что когда-то «существовало между людьми равенство, и если обстоятельства с тех пор изменились, то это отнюдь не случилось с целью предоставить человечество со связанными ногами и руками прихотям одного человека, и что существовали самодержавные государи настолько великодушные и правдивые, чтобы всенародно объявить своим подданным: мы во славу себе почитаем сказать, что мы сотворены для наших народов»².

¹ См.: Барковец А. И. Письма великого князя Александра Павловича воспитателю графу Н. И. Салтыкову за 1790–1800 годы // Александр I. «Сфинкс, не разгаданный до гроба ..» Каталог выставки СПб.: Славия, 2005. С. 60–65.

² Там же. С. 27–28.

Система взглядов, которую излагал Лагарп своему ученику, покоилась на представлении о свободе человеческой личности как основе любого справедливого общественного устройства. Естественно, что речь шла о всеобщей свободе, не стесненной никакими — социальными, сословными или иными — рамками. С юных лет Александр усвоил, что наиболее подходящим устройством для современного государства является представительное правление, будь то монархия, где власть самодержца ограничена конституцией, или даже республика. Крепостное право являлось для Лагарпа несомненным злом, которое со временем непременно должно быть уничтожено. «По какому же праву, — спрашивал он своего ученика в одной из лекций, — человек может безнаказанно угнетать себе подобных и требовать от них безропотного перенесения жесточайших страданий?»¹ И пусть этот вопрос звучал в отношении давно прошедших времен, актуальность его для российской действительности была очевидна. Добавим к этому, что Александру были хорошо известны получившие к этому времени широкое распространение взгляды английского экономиста Адама Смита, убедительно доказавшего еще в 1770-е годы, что свободный труд гораздо производительнее труда подневольного.

Конечно, Лагарп смог внушить будущему императору только самые общие представления. Но, как хорошо известно, нет ничего более прочного, чем идеи, усвоенные в ранней молодости. Впоследствии Александр, будучи уже императором, не раз подчеркивал решающее значение, которое сыграл Лагарп в его жизни. «Я всем ему обязан», — говорил он в 1811 году графу М. К. Огинскому². В другой раз он выразился еще более определенно: «Не было бы Лагарпа, не было бы Александра»³. Добавим к этому слова, сказанные им воспитателю в день их расставания в мае 1795 года: «Вам я обязан всем, кроме самого появления на свет»⁴.

Как бы то ни было, но надо признать, что в результате общих усилий Александр получил блестящее образование. Оригинальный и острый ум, широкая эрудиция и продолжающееся в течение всей

¹ Сухомлинов М. И. Фридрих Цезарь Лагарп, воспитатель Александра I // Журнал Министерства народного просвещения. 1871. № 2. С. 165.

² *Memoires de Michel Oginski sur la Pologne et les polonais depuis 1788 jusqu'à la fin 1815.* Paris, 1826. Vol. 3. P. 35.

³ Шильдер Н. К. Указ. соч. Т. I. С. 227 (прим. 57).

⁴ Цит. по: Андреев А. Ю. Император и его учитель: личные и политические аспекты взаимоотношений Александра I и Ф. С. Лагарпа // Филаретовский альманах. Вып. восьмой. М., 2012. С. 84; см. также: *Correspondance de F.-C. de La Harp et Alexander I-er.* Neuchatel, 1978. Vol. 1. P. 139.

жизни систематическое чтение позволили ему впоследствии блистать в самых утонченных салонах Европы. Он с легкостью поддерживал беседу на разнообразные политические, философские, литературные темы, и лучшие умы того времени не скрывали своего восхищения российским императором.

Необыкновенные способности Александра были очевидны для всех. Люди, знавшие его довольно близко, признавали, пусть даже несколько преувеличивая, что подобные личности рождаются раз в тысячу лет. «Ни для одного смертного, — говорил Лагарп, — природа не была столь щедрa»¹.

Однако Александр, конечно, не был ангелом, и ему были свойственны слабости, которые так часто встречаются даже у самых одаренных людей. С началом систематических занятий строгий Лагарп да и другие воспитатели стали замечать, что их воспитанник не столь усерден, часто ленится, «избегает труда». Лагарп писал о девятилетнем Александре: «Великий князь Александр способен, когда захочет этого... он обладает не только умом, легкостью соображения и памятью, но может сверх того следить за развитием мысли... но, к сожалению, я должен прибавить к этому, что добрые задатки эти парализуются сильной склонностью к беспечности и веселью». Педантичный швейцарец ни на минуту не забывал, что воспитывает будущего властителя одной из величайших империй мира. Понимая, какое будущее ждет Александра, он предостерегал своего воспитанника от опасности стать игрушкой в руках своего окружения: «Если государь слаб, избегает труда и если он прибегает к другим там, где он может и должен действовать сам, не рискует ли он допустить своим приближенным делать зло», и тут уже, добавлял Лагарп, не помогут никакие оправдания вроде «я был обманут» или «я не знал»².

Однако современники, находившиеся рядом с императором довольно длительное время, свидетельствуют, что Александр вовсе не был «врагом труда». Вот что, например, писал в своем дневнике флигель-адъютант императора А. И. Михайловский-Данилевский, сопровождавший Александра во время заграничных походов и ежедневно видевший его в повседневной жизни: «Бьет полночь; весь городок в крепком сне. Я сижу против дома и окна государева; на столе его горят две свечи, он в мундире сидит и пишет... Теперь кладет перо...

¹ Шильдер Н. К. Указ. соч. Т. I. С. 29

² Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 728. Оп. 1. Д. 290. Л. 120 об. — 121.

думает... опять пишет. У него нет положенных часов для работы или для сна; иногда он проводит день в безделицах, особенно входя в мелочные подробности военной службы; он трудится обыкновенно ночью и тогда неутомим. Он пишет много, слог его не красноречив, но ясен, периоды коротки, особенно на французском языке... Государь преимущественно много трудится или за два дня, или накануне своего отъезда из какого-нибудь города, тогда целые ночи просиживает за делом... Ударило два часа, император встал из-за письменного стола и пошел, вероятно, почивать»¹.

Круг интересов великого князя был широк. Александр в юные годы, например, много времени уделял музыке. Известно, что он играл на скрипке и кларнете — увлечение, которое вызывало неодобрение со стороны матери. Отвечая в одном из писем на упреки, что он слишком занят музицированием, превращая «музыку в свое основное занятие», Александр оправдывался, что это все же лучше, чем бы он тратил свободное время на игру в карты².

К пятнадцати годам Александр, по словам одного из его воспитателей — А. Я. Протасова, вступил в период «развития страстей». Екатерина справедливо предвидела, что женщины будут представлять для Александра опасность, «потому что за ним будут гоняться, и нельзя ожидать, чтоб оно было иначе, так как у него наружность, которая все расшевеливает»³. Поэтому, осознав, что Александр готов к женитьбе, Екатерина сразу приступила к поиску невесты для внука. Она была найдена в небольшом немецком княжестве Баден, расположенном на границе с Францией. У курфюрста, маркграфа Баден-Дурлахского Карла Людвига было пять дочерей. Одна из них — Луиза — и стала невестой Александра. Осенью 1792 года она прибыла в Петербург. Молодые люди сразу понравились друг другу. В архиве сохранились трогательные записочки, которыми они обменивались то ли во время приемов, то ли во время балов. Александр: «Любите ли Вы меня хоть немного?», Луиза: «Да, конечно». Александр: «Я Вас буду любить всю мою жизнь». Луиза: «Я Вас буду любить всю свою жизнь»⁴. 28 сентября 1793 года состоялась их свадьба. К сожалению, их семейная жизнь не удалась. Несколько лет спустя они стали жить раздельно, правда, пунктуально со-

¹ Цит. по: *Файбисович В. М.* Александр I — человек на троне // Александр I. «Сфинкс, не разгаданный до гроба...» Каталог выставки. СПб., 2005. С. 72.

² ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 357. Л. 11.

³ *Шильдер Н. К.* Указ. соч. Т. I. С. 54, 63.

⁴ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 385. Л. 5, 8.

блюдая требования придворного этикета. Лишь к концу жизни они вновь соединились.

В историографии (еще со времен работ М. И. Богдановича, А. Н. Пыпина и Н. К. Шильдера) об Александре I утвердилось неверное представление как о человеке неискреннем, лицемерном и даже двуличном. Представление, которое разделяли и некоторые его современники. Таким он предстает в стихотворении А. С. Пушкина «К бюсту завоевателя», в заключительной строке которого («В лице и в жизни арлекин») как бы содержится неутешительный приговор личности императора. По мнению одного из современных биографов императора, упрек великого поэта, как и схожие мнения современников, «очевидно, были небеспочвенны»¹. Н. К. Шильдер, один из наиболее последовательных сторонников такого взгляда на характер Александра I, обосновывал свою позицию ссылкой на изначально заложенную обстоятельствами необходимость для Александра лавировать между Зимним дворцом и Гатчиной, то есть между державной бабушкой и отцом. Александр, по его мнению, должен был быть одним, общаясь с Екатериной, и совсем другим в отношениях с отцом². Эта, на первый взгляд, привлекательная теория не выдерживает проверки. Для ее подтверждения требуются факты, а их просто не существует. В действительности дело обстояло не совсем так или даже совсем не так. Павел искренно и глубоко любил своего первенца. Об этом свидетельствует их переписка, сохранившаяся в архивах³. Такими же чувствами ему отвечал и Александр. Ему не было необходимости насильствовать себя, выбирая то одну, то другую маску. Он одинаково хорошо чувствовал себя в общении и с бабушкой, и с отцом. В Гатчине он с удовольствием отдавался военным занятиям и сохранил на всю жизнь страсть к военным упражнениям, учениям войск и парадам. Гатчинская муштра отнюдь не противоречила его тонкой натуре, а широкая образованность Павла позволяла отцу и сыну не ограничивать общение лишь одной вахтпарадной сферой.

Здесь не место вдаваться в психологические особенности взаимоотношений Екатерины II, Павла I и Александра I, но и современники императора, и его биографы, кажется, одинаково ошибались в понимании характера Александра. Они принимали его недоверчивость в отношениях с окружавшими его людьми, скрытность, свой-

¹ Файбисович В. М. Указ. соч. С. 67.

² Шильдер Н. К. Указ. соч. Т. I. С. 92.

³ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 282, 285.

ственную его характеру, за неискренность, двуличность и лицемерие. Лагарп вспоминал, что, воспитывая будущего императора, он «старался вселить в него мысли, что он не может иметь истинных друзей». Он сознательно формировал в характере воспитанника убеждение, что властитель не может доверять своему окружению. «Сими правилами, — писал он, — довел я государя до того, что он полагается на себя, а не окружающих его». Именно эта необходимая монарху, окруженному сонмом гильденстернов и розенкранцев, осторожность переросла с течением времени в недоверчивость, а недоверчивость — в подозрительность и осторожность. «Для каждого собеседника у Александра имела своя личина», — отмечает, как бы подводя итог своим наблюдениям, уже цитировавшийся выше биограф Александра и ссылается в подтверждение своего мнения на наблюдения Ю. М. Лотмана, который писал, что «протеизм», свойственный Александру, «воспринимался современниками как „лукавство“, отсутствие искренности»¹.

Однако конфликт между отцом и сыном не мог не возникнуть. Не последнюю роль в этом сыграли политические интриги. Важным обстоятельством, приведшим к очевидному охлаждению отношений между Павлом и Александром, стало намерение Екатерины передать престол, минуя сына, внуку. Молва об этом широко распространилась в петербургском обществе. «С конца 1793 года шла речь о лишении престолонаследия великого князя Павла Петровича, возбуждавшего всеобщую ненависть, и о возведении на престол по кончине государыни старшего внука ее Александра», — вспоминал впоследствии тот же Лагарп. Сделать это без согласия Александра было невозможно, и, чтобы добиться желаемого, Екатерина решила действовать через воспитателя наследника. В октябре 1793 года между ними состоялся долгий разговор, который окончился ничем. Лагарп решительно отказался от уготовленной ему роли — он был до глубины души возмущен предполагаемым насильственным лишением Павла прав на российский престол². Вряд ли можно сомневаться, что Александр был осведомлен о планах императрицы. Существует версия, что он сам рассказал обо всем отцу. Не это ли было толчком к впервые возникшей у него в это время мысли не вступать на российский престол, а вместе с женой покинуть родину и, поселившись где-нибудь на берегах Рейна, жить скромной частной жизнью? Как

¹ Файбисович В. М. Указ. соч. С. 66–67.

² Шильдер Н. К. Указ. соч. Т. I. С. 104.

бы то ни было, ясно одно — дело не было доведено до конца. Когда в ноябре 1796 года Екатерина внезапно скончалась, на престол возшел Павел I.

Взрослея, Александр стал все больше задумываться о состоянии России. Сначала он мечтал о том, как отречется от престола и будет жить тихой частной жизнью вместе с женой где-нибудь на берегах Рейна. 10 мая 1796 года, когда была еще жива Екатерина, он в письме, переданном с верным человеком и адресованном одному из его ближайших друзей, бывшему тогда посланником в Константинополе, — Виктору Павловичу Кочубею, писал: «Мое положение меня вовсе не удовлетворяет. Оно слишком блистательно для моего характера, которому нравятся исключительно тишина и спокойствие. Придворная жизнь не для меня создана. Я всякий раз страдаю, когда должен являться на придворную сцену, и кровь портится во мне при виде низостей, совершаемых другими на каждом шагу для получения внешних отличий, не стоящих в моих глазах медного гроша». Достойный ученик Лагарпа, он «чувствовал себя несчастным в обществе таких людей, которых не желал бы иметь у себя и лакеями, а между тем они занимают здесь высшие места». «Одним словом, мой любезный друг, — далее писал Александр, — я сознаю, что не рожден для того высокого сана, который ношу теперь, и еще менее для предназначенного мне в будущем, от которого я дал себе клятву отказаться тем или иным образом». Конечно, великий князь не был настолько наивен, чтобы не предвидеть ироничного и недоверчивого отношения Кочубея к своему, как ему тогда казалось, незыблемому решению («вы вольны смеяться надо мною и говорить, что это намерение несбыточно»). Однако тогда оно представлялось ему хорошо обдуманым: «Я обсудил этот предмет со всех сторон. Надобно сказать, что первая мысль о нем родилась у меня еще прежде, чем я с Вами познакомился, и что я не замедлил прийти к настоящему моему решению. В наших делах господствует неимоверный беспорядок; грабят со всех сторон; все части управляются дурно; порядок, кажется, изгнан отовсюду, а империя, несмотря на то, стремится лишь к расширению своих пределов. При таком ходе вещей возможно ли одному человеку управлять государством, а тем более исправить укоренившиеся в нем злоупотребления; это выше сил не только человека, одаренного, подобно мне, обыкновенными способностями, но даже и гения, а я постоянно держался правила, что лучше совсем не браться за дело, чем исполнять его дурно. Следуя этому правилу, я и принял то решение, о ко-

тором сказал Вам выше. Мой план состоит в том, чтобы по отречении от этого трудного поприща (я не могу еще положительно назначить срок сего отречения) поселиться с женою на берегах Рейна, где буду жить спокойно частным человеком, полагая мое счастье в обществе друзей и в изучении природы»¹.

Однако после смерти Екатерины и вступления на престол его отца Александр уже не был столь категоричен в своем решении. Постепенно возобладало желание, вступив на престол, избавить родину от бездны тех нелепостей, в пучину которых была ввергнута Россия волею Павла I. «Мой отец по вступлении на престол, — писал Александр Лагарпу 27 сентября 1797 года в одном из самых откровенных своих посланий, переданном, опять минуя официальные каналы, через другого своего ближайшего друга Н. Н. Новосильцева, — захотел преобразовать все решительно. Его первые шаги были блестящими, но последующие события не соответствовали им... Мое несчастное отечество находится в положении, не поддающемся описанию. Хлебопашец обижен, торговля стеснена, свобода и личное благосостояние уничтожены». Александр откровенно писал Лагарпу, что его планы отречься от положенного ему по закону престола и покинуть родину, о которых тот был хорошо осведомлен, теперь решительно изменились. «Я подумал, что если когда-нибудь наступит мой черед царствовать, — продолжал он, — то тогда, вместо того чтобы покидать отечество, надобно мне попытаться сделать мою страну свободной и тем самым наперед помешать ей становиться игрушкой в руках безумцев. Размышлял я на сей счет очень долго и пришел к выводу, что это будет наилучшей из революций, ибо совершится она законным правителем и закончится тотчас же после того, как конституция будет принята, а нация изберет своих представителей». Тут же Александр признавался, что поделился своими мыслями с близкими ему людьми². Однако и в первые годы его правления Александра не покидала мысль о том, что со временем он все же отречется от престола. В одном из писем к Лагарпу он делился с воспитателем мечтой о том, что после того как Провидение благословит его «возвести Россию на степень желаемого им благоденствия», он первым делом сложит с себя бремя правления и «удалится в какой-нибудь уго-

¹ Корф М. А. Восшествие на престол императора Николая I. Третье издание (первое для публики). СПб., 1857 // 14 декабря 1825 года и его истолкователи (Герцен и Огарев против барона Корфа) / Издание подготовлено Е. Л. Рудницкой и А. Г. Тартаковским. М.: Наука, 1994. С. 215–216 (оригинал на франц. яз.), 310–311 (перевод).

² Шильдер Н. К. Указ. соч. Т. I. С. 161–164.

лок Европы», где станет «безмятежно наслаждаться добром, утвержденным в отечестве»¹.

Александр имел собственные практические основания для столь критичной и по сути справедливой оценки состояния России в конце XVIII века. К этому времени он уже обладал административным опытом. В 1796 году великий князь был назначен военным комендантом Петербурга и должен был представлять отцу ежедневные рапорты о происшествиях в столице. Кроме того, он был шефом лейб-гвардии Семеновского полка, инспектором по кавалерии и пехоте Санкт-Петербургской и Финляндской дивизий. Позднее он стал сенатором и получил место председателя комиссии, в ведение которой перешли все функции по управлению столицей. Вокруг него сложился так называемый кружок «молодых друзей» — интеллектуалов, принадлежавших к элите петербургского высшего общества и мечтавших о реформах. В числе ближайших друзей Александра были князь Адам Чарторыйский, граф Павел Александрович Строганов, Николай Николаевич Новосильцев и граф Виктор Павлович Кочубей. Все они впоследствии стали крупными государственными деятелями и в разное время занимали высшие посты в Российском государстве. Мысли о необходимости реформ в «духе времени» были обычной темой их разговоров. Александр даже поручил Чарторыйскому составить проект манифеста на случай своего восшествия на престол, где говорилось о реформаторских намерениях будущего монарха. В своих воспоминаниях Чарторыйский с изрядной долей иронии писал о сочиненной им бумаге. Она оказалась малопригодна для использования и никогда при жизни Александра не была опубликована, но Александр был в восторге. В проекте излагались мысли о «неудобствах оброта правления, существовавшего дотоле в России, и о всех выгодах другого, который Александр намеревался ей даровать, о благодеяниях свободы и справедливости, которыми ей предстояло пользоваться по устранении стеснений, препятствовавших ее благоденствию»². Следует заметить, что скептицизм в отношении намерений Александра, который лейтмотивом проходит в воспоминаниях Чарторыйского, объясняется многими причинами, но не в последнюю очередь обидой князя на охлаждение к нему Александра и сближение последнего с М. М. Сперанским, который на несколько лет стал ближайшим помощником императора (с 1807 года) в разработке проектов реформ.

¹ Корф М. А. Указ. соч. С. 214.

² Шильдер Н. К. Указ. соч. Т. I. С. 166.

Возможно, о настроениях наследника и его молодых друзей стало известно Павлу. Во всяком случае он постарался разлучить Александра с его конфиденнтами. Чарторыйский был отправлен в почетную ссылку, получив место российского посланника в Сардинии. Под благовидными предложениями были удалены из столицы и другие члены кружка.

Для характеристики и времени, и отношений Павла с Александром чрезвычайно показателен анекдот — так в XVIII веке называли устные истории, получавшие распространение в обществе. Рассказывали, что однажды, войдя внезапно в комнату Александра, Павел нашел на его столе трагедию Вольтера «Брут», которая заканчивается словами «Рим свободен: он (Цезарь. — С. М.) мертв... Вознесем благодарение Богу». Усмотрев в этом непосредственную связь с сегодняшним днем, Павел поступил в свойственной ему манере — прислал сыну (по другой версии — показал) указ Петра Великого о казни царевича Алексея¹.

Цареубийство и восшествие на престол. Во всей этой истории до сих пор нет полной ясности. Сами заговорщики уверенно называли Александра главой заговора. Л. Л. Бенигсен в своих воспоминаниях писал, что, когда П. А. Зубов пригласил его принять участие в заговоре, он сразу задал вопрос: «Кто стоит во главе?» «Когда мне называли это лицо, — продолжал Бенигсен, прямо не упоминая имя Александра, но и не оставляя никаких сомнений, что речь шла именно о нем, — тогда я, не колеблясь, примкнул к заговору, правда, шагу опасному, однако необходимому, чтобы спасти нацию от пропасти, которой она не могла миновать в царствование Павла»². В действительности Александр не был реальным главой заговора. Он, несомненно, знал о его существовании. Но в разговоре с Н. П. Паниным не решился сказать ни да, ни нет на осторожно высказанную мысль о необходимости для спасения страны отстранить отца от власти³.

Что задумали заговорщики? Хотели ли они добиться только отречения или заранее готовились к убийству? Споры об этом продолжаются до сих пор. Ясно одно — своей позицией Александр развязал им руки. И здесь уже не так важно, что, как утверждают некоторые современники, он согласился взойти на престол только при условии,

¹ Шильдер Н. К. Указ. соч. Т. I. С. 214

² Цареубийство 11 марта 1801 года. Репринтное воспроизведение издания 1907 г. М., 1990 С. 117.

³ Об этом см. подробнее: Эйдельман Н. Я. Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII — начало XIX столетия. С. 184–340.

что ни один волос не упадет с головы отца¹. Интересно, верил ли он сам в подобный исход?

11 марта Павел был убит заговорщиками, и 23-летний Александр вступил на российский престол. Известие о смерти отца ему принес 19-летний К. М. Полторацкий, прапорщик Семеновского полка, стоявшего в карауле в Михайловском замке. Александр «сидел в кресле без мундира, но в лосинах и белой рубашке с голубой лентой поверх нее. Увидев меня, он поднялся очень бледный, я отдал ему честь, первым назвав его „Ваше Императорское Величество“. — „Что ты! Что ты, Полторацкий, — сказал он прерывающимся голосом“». Тут вошедшие Пален с Бенигсеном отстранили Полторацкого, и Пален «очень тихо сказал несколько слов императору». Александр воскликнул в ответ, как пишет Полторацкий, «с горестным волнением»: «Как вы осмелились? Я этого никогда не требовал и не разрешал», — и без чувств упал на пол. Нового императора привели в сознание при помощи нашатыря, и Пален, опустившись на колени, сказал ему: «Ваше Величество, теперь Вам не время <...> 42 миллиона людей зависят от Вашей твердости». Через десять минут новый император появился перед гвардией, охранявшей дворец, и произнес слова, которые должны были стать символом «дней Александровых прекрасного начала»: «Батюшка скончался апоплексическим ударом, все при мне будет, как при бабушке»².

Лагарп тут же откликнулся на трагические события в Петербурге примечательным письмом, в котором, кстати, называл Павла «первым и самым верным из друзей» Александра. Далее он писал, повторяя те мысли, которыми много раз делился со своим воспитанником: «Не поздравляю Вас с тем, станете Вы теперь вершить судьбы тридцати шести миллионов, но радуюсь вместе с ними, что благополучие их отныне в руках государя, уверенного, что *права человека* (подчеркнуто Лагарпом. — С. М.) не пустая иллюзия, а глава нации первый его слуга»³.

¹ В записках графа А. Ф. Ланжерона приводится следующий рассказ графа Палена: «Я обязан в интересах правды сказать, что великий князь Александр не соглашался ни на что, не потребовав от меня предварительно клятвенного обещания, что не станут покушаться на жизнь его отца; я дал ему слово» (*Ланжерон А. Ф. Из записок графа Ланжерона // Царевубийство 11 марта 1801 г. СПб., 1907. С. 135*).

² *Полторацкий К. М. История, рассказанная генералом Полторацким мадемуазель Хомутовой // Михайловский замок. Страницы биографии памятника в документах и литературе. М., 2003. С. 197–198.*

³ Император Александр I и Фредерик Сезар Лагарп. Письма. Документы / Составление, вступительная статья и комментарии А. Ю. Андреева и Д. Тозато-Риго. Перевод с франц. яз. В. А. Мильчиной. М.: РОССПЭН, 2014. Т. 1. С. 378; ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 359. Ч. 1. Л. 94.

Первые шаги императора Александра I были с восторгом встречены обществом. Они свидетельствовали о решительном разрыве с предыдущим царствованием и давали понять, что произошел явный поворот в сторону либерализации внутренней политики. Указом от 15 марта 1801 года были амнистированы политические заключенные. «Желая наипаче облегчить тягостный жребий людей, содержащихся по делам в Тайной экспедиции <...> и повелевая Сенату нашему освободить их немедленно из настоящих мест их пребывания и дозволить возвратиться, кто куда желает, уничтожая над последними и порученный присмотр»¹. Всего были освобождены 536 человек из 700, числившихся за Тайной экспедицией. 2 апреля была уничтожена сама Тайная экспедиция, а все ее дела повелевалось «отдать в государственный архив к вечному забвению»². В числе помилованных оказались такие разные люди, как Александр Радищев и Алексей Ермолов. Всего, по оценкам современников, были восстановлены в своих правах около 12 тысяч офицеров и чиновников, пострадавших за четыре с половиной года павловского правления.

Претерпела существенные изменения и система государственно-го управления. В апреле 1801 года был учрежден Непременный совет — прообраз будущего Государственного совета. Составленный из высших сановников империи, он должен был, по мысли Александра, стать местом, где обсуждались бы все законодательные инициативы, исходящие от монарха. Для подготовки законопроектов была создана Комиссия составления законов. 8 сентября 1802 года были ликвидированы архаичные коллегии и учреждено восемь министерств. Система исполнительной власти, казалось, стала более эффективной и соответствующей требованиям времени. Хаос, царивший в управлении страной во время прежнего царствования, постепенно изжи-вался.

Главные же преобразования были еще впереди. Они обсуждались втайне от всех в неофициальном органе, получившем название Негласный комитет и составленном из ближайших друзей императора. Сразу после восшествия на престол Александр вызвал в Россию Чарторыйского. Из Англии вернулся Новосильцев, вновь появился при дворе Кочубей. Вместе со Строгановым они составили кружок, который регулярно собирался в туалетной комнате императора и который они в шутку называли между собой Комитетом общественно-

¹ Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ). СПб., 1830. Т. 26. С. 584–585.

² Там же. Т. 38. С. 604.

го спасения. При всей несхожести революционной Франции и александровской России здесь нельзя не отметить весьма характерное самоощущение реформаторов, отождествлявших себя, пусть и ерничая, с правительством времен французской революции. Впрочем, сходство с молодыми якобинцами приходило в голову не им одним. В окружении вдовствующей императрицы Марии Федоровны, куда проникали отголоски занятий в Негласном комитете, его членов называли не иначе как «якобинской шайкой»¹. Многие в Петербурге еще хорошо помнили, что один из членов Негласного комитета — П. А. Строганов, оказавшись в 1789 году во время путешествия по Европе в Париже, стал свидетелем революционных событий. Вместе со своим воспитателем он посещал клуб якобинцев и Национальное собрание, а затем под именем гражданина Очера вступил в клуб «Друзей закона». Лишь вмешательство Екатерины II заставило Строганова в 1791 году вернуться в Россию.

Александр и его молодые друзья поначалу искренно верили в возможность скорого и легкого преобразования страны. Действительность оказалась гораздо сложнее. Раз за разом перед Александром вставала стена, пробить которую, как показал последующий опыт, можно было только насилием над своей собственной опорой — высшей бюрократией и стоявшей за ней массой бюрократов и помещиков. Александр к насилию не был готов. Ему казалось, что впереди достаточно времени для реформ и все можно устроить без драматической борьбы и решительных действий с его стороны. Требовалось только хорошенько обсудить ситуацию со своими единомышленниками и выработать план реформ. Именно этим и должен был заняться Негласный комитет, которому по замыслу императора предстояло подготовить «реформу бесформенного здания государственного управления».

Занятия Негласного комитета продолжались четыре с половиной года, но за все это время его членам так и не удалось создать ни одного конкретного проекта преобразований. Во многом это объясняется тем, что с самого начала не был определен общий план работы. Не имея его, Комитет довольно быстро превратился в дискуссионный клуб. Во многом это произошло благодаря самому Александру. Дневниковые записи Строганова, которые в историографии получили название протоколов заседаний Негласного комитета, позволя-

¹ Федоров В. А. Александр I // Вопросы истории. 1990. № 1. С. 58.

ют нам в подробностях проследить, что происходило во время встреч «молодых друзей».

Еще до начала регулярных заседаний П. А. Строганов постарался уяснить, чего же все-таки хочет новый император. Однако внятно и определенного ответа он не получил. Мыслям, звучавшим из уст императора, не хватало определенности и систематичности. «Необходимо, чтобы он их повторил, — писал Строганов, — и чтобы в них внесено было больше деталей и порядка». Александр не смог или не захотел высказаться более определенно, и в конце концов Строганову пришлось сделать это за него. Постоянно оговариваясь, что он только приблизительно может передать взгляды императора, Строганов следующим образом изложил суть позиции Александра. Основой реформ должно было стать определение прав граждан, главным среди которых являлось право на свободу и собственность. Пределы власти императора следовало ограничить законодательно. Новые законы должны были создать в стране такую ситуацию, чтобы их нельзя было менять «по произволу». Инициатором всех преобразований мог быть только сам Александр и никто иной. Наконец, все дело должно было сохраняться в глубокой тайне¹. Казалось, цель работы сформулирована хотя и слишком общо, но достаточно ясно. Дело оставалось за малым — реализовать намеченное. Однако этого не случилось. «Молодые друзья» императора оказались не в состоянии выйти за пределы теоретических дискуссий и разработать конкретные предложения. Отсутствие выработанной программы реформ не оставило членам Негласного комитета иного пути, кроме бессистемного обсуждения отдельных частных мер, чем они и занимались вплоть до 1805 года, когда внешнеполитические проблемы отодвинули на время проблему реформирования страны.

К исходу 1804 года для Александра на первый план вышли события европейской политики. Притязания Наполеона на роль мирового правителя становились все очевиднее. 18 мая 1804 года французский сенат провозгласил Наполеона императором. 2 декабря состоялась его коронация. Символично, что 6 декабря Александр сделал принципиальный шаг, подписав первый договор с Англией, извечной соперницей Франции. Договор означал начало перехода России в стан врагов Наполеона. 11 апреля был подписан новый договор с Англией, который означал создание третьей антинаполеоновской

¹ Великий князь Николай Михайлович. Граф Павел Александрович Строганов (1774–1817). Историческое исследование эпохи императора Александра I. СПб., 1903. Т. 2. С. 8 и след.

коалиции, в которой Россия и Англия объединились с Австрией, а затем и с Пруссией.

Участие России в войне с Францией стало неизбежностью. Александр осенью 1805 года покинул Петербург и отправился на театр военных действий. Однако лучше бы он этого не делал. 2 декабря состоялось Аустерлицкое сражение, в котором 92 тысячи российских и австрийских войск оказались наголову разгромлены 68-тысячной армией Наполеона. Вина в этом Александра была очевидна. Он бесцеремонно вмешивался в распоряжения командовавшего русскими войсками М. И. Кутузова и вынудил его покинуть выбранную им великолепную позицию. А. Чарторыйский, бывший свидетелем поражения, так описывал события, напоминая о них год спустя Александру: «Ваше присутствие во время Аустерлицкого сражения не принесло никакой пользы даже в той именно части, где Вы находились, войска были тотчас же совершенно разбиты, и Вы сами, Ваше Величество, должны были поспешно бежать с поля битвы... Надо отдать справедливость генералам, что еще заранее, до катастрофы, они, чувствуя, насколько Ваше присутствие, государь, затрудняет и осложняет их действия, непрестанно упрашивали Ваше Величество, во-первых, удалиться из армии и, во-вторых, не подвергать себя ненужным опасностям»¹. Александр учел этот горький урок и больше никогда не пытался играть роль полководца. Новое поражение под Фридландом 2 июня 1807 года заставило его смириться и пойти на соглашение с Францией.

13 июня состоялась историческая встреча Александра I и Наполеона на плоту посредине Немана. Затем на протяжении двух недель императоры встречались ежедневно, обсуждая с глазу на глаз весь спектр проблем европейской политики. 30-летний Александр произвел на 38-летнего Наполеона благоприятное впечатление. «Я только что имел свидание с императором Александром, — писал он своей жене Жозефине, — я был крайне им доволен! Это молодой, чрезвычайно добрый и красивый император; он гораздо умнее, чем думают»². Дипломатическая дуэль между победителем и побежденным окончилась, как ни странно, победой Александра. Россия добилась всего, к чему стремилась. Она не встала в один ряд с поверженной Пруссией, потерявшей значительные территории, и оттесненной на второй план Австрией, ожидавшей новых ударов со стороны Напо-

¹ Мемуары князя А. Чарторыйского. Т. 2. М., 1912. С. 113–114.

² Цит. по. Сахаров А. Н. Александр I. М.: Наука, 1998. С. 218.

леона. Франция из опаснейшего врага превратилась, пусть на время, в союзника. Единственной существенной потерей для России стало ее присоединение к континентальной блокаде Англии, что негативно сказалось на экономике страны. «Бог нас спас, — писал Александр I из Тильзита сестре великой княжне Екатерине Павловне, — мы не только ничем не жертвуем, но выходим из борьбы, можно сказать, со славой»¹. И пусть в общественном мнении Тильзит расценивался тогда как поражение России и только способствовал усилению антифранцузских настроений, история показала, что Александр оказался более дальновидным и умелым политиком, чем большинство его современников. Так Александр одержал свою первую победу над Наполеоном. Уже находясь в изгнании на острове Святой Елены, Наполеон жаловался на неискренность Александра. Он был готов признать, что его «одурачили», что Александр был «тонок, лжив, ловок», но не мог не признать силу российского императора. «Если я умру здесь, — говорил Наполеон, — он станет моим настоящим наследником в Европе. Только я мог его остановить, когда он появлялся во главе своих татарских полчищ»².

Новое свидание двух императоров, прошедшее в следующем году в Эрфурте, еще более укрепило позиции Александра. Наполеон согласился на присоединение к России Финляндии, а также Молдавии с Валахией. Россия добилась от Франции для своей союзницы Пруссии уменьшения контрибуции. Наполеон, увлеченный Александром, даже вынашивал планы жениться на сестре российского императора Екатерине Павловне. Но получил отказ. Год спустя он вел переговоры о возможной женитьбе на другой сестре Александра — Анне. Но и тут его ждала неудача. Александр оказался дальновиднее и не хотел связывать себя родственными узами с будущим противником.

Мир, на несколько лет воцарившийся в Европе, позволил Александру I вернуться к реформам в его собственном доме. Теперь его ближайшим соратником на этом поприще стал М. М. Сперанский, один из самых выдающихся государственных деятелей России за всю ее многовековую историю. Выходец из среды духовенства, Сперанский благодаря своим выдающимся способностям сделал головокружительную карьеру и к исходу 1808 года стал ближайшим советником императора в деле реформирования России. Именно ему император поручил разработать проект реформы, которая должна была

¹ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 784 Л. 32.

² Валлоттон А. Александр I. М.: Прогресс, 1991. С. 97.

в значительной степени изменить устройство страны. Уже после своего внезапного падения в 1812 году, находясь в ссылке в Перми, Сперанский писал Александру: «В конце 1808 года, после разных частных дел Ваше Величество начали занимать меня постоянное предметами высшего управления, теснее знакомить с образом Ваших мыслей, доставляя мне бумаги, прежде к Вам вошедшие, и нередко удостоивая провождать со мною целые вечера в чтении разных сочинений, к сему относящихся. Из всех сих упражнений, из стократных, может быть, разговоров и рассуждений Вашего Величества надлежало, наконец, составить одно целое. Отсюда произошел план всеобщего государственного образования»¹. Сперанский создал известное «Введение к Уложению государственных законов», которое по справедливости можно считать произведением двух авторов — самого Сперанского и его августейшего покровителя. Осуществление заложенных в нем радикальных преобразований означало бы, что Россия сделала решительный шаг на пути превращения в конституционную монархию.

Отрывки из проекта Сперанского были обнародованы Н. И. Тургеневым еще в 1847 году в его известном сочинении «Россия и русские»², черновые редакции проекта увидели свет в конце XIX — начале XX века. Окончательный же вариант «Введения к Уложению государственных законов» был обнаружен только в советское время. В 1961 году он был опубликован С. Н. Валком в сборнике проектов и записок М. М. Сперанского³.

Все реформы государственного управления, проведенные в 1810–1811 годах и существенно изменившие систему государственной-власти в стране, нельзя понять вне общего замысла преобразований.

Доказательству необходимости коренных реформ Сперанский посвятил специальную главу «Введения...», озаглавленную «О разуме государственного уложения». Изложение причин, побудивших верховную власть встать на путь реформ, убедительно показывает, насколько глубоко уже в то время Александром осознавалась неизбежность перемен. Рассматривая всемирную историю, особенно историю европейскую, пытаюсь отыскать в ней закономерности, приводящие

¹ Шильдер Н. К. Указ. соч. СПб., 1897. Т. III. С. 517.

² См. современное издание: Тургенев Н. И. Россия и русские. М.: ОГИ, 2001. С. 588–589, 597–605.

³ Сперанский М. М. Проекты и записки. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1961. С. 143–221.

к смене одной формы правления другой, Сперанский приходил к выводу, что «время есть первое начало и источник всех политических обновлений». «Никакое правительство, с духом времени не сообразное, — писал он, — против всемогущего его действия устоять не может». Все развитие политической жизни Европы представляло собой, по словам Сперанского, «переход от феодального правления к республиканскому», и никто не смог противостоять этому неумолимому процессу. «Тщетно власть державная силилась удержать его напряжение; сопротивление ее воспалило только страсти, произвело волнение, но не остановило перелома», — утверждал он.

«Тот же самый ряд происшествий, — продолжал Сперанский, — представляет нам история нашего отечества». Россия шла, по его мнению, одним путем с Западной Европой. Удивительно, как глубоко и верно оценивал Сперанский сложившуюся ситуацию, как безошибочно улавливал общность исторических судеб России и Европы, понимая, что для России нет иного пути развития. Для него, а вместе с ним и для императора, не было сомнений в необходимости и своевременности коренных реформ. Анализируя современное состояние государства, указывая на изменение отношения народа к самодержавной власти, явный упадок ее авторитета, очевидную невозможность справиться с положением «частными исправлениями», прямо заявляя о «всеобщем неудовольствии», «сильном желании другого порядка вещей», Сперанский делал однозначный вывод: «...настоящая система правления не свойственна уже более состоянию общественного духа и настало время переменить ее и основать новый вещей порядок». Этот новый порядок дел («вещей») был, по существу, не чем иным, как ограничением самодержавия конституцией, то есть переходом к конституционной монархии.

Во «Введении...» был реализован принцип разделения властей. Законодательную власть предполагалось сконцентрировать в новом органе — Государственной думе, исполнительную — передать министерствам, а судебную — отдать в руки Сената. «Нельзя основывать правление на законе, — говорилось во „Введении...“, — если одна державная власть будет и составлять закон, и исполнять его». Сперанский предлагал четко разграничить полномочия отдельных ветвей власти: «1) Законодательное сословие должно быть так устроено, чтоб оно не могло совершать своих положений без державной власти, но чтоб мнения его были свободны и выражали бы собою мнение народное. 2) Сословие судебное должно быть так образовано,

чтоб в бытии своем оно зависело от свободного выбора, и один только надзор форм судебных и охранение общей безопасности принадлежали правительству. 3) Власть исполнительная должна быть вся исключительно вверена правительству, но поелику власть сия распоряжениями своими под видом исполнения законов не только могла бы обезобразить их, но и совсем уничтожить, то и должно ее поставить в ответственности власти законодательной».

Государственная дума должна была стать выборным органом, ограничивающим власть монарха: «Никакой закон не может иметь силы, если не будет он составлен в законодательном сословии». Еще определеннее этот принцип был сформулирован в другой записке Сперанского — «Кратком начертании государственного образования»: «Никакой новый закон не может быть издан без уважения (то есть одобрения. — С. М.) Думы. Установление новых податей, налогов и повинностей уважается в Думе. Закон, уваженный в Думе, вносится на высочайшее утверждение. Закон, признанный большинством голосов неудобным, остается без действия». Минув Думу, император мог только принимать решения о войне и мире. Собираясь Государственная дума должна была ежегодно в сентябре, и срок ее работы зависел от количества внесенных в нее дел. Император мог лишь отсрочить созыв Государственной думы на год или уволить всех ее членов, назначив новые выборы, но не прекратить ее деятельность. Помимо центральной Государственной думы предусматривалось создание стройной системы выборных дум: волостных, окружных и губернских.

В государственную и политическую жизнь России вводились уже ставшие привычными на Западе, но принципиально новые для россиян понятия о гражданских и политических правах населения. Их осуществление мыслилось Сперанским через систему выборов. Все население Российской империи предлагалось разделить на три категории: дворянство, людей среднего состояния и народ рабочий. К последнему были отнесены «поместные крестьяне, мастеровые, их работники и домашние слуги».

Определенными гражданскими правами должны были обладать все жители страны, включая и крепостных крестьян. Политическими правами, то есть возможностью принимать участие в управлении государством, наделялись только две первые категории. Право участия в судопроизводстве, принятии законов, наблюдении за верностью действий исполнительной власти получали только лица, имев-

шие в своем владении недвижимую собственность. Механизм реализации декларированных во «Введении...» прав должен был стать, без сомнения, предметом, которым следовало бы заняться в дальнейшем при работе над текстом самого «Уложения...». Но знаменательно уже то, что здесь они были названы. Как был декларирован и важнейший принцип буржуазного права, по которому никто не мог быть наказан без суда.

Сенат также предполагалось сделать выборным органом, сохранив его как высшую судебную инстанцию. Решения Сената признавались окончательными. За верховной властью оставалось только право надзора за соблюдением одинаковых форм суда на всей территории страны.

Исполнительная власть передавалась полностью министерствам, а также губернским и окружным правительственным органам. В своей деятельности министры были подконтрольны Думе. Таким образом, в проекте Сперанского — Александра был реализован принцип ответственности исполнительной власти перед законодательной. Именно «недостаток ответственности» наряду с неточностью в определении сфер деятельности и отсутствие точных инструкций о порядке организации самих министерств Сперанский объявлял главным «несовершенством» министерской реформы 1802 года.

Вершиной новой государственной системы должен был стать Государственный совет. Он служил бы, с одной стороны, связующим звеном между императором и ветвями власти, а с другой — был как бы палатой лордов, где шло первоначальное обсуждение важнейших государственных дел. Предполагалось, что члены Государственного совета будут назначаться императором.

Таков был общий замысел преобразований. Суть его заключалась в попытке законодательно определить пределы самодержавной власти. Хотя в руках императора сохранялась вся полнота управления («в России вся исполнительная часть должна принадлежать власти державной») и ему же принадлежало исключительное право законодательной инициативы («предложение закона должно предоставить исключительно правительству»), а без его одобрения не мог быть издан ни один закон, власть его была существенно ограничена представительным органом — выборной Думой. Без нее император не мог издавать ни одного закона. Кроме того, император решительно отделялся от судопроизводства. За ним сохранялось только право контроля над строгим соблюдением судом существующих законов («действие вла-

сти державной в суде должно быть ограничено одним установлением власти, надзирающей и охраняющей судебные обряды»).

Следует еще раз напомнить, что Сперанский писал «Введение к Уложению государственных законов» на основании долгих обсуждений реформаторских планов с Александром I («стократные разговоры и рассуждения»), и поэтому с полным основанием можно считать этот документ результатом их совместного творчества. Косвенным подтверждением того, что текст «Введения...» не только получил одобрение императора, но и был признан последним готовым к осуществлению, служит записка «Общее обозрение всех преобразований и распределение их по временам», также составленная Сперанским. В ней содержится план постепенного проведения в жизнь задуманных преобразований. Несомненно, что идея постепенности реформ была продиктована Сперанскому императором. «Переход от настоящих установлений к новым учредить так, — говорилось в записке, — чтобы он казался самым простым и естественным, чтоб новые установления казались возникающими из прежних, чтоб ничего не отваживать и иметь всегда способы остановить и удержать прежний порядок во всей силе, если бы, паче чаяния, встретились к новому какие-либо непреодолимые препятствия»¹. Совершенно очевидно, что Сперанский предвидел, и, как выяснилось впоследствии, не напрасно, активное сопротивление консервативного большинства дворянства любым нововведениям, не говоря уже о покушении на незыблемые, как им казалось, основы существования Российского государства. Именно поэтому первые преобразования устройства государственной власти не должны были раскрывать замысел в целом.

Сперанский предлагал в качестве начала реформ начать с изменения положения, учрежденного в 1802 году, но практически бездействующего после известных событий, когда его члены не поддерживали предложенных Александром мер в отношении крепостного права, Государственного совета. Для чего он предлагал воспользоваться в качестве предлога («два предлога, весьма естественные, можно взять к сему преобразованию») необходимость рассмотреть гражданское законодательство и состояние финансов. Начало работы обновленного Государственного совета Сперанский предлагал назначить на 1 января 1810 года. К 15 декабря 1809 года должны были

¹ Сперанский М. М. Указ. соч. С. 233.

быть готовы «органические законы сего установления в том самом порядке, как они в свое время войдут в состав Государственного уложения». К тому же сроку следовало составить «обряды сего места и образ его открытия». Начав работу, Совет должен был в первую очередь обсудить принципы нового «гражданского уложения», а затем и «план финансов», который к концу января был бы принят и «окончен манифестом».

Затем, продолжая обсуждать «гражданское уложение», Совет, по предложению Сперанского, занялся бы «устройством исполнительной части» и завершил бы работу над ней к 1 мая. В мае — сентябре Совет мог бы обсудить реформу «судной части» и принять «гражданское уложение». «Государственное уложение в течение четырех месяцев не только будет составлено, — писал далее Сперанский, — но и во всех частях как здесь, так и вне России, если будет признано сие нужным, успеет быть рассмотрено». Таким образом, уже с 1 мая «можно положить первые начала его введения» (речь, конечно, шла о министерской реформе).

С целью обсуждения и введения «гражданского уложения» Сперанский предлагал издать манифест о выборе к 15 августа депутатов «из всех состояний». Собрание депутатов он предлагал назвать Государственной думой и открыть ее заседания 1 сентября. «Между тем, — писал он, — расположения депутатов будут надлежащим образом испытваемы и приуготовляемы. Если не встретится каких-либо непреодолимых препятствий, то с Божью помощью предложится Государственное уложение». Вслед за принятием конституции («Государственного уложения») Дума должна была утвердить судебную реформу и новое положение Сената. «Если Бог благословит сии начинания, — заканчивал Сперанский, — то к 1811 году, к концу десятилетия настоящего царствования, Россия воспримет новое бытие и совершенно во всех частях преобразуется»¹.

Последовавшие вскоре события, как представляется, означали начало реализации предложенной Сперанским программы действий. 1 января 1810 года, как и предполагалось, было объявлено о начале деятельности преобразованного Государственного совета и состоялось его первое заседание. Манифест о преобразовании Государственного совета на новых началах и «Образование Государственного совета» — специальный документ, регламентирующий его деятель-

¹ Сперанский М. М. Указ. соч. С. 231–237.

ность, были подготовлены Сперанским. Он же написал речь, с которой Александр I выступил на открытии первого заседания. В качестве предмета занятий Государственного совета в манифесте были названы проект «гражданского уложения», предстоящее преобразование министерств и рассмотрение состояния государственных доходов и расходов.

Как и предлагал Сперанский, в нем ничего не говорилось о той грандиозной задаче, которую он как бы был призван разрешить, хотя и было сказано, что он должен среди прочего разработать «гражданское уложение». Реформированный Государственный совет становился законосовещательным органом, состоящим из высших сановников государства, назначаемых императором. В документах четко формулировалась задача обновленного Государственного совета и были определены границы его компетенции: «В порядке государственных установлений Совет составляет сословие, в коем все части управления в главных их отношениях к законодательству соотнобщаются и чрез него восходят к верховной императорской власти»¹. Совет был лишен права законодательной инициативы. Все обсуждаемые в нем законы получали силу только после одобрения их императором и вводились в действие от его имени, хотя и говорилось, что «все законы, уставы и учреждения» прежде их принятия верховной властью обязательно должны быть обсуждены в Совете. Значение Государственного совета подчеркивалось положением, чтобы при издании новых законов указывать, что император принял их, «вняв мнению Государственного совета».

Однако дальнейшее развитие событий пошло по иному, чем предлагал Сперанский, пути. Прежде всего, никакого обсуждения «гражданского уложения» в Совете так никогда до конца царствования Александра I и не состоялось. Да и признаков работы над текстом этого документа в архивах не обнаружено.

Тайные пружины того, отчего это произошло, не выяснены до сих пор. Но предельно ясно одно — такова была воля императора. Александр I вновь проявил осторожность и отступил перед сопротивлением влиятельного большинства противников реформ. Настроение приверженцев старины и охватившие их опасения как нельзя лучше выражают слова Д. П. Рунича, одного из самых мрачных деятелей александровского царствования: «Самый недалновидный человек

¹ ПСЗ-I. Т. 31. № 24064. С. 4.

понимал, что вскоре наступят новые порядки, которые перевернут верх дном весь существующий строй. Об этом уже говорили открыто, не зная еще, в чем именно состоит угрожающая опасность. Богатые помещики, имевшие крепостных, теряли голову при мысли, что Конституция уничтожит крепостное право и что дворянство должно будет уступить шаг вперед плебеям. Недовольство высшего сословия было всеобщее¹.

Выразителем настроений консервативной, если не сказать, реакционной части российского общества выступил Н. М. Карамзин. Карамзин, один из самых умных и образованных современников Александра, придерживался консервативных взглядов и был политическим противником Сперанского. Как человек глубоко честный и независимый он хорошо осознавал то плачевное состояние, в котором находилась Россия. В записке «О древней и новой России», поданной Александру в 1811 году, он писал: «Везде грабят, и кто наказан? Ждут доносов, улики, посылают сенаторов для исследования, и ничего не выходит! Доносят плуты — честные терпят и молчат, ибо любят покой. Не так легко уличить искусного вора-судью, особенно с нашим законом, по коему взяточбратель и взяточдатель равно наказываются. Указывают пальцем на грабителей — и дают им чины, ленты в ожидании, чтобы кто на них подал жалобу. А сии недостойные чиновники в надежде на своих, подобных им, защитников в Петербурге беззаконствуют, смело презирая стыд и доброе имя, коего они условно лишились. В два или три года наживают по несколько сот тысяч и, не имев прежде ничего, покупают деревни!»²

Задуманные коренные преобразования свелись к административным реформам — переустройству министерств, определению места Государственного совета в системе органов управления страной, размежеванию его функций с Сенатом. Однако они не могли кардинально изменить ситуацию. Тем временем все ближе надвигалась «гроза двенадцатого года». Отношения с Францией стремительно ухудшались, и война стала неизбежной. События ее хорошо известны и не раз были предметом обстоятельного исторического анализа. Отметим только два обстоятельства, которые, как кажется, добавляяют существенные штрихи к портрету Александра I.

Важную роль в победе над Наполеоном сыграло решение Александра не вмешиваться в ход военных действий и, более того, не появ-

¹ Рунин Д. П. Записки // Русская старина. 1901. № 2. С. 355–356

² Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России. СПб., 1914. С. 121.

ляться на театре военных действий. Решение, которое вряд ли далось ему легко и которое свидетельствует о здоровой оценке им своих полководческих способностей. История знает и иные примеры. Искушение встать во главе армии в минуту тяжких испытаний не сумел преодолеть столетие спустя Николай II. Хорошо известно, к чему привело его роковое решение принять на себя верховное командование. Поражения русской армии стали напрямую связывать с его именем, авторитет императора катастрофически упал, а когда в столице вспыхнули волнения, царь оказался не в состоянии вернуться из Могилева, где располагалась Ставка, в столицу, и дело закончилось отречением и падением монархии. Конечно, всякие исторические параллели весьма условны. Но то, что Александр устранился от командования русской армией и доверил руководство борьбой с Наполеоном М. И. Кутузову, бесспорно, стало одним из решающих факторов победы.

И еще об одном. Хорошо известно, что несмотря ни на какие неудачи в первые месяцы войны, Александр непоколебимо верил в окончательную победу. Однако редко обращают внимание на то, как элегантно и изысканно он свою убежденность демонстрировал. Приведу только один пример. Известие об оставлении Москвы Александру доставил полковник Мишо. Александр заметил, с какой «грустью» Мишо выполнил поручение Кутузова, и в специальном рескрипте на имя главнокомандующего просил обязательно прислать к нему «сего достойного офицера» с «первым радостным известием», которое непременно будет после его возвращения в действующую армию¹.

Война закончена. Наполеон низложен и отправлен в ссылку. Александр на белом коне, сопровождаемый своей победоносной армией, торжественно въехал в поверженный Париж. Он — освободитель Европы от ига тирана. Ему восторженно рукоплескали парижане, а вместе с ними народы всех европейских стран. От его решений зависело в значительной степени послевоенное устройство мира. По его воле раздавались конституции и возвращались престолы. «Было много споров относительно того, какое дать ему прозвание, — записала в своем дневнике дочь баронессы В. Ю. Крюденер. — Предлагали называть его великим, великодушным, европейским. Наконец, согласились на имени благословенный»². Казалось, теперь уже не было никаких препятствий к осуществлению давно задуманных реформ на родине.

¹ ГА РФ. Ф. 679. Оп. 1 Д. 7. Л. 7.

² Там же. Ф. 967. Оп. 1. Д. 9 Л. 1 об.

Оставим, однако, на время Александра I, купающегося в лучах славы и на Венском конгрессе решающего судьбы стран и правителей тогдашнего мира, императора всероссийского, занятого европейскими проблемами и не спешащего возвращаться в Россию. Посмотрим, как повлияли события Отечественной войны 1812 года и заграничных походов на русское общество, конечно, не на все, а только на его небольшую часть — будущих декабристов.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПЕРВОГО ТАЙНОГО ОБЩЕСТВА

Кто не знает хрестоматийной фразы, вошедшей во все учебники истории: «Мы были дети 1812 года»¹. Принадлежит она «последнему декабристу» Матвею Ивановичу Муравьеву-Апостолу (умер в 1886 году), родному брату казненного Сергея Ивановича Муравьева-Апостола. В ней, как в капле воды, отразилось осознание того, что Отечественная война 1812 года сыграла решающее значение в формировании мировоззрения передовой части русского общества. Молодые офицеры, победители Наполеона и освободители Европы от власти «тирана», как тогда называли французского императора, были охвачены патриотическими чувствами любви к Родине и стыда за то, что она «иглом рабства клеймена» (слова А. С. Хомякова). «Еще война длилась, — вспоминал в 1826 году, находясь в заточении в Петропавловской крепости А. А. Бестужев, — когда ратники, возвратясь в дома, первые разнесли ропот в классе народа. „Мы проливали кровь, — говорили они, — а нас опять заставляют потеть на барщине. Мы избавили Родину от тирана, а нас опять тиранят господа“»². Декабрист И. Д. Якушкин в своих замечательных воспоминаниях писал о «томительном» существовании военной молодежи в Петербурге после возвращения из Европы в Россию. Это «томительное» существование резко контрастировало с тем ощущением сопричастности к событиям, изменившим ход мировой истории, которое молодые офицеры пережили, участвуя в событиях антинаполеонов-

¹ Якушкин В. Матвей Иванович Муравьев-Апостол // Русская старина. 1886. № 7. С. 159.

² Из писем и показаний декабристов / Под ред. А. К. Бороздина. СПб., 1906. С. 35–36.

ских войн. «В продолжение двух лет мы имели перед глазами великие события, решившие судьбы народов, и некоторым образом участвовали в них, — вспоминал Якушкин, — теперь было невыносимо смотреть на пустейшую петербургскую жизнь и слушать болтовню стариков, выхваляющих все старое и порицающих всякое движение вперед. Мы ушли от них на 100 лет»¹. Каким презрением к отжившему прошлому наполнены эти слова, каким предчувствием будущих перемен. Подлинным, непоказным патриотизмом, гордостью за Родину, за Россию наполнены слова декабриста С. П. Трубецкого: «Нападение Наполеона на Россию в 1812-м году возбудило в русских любовь к отечеству в самой высокой степени; счастливое окончание сей войны, беспримерная слава, приобретенная блаженной памяти покойным государем императором Александром Павловичем, блеск, коим покрылось оружие российское, заставило всех русских гордиться своим именем, а во всех имевших счастье участвовать в военных подвигах поселило удостоверение, что и каждый из них был полезен своему отечеству»². Именно любовь к отечеству, желание преобразовать Россию в соответствии с «духом времени» побуждали молодых патриотов стремиться изменить основы русской жизни. Победа над Наполеоном вселила в их сердца уверенность, что Россия достойна лучшей участи, чем жизнь в условиях господства ничем не ограниченного самовластия и рабства большей части его населения.

Сравнение реалий западноевропейской жизни с реалиями жизни в России сильно влияло на умы молодых офицеров. Представление об этом дают следующие строки из воспоминаний М. А. Фонвизина: «В походах по Германии и Франции наши молодые люди ознакомились с европейской цивилизацией, которая произвела на них тем сильнейшее впечатление, что они могли сравнивать все виденное ими за границей с тем, что им на всяком шагу представлялось на родине: рабство бесправного большинства русских, жестокое обращение начальников с подчиненными, всякого рода злоупотребления власти, повсюду царствующий произвол — все это возмущало и приводило в негодование образованных русских и их патриотическое чувство»³.

¹ Якушкин И. Д. Мемуары. Статьи. Документы // Серия «Полярная звезда». Документы и материалы / Издание подготовлено В. И. Порохом и И. В. Порохом. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1993. С. 79.

² Восстание декабристов. Материалы. М., Л.: Государственное издательство, 1925 Т. I. С. 23.

³ Фонвизин М. А. Обзорение проявлений политической жизни в России // Фонвизин М. А. Сочинения и письма // Серия «Полярная звезда» Документы и материалы / Из-

Обсуждение насущных проблем стало обыденным явлением петербургских гостиных и офицерских собраний. «Дней Александровых прекрасное начало», когда «публика вся как бы проснулась; даже и дамы стали вмешиваться в судебные диспуты, рассуждать о законах, бредить о конституциях»¹, продолжалось и в послевоенное время. Ф. В. Булгарин, вернувшийся в Россию после нескольких лет отсутствия, с удивлением заметил, что «все занимаются политикою, говорят чрезвычайно смело, рассуждают о конституциях, об образе правления, свойственном России, и т. п. Этого во все не было, когда я оставил Россию в 1809 году. Откуда взялось, что молодые люди, которые прежде не помышляли о политике, вдруг сделались демагогами? Я видел ясно, что посещение Франции русскою армиею и прокламации союзных против Франции держав, наполненные обещаниями возратить народам свободу, дать конституции, произвели сей переворот в умах»². Тот же Фонвизин писал: «Никогда в России не бывало такой свободы в выражении своих мнений, как при Александре, и особенно после французской войны»³.

Может возникнуть справедливый вопрос: а почему при всей свободе выражения мнений нужно было учреждать тайное общество? Нельзя ли было создать нечто легальное, тем более что император, казалось бы, ясно заявил о своих намерениях реформировать Россию. Но в том-то все и дело, что в тогдашней России не было никакой открытой возможности для офицеров, находящихся на военной службе, создавать любые объединения, имевшие политические цели и задачи. Поэтому молодым патриотам приходилось действовать в рамках тайных обществ. Александр I вообще не мог себе представить даже минимального участия общества в политической жизни страны. И. Д. Якушкин вспоминал, например, с каким подозрением относился император к любым, даже самым безобидным дружеским объединениям, возникающим в гвардейской среде. Так, например, он приказал ликвидировать безобидную офицерскую артель, существовавшую в Семеновском полку⁴.

дание подготовлено С. В. Житомирской и С. В. Мироненко. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1982. Т. 2. С. 182.

¹ Долгорукий И. М. Записки // Русский библиофил. 1916. № 4. С. 68.

² Цит. по: Бокова В. М. Эпоха тайных обществ. Русские общественные объединения первой трети XIX в. М.: Реалии-пресс, 2003. С. 15.

³ Фонвизин М. А. Указ. соч. С. 185

⁴ Якушкин И. Д. Указ. соч. С. 79.

Кстати сказать, нельзя забывать и то, что это время справедливо называли «эпохой тайных обществ»¹. Повсеместное распространение тогда получили масонские ложи с их тайными заседаниями и скрытой от посторонних глаз деятельностью. В Италии действовали тайные общества карбонариев, в Греции тайные общества боролись за независимость страны и т. д.

Одним из таких тайных обществ и стал Союз спасения, возникший в начале 1816 года и положивший начало русскому освободительному движению. Замысел создать тайное общество возник у полковника Гвардейского генерального штаба Александра Николаевича Муравьева. Муравьев поделился идеей со своим родственником и близким другом еще с детских лет офицером Гвардейского генерального штаба Никитой Михайловичем Муравьевым, а также с Сергеем Петровичем Трубецким, поручиком Главного штаба, также давним своим знакомым и боевым товарищем по Отечественной войне 1812 года и заграничным походам. Обсудив задуманное, друзья решили привлечь в общество еще трех знакомых родственников Александра Муравьева — офицеров лейб-гвардии Семеновского полка братьев Матвея Ивановича и Сергея Ивановича Муравьевых-Апостолов и подпоручика того же полка Ивана Дмитриевича Якушкина. Так начало складываться первое тайное декабристское общество².

Документов, позволяющих судить о том, что же представлял собой этот тайный союз, крайне мало. Не сохранился устав общества. Не велось записей того, что обсуждалось на встречах его членов. Не дошла до нас и переписка о делах общества, которую, как известно, вели его члены. Поэтому исследователи, реконструируя историю Союза спасения, как, впрочем, и других тайных обществ декабристов, по необходимости пользуются в основном более поздними по времени источниками — показаниями на следствии и мемуарами. Критически рассматривая и те, и другие, нельзя не признать, что в силу своего происхождения они весьма субъективны. Но что делать, если за редкими исключениями только они делают возможной попытку реконструировать не только историю Союза спасения, но и последующих тайных обществ декабристов.

Кому из них отдать предпочтение, где их авторы правдивее и точнее? На первый взгляд, приоритет мемуаров очевиден. На следствии главной целью подследственных было скрыть все, что могло ском-

¹ Бокова В. М. Указ. соч.

² Нечкина М. В. Указ. соч. Т. I. С. 142.

прометировать их в глазах правительства. Сравнивая мемуары декабристов с их показаниями на следствии, кажется неоспоримым, что предпочтение следует отдать именно мемуарам. Ведь воспоминания, как правило, писались именно для того, чтобы дети и внуки их авторов, а вместе с ними и все остальные, узнали правду о жизни и деятельности их предков. Десятилетия спустя мемуаристы были, естественно, более свободны в своих рассказах о прошлом, чем во время следствия. Но и свидетельства, попавшие на страницы воспоминаний, — не истина в последней инстанции. Субъективизм их авторов очевиден. Да и человеческая память несовершенна: с годами помимо воли человека события далекого прошлого приобретают иногда совершенно иные очертания, чем это было в действительности. Не стоит, кажется, говорить о склонности авторов воспоминаний, порой невольной, приукрашивать действительность, о чем-то умалчивать, а что-то, наоборот, преувеличивать. Поэтому лишь комплексное изучение сохранившихся источников может помочь исследователю в его приближении к истине.

Фактическая сторона истории Союза спасения изучена почти досконально. Но вот вопрос: насколько верны существующие в историографии оценки этого тайного общества? Была ли это, как писал еще в 1929 году академик Н. М. Дружинин, «боевая, строго конспиративная организация»¹ или «первая русская революционная организация», как определила ее М. В. Нечкина?² Или все-таки Союз спасения был чем-то иным?

Для ответа на этот вопрос есть несколько путей, но только один из них, как мне кажется, ведет к истине. Надо последовательно сравнить все, что говорили сами декабристы о Союзе спасения на следствии, с тем, что они же писали о нем в своих воспоминаниях. Итак.

На допросе, проведенном сразу же после ареста, инициатор создания Союза спасения А. Н. Муравьев, отвечая на вопросы генерал-адъютанта Левашова, которому были поручены первые допросы арестованных декабристов, показал: «В 1816 или 1817 году я был в числе лиц, начинавших тайное общество. Содеятелями моими были Никита Муравьев, к[нязь] Трубецкой, Якушкин, Сергей Муравьев, Пестель и многие другие, которых не упомяну. В 1817 или в начале 1818 об-

¹ Дружинин Н. М. К истории идейных исканий П. И. Пестеля // Дружинин Н. М. Революционное движение в России в XIX в. М.: Наука, 1985. С. 321. Впервые работа была опубликована под названием «Масонские знаки П. И. Пестеля» в 1929 г.

² Нечкина М. В. Указ. соч. Т. I. С. 150, 152 и др.

щество совершенно утвердилось, и был написан устав. Намерение общества было приготовить государство к получению конституции. Средства достижения оного — распространение просвещения, добродетели и умножение сочленов»¹. В этом кратком отрывке парадоксально уместилось практически все основное, что мы знаем о первом тайном обществе декабристов. Пожалуй, Муравьева можно упрекнуть только в одном. Он не упомянул, что важнейшей идеей, сплотившей учредителей тайного общества, была не только конституция, но и ненависть к крепостному праву и твердое убеждение, что иго рабства должно быть раз и навсегда уничтожено. Впрочем, может быть, широкая формула «приготовить государство к получению конституции» включала в себя и борьбу за освобождение крестьян.

В этом же показании Муравьев рассказал еще об одном эпизоде из истории Союза спасения, который вошел в историю декабризма, получив с легкой руки Следственного комитета название Московского заговора 1817 года. Название это впоследствии утвердилось в историографии, хотя на самом деле, как будет ясно из дальнейшего анализа показаний и мемуаров участников этого события, никакого заговора в прямом смысле этого слова не было. Просто у разгоряченных спорами о судьбах отечества членов тайного общества, собравшихся на квартире Муравьева в шефском доме Хамовнических казарм (дом этот существует и поныне и стоит в начале Комсомольского проспекта в Москве), возникла мысль о цареубийстве². Мысль, которая так же быстро, как родилась, была отвергнута, правда, чтобы несколько лет спустя возродиться снова.

Вот как это произошло. По словам Муравьева, получив известие из Петербурга, что император якобы намерен присоединить к Царству Польскому губернии, ставшие частью Российской империи после разделов Польши, и считая это оскорблением своего национального достоинства, несколько членов тайного общества сгоряча предложили за измену интересам России убить императора. «В 1817 году некоторые члены общества, не известив о том других, услыша, что хотят губернии польские присоединить [к] Царству Польскому, собрались у меня на совещание, — говорил Муравьев генерал-адъютанту Левашову, который и записал слова декабриста. — Здесь искали средства препятствовать сему разделению, и, не найдя другого,

¹ Восстание декабристов. Материалы. М., Л., 1927. Т. III. С. 6.

² См. об этом специальную статью: Артамонов Д. С. Из истории «московского заговора» 1817 года // Освободительное движение в России. Саратов, 2006. Вып. 21. С. 55–67.

положено было извести государя. Якушкин вызвался сие исполнить. Каким манером сие остановилось, я не упомяну»¹.

В Следственном комитете после этого показания А. Н. Муравьева начался долгий процесс выяснения царевбийственных планов декабристов, что составило едва ли не главный предмет его занятий². Признание в намерении убить императора имело в глазах следствия ключевое значение для определения степени вины каждого из подсудимых. Следователи приложили немало усилий, чтобы досконально выяснить все детали так называемого Московского заговора, установить, кто в нем участвовал и кто как себя вел. Заметим, что советские историки обратили особое внимание на этот эпизод, который, по их мнению, давал веские основания причислять членов Союза спасения к подлинным революционерам.

В дальнейшем Муравьев в своих ответах на вопросы Следственного комитета уточнил сказанное им на первом допросе. Так, он рассказал, что тайное общество «весьма малое время длилось» и «никаких действий производимо не было» и что оно «совершенно уничтожено». Сравнивая первые два тайных общества декабристов — Союз спасения и Союз благоденствия, он отметил, что в первом существовало несколько «степеней», в которых «понекому готовить» должно было ново вступающих; а в последней уже степени открыться должна сокровенная цель общества, которая, как выше сказано, была приготовление к конституции».

Муравьев, как и многие его товарищи, не видел принципиальной разницы между двумя первыми декабристскими тайными обществами. В его сознании одно, просуществовавшее совсем недолго, плавно перетекло в другое, слившись с ним в одно целое. В этом причина того, что в его показаниях иногда трудно уловить, о каком обществе идет речь. Так, на вопрос Следственного комитета, требовавшего показать, какими средствами тайное общество думало «преклонить на свою сторону войска и произвести революцию и что в сем случае замышляло» сделать с членами правящей династии, Муравьев отвечал, что общество «имело в виду одно прибавление числа членов и распространение добродетели и просвещения». И далее добавлял, что тайное общество «не предполагало начинать никаких действий и не

¹ Артамонов Д. С. Указ. соч. С. 55–67.

² Подробнее см. об этом: Эдельман О. В. Следствие по делу декабристов. М.: Колеров, 2010. А. Н. Муравьева арестовали 8 января 1826 г., а доставили в Петербург на главную гауптвахту 13 января. На следующий день он был помещен в Петропавловскую крепость, где и был допрошен Левашовым.

помышляло ни о преклонении войск, ни о произведении революции, равно как и не имело совершенно ничего в виду против священных особ августейшей царствующей фамилии»¹. Очевидно, что эти определения одинаково применимы как к Союзу спасения, так и к Союзу благоденствия.

Последние слова показаний Муравьева могут вызвать некоторое недоумение — а как же быть с намерением убить императора? Нет ли здесь противоречия с только что приведенными показаниями декабриста о вполне легальных и мирных способах действий тайного общества? Но это противоречие — кажущееся. Муравьев отчетливо отделил сиюминутную вспышку гнева, охватившую молодых офицеров, от намерения достичь целей общества убийством Александра I. Можно было бы заподозрить декабриста в неискренности, стремлении утаить от следствия то, что могло негативно сказаться на его дальнейшей судьбе. Но это не так, что доказывают показания и мемуары его товарищей.

Как известно, Муравьев, начавший писать свои воспоминания, не довел их до конца и остановился на описании событий Отечественной войны 1812 года. Поэтому мы лишены возможности сравнить его показания на следствии с мемуарами.

Иное дело его друг С. П. Трубецкой, который был одним из первых, с кем он поделился своими сокровенными мыслями о создании тайного общества. Наряду с обширными показаниями Трубецкого во время следствия мы располагаем его воспоминаниями, написанными им в Сибири в 1840-х годах. Сравнивая показания Трубецкого на следствии с его мемуарами, мы не найдем в них существенных расхождений.

В соответствии с принятой Трубецким тактикой поведения на следствии — каяться в участии в тайном обществе, но до поры до времени (то есть пока не спросят) не касаться опасных сюжетов — он очень осмотрительно и осторожно отвечал на вопросы Следственного комитета².

Показания, написанные им собственноручно 15 декабря, сразу же после ареста и допроса у Николая I, Трубецкой начал с признания, что первое тайное общество «хотело составить в России консти-

¹ Эдельман О. В. Указ. соч. С. 18–19.

² Ср.: Павлова В. П. Декабрист С. П. Трубецкой // Трубецкой С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. I. Идеологические документы, воспоминания, письма, заметки // Серия «Полярная звезда». Документы и материалы / Издание подготовлено В. П. Павловой. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1983 С. 58–65.

туционную монархию», но добавил, что оно «существовало некогда и потом разрушено». В дополнение к этому же показанию Трубецкой рассказал следователям о том, где и когда возник Союз спасения, и даже назвал точный день, когда это произошло: «Первое начатие общество приняло здесь, в Петербурге в 1816-м [году] 9-го февраля». Но тут же добавил, что «предмет оногo общества был еще не определен». Здесь, на первый взгляд, существует явное противоречие. С одной стороны, Трубецкой говорит о том, что общество хотело установить в России конституционную монархию, а с другой — что цель общества («предмет») не была определена. Противоречие это, на мой взгляд, легко устраняется, если предположить, что, указывая точную, до дня, дату, Трубецкой имел в виду первый разговор, когда только возникла идея создать тайное общество, а не само его организационное оформление, что, по мнению других участников, произошло позже, когда было решено написать устав общества. Следует заметить, что Трубецкой в этих показаниях ни словом не обмолвился о причинах возникновения тайного общества.

Говоря о целях тайного общества и способах их достижения Трубецкой утверждал: «Старались увеличить сочленов елико возможно, имея в предмете выбирать оных с качествами душевными и с нравственностью твердою, дабы могли поведением обратить на себя внимание начальства. Члены между собою обязывались обратить все свое старание противиться беззаконным действиям чиновников, приводя оные в известность»¹.

Лишь десять дней спустя, в новых обширных показаниях, написанных в два приема — 26 и 27 декабря, Трубецкой в качестве главной побудительной причины создания тайного общества назвал стремление молодых офицеров содействовать явно выраженному намерению императора преобразовать Россию на новых основаниях. «Каждый из нас, — писал Трубецкой, — сопутствуя своему государю в трудах военных, должен был... и в мирных подвигах его величества по возможности своей содействовать». Именно из стремления способствовать императору в его благих начинаниях и родилась, по словам Трубецкого, идея создать тайное общество. Члены общества объединились для действий «на пользу общую», для чего надо было поддерживать «полезные предприятия» правительства или частных лиц, а при возможности им и содействовать; «препятствовать всяко-

¹ Восстание декабристов. Материалы. Т. I. С. 9.

му злу и для того разглашать злоупотребления чиновников по службе» и «всякие бесчестные поступки частных людей, которые дойдут до сведения общества».

Члены тайного общества вслед за императором «должны были истолковывать незнающим, что такое конституционное правление, и изъяснять необходимость освобождения крестьян от крепостного состояния»¹ (Трубецкой, видимо, опять не отделял Союз спасения от Союза благоденствия).

Стремясь к тому, как он сам писал, чтобы «облагодетельствовавший» его император и члены Следственного комитета могли видеть, что он не «изверг рода человеческого» и не «гнусное какое-либо исчадие ада, но несчастный, вовлеченный в преступление ложными своими понятиями», Трубецкой снова и снова возвращался к мысли, что все его действия, как и действия его товарищей, были продиктованы примером императора Александра I. Ход его рассуждений выглядел довольно убедительно. Рассказывая о том, как сформировался его свободный образ мыслей, Трубецкой писал, что после окончания Отечественной войны 1812 года он старался «приобретать все познания», которые могли ему пригодиться в служении отечеству, но вовсе не «помышлял о возможности существования в России конституционного правления». Однако дальнейший ход событий и явная поддержка Александром I конституционных перемен в Европе послужили причинами, заставившими его изменить свое мнение. В этом Трубецкого, по его собственным словам, укрепили «ход конституционного правления во Франции, конституция, данная блаженной памяти государем императором Царству Польскому, учреждение или обещание конституций различным государям в Германии, мнение многих, что государь император Александр Павлович намерен приготовить подвластную его величеству империю к введению в оной такого же правления»². Сомнения в реформаторских намерениях императора стали появляться у Трубецкого позднее.

10 января 1826 года Трубецкой был допрошен в Следственном комитете по поводу его письма, послужившего поводом к так называемому Московскому заговору. Трубецкой признался, что действительно, получив от князя П. П. Лопухина сведения о намерениях императора присоединить к Царству Польскому ряд губерний, вошедших в состав России после разделов Польши, послал в Москву письмо,

¹ Восстание декабристов. Материалы Т. I. С. 23–26.

² Там же. С. 33–34.

которое «произвело самое вредное действие на умы членов» и «некоторые едва не решились на цареубийство». «Однако Бог помиловал их и меня, — писал Трубецкой, — и письмо сие дальнейшего действия не имело». Здесь невозможно увидеть даже намека, что цареубийство рассматривалось членами первого тайного декабристского общества как средство превращения России в конституционную монархию.

В целом Трубецкой в показаниях на следствии, как, впрочем, и А. Н. Муравьев, не слишком высоко оценил деятельность первого тайного общества декабристов. «Оно в ход не пошло», — коротко и ясно подвел Трубецкой итог его недолгому существованию¹.

Теперь обратимся к мемуарам Трубецкого и посмотрим, как в них описан начальный этап истории тайных обществ декабристов. После подробного рассказа о возникновении Союза спасения Трубецкой повторил почти теми же словами, что и на следствии, свою мысль о главном мотиве, который двигал молодыми людьми, создавшими тайное общество. Это было стремление содействовать императору Александру I в его реформаторских замыслах: «По окончании Отечественной войны имя императора Александра гремело во всем просвещенном мире; народы и государи, пораженные его великодушием, предавали судьбу свою его воле: Россия гордилась им и ожидала от него новой для себя судьбы». Император обещал, закончив устройство послевоенной Европы, «заняться устройством внутреннего благоденствия вверенного Провидением державе его пространного государства» и «молодые люди, бившиеся за Отечество и царя своего на поле чести, хотели быть верной дружиной вождя своего и на поприще мира». Свою же роль создатели тайного общества видели, по словам Трубецкого, в содействии императору «во всех начертаниях его для блага своего народа».

Каким же образом декабристы, по мнению Трубецкого, предполагали реализовать свои намерения? «От поступающих в это маленькое общество» требовалось, во-первых, «строгое исполнение обязанностей по службе», во-вторых, «благородное и безукоризненное поведение в частной жизни», в-третьих, «подкрепление словом всех мер и предположений государя к общему благу» и, наконец, распространение сведений о «похвальных делах» чиновников или осуждение их злоупотреблений. И ни слова об убийстве императора как способе достичь поставленной цели.

¹ Восстание декабристов. Материалы. Т. I. С. 25.

Будучи «в уверенности», что Александр I «искренно желает устроить благо России», будущие декабристы решили поддержать его благие намерения и, учредив тайное общество, «определить порядок действий». Поскольку не было точно известно, что собирается предпринять император, писал Трубецкой, то «сначала молодые люди ограничивались только разговорами между собою». Этим они надеялись поддержать правительство в его противостоянии со «многими из правительственных лиц и частных людей», которые «будут восставать против некоторых намерений императора». Что и произошло, замечал Трубецкой, при обсуждении вопроса о «свободе крестьян».

Любопытно, что в показаниях на следствии, рассказывая о первых тайных обществах декабристов, Трубецкой связывал установление конституционной монархии с освобождением крестьян. В записках же он писал только о стремлении членов Союза спасения и Союза благоденствия содействовать императору в его намерении освободить крепостных крестьян, но ничего не говорил о конституции как о цели этих обществ. Вероятно, это объясняется ничем иным, как представлением Трубецкого о том, что на протяжении всего времени существования тайное общество имело одну цель — ограничение самодержавной власти конституцией, то есть народным представительством. Менялись представления о средствах, а цель оставалась постоянной как у первых тайных обществ, так и у возникших позднее. Во времена Союза спасения и Союза благоденствия мысль о насильственном пути переустройства общества еще не завладела умами декабристов, они не хотели революции, а рассчитывали достичь своей цели мирной эволюцией.

Еще одним другом, с которым А. Н. Муравьев поделился идеей создать тайное общество, был, напомним, Никита Михайлович Муравьев. Он, как и А. Н. Муравьев, не оставил воспоминаний о своем участии в тайных обществах, но по требованию следствия написал «Историческое обозрение хода общества». В нем он так изложил историю возникновения первого декабристского общества: «В продолжение 1816-го года Александр Муравьев предложил мне составить общество, имеющее целью введение в России монархического представительного правления. По сему случаю пригласил он к себе Сергея и Матвея Муравьевых-Апостолов, Якушкина и меня. После многих совещаний дело разошлось без всяких последствий. Якушкин через непродолжительное время перешел в армию и поступил в полк ге-

нерала Фонвизина, который, быв еще тогда полковником, находился с полком в Черниговской губернии и вскоре с оным перешел в Москву. В это время познакомился я с Пестелем и, найдя в нем те же мысли, сблизил его с Александром Муравьевым, который в то же время вступил в связь с князем Трубецким. Пестель взялся написать устав общества, которое и возымело свое начало в феврале 1817-го года под именем Союза спасения». Еще ранее, отвечая на один из вопросов пунктов, он писал, что общество было основано «в продолжение зимы 1816 и 1817 годов в С.-П[етербурге]» и разрушилось «через три или четыре месяца». Это показание подтверждает высказанное выше предположение, что названная Трубецким дата возникновения тайного общества — 9 февраля 1816 года — указывает лишь на твердо запомнившееся Трубецкому время первых разговоров о необходимости создания некоего тайного общества.

Не обошел вниманием Муравьев и так называемый Московский заговор, внеся в повествование о нем колоритные детали. Рассказав, что толчком к нему послужило письмо Трубецкого, где говорилось, что «император решился отделить польские губернии от России», он утверждал далее: «Зная, что таковое предприятие не может исполниться без сопротивления, [он] едет со всею царствующею фамилиею в Варшаву, из коей издаст манифест о вольности крепостных людей и крестьян. Что тогда народ примется за оружие противу дворян и во время сего всеобщего смятения польские губернии будут присоединены к новому Царству». Это «нелепое», по словам самого же декабриста, известие «произвело чрезвычайное действие». Якушкин, который страдал от неразделенной любви и несколько раз даже пытался покончить жизнь самоубийством, решил принести себя в жертву, убив императора. «Убийца не должен жить, — говорил он, — я вижу, что судьба меня избрала жертвою: я убью царя и после застрелюсь». Друзья Якушкина нашли «обвинения», выдвинутые в письме Трубецкого, вздорными и убедили Якушкина дожидаться объяснений. Трубецкой был вызван в Москву, но «не мог привести никаких доказательств достоверности сих ужасных предположений, и таким образом отвергаемы были все последствия, которые могло бы иметь его письмо»¹.

Вот собственно и все, что можно почерпнуть из показаний Н. М. Муравьева о Союзе спасения. Обращает на себя внимание, что

¹ Восстание декабристов. Материалы Т. I С. 305–306.

в «Историческом обозрении» нет ни слова о том, каким путем члены, учредившие тайное общество, хотели добиться осуществления своих планов, но четко названа цель — конституционная монархия. Для следствия деятельность Никиты Муравьева в ранних тайных обществах не представляла особенного интереса, и оно сосредоточило свое внимание на более позднем этапе истории декабристов. Поэтому больше вопросов о Союзе спасения ему не задавали.

Теперь обратимся к свидетельствам другого основателя тайного общества — И. Д. Якушкина, который, как и Трубецкой, оставил воспоминания о годах декабристской молодости. На этот раз начнем с мемуаров декабриста, оставив на потом разбор его показаний на следствии.

В начале записок Якушкин, вторя Трубецкому и другим декабристам, вспоминая о национальном подъеме, который Отечественная война 1812 года и заграничные походы внесли в русскую жизнь, писал: «Война 12 года пробудила народ русский к жизни и составляет важный период в его политическом существовании». Именно в это время император Александр I был на вершине своей славы. «Конечно, никогда прежде и никогда после не был он так сближен со своим народом, как в это время; в это время он (народ. — С. М.) его любил и уважал». Тогда, продолжал Якушкин, император, «призывая каждого к свободе... был прекрасен в Германии, но был еще прекраснее, когда мы пришли в 14-м году в Париж». Настояв на том, чтобы Франция стала конституционной монархией, и поставив условием возвращения на трон Бурбонов принятие конституции, Александр подтвердил верность идеалам юности. «В это время республиканец Лагарп, — восклицал Якушкин, — мог только радоваться действиям своего царственного питомца». Но постепенно надежды, которые вызывали фигура императора и его поступки, рассеялись. Здесь Якушкин вступал в противоречие с Трубецким, который последовательно отстаивал позицию, что члены и Союза спасения, и Союза благоденствия в своей деятельности вдохновлялись примером Александра I. Столкнувшись после возвращения из почти полуторагодового пребывания в Германии и Франции с порядками, царящими в России, послужило, как писал Якушкин, первым толчком к разочарованию в намерениях императора изменить существующее положение.

Но императора «все еще любили, помня, как он был прекрасен». Однако возвращение Александра разочаровало. Масла в огонь подлили разнесшиеся по армии слухи, что Александр ненавидит все рус-

ское. Так, Якушкин приводит рассказ одного из родственников братьев Муравьевых-Апостолов генерал-адъютанта графа Ожаровского, который, «возвратившись однажды из дворца, рассказал им, что император, говоря о русских вообще, сказал, что каждый из них или плут, или дурак, и т. д.». «Душа его была в Европе», — с горечью констатировал Якушкин. Внутри страны, по его мнению, царь передал все управление государством Аракчееву и «более всего заботился об увеличении числа войск». В армии «вошла в полную силу шагистика».

Передовые офицеры не могли смириться с таким положением. Находясь в 1816 году в Петербурге и часто собираясь вместе, Якушкин, Трубецкой, братья Муравьевы и Муравьевы-Апостолы вели разговоры о бедственном положении родины. «Тут разбирались главные язвы нашего отечества, — вспоминал Якушкин, — закоснелость народа, крепостное состояние, жестокое обращение с солдатами, которых служба в течение 25 лет была каторга; повсеместное лихоимство и грабительство и, наконец, явное неуважение к человеку вообще». Решено было «составить общество, цель которого была в обширном смысле благо России». Удивительные по эмоциональной яркости и точности формулировок слова. Гражданский стыд рождал гражданскую ответственность — если не я, то кто?

Что же касается средств, которыми общество должно было достигнуть желаемых преобразований, Якушкин вспоминал, что они заключались в поддержке прогрессивных начинаний (вовсе не обязательно исходивших от императора) и в борьбе с консерваторами и реакционерами за умы «молодых людей», по выражению Трубецкого, или «молодежи», как говорил Якушкин. «В разговорах наших, — читаем в его записках, — мы соглашались, что для того, чтобы противодействовать староверству закоснелого дворянства и иметь возможность действовать на мнение молодежи, что для этого лучшее средство — учредить тайное общество, в котором каждый член, зная, что он не один, и излагая свое мнение, мог бы действовать с большею уверенностью и решимостью».

Особый вред репутации Александра I, по мнению Якушкина, нанесла его поистине маниакальная приверженность военным поселениям. Наконец, публикация в 1817 году польской конституции, где, как писал Якушкин, было сказано, что «никакая земля не могла быть отторгнута от Царства Польского, но что по усмотрению и воле высшей власти могли быть присоединены к Польше земли, отторгнутые от России, из чего следовало заключить, что по воле императо-

ра часть России могла сделаться Польшей», окончательно подорвала веру в императора. По словам Якушкина, все это вместе взятое посеяло «в людях, готовых пожертвовать собой для блага России», ненависть к императору¹.

В своих воспоминаниях Якушкин подробно рассказал о так называемом Московском заговоре 1817 года. Детали происходившего на встрече членов тайного общества у А. Н. Муравьева хорошо известны. Обращу только внимание на принципиальное отличие отношения к Александру I Якушкина и Трубецкого. Если последний и в показаниях на следствии, и в мемуарах делал акцент на поддержке правительства и реформаторских начинаний императора, то Якушкин, напротив, был убежден в пагубности для России курса, который вел Александр I после возвращения из Европы. «Алек[сандр] Муравьев перечитал вслух еще раз письмо Трубецкого, потом начались толки и сокрушения о бедственном положении, в кот[ором] находится Россия под управлением им[ператора] Александра, — вспоминал Якушкин. — Меня проникла дрожь; я ходил по комнате и спросил у присутствующих, точно ли они верят всему сказанному в письме Трубецкого и тому, что Россия не может быть более несчастна, как оставаясь под управлением царствующего императора; все стали меня уверять, что то и другое несомненно; в таком случае, сказал я, тайному обществу тут нечего делать, и теперь каждый из нас должен действовать по собственной совести и собственному убеждению». Александр Муравьев, по словам Якушкина, сказал, что надо закончить царствование императора Александра и предложил бросить жребий, чтобы «узнать, кому достанется нанести удар царю». Якушкин ответил, что «решился без всякого жребия принести себя в жертву» и никому не уступит этой «чести».

Фонвизин стал уговаривать Якушкина бросить эту затею. Но Якушкин остался непреклонным и решил по прибытии императора в Москву «отправиться с двумя пистолетами к Успенскому собору и, когда царь пойдет во дворец, из одного пистолета выстрелить в него и из другого — в себя». В этом поступке Якушкин видел «не убийство, а только поединок на смерть обоих». На следующий день друзья встретились вновь и, наконец, уговорили Якушкина отказаться от своего замысла, доказывая, что смерть императора «в настоящую минуту не может быть ни на какую пользу для государства»

¹ Якушкин И. Д. Указ. соч. С. 77–86.

и что он своим упорством губит «не только всех их, но и тайное общество при самом его начале». Якушкин «дал им обещание не приступать к исполнению своего намерения» и сказал, что «если все то, чему они так решительно верили вчера, не более как вздор, то вчера они своим легкомыслием увлекли было его к совершению самого великого преступления; но что если в самом деле ничего не может быть счастливее для России» как устранение императора Александра, то «сегодня своей нерешительностью и своими требованиями они лишают» его «совершить самое прекрасное дело», и заявил, что выходит из тайного общества¹.

Существенное значение для истории первого тайного общества декабристов имеет небольшой рассказ Якушкина об уставе Союза благоденствия. Тайное общество постепенно расширяло свои ряды. Для того чтобы вновь принимаемым членам было понятнее, куда они вступают, решено было, как писал в своих воспоминаниях Якушкин, написать устав общества. Приведу его полностью. «Пестель составил первый устав для нашего тайн[ого] общ[ества], — писал Якушкин. — Замечательно было в этом уставе, во-первых, то, что на вступающих в тайное общество возлагалась обязанность ни под каким видом не покидать службы с той целью, чтобы со временем все служебные значительные места по военной и гражданской части были бы в распоряжении тайн[ого] общ[ества]; во-вторых, что если царствующий император не даст никаких прав независимости своему народу, то ни в каком случае не присягать его наследнику, не ограничив его самодержавия».

В показаниях на следствии Якушкин был менее пространен, но столь же откровенен. О целях Союза спасения он показал, что «намерение общества было сблизить дворянство с крестьянами и стараться первых склонить к освобождению последних» и, «сверх сего, распространить свои отрасли умножением членов и приготовить все условия в государстве к представительному правлению». На первом допросе Якушкин отказался назвать имена своих товарищей: «Сочленами кого я имел, сказать не могу, ибо на сие дал мое обещание», но тем не менее признался в своем намерении совершить покушение на жизнь императора². Рассказал он, в частности, и об уставе общества. «Сколько могу припомнить, — писал Якушкин, — в сем уставе предполагалось четыре степени, имеющие разные объявленные

¹ Якушкин И. Д. Указ. соч. С. 86–88.

² Восстание декабристов. Материалы. Т. III. С. 42.

цели, постепенно сближающиеся с главной целью: приготовить государство к принятию представительного правления». Эта цель, продолжал Якушкин, должна была быть известна только «членам высшей степени, равно как и намерение в случае смерти царствующего в то время императора не прежде принести присягу наследнику его императорского величества как по удостоверении, что в России единовластие будет ограничено представительством»¹.

Текст устава был сожжен при ликвидации общества и не сохранился. Историкам пришлось приложить немало усилий, чтобы реконструировать его основные положения. Наибольший вклад в реконструкцию устава Союза спасения внесла М. В. Нечкина. Она убедительно доказала, что двумя основными целями тайного общества, изложенными в уставе, были превращение России в конституционную монархию и ликвидация крепостного права. Но вот вывод историка, что «в уставе, несомненно, существовал пункт об открытом выступлении тайного общества с требованием конституции в момент смены императоров на престоле»², вызывает серьезные сомнения. С таким безоговорочным утверждением трудно согласиться. Прежде всего потому, что оно не подкреплено свидетельствами авторов этого программного документа. Как известно, составление устава было поручено Трубецкому и новым членам — П. И. Пестелю и И. А. Долгорукову. Пестель должен был заняться «формой принятия и внутренним образованием», Долгоруков — целью общества и путями ее достижения, Трубецкой взял на себя труд составить «правила принятия членов» и определить «действия их в обществе»³. Но ни в показаниях на следствии И. А. Долгорукова, П. И. Пестеля, С. П. Трубецкого, ни в мемуарах С. П. Трубецкого ничего подобного утверждению Якушкина нет. В доказательство своего мнения М. В. Нечкина ссылается на воспоминания И. Д. Якушкина и на его показания на следствии. Действительно, как мы видели, в своих записках Якушкин повторил сказанное им на следствии.

Но достаточно ли этого одного для утверждения, что сказанное Якушкиным входило в устав Союза спасения? Предположение о том, что момент перехода власти из рук одного императора в руки другого представляется удобным для предъявления требования ввести в России представительное правление, действительно обсуждалось декабристами. По крайней мере есть свидетельство, что один раз об

¹ Восстание декабристов. Материалы. Т. III. С. 49.

² Нечкина М. В. Указ соч. Т. I С. 157.

³ Трубецкой С. П. Указ. соч. С. 217–218.

этом зашла речь во время встречи членов тайного общества на квартире А. Н. Муравьева в Москве в период пребывания там гвардии. Напомню, что именно в квартире Муравьева Якушкин вызвался осуществить цареубийство. Член Союза спасения князь П. П. Лопухин, сын председателя Государственного совета князя П. В. Лопухина, который был, по его собственному признанию, только на двух заседаниях тайного общества, на следствии показал, что однажды в собрании, бывшем у Александра Муравьева («но не в виде общества»), хозяин «утверждал, что можно со временем какими бы то средствами ни было, а особенно при перемене царствования, принудить правительство согласиться на представительное правление»¹.

Однако мы не находим указания на то, что в уставе Союза благоденствия было записано намерение заявить требование представительной монархии при смене одного монарха другим, не только в свидетельствах авторов устава. Нет об этом ни слова и у других членов первого декабристского тайного общества. Не говорит ли это о том, что в данном случае память подвела Якушкина? Не принял ли он разговоры, которые велись на квартире Муравьева, за программное положение тайного общества? Молодые офицеры искали способы реализации своих идей. Шли горячие споры, иногда, как заметил поэт, «между лафитом и клико». Но эти споры и высказанные в ходе их мысли вряд ли принимали на этой ранней стадии вид оформленных программных документов.

Да и сам устав Союза спасения не удовлетворял членов тайного общества. Якушкин вспоминал, что он показался «неудобным для первоначальных действий»². Многих не устраивали масонские ритуалы, которыми было обставлено принятие в члены Союза, строгие клятвы, требование беспрекословного подчинения вновь принятых членов «боярам», как в уставе именовались члены руководящего ядра общества, и т. п. Трубецкой, выражая общее мнение, вспоминал: «Масонские формы, введенные в заседаниях и в принятии членов, затрудняли действие общества и вводили какую-то таинственность, которая была противна характерам большей части членов; они хотели действия явного и открытого, хотя и положили не разглашать намерения, в котором соединились, чтобы не вооружить против себя людей неблагонамеренных». Трубецкой утверждал, что «через непродолжительное время положено было изменить в этом отноше-

¹ Восстание декабристов. Документы. М.: РОССПЭН, 2001. Т. XX. С. 438.

² Якушкин И. И. Указ. соч. С. 84.

нии устав, как признанный неудобным к приложению (так в тексте, нужно, видимо, применению. — С. М.)»¹.

Нам осталось рассмотреть показания на следствии еще трех основателей первого тайного декабристского общества — Пестеля, Сергея и Матвея Муравьевых-Апостолов.

П. И. Пестель относил первые разговоры «об учреждении тайного общества в России» к осени 1816 года. Нельзя не заметить это еще одно свидетельство, позволяющее утверждать, что вряд ли можно установить точную, до дня, дату основания тайного общества. Если сами участники событий так путались, называя время возникновения Союза спасения, то историкам тем более не просто разобраться, где кончались дружеские разговоры о бедах России, а где начиналось тайное общество. «В январе 1817 года, — продолжал Пестель, — составилось в Петербурге общество Истинных и Верных сынов отечества». О целях создания общества он показал то же, что и остальные его товарищи: «С самого начала говорено было о желании даровать свободу крепостным крестьянам» и «вместе с учреждением общества Сынов отечества появились мысли конституционные»². Так же как и его товарищи по первому тайному обществу, говоря о методах достижения целей общества, Пестель в это время высказывался за мирную эволюции. «Первоначальное намерение общества было освобождение крестьян, — показывал он на первом допросе в Петербурге, — способ достижения сего — убедить дворянство сему содействовать и от всего сословия нижайше об оном просить императора»³. Уже в конце следствия Пестеля спросили, каковы были цели первого декабристского общества, поскольку в показаниях декабристов в этом вопросе не было единства: одни утверждали, что целью было «введение монархического конституционного правления, другие — освобождение крестьян от крепости, некоторые же — просто введение нового порядка вещей». Пестель ответил очень определенно, что «настоящая цель первого общества была введение монархического конституционного правления», что цель эта была принята «вместе с принятием устава об устройстве общества», а освобождение крестьян без требования конституции было целью только «при самом первом начале и весьма короткое время»⁴.

¹ Трубецкой С. П. Указ. соч. С. 219.

² Восстание декабристов. Материалы. М., Л.: Государственное издательство, 1927. Т. IV. С. 101.

³ Восстание декабристов. Материалы. Т. IV. С. 80.

⁴ Там же. С. 154.

Совпадают с показаниями Пестеля и ответы на вопросы Следственного комитета Сергея Муравьева-Апостола: «Я был принят в тайное общество Никитою Муравьевым в Петербурге в 1817-м году. Цель общества была ввести в государстве конституционное правление. Средства были еще не определены»¹. Его брат Матвей Муравьев-Апостол вообще плохо помнил начальный период истории тайных обществ и путал, впрочем, как и другие декабристы, Союз спасения с Союзом благоденствия. На вопрос Следственного комитета: «С которого времени, где и под какими названиями существовали первые тайные общества и какие были цели» он отвечал: «Общество, которому я принадлежал, имело начало свое в Петербурге в 1817 году. В 1818 в Москве Александр Муравьев, Мих[аил] Муравьев, Бурцов и Никита Муравьев написали устав сего общества. Оно было известно под названием Общество Зеленой книги, по переплету сего устава — настоящее имя всегда было Союз благоденствия. Цель сокровенная была одна — введение представительного правления в России, объявленная — ускорение просвещения»².

Подведем итоги. Вряд ли у непредвзятого читателя после столь ясных и однозначных свидетельств самих учредителей первого тайного общества декабристов останется хотя бы тень сомнения, что Союз спасения никогда не был революционной организацией.

Не был он и «боевой, строго конспиративной организацией». Л. А. Перовский, который был принят А. Н. Муравьевым в члены общества во время пребывания гвардии в Москве в 1817–1818 годах, в показаниях на следствии очень хорошо передал атмосферу, которая царила тогда в обществе и была определяющей в собраниях декабристов, зачастую неотличимых от простого дружеского общения. Хотя Перовский, вероятнее всего, застал Союз спасения в период его превращения в Союз благоденствия, но его свидетельство вполне можно распространить и на предшествующий период существования тайного общества. Перовский писал о впечатлении, которое произвела речь императора Александра I при открытии первого заседания польского парламента в Варшаве на русское общество, о том, что общество «считало весьма вероятным» намерение императора «дать России конституцию, сходную с польской». Отмену же крепостного права в прибалтийских губерниях принимали, как утверждал Перовский, за «предвестницу» российской конституции. Поэтому, когда А. Н. Му-

¹ Восстание декабристов. Материалы. Т. IV. С. 256.

² Там же. М., 1950. Т. IX. С. 224–225.

равьев рассказал Перовскому о своем намерении создать благотворительное общество, целью которого было бы «подготовить умы к принятию конституции и побудить, насколько это будет возможно, помещиков предоставить свободу своим крепостным», и предложил ему вступить в это общество, то последний не нашел в этом «ничего пугающего, так как все, казалось, сводилось к желанию оказать содействие намерениям правительства». Даже в том, как вербовались новые члены, по словам Перовского, не было ничего подозрительного. «Полковнику Муравьеву, — писал Перовский, — достаточно было быть слегка знакомым с офицером, чтобы тут же, без околичностей, предложить тому вступить в общество, и его единственное желание, казалось, состояло в увеличении числа членов, принимавшихся им без разбора». Это, кстати, подтверждается и показаниями других декабристов, в частности С. П. Трубецкого, который писал о цели общества «велико возможно» увеличить число членов¹. В собраниях общества, по словам Перовского, «не было ни малейшей таинственности». Они проходили днем на квартире А. Н. Муравьева в Хамовнических казармах, которая находилась под квартирой командующего Гвардейским корпусом генерала Розена. «Собрания у Муравьева проходили без определенного плана и цели, там обсуждалось, какие улучшения необходимо провести в нашей стране, обсуждались и различные формы конституционного правления», — продолжал Перовский. «Так как я был глубоко убежден в том, что если бы его величество император Александр захотел дать России конституцию, он не стал бы советоваться ни с кем из тех, кто входил в общество, — откровенно писал Перовский, — все эти разговоры казались мне смешными, тем более потому, что, как я видел, некоторые из членов общества придавали им слишком серьезное значение»².

Тем, кто изучал материалы следствия, известно, что Следственный комитет сам стремился преувеличить размах и значение тайного общества, присущие якобы его членам организованность и дисциплину, хотел представить то, что только обсуждалось за дружеской беседой, но никогда не одобрялось большинством членов, обязательным для всех и т. д. В этом смысле показательным свидетельством П. П. Лопухина, содержащееся в письме к генерал-адъютанту В. В. Левашову. «Вы мне указали, — обращался Лопухин к Левашову, — что можно быть членом этого преступного общества, будучи знакомым

¹ Восстание декабристов. Материалы. Т. I. С. 9.

² Восстание декабристов. Документы. Т. XX. С. 457–458.

лишь с одним лицом, иметь с ним беседу и выражать чересчур либеральное мнение»¹. Ни много ни мало! Если такова была позиция следователей, то стоит ли удивляться, что и советские историки, стремясь доказать революционность первых декабристских обществ, с удовольствием усугубляли эту тенденцию, и первые тайные общества декабристов под их пером стали чуть ли не организациями, придерживавшимися принципов демократического централизма, с подчинением меньшинства большинству, с четким членством и т. п.

Но все же, несмотря на ангажированность следствия, даже оно должно было признать, что никто из членов первых декабристских обществ — Союза спасения и Союза благоденствия, если только они не принимали участия в обсуждении царевбийственных планов и не участвовали в деятельности последующих тайных обществ, не заслуживает наказания. Такие члены по высочайшему повелению освобождались из-под ареста с оправдательными аттестатами. Более того, разобравшись в ситуации, в определенный момент Следственный комитет принял решение вообще больше не арестовывать таких членов.

Подводя итоги, нельзя не признать, что первое тайное общество декабристов — Союз спасения — было немногочисленно. Оно ставило своей целью превращение России в конституционную монархию и освобождение крестьян от ига рабства, и его члены искали способы для достижения этого. Так называемый Московский заговор, в ходе которого у *одного* из собравшихся возник порыв убить императора, никак нельзя признать сознательным выбором революционного пути. Он еще не был определен. И долгое время члены тайных обществ считали мирную эволюцию единственным способом достижения идеалов. Деятельность Союза спасения почти не имела видимых результатов. Никто из его членов не сумел, например, освободить своих крепостных, хотя некоторые и пытались это сделать (Якушкин, Трубецкой). Но в его недрах шла важная работа по осмыслению путей развития России, создавались первые программные документы.

¹ Восстание декабристов. Документы. Т. XX. С. 440.

АЛЕКСАНДР I. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА ЦАРСТВОВАНИЯ. ПОПЫТКИ ПРИСТУПИТЬ К РЕФОРМАМ

Победоносное завершение Отечественной войны 1812 года, освобождение Европы от наполеоновского ига, приобретение Россией лидирующего положения в мире — словом, все те достижения, которыми была ознаменована для страны середина 1810-х годов, не могли заслонить остроту внутренних противоречий и нерешенных вопросов. Понимал необходимость реформ и сам император.

Примечательна в этом смысле история подготовки манифеста, призванного возвестить России о победе над Наполеоном. Проект манифеста был подготовлен тогдашним государственным секретарем адмиралом А. С. Шишковым, человеком, известным своими консервативными убеждениями и, конечно, противником каких-либо изменений в отношениях помещиков с крестьянами. Отражая позицию большинства владельцев крестьян, Шишков внес в манифест слова, восхваляющие крепостное право и патриархальные отношения помещиков с крестьянами. «Мы уверены, — было сказано в проекте, — что забота наша о их благосостоянии предупредится попечением о них господ их. Существующая между ними на обоюдной пользе основанная, русским нравам и добродетелям свойственная связь, прежде и ныне многими опытами взаимного их друг к другу усердия и общей любви к отечеству ознаменованная, не оставляет в нас ни малого сомнения, что, с одной стороны, помещики отеческою о них, яко о чадах своих, заботою, а с другой — они, яко усердные домо-чадцы, исполнением сыновних обязанностей и долга приведут себя в то счастливое состояние, в коем процветают добронравные и бла-

гополучные семейства». О том, какую реакцию императора вызвал этот крепостнический пассаж, рассказал в своих воспоминаниях сам Шишков.

Прочитав проект, Александр оттолкнул от себя бумагу и, весь вспыхнув, сказал: «Я не могу подписывать того, что противно моей совести и с чем я нимало не согласен». Затем решительным движением пера он вычеркнул слова «на обоюдной пользе основанная»¹. При этом император был настолько взволнован, а действия его столь решительны, что, как верно заметил впоследствии историк Н. К. Шильдер, Шишков «при всем своем упрямстве и при всей своей смелости не решился разжать губ»².

Интересно, как сам Шишков оценил происшедшее столкновение. Оно окончательно убедило его, что у Александра I сложилось «несчастное предубеждение против крепостного в России права, против дворянства и против всего прежнего устройства и порядка». Шишков верно заметил, что протест императора был направлен не только против крепостничества, но и против «всего прежнего устройства и порядка». В словах Шишкова выразилось умностроение значительной части тогдашнего российского общества, которое каждое, даже малейшее прикосновение к крепостному праву рассматривало как шаг к конституции, и наоборот, любое упоминание о народном представительстве казалось косному большинству предвозвестием падения крепостного права. Характерно, что поступок императора Шишков приписал прежде всего вредному влиянию его воспитателя Лагарпа. Он писал, что «предубеждение» «внушено в него было находившимся при нем французом Лагарпом (Шишков ошибался, Лагарп был швейцарцем. — С. М.) и другими окружавшими его молодыми людьми, воспитанниками французов, отвращавших глаза и сердце свое от одежды, от языка, от нравов и, словом, от всего русского»³.

Однако остальной текст манифеста остался без изменений. Были сохранены и, таким образом, вновь получили в глазах всего населения России одобрение верховной властью традиционные для нее положения об извечности крепостных отношений, о том, что они органично присущи русской жизни и составляют неотъемлемую ее часть («существующая издавна... русским нравам и добродетелям свой-

¹ Шишков А. С. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Берлин, 1870 Т. 1. С. 308–309

² Шильдер Н. К. Указ соч. Т. III С. 257

³ Шишков А. С. Указ. соч. Т. 1. С. 309.

ственная связь»). Отношение помещиков к крестьянам снова идиллически изображалось как «отеческая забота» о «чадах своих». Словом, была повторена обычная крепостническая риторика.

Внутренне Александр I уже давно был убежден в необходимости реформирования крепостных отношений. Но заявить об этом публично император пока еще не был готов. Впрочем, разговор Александра I с Шишковым не был частной беседой. Свои суждения император высказал не просто адмиралу Шишкову, а государственному секретарю при подготовке важного государственного акта. При обсуждении проекта присутствовал А. А. Аракчеев, не проронивший, по словам Шишкова, во все время ни слова и не реагирующий на все попытки адмирала, когда они вышли из кабинета императора, склонить его к одобрению своей позиции.

В 1815 году Александр I, по свидетельству князя А. Б. Куракина, публично заявил, что в ближайшее время его «главнейшие занятия» будут по предмету «устройства внутреннего государственного управления»¹. Упоминание о подобном публичном заявлении императора есть и в неопубликованных бумагах А. Д. Балашова². Декабрист С. П. Трубецкой в своих записках писал, что император по окончании войны с Францией «обещал, утвердив спокойствие всеобщим миром в Европе, заняться устройством внутреннего благоденствия вверенного проведением державе его пространного государства»³.

События, развернувшиеся в 1815 году, подтвердили серьезность этих заявлений императора. Более того, в отличие от предшествовавших преобразований, которые были реализованы лишь в реформах государственного управления, теперь речь шла о коренном переустройстве политического строя страны. Исторически сложилось так, что после включения в состав Российской империи под названием Царства Польского большей части прежнего Герцогства Варшавского собственно российские конституционные проблемы оказались тесно переплетены с польским вопросом. Заключительным актом Венского конгресса было санкционировано намерение Александра I создать внутри Российской империи государство с конституционным устройством, а 13 мая жителям Царства Польского было

¹ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1409 (Собственная Е. И. В. канцелярия). Оп. 1. Д. 1750 Л 1

² Балашов А. Д. Записки касательно моей жизни // Архив СПбИИ РАН. Ф. 16 (А. Д. Балашова). Оп. 1. Д. 18.

³ Трубецкой С. П. Указ. соч. С. 217

объявлено о даровании им конституции, самоуправления, собственной армии и свободы печати¹.

Александр I сам с карандашом в руках изучил представленный ему проект конституции и против каждой статьи оставил замечания. Все они сводились к расширению прав самодержца и сужению самостоятельности представительных учреждений. Наконец, еще раз отредактировав представленный ему в переработанном виде текст, Александр I 15 ноября утвердил конституцию Царства Польского².

Как показали дальнейшие события, введение конституции в Царстве Польском имело для Александра немаловажное значение. Это было не только конституционное устройство новой и особой части империи. Он рассматривал его как первый шаг на пути к конституции русской.

В начале ноября 1815 года в Варшаве состоялся примечательный разговор императора с М. Огинским — одним из видных деятелей польской шляхты, представляющим интересы помещиков западных российских губерний. В беседе с ним Александр недвусмысленно дал понять Огинскому, что намерен установить конституционные порядки не только в Польше, но и в России, решив тем самым проблему западных губерний не присоединением их к Царству Польскому, а уравниванием прав их жителей с правами, полученными поляками по польской конституции. «Вы недовольны, — говорил он Огинскому, — и имеете к тому повод, пока наравне со своими соотечественниками не будете пользоваться благами конституции; вместе с нею присоединение вас к России установит доверие и совершенное согласие между обоими нациями»³.

Воспоминания Огинского дают основание для принципиально важного вывода, что мысль о распространении впоследствии конституционных норм, вводимых в Царстве Польском, на всю Российскую империю была у Александра I еще в 1815 году. Польская конституция 1815 года была в его представлении лишь прелюдией, первым актом более обширной программы. Этот факт недооценен в историографии, которая фактически прошла мимо важнейшего шага императора, ставшего в известной мере как бы его заявлением о намерениях. В свете этого становится гораздо более понятной последующая

¹ ПСЗ-I. Т. 33. № 25842.

² Аскенази Ш. Царство Польское. 1815–1830. М., 1915. С. 28.

³ Oginiski M. Mémoires sur la Pologne et les polonaise depuis 1788 jusqu'à la fin de 1815. Paris, 1827. Т. 4. Р. 229–242.

деятельность императора, а главное — не кажется уже столь неожиданным его публичное заявление в речи при открытии заседаний первого польского сейма (парламента) в марте 1818 года о намерении распространить действие «законно-свободных» (так было переведено с французского, на котором говорил Александр перед депутатами, слово «конституционных») учреждений на все подвластное его скипетру население.

Вместе с тем конституция Царства Польского была для Александра I своеобразным экспериментом. Польша стала как бы объектом проверки реальности задуманного императором симбиоза конституции с самодержавной властью. В этом, на мой взгляд, кроется причина столь деятельного участия Александра I в создании самой польской конституции, в придании ей тех черт, которые могли обеспечить власти контроль над представительными учреждениями. Польский эксперимент следовало поставить под строгий контроль. Именно этого добивался Александр I, тщательно редактируя проекты конституции.

5 февраля 1818 года было объявлено о созыве первого общепольского сейма. С самого начала предполагалось, что сейм будет открыт речью Александра I. О ее содержании император начал размышлять еще в начале года. Ход работы над текстом речи подробно освещен в воспоминаниях графа И. Каподистрии, которого Александр I привлек к ее составлению. Отрывок из воспоминаний Каподистрии «*Aperçu de ma carrière publique, depuis 1798 jusqu'à 1822*», посвященный этому эпизоду, был введен в научный оборот М. И. Богдановичем, который извлек его из архива Министерства иностранных дел¹.

Еще в Москве, вспоминая Каподистрию, Александр I, работая с ним над проблемами устройства Бессарабии, заговорил о предстоящей поездке в Варшаву. Предупредив, что Каподистрия должен будет сопровождать его на открытие сейма, Александр вручил ему собрание речей, произнесенных в польском сейме королем саксонским, когда тот владел Герцогством Варшавским. «Посмотрите и изучите эти речи, — сказал Александр Каподистрии. — Затем займитесь той, которую я должен держать. Вот моя мысль». Из следующих слов Каподистрии ясно, что вместе с речами саксонского короля Александр

¹ Богданович М. И. История царствования императора Александра I и России в его время. СПб., 1871. Т. 5. С. 369–371; Н. К. Шильдер полностью опубликовал этот отрывок в приложении к четвертому тому своего исследования (см.: Шильдер Н. К. Указ соч. СПб., 1898. Т. IV. С. 495–496).

вручил ему наброски своих мыслей о содержании предстоящей речи. «Он разрешил мне, — вспоминал дипломат, — ее обсудить и сделать ему замечания по двум пунктам, которые, как мне казалось, представляли очень серьезные неудобства. Первый касался сравнения, которое его величество хотел провести между Польшей и Россией. Во втором речь касалась обещания присоединить к Царству Польскому губернии, уже принадлежащие к его империи».

Александр остался недоволен высказанными замечаниями и возражениями и сказал в ответ Каподистрии: «Об этом у нас еще будет время подумать. Напишите пока проект речи, как вы ее понимаете, а затем мы увидим». Через несколько дней проект речи был готов и представлен императору. Последний оставил его у себя, заметив: «Мы к этому возвратимся в Варшаве», что, как понял Каподистрия, означало неудовлетворенность царя представленной работой. 1 марта 1818 года Александр прибыл в Варшаву, но в течение двух недель никаких разговоров о речи не было. Лишь за два дня до открытия сейма царь прочел Каподистрии черновик собственноручно написанной речи, сказав при этом: «Даю вам полную возможность расположить фразы согласно грамматике, расставить точки и запятые, но не допущу никаких других изменений».

Каподистрия выполнил поручение, отредактировав отданный ему текст, но, будучи совершенно не согласен с существом речи, оставшимся неизменным, вновь представил Александру свой вариант. Прочтя обе бумаги, император, по словам Каподистрии, после минутного молчания сказал: «Вы все-таки остаетесь при своем. Это более чем настойчиво. Сожалею о труде, который вы приняли на себя, но я предпочитаю мою редакцию вашей». Каподистрия и тут осмелился вновь защищать свою точку зрения. Однако все его попытки остались безуспешными. «Все это хорошо, — сказал Александр, — но я не изменю своего решения. Однако я посмотрю до завтра, не сделаю ли из этих двух проектов третий. Я прикажу вас позвать». В тот же день император передал Каподистрии то, что он назвал своим «ультиматумом». Заимствовав из проекта Каподистрии лишь отдельные выражения, Александр сохранил сущность речи в неприкосновенности.

Неизвестно, обсуждал ли Александр I с кем бы то ни было еще свою речь. Однако можно не сомневаться, что среди тех, с кем мог советоваться император, был друг его юности, участник Негласного комитета, а в это время глава русской администрации в Царстве Польском Н. Н. Новосильцев. Вряд ли это было иначе, если учесть ту

особенную роль, которую Новосильцев сыграл в осуществлении задуманного императором польского эксперимента, а затем и в создании проекта российской конституции. Не мог не поинтересоваться Александр и мнением наместника Царства Польского своего брата великого князя Константина Павловича, хотя в последующей «конституционной» деятельности тот никакого участия не принимал.

Как бы то ни было, Александр I сумел настоять на своем и 15 марта 1818 года произнес речь, которая изумила современников и в которой он впервые с начала царствования приоткрыл завесу тайны над своими планами грядущей перестройки основ Российского государства.

Речь Александра была произнесена по-французски. После того как он закончил, был прочитан перевод речи на польский язык. О значении, которое придавалось этому выступлению императора, о стремлении сделать его предметом самой широкой гласности свидетельствует тот факт, что речь немедленно, в страшной спешке, была переведена на русский язык и опубликована в газетах. Александр произносил много речей, но никогда еще они не попадали целиком на газетные полосы. Что же услышали в этот день польские депутаты, а вместе с ними и вся Россия, из уст державного повелителя?

«Образование, существовавшее в вашем краю, — говорил Александр, — дозволило мне ввести немедленно то, которое я вам даровал, руководствуясь правилами законно-свободных учреждений, бывших непрестанно предметом моих помышлений и которых спасительное слияние надеюсь я с помощью Божией распространить и на все страны, Провидением попечению моему вверенные. Таким образом, вы мне подали средство явить моему отечеству то, что я уже с давних лет ему приуготовляю и чем оно воспользуется, когда начала столь важного дела достигнут надлежащей зрелости». Русские люди с изумлением услышали от императора, что правила «законно-свободных учреждений» были предметом его «непрестанных помышлений», что он считает их ни более и ни менее как «спасительными» и, больше того, надеется распространить их «спасительное действие» на все подвластные ему земли и народы. Впервые Александр I признавался в том, что «с давних пор приуготовлял» России конституцию. Конечно, для нескольких ближайших друзей императора эти мысли были отнюдь не новы, но произнесенные гласно не только на всю Россию, но и на весь мир, они приобретали совершенно иное звучание. «Вы призваны, — говорил Александр I, обращаясь

к депутатам сейма, — дать великий пример Европе, устремляющей на вас свои взоры. Докажите своим современникам, что законно-свободные постановления (*les institutions libérales*), коих священные начала смешивают с разрушительным учением, угрожавшим в наше время бедственным падением общественному устройству, не суть мечта опасная, но что, напротив, таковые постановления, когда приводятся с чистым намерением к достижению полезной и спасительной для человечества цели, то совершенно согласуются с порядком и общим содействием, утверждают истинное благосостояние народов. Вам предложит ныне явить на опыте сию великую и спасительную истину»¹.

Александр представал в этой речи искренним сторонником конституционного устройства вообще и России в частности. В противовес насильственному способу его осуществления, который им решительно осуждался, император предлагал использовать опыт введения конституции «сверху». Прямо говорилось о том, что предлагаемое нововведение — опыт и от успеха или неуспеха его зависят будущие преобразования во всей России. В целом, оценивая речь Александра, нельзя не признать, что император высказался вполне определенно, не оставив никаких сомнений насчет своих намерений.

Правда, о распространении конституционных порядков на всю территорию страны Александр говорил крайне осторожно и в самой общей форме. И тем не менее слова о возможности и желательности конституции для России были произнесены.

О возможности присоединения к Польше западных губерний в речи вовсе не упоминалось. Но слухи, что такое намерение у Александра I было, все-таки проникали в общество. В предыдущей главе уже говорилось, что они послужили поводом к вызову одного из молодых членов тайного общества убить императора. Правда, это был лишь мгновенный порыв, закончившийся после того, как разъяснилась абсурдность полученного известия, но сама по себе вся эта история очень симптоматична.

Молниеносно разнесшаяся по России речь Александра I произвела впечатление разорвавшейся бомбы. В разных слоях общества она была встречена по-разному.

Сразу же после ее произнесения генерал А. И. Чернышев, находившийся в свите Александра, писал А. А. Аракчееву: «Все, что ни

¹ Московские ведомости. 1818. № 29. С. 575–577; Северная почта. 1818. № 26.

произнес его императорское величество в сем великолепном и многочисленном собрании, восхитило поляков и возбудило во всех сердцах живейшие чувства. Не было еще примера, чтоб монарх объяснял всю тайну своих мыслей своему народу и вообще всему свету с такою откровенностью. Речь государя, начертанная собственною его рукою, как он мне сам изволил показывать, содержит столь лестные надежды для поляков и в последствиях столь важную перемену, могущую произойти в управлении России, что не может не произвести величайшего впечатления. Не только у нас, но и во всей Европе, где по настоящему положению обстоятельств и по большей наклонности умов к либеральным установлениям общее требование конституций не могло получить окончательного действия»¹. Письмо, достойное и автора, и адресата. Оно наполнено лестью в адрес императора, что и понятно — ведь кому оно адресовано. Но одновременно письмо дает представление о готовности некоторой части российской элиты поддерживать начинание императора.

Другие близкие к трону сановники были удивлены и даже шокированы. Почти сразу же возникло сомнение в реалистичности слов императора. Его флигель-адъютант А. И. Михайловский-Данилевский, также сопровождавший Александра I в поездке в Варшаву, записал в своем дневнике: «Русских, находящихся в Варшаве, всего более занимала речь, произнесенная императором при открытии народного собрания, в которой сказано было, что государь намерен был и в России ввести политическую свободу. Без сомнения, весьма любопытно было слышать подобные слова из уст самодержца, но надобно будет видеть, думал я, приведутся ли предположения сии в действие. Петр Великий не говорил, что русские дикие и что он намерен их просветить, но он их образовал без дальнейших о сем предварений»².

К недоверию в серьезности намерений императора в откликах на его речь присоединялся и мотив оскорбленного русского достоинства. Так, командующий русскими войсками на Кавказе, герой Отечественной войны 1812 года генерал А. П. Ермолов писал 30 апреля 1818 года своему другу дежурному генералу Главного штаба генералу А. А. Закревскому: «Я думаю, что судьба не доведет нас до унижения иметь поляков за образец и все останется при одних обещаниях всеобъемлющей перемены». Рассуждая о возможных последствиях уста-

¹ Дубровин Н. Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I (1807–1829 гг.). М.: ГПИБ, 2006. С. 217.

² Цит. по: Шильдер Н. К. Указ. соч. Т. IV. С. 92.

новления в России конституционной монархии, что, по его мнению, привело бы к освобождению крестьян и падению прежнего положения дворянства, Ермолов проницательно замечал: «Напрасно думают, что дворянство в России много потеряет от перемен: оно сыщет способ извлечь пользу из своего положения по мере той надобности, которую имеет простой народ, не в состоянии будучи найти в себе самом все способы заменить его по непросвещению своему, а потеряют одни правители, лишаясь дворянства яко подпоры, ибо оное, соединя близко свои выгоды с народом, найдет пользу быть с его стороны, и в руках правителя останется одна власть истребления, то есть силою оружия заставлять покорствоваться народ своей воле, когда законы запрещают раболепствовать перед нею!» Тонкое понимание механизма власти, невозможности соединить самодержавие с народным представительством заключено в этих словах заслуженного генерала. Свои рассуждения Ермолов заключал словами, в которых выражалась надежда на то, что планы Александра I не будут осуществлены: «Я очень верю, — писал он, — что при моей жизни не последует никакой перемены, то есть государь при жизни своей оной не пожелает»¹.

От речи Александра ожидали самых гибельных последствий. «Речь государя, на сейме говоренная, — писал А. А. Закревский генералу П. Д. Киселеву из Варшавы 31 марта 1818 года, — прекрасная, но последствия [для] России могут быть ужаснейшие, что ты из смысла оной легко усмотришь». «Я не ожидал, — добавлял Закревский, — чтобы он так скоро свои мысли по сему предмету объявил»². Киселев, отвечая ему 11 апреля из Тирасполя, отмечал, что речь Александра возбудила во 2-й армии надежды на возможные перемены («и здешние возмечтали много о будущем своем блаженстве»), но предвидел, что «толки будут разные». «Удивление же твое насчет откровенности, — заканчивал Киселев, — я весьма разделяю, но к удивлению нам, кажется, уже не привыкать»³. Характерно, что стоявших достаточно близко к Александру I генералов удивляла вовсе не его приверженность конституции, а то, что он осмелился ее так решительно и, с их точки зрения, поспешно высказать.

В среде помещиков-крепостников заявления Александра I были однозначно истолкованы как сигнал о близящемся освобождении крестьян. Они точно уловили взаимозависимость и взаимообуслов-

¹ Сб. РИО. СПб., 1890. Т. 73. С. 280–281.

² Там же. СПб., 1891. Т. 78. С. 192.

³ Там же. С. 2.

ленность процессов социального и политического освобождения. И хотя, конечно, Александр I не говорил в Варшаве ни слова о перспективах крестьянской реформы, но слух о скором освобождении крепостных сейчас же пронесся по России. В составленном в мае 1819 года «Обзрении духа народного» прямо указывалось, что в народе говорили, будто в августе 1818 года должен был последовать указ об освобождении крепостных крестьян¹.

Слухи о том, что заявив о намерении распространить «законно-свободные учреждения» на Россию, Александр I имел в виду немедленное освобождение помещичьих крестьян, распространились и по Москве. Все это вызвало там, по словам М. М. Сперанского, «припадки страха и уныния». «Припадки сии, увеличенные расстоянием, проникли и сюда, — писал он 2 мая 1818 года из Пензы А. А. Столыпину. — И хотя теперь все еще здесь спокойно, но за спокойствие сие долго ручаться невозможно. Опасность не в существе дела, ибо нельзя себе представить (хотя и представляю многие), чтоб правительство пустило на отвагу дело столь важное и не приуготовило бы все пути его установлениями постепенными и твердыми, без колебания и торопливости. Но опасность состоит именно в сем страхе, который теперь везде разливается. Можно ли предполагать, чтоб чувство, столь заботливое и беспокойное, сохранялось в тайне, в одном кругу помещиков? Как же скоро оно примечено будет в селениях (событие весьма близкое), тогда родится или, лучше сказать, утвердится (ибо оно уже существует) общее в черном народе мнение, что правительство не только хочет даровать свободу, но что оно уже ее и даровало и что одни только помещики на допускают или таят ее провозглашение. Что за сим следует, вообразить ужасно, но всякому понятно... Но каким образом, спросите вы или, лучше сказать, спросят близорукые наши либералисты, каким образом из двух или трех слов варшавской речи могут произойти столь огромные и с самым смыслом сих слов несообразные последствия?.. Если помещики, класс людей, без сомнения, просвещеннейший, ничего в сей речи не видят, как свободу крестьян, то как можно требовать, чтоб народ простой мог что-либо другое тут видеть? Во всех государствах мало, а у нас еще менее людей, кои знают различие между свободою политическою и гражданскою. По всей вероятности (интересно, что даже Сперанский счел необходимым сделать здесь оговорку. — С. М.), смысл речи относится

¹ Толки и настроения умов в России по донесениям высшей полиции в С.-Петербурге с августа 1818 по 1 мая 1819 г. // Русская старина. 1881. № 11. С. 669.

прямо к первой; вторая же *может быть* или по крайней мере *должна быть* отдаленным и постепенным ее последствием»¹.

Об аналогичном понимании речи Александра I петербургским обществом свидетельствовал граф Ф. В. Ростопчин, писавший графу С. Р. Воронцову: «Из Петербурга пишут конфиденциально, что речь императора в Варшаве, предпочтение, оказанное им полякам, и дерзость тех вскружили головы; молодые люди просят его о конституции. Все это кончится смещением дюжины главных болтунов; ибо умеют кричать, но не восставать и возмущаются только языком. Под конституцией разумеют освобождение крестьян, которое противоречит желанию дворянства, но не захотят ограничить свою власть и подчинить себя господству правосудия и разума»². Как и большинству современников, Ростопчину казалось невозможным, чтобы Александр I решился добровольно ограничить свою власть.

Противоположное впечатление конституционные декларации императора произвели на прогрессивную часть общества. «Варшавские речи, — писал Н. М. Карамзин И. И. Дмитриеву 29 апреля 1818 года, — сильно отозвались в молодых сердцах: спят и видят конституцию; судят, рядят; начинают и писать — в „Сыне Отечества“ в речи Уварова; иное уже вышло, другое готовится. И смешно, и жалко! Но будет, чему быть»³. Декабрист С. Г. Волконский, вспоминая о впечатлении, произведенном на него вестью о варшавской речи Александра I, писал: «Слова его о намерении его распространить и в пользу России вводимый им конституционный порядок управления сильное произвели впечатление в моем сердце, как по любви моей к отечеству, так и по желанию моему, чтоб отечество выдвинулось из грязной колеи внутреннего своего быта»⁴. Хорошо известно, какие надежды речь императора породила в среде декабристов⁵.

Близящееся освобождение крестьян и неминуемые крестьянские бунты, слишком поспешное оглашение намерений императора, с одной стороны, неверие в реальность воплощения их в действительность, с другой, страх и надежды — все это явственно звучит в от-

¹ Русский архив. 1869. № 10. Стб. 1697–1703.

² Архив князя Воронцова. М., 1876. Т. 8. С. 363.

³ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 236–237.

⁴ Волконский С. Г. Записки // Серия «Полярная звезда». Документы и материалы / Издание подготовлено А. З. Тихановской, Н. Ф. Караш, Б. Н. Капелюш. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1991. С. 354–355.

⁵ Ланда С. С. Дух революционных преобразований .. Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов. 1816–1825. М.: Мысль, 1975. Глава 1 От «древней свободы» к представительному правлению; Глава 2. Государство в государстве.

кликах современников на варшавскую речь Александра I. Никто из них, впрочем, не сомневался, что само решение сделать такие заявления — результат серьезных размышлений. Яснее всего это выразил П. А. Вяземский, находившийся в то время в Варшаве и служивший в канцелярии Н. Н. Новосильцева. Вообще скептически относившийся тогда к власти, но вместе с тем жадно откликавшийся на каждую возможность содействовать любому ее шагу к преобразованиям, он писал 3 июня 1818 года А. И. Тургеневу: «Пустословия ту искать нельзя: он говорил от души или с умыслом дурачил свет. На всякий случай я был тут, арзамасский уполномоченный слушатель и толмач его у вас. Можно будет припомнить ему, если он забудет»¹. Характерно, что Вяземскому, еще не вполне определившему свое место в общественной борьбе тех лет («декабрист без декабря», как метко назвал его С. Н. Дурылин), тем не менее возможность при известных условиях «напомнить» власти о несбывшихся обещаниях не казалась чем-то несбыточным.

Благодаря тому, что Вяземский служил в канцелярии Новосильцева, оказалось возможным восстановить ход событий, последовавших за выступлением Александра I в Варшаве. Воспоминания Вяземского, его обширная переписка с оставшимися в Петербурге друзьями сохранили для нас ценнейшие сведения.

Выше уже упоминалось, что речь, произнесенная императором 15 марта, переводилась в необычайной спешке. Вяземский принимал в переводе непосредственное участие. Вот как он вспоминал об этом: «Карамзин в письме к Дмитриеву говорит, что мне должно выдрать бы уши за перевод мой речи, произнесенной императором Александром на варшавском сейме; разумеется, обвинение падает на неправильность языка. Здесь есть некоторый повод к оправданию. Не вся речь переведена мною. Новосильцев около полночи прислал в канцелярию французский подлинник для немедленного перевода его на русский язык. Многие слова политического значения, выражения чисто конституционные были нововведениями в русском изложении. Надобно было над некоторыми призадумываться. Для скорости мы разобрали речь по клочкам и разделили их между собою, чиновниками канцелярии. Каждый переводил как умел. Но я остался как-то официальным и ответственным переводчиком речи. Государь был переводом доволен... Кстати скажу, что и после был я в канцелярии

¹ Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. 1812–1819 // Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 1. С. 105.

Новосильцева главным действующим лицом по редакционной русской части»¹.

За первым переводом последовал перевод речи императора при закрытии сейма. В ней Александр I высоко оценил работу польского парламента и прямо заявил о своей приверженности к гласному и свободному обсуждению нужд государства. «Из предложенных вам проектов законов, — говорил он, — только один не одобрен большинством обеих палат. Внутреннее убеждение и прямотушие руководило сим решением. Мне очень приятно, потому что вижу в нем независимость ваших мнений. Свободно избранные должны и рассуждать свободно. Чрез ваше посредство надеюсь слышать искреннее и полное выражение общественного мнения, и только собрание, подобное вашему, может служить правительству залогом, что издаваемые законы согласны с существенными потребностями народа»².

Первые конституционные опыты оказались, таким образом, успешными и произвели благоприятное впечатление на Александра I. Его не смутило, что сейм в первый же созыв воспользовался своим правом вето и отклонил законопроект о браке, внесенный Министерством юстиции. Он вполне согласился с таким ограничением своих прав, видя, что сейм «всячески старался, кроме законодательного усердия, выказать возможно более благожелательное отношение к правительственным законопроектам». Заключительные слова царя: «Я дорожу выполнением моих намерений. Они вам известны» — прозвучали как новое подтверждение обещаний, данных за три недели до этого. Конституционное устройство части Российской империи стало свершившимся фактом.

Обязанности, возложенные на Вяземского Новосильцевым во время первого варшавского сейма, состояли, как мы видели, в переводе на русский язык речей Александра I. В обоих случаях он столкнулся с немалыми трудностями: в русском языке не было аналогов конституционной терминологии, столь развитой во французском политическом обиходе. Не случайно качество перевода первой речи Александра I вызвало уже упомянутый неблагоприятный отзыв Карамзина. Правда, в письме Вяземскому от 8 апреля 1818 года Карамзин был более сдержан в оценке перевода («он хорош, со вре-

¹ Вяземский П. А. Автобиографическое введение // Полн. собр. соч. СПб., 1878. Т. 1. С. XXXV; ср. примечания, сделанные Вяземским к его «Исповеди» в «Старой записной книжке» (Там же. СПб., 1884. Т. 9. С. 106).

² Богданович М. И. Указ. соч. С. 376.

менем будет у вас более легкости в слоге») и сделал лишь несколько замечаний терминологического характера. Карамзин резко возражал против того, чтобы переводить *liberal* как законно-свободный. «*Libéral*, — писал он, — в нынешнем смысле *свободный*; а *законно-свободный* есть прибавок. В старину говорили, что закон с свободою живут как кошка с собакою. Всякий закон (гражданский) есть неволя. Но это *глубоко* и заведет нас *далеко*»¹. Из текста его письма ясно, что эти замечания не имели в виду исправления уже в готовом переводе, а делались вообще и впрок.

Вяземский тут же воспользовался возможностью обсудить сложные вопросы лексики с таким знатоком русского языка, как Карамзин. В двух следующих письмах, от 20 и 30 мая, Карамзин явно в ответ на просьбу Вяземского (к сожалению, сами письма Вяземского к Карамзину не сохранились) возвращался к терминологическим вопросам. Особый интерес представляет последнее письмо. «Смело переводите, — писал Карамзин, — *régence*, *regent* *правление* и *правитель*, а *gouvernement* *правительство*, *administrative* *управительный*, но *attribution* лучше *принадлежность*, нежели *присвоение*, которое значит другое. *Foncière* не *поземельная*, а *недвижимая*. Не сказал бы я ни *узакониться*, ни *укорениться*; лучше *вступить в подданство*, *сделаться гражданином* и проч. *Туземец* — хорошо»². Понятно, что все это ответы на вопросы, заданные Вяземским в процессе какой-то переводческой работы. Сам контекст писем Карамзина показывает, что переводился какой-то конституционный документ.

К переводу какого же документа мог приступить Вяземский в мае? На этот вопрос он сам ответил достаточно определенно в «Исповеди», написанной в 1829 году. Вот как он излагал ход дела: «На меня был возложен перевод речи, произнесенной государем... Вслед за этим поручен мне был перевод на русский язык польской хартии и дополнительных к ней уставов образовательных. Спустя несколько времени поручено было Новосильцеву государем императором составить проект конституции для России»³. Если 17 апреля Вяземский закончил перевод заключительной речи Александра I, то, несомненно, после этого он мог заниматься только переводом польской конституции и дополнительных актов к ней, что было подготовкой к ра-

¹ Письма Н. М. Карамзина к князю П. А. Вяземскому // Старина и новизна. СПб., 1897. Кн. 1. С. 49.

² Письма Н. М. Карамзина к князю П. А. Вяземскому. Кн. 1. С. 54.

³ Вяземский П. А. Указ. соч. СПб., 1879. Т. 2. С. 86.

боте над конституцией для России. Именно о завершении работы над переводом на русский язык польской конституции Вяземский писал А. И. Тургеневу 22 июля 1818 года: «Так как до сего времени не имел еще канцелярской работы по отъезде государя, то над конституцией сидел у себя дома. Я ее отваял. Пришли мне, если можно, печатные проекты Сперанского; он был большой ковач слов, а я теперь словами промышляю»¹.

К сожалению, нет никаких данных, позволяющих точно установить время, когда в канцелярии Новосильцева началась работа над проектом российской конституции. Однако воспоминания Вяземского («Автобиографическое предисловие» к полному собранию его сочинений), пускай лишь фрагментарно, но все-таки позволяют восстановить, как шла работа над проектом российской конституции: «В канцелярии был у нас юрист и публицист француз Deschamps. Ему Новосильцев передавал соображения и мысли свои: француз, набивший руку себе во Франции в изготовлении и редакции подобных проектов, писал их, так сказать, прямо набело. Переливка этих работ в русские формы наложена была на меня»².

Как видим, в воспоминаниях Вяземского нет подробностей, но общая картина достаточно ясна. Идеи проекта, несомненно, принадлежали Александру I и Новосильцеву, их конкретное развитие и воплощение — П. И. Пешар-Дешану, «переливка в русские формы» — П. А. Вяземскому.

Новосильцев при всех его недостатках был государственным деятелем большого масштаба, обладал острым умом и сильной волей. Получив разнообразное и глубокое образование (правда, домашнее), он имел обширные знания по истории, праву, дипломатии, политической экономии. По словам А. Чарторыйского, в начале александровского царствования «никто не превосходил его по части государственного управления, какие только можно было почерпнуть из современной французской и английской литературы»³. В конце XVIII века Новосильцев побывал в Англии, где познакомился с английской парламентской системой. Будучи по матери родственником Строгановых, Новосильцев во время французской революции ездил в Париж, чтобы возвратиться в Россию своего двоюродного брата П. А. Строганова под именем «гражданина Очера», вступившего в якобинский

¹ Остафьевский архив. Т. 1. С. 109.

² Вяземский П. А. Указ. соч. Т. 1. С. XXXV–XXXVI.

³ Чарторыйский А. Мемуары. М., 1912. Т. 1. С. 284.

клуб. Именно последний и познакомил затем Новосильцева с А. Чарторыйским и ввел его в круг «молодых друзей» будущего императора Александра.

С воцарением Александра и началом деятельности Негласного комитета Новосильцев стал одним из самых влиятельных его членов, участником всех начинаний «молодых друзей». В 1803–1808 годах он занимал пост товарища министра юстиции, да и в дальнейшем находился на важных государственных постах. По поручению Александра I он принимал деятельное участие в составлении польской конституции, а затем был назначен в Варшаву «императорским комиссаром», призванным наблюдать за процессом введения в действие конституционной хартии 1815 года и осуществления ее на практике.

Петр Иванович Пешар-Дешан находился при Новосильцеве к этому времени уже около двадцати лет¹. В 1807–1808 годах Пешар-Дешан был младшим помощником референдаря в первой экспедиции Комиссии составления законов². Получив известие о смерти Дешана, А. И. Тургенев вспоминал в письме Вяземскому, что тот был его «товарищем в Комиссии законов»³.

Подготовка проекта конституции для России шла в обстановке строжайшей тайны. Вяземский не был посвящен во все детали и выполнял только отдельные поручения Новосильцева. Именно этим объясняются взлеты и падения настроения Вяземского, которые нашли отражение на страницах его переписки этого периода⁴. Он то загорался, когда чувствовал свою востребованность, то предавался унынию и думал покинуть службу, когда, как ему казалось, дело с конституцией «замирало».

Весной 1819 года работа над конституцией для России, судя по письмам Вяземского, опять оживилась. 17 марта 1819 года он писал А. И. Тургеневу: «Правительство наше, как ребенок, шалит и говорит: „Никто не увидит“. Пора, пора приставить к нему в дядьки представительство народное; пусть дядька будет и глуповат, но все дите будет немного помирнее». Рассуждения Вяземского переносятся затем из теории в область практического применения конституционных принципов: «Беда только, как дядька не забудет, что он из рабов

¹ Schiemann Th. Eine Konstitution für Rußland vom Jahre 1819 Historische zeitschrift 1894 Bd. 72. S. 65.

² Остафьевский архив. Т. 1. С. 650.

³ Там же. С. 340.

⁴ Подробнее см.: МIRONENKO С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М.: Наука, 1989. С. 188–184

и станет на все говорить: „Ваша господская воля“. Вот этого одного боюсь, а глупости меня не пугают»¹.

За событиями в Варшаве пристально следили в европейских странах, используя для этих целей своих дипломатических представителей. Так, 2 мая 1819 года прусский консул в Варшаве Шмидт писал министру иностранных дел графу Бернсторфу: «Русская конституция здесь уже давно закончена одним французом, состоящим при Новосильцеве»². Как выяснилось позже, Шмидт поспешил заявить о готовности конституции. Речь шла только о разработке «Краткого изложения основ» конституции.

В октябре 1819 года в Варшаву на открытие второго польского сейма приехал Александр I. Приезд императора стал важной вехой в работе над русской конституцией. Шмидт писал в своем донесении в Берлин, отправленном 15 октября 1818 года: «16 (т. е. 4 октября по старому стилю) ночью, в момент отъезда, император просмотрел проект конституции. После размышления и обсуждения с г. Новосильцевым его величество наконец окончательно принял ту ее основу, которую я имею счастье при сем почтительнейше представить вашему превосходительству и чью подлинность я могу засвидетельствовать, так как сам видел замечания, собственноручно внесенные монархом. На этой основе теперь здесь должно быть разработано великое дело и представлено его величеству самое позднее через два месяца». По словам Шмидта, Александр I с величайшим нетерпением ожидал конца работы. Работа велась «в такой тайне, что сам великий князь Константин не был извещен об этом»³.

Как видно из этого документа, к октябрю 1819 года в канцелярии Новосильцева были разработаны основные принципы конституционного проекта. Именно они и были утверждены императором, который дал два месяца на подготовку полного текста.

Шмидту удалось добыть копию утвержденной Александром I «основы» и отправить ее в Берлин. Документ был озаглавлен «*Precis de la charte constitutionnelle pour l'Empire Russe*», то есть «Краткое изложение основ конституционной хартии Российской империи».

«Краткое изложение основ» написано по-французски и вполне оправдывает свое заглавие — его текст занимает всего две с полови-

¹ Остафьевский архив. Т. 1. С. 243.

² Цит. по: Вернадский Г. В. Государственная уставная грамота Российской империи 1820 года. Историко-юридический очерк. Прага, 1925. С. 57.

³ Schiemann Th. Op. cit. S. 65.

ной странички. Документ разделен на семь глав, каждая из которых имеет свой заголовок.

Первое, что бросается в глаза при чтении «Краткого изложения основ», это строгое определение границ власти императора. По смыслу второй главы, озаглавленной «Правительство» (*Gouvernement*), императору предоставлялась исполнительная власть. Он объявлялся верховным главой церкви и государства, а функции его определялись так: «Он один располагает всеми военными силами, объявляет войну, заключает договоры, назначает на все должности в империи и т. д.» В главе «Законодательство», что очень важно, нет ни слова о прерогативах императора. Правда, содержащаяся в документе формула: «Верховная власть неделима и принадлежит персоне монарха» — оставляла широкое поле для непредсказуемого расширения прав императора в будущей конституции и особенно в применении ее на практике. На возможность этого указывают и отдельные формулировки, содержащиеся в других главах документа. Так, за императором сохранялось право на помилование, и он, таким образом, становился над всей судебной системой (против чего, напомним, решительно выступал Сперанский в своем проекте 1809 года, где он предлагал уничтожить право приносить императору жалобы на решения судов). Кроме того, указывалось, что «созыв, отсрочка, роспуск сеймов (так, по примеру польской конституции, в документе назывался парламент. — *С. М.*) и обновление депутатов будут сходны с тем, что предписано по этим предметам в польской конституции». Так же как и в польской конституции, за императором сохранялось право единолично определить первый бюджет, хотя в дальнейшем его утверждение вручалось парламенту. При выборе депутатов в общероссийский и местные парламенты император получал важное право окончательного утверждения депутатов из избранных кандидатов.

Законодательная власть передавалась общероссийскому парламенту («общий сейм будет обсуждать законы»). При этом, однако, ничего не говорилось о том, кому будет принадлежать право законодательной инициативы. Вообще эта часть «Краткого изложения основ» была наименее развита. Раздел «Законодательство» сведен был, по сути, к иерархическому расположению законодательных актов. «Законодательная власть, — говорилось в нем, — включает в себя:

- 1) Законы, то есть законные постановления, основанные на незыблемых принципах.

2) Положения, уставы и регламенты о порядке и управлении государством.

3) Указы, декреты, распоряжения и предписания по частным делам и случайным вопросам».

Эти формулировки прямо указывают на знакомство составителя «Краткого изложения основ» с проектами М. М. Сперанского.

Одной из важнейших черт рассматриваемого документа является четко выраженный в нем принцип равенства всех перед законом («закон охраняет равно всех граждан без исключения»).

Коренное переустройство государственной жизни страны выражалось прежде всего в образовании представительного учреждения — общероссийского парламента. Он должен был состоять из двух палат: верхней — Сената, члены которого (сенаторы) назначались императором, и нижней — палаты депутатов, члены которой были выборными.

Принципиальным отличием этого документа от конституционных проектов, например, декабристов являлся принцип федеративного устройства государства. По «Краткому изложению основ» Россия должна была делиться на десять наместничеств. Они, в свою очередь, делились на губернии, губернии — на уезды, уезды — на округа. В каждом из наместничеств должен был быть создан свой «наместнический» парламент. Функции этих последних в документе не были определены. Там упоминался лишь один вид их деятельности: «Жалобы на правительственных служащих будут заноситься в тетради, которые местные сеймы направят сеймам наместничеств для передачи общему сейму и, наконец, императору». Однако ясно, что им отводилась роль местных парламентов, призванных обсуждать все местные проблемы.

Местные парламенты предполагалось сделать также двухпалатными. Верхней палатой «наместнического» парламента должен был стать один из департаментов реорганизованного Сената, нижняя формировалась бы из числа выбранных депутатов. «Для формирования парламента наместничества, — сказано в „Кратком изложении основ“, — каждый уезд избирает трех депутатов от дворянства и трех членов от горожан (bourgeoisie)». Однако из шести избранных депутатами становились лишь четверо: «Имп[ератор] назначает без различия четырех из этих шести кандидатов для заседания в сейме наместничества». Если учесть при этом, что «буржуазия» может «избирать своих депутатов и из числа дворян», ясно, какие преимущества

получало господствовавшее сословие империи при выборах в парламент. Еще более значительным было влияние императора на формирование нижней палаты общероссийского парламента. «Чтобы составить общий сейм империи, — говорилось в „Кратком изложении основ“, — сейм каждого наместничества изберет четверть своих членов, а император назначит половину этих избранных подданных, из которых и составит палата депутатов общего сейма».

Право быть избранным в сейм получали все дворяне, внесенные в дворянские книги, а также все землевладельцы недворяне, купцы первых двух гильдий, «артисты трех свободных искусств» и хозяева мастерских. Об имущественном цензе не упоминалось, не был затронут вопрос о том, кому предоставлялись избирательные права. Однако, конечно, ни помещичьи и удельные, ни государственные крестьяне к выборам не допускались, как это предусматривала и польская конституция. О возрасте депутатов было сказано только, что «он установлен равным образом» — по-видимому, с возрастом сенаторов, который был определен в 25 лет.

В отношении судопроизводства в «Кратком изложении основ» был зафиксирован важнейший принцип независимости суда: объявлялось о независимости судей. В каждом наместничестве должен был быть учрежден апелляционный суд; кроме того, в одной из двух столиц предполагалось создать «верховный суд для всей империи».

Коренным образом должны были измениться структура и функции Сената. Он разделялся на департаменты по числу наместничеств, и каждый департамент становился верхней палатой «наместнического» парламента, располагаясь соответственно в главном городе наместничества. «Департамент Сената, который будет находиться в столице, где будет созываться общий сейм империи, — говорилось далее, — составит его верхнюю палату». Кроме того, частью сенаторы по назначению императора должны были стать «председателями высших судебных мест».

Специальная часть «Краткого изложения основ» была посвящена новой организации управления страной. Высшим административным органом страны признавался Государственный совет, который состоял из «всех министров, имеющих ведомства, и других членов по выбору императора». Задачей Государственного совета должно было стать обсуждение «всех предметов, до управления империи относящихся». Подобные правительственные кабинеты предусматривалось создать и в наместничествах: «В каждом наместничестве общее

собрание во главе с наместником состоит из всех глав администрации, соответствующих каждому министерству, и из других персон, назначаемых императором». Связь общих собраний наместничеств с центральным правительством поручалось осуществлять так называемым «государственным секретарям», каждый из которых «следит по своему министерству за ходом различных дел, относящихся до отрасли».

В заключение говорилось об «органических регламентах», которые по примеру того, как было сделано после принятия польской конституции 1815 года, должны будут определить «развитие и проведение в жизнь основных статей хартии». В целом рассмотренный документ представлял собой типичный образец европейского законодательства того времени. В нем нашли отражение самые существенные черты политических теорий: разделение властей, независимость одной ветви власти от другой, равенство всех перед законом, наконец, само народное представительство. Однако краткость документа и неразработанность многих важнейших положений делают его оценку затруднительной. Ясно одно, что власть, предоставленная императору, возможность влиять на многие жизненно важные вопросы государственного бытия делали этот документ одним из самых консервативных документов того времени.

Как же развивались события дальше? Прежде всего надо сказать, что с этого времени в Европе стало известно о работе в Варшаве, в канцелярии Новосильцева на проекте конституции для России. 9 ноября 1819 года в парижской газете Бенжамена Констана «Le Constitutionnelle» на основании «письма из Варшавы, пришедшего необычным путем», была напечатана заметка о близящемся введении конституции в России, где сжато давалось «Краткое изложение основ». Заметка заканчивалась словами, выражавшими известное недоверие конституционным замыслам русского правительства: «Все это не будет ли просто игрой демагогической партии?»¹

Появившееся в печати известие взволновало прусское правительство. Депешей от 16 ноября прусское Министерство иностранных дел поручало посланнику в Петербурге выяснить все обстоятельства дела и сообщить возможно больше подробностей². В декабре депеша такого же содержания была отправлена Меттернихом из

¹ Le Constitutionnelle. № 326.

² Вернадский Г. В. Указ. соч. С. 67.

Вены австрийскому посланнику в России Лебцельтерну¹. Ответы того и другого были аналогичны. Русская конституция, писали они в своих донесениях, отправленных соответственно 22 декабря 1819 года и 5 февраля 1820 года, не имеет шансов на осуществление². В 20-х числах января 1820 года прусскому посланнику Шеллеру удалось составить список «Краткого изложения основ» и отослать его в Берлин. Он оказался тождественен списку Шмидта³. Это доказывает, что документ был увезен Александром I в Петербург и стал там достаточно широко известен.

Возвратившись в Петербург и желая начать практическое осуществление одобренных им принципов, Александр поступил так же, как поступал задолго до этого с проектами Сперанского. Он начал осуществление плана по частям, не раскрывая исполнителям общего замысла. Александр I решил учредить одно новое генерал-губернаторство (наместничество), которое впоследствии могло стать образцом для остальных. 4 ноября 1819 года А. Д. Балашов был назначен генерал-губернатором пяти губерний: Тульской, Орловской, Воронежской, Тамбовской и Рязанской⁴.

Осведомленные современники сразу заметили связь нового назначения и образования генерал-губернаторства с конституционными планами императора. В 1829 году И. И. Дибич, в 1823 году сменивший князя П. М. Волконского на посту начальника Главного штаба, рассказывал А. И. Михайловскому-Данилевскому: «Император Александр хотел посредством учреждения генерал-губернаторств ввести конституционное управление, начав с того, чтобы из каждого генерал-губернаторства находилось в Совете по несколько депутатов или представителей, но мера сия или предположение не удалось». Отказ Александра I от первого шага к конституционной реформе Дибич объяснял тем, что «выбор первоначальный генерал-губернаторов был неудачен, что в Варшаве представители народные позволили себе слишком много вольности, что в это время возникли революции в Греции, в Италии, в Неаполе и в Пьемонте». «До Ахенского конгресса государь, который был исполнен республиканских правил... был предан конституционным правилам, — продолжал Дибич, проница-

¹ Stern F. Die Ergänzung zu der Mitteilung «Eine Konstitution für Russland vom Jahre 1819» // Historische Zeitschrift. 1894. Bd. 73. S. 285.

² Ibid. S. 286–287; Вернадский Г. В. Указ соч. С. 68

³ Вернадский Г. В. Указ соч. С. 68.

⁴ Шильдер Н. К. Указ соч. Т. IV. С. 471. Прим. 243, см также: письмо А. И. Тургенева П. А. Вяземскому от 6 ноября 1819 года // Остафьевский архив. Т. 1. С. 344–346.

тельно улавливая поворотный рубеж для Александра I в его отношении к конституционным идеям, — но со времени сего конгресса он начал от оных понемногу удаляться»¹.

В 1818 году «слух о разделении всей страны на 12 наместничеств» обсуждался в письме А. П. Ермолова А. А. Закревскому². К этому же году, по обоснованному предположению Г. В. Вернадского, относится расписание губерний по двенадцати генерал-губернаторским округам, сохранившееся в бумагах Комитета от 6 декабря 1826 года³. В соответствии с этим расписанием VII округ с главным городом Тулой как раз и составляли те губернии, которые в ноябре 1819 года были включены в генерал-губернаторство Балашова.

В указе от 19 января 1820 года, которым официально объявлялось о создании столь необычной административной единицы, цель назначения Балашова сформулирована крайне туманно: «отправить-ся к своему назначению и по прибытии туда, начав осмотром... губерний на правилах, предписанных в инструкции сенаторам, назначаемым для обревизования губерний, 17 марта 1819 года изданной, действовать далее на основании Учреждения об управлении губерний и других узаконений о должности генерал-губернатора». В конце указа говорилось, что в скором времени Балашов получит «инструкцию, приготавливаемую для генерал-губернаторов»⁴. Но такой инструкции Балашов так никогда и не получил.

В архиве Балашова сохранились сделанные им в 1820-х годах записи, в которых он передавал свои беседы с императором о своем новом назначении. Видимо, неопределенность положения, в котором он оказался, заставляла его вновь и вновь возвращаться мыслями к этим беседам в стремлении понять истинный смысл задуманных преобразований. Александр, как видно из этих записей, не был с ним полностью откровенен, но все же позволял себе намеки на будущие реформы, началом которых должно было стать новое генерал-губернаторство. Александр говорил Балашову о предстоящей реформе центрального управления и о том значении, которое он придавал в этой связи введению генерал-губернаторств. Предстоящие реформы Александр прямо называл продолжением тех преобразований, которые были начаты в 1810–1811 годах и прерваны войной. Теперь,

¹ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ). Ф. 488 (А. И. Михайловский-Данилевский). № 25 Л. 204–204 об.

² РИО. Т. 73. С. 306.

³ Там же. Т. 90. С. 212–213, *Вернадский Г. В. Указ. соч.* С. 36.

⁴ ПСЗ-I. Т. 37. № 28106. С. 24

после «утверждения прочного мира в Европе», говорил император, настало время вернуться к реформам, и для того чтобы их начать, «учреждаются области из нескольких губерний, под начальством генерал-губернатора соединенные».

Далее Александр заявил Балашову, что «новые генерал-губернаторства будут иметь существенную разницу с бывшими при Екатерине». «Генерал-губернатор, — говорил император, — есть всегдашний наблюдатель всякого распорядка в исполнении во вверенных ему губерниях или ежеминутный инспектор всех частей управления... Что как предлежать будут генерал-губернатору дела, касающиеся министерств, то и будут определены при нем чиновники от каждого для обрабатывания оных»¹. Последняя фраза напоминает об идее создания в каждом генерал-губернаторстве должности государственных секретарей, содержащейся в «Кратком изложении основ». Характерно также стремление Александра I поставить наместника по значению вровень с министром, то есть сделать его одним из первых в рядах высшей бюрократии.

После отъезда императора из Варшавы осенью 1819 года там должна была развернуться деятельная работа над проектом русской конституции. Отсутствие источников не позволяет восстановить ее в полной мере. Однако известно, что эту работу не пришлось вести главному сотруднику Новосильцева по этой части. П. И. Пешар-Дешан внезапно скончался. П. А. Вяземский писал А. И. Тургеневу 17 октября 1819 года: «Смерть за смерть! Вчера мы похоронили старика Deschamps, который четвертого дня умер скоропостижно на улице, ехавши домой с обеда, где пел и балагурил по-обыкновенному. Впрочем, он давно уже страдал от удушья. Покойник был добрый человек». «Я его любил, и мы насчет многого согласны были; я имел случай увидеть на опыте, что он желал мне добра», — многозначительно добавлял Вяземский.

В это время он, очевидно, находился в стороне от подготовки проекта конституции: в том же письме он с горечью сообщал А. И. Тургеневу, что «вовсе потерял веру» в Новосильцева². Тем не менее участие Вяземского в работе над конституционным проектом прервалось не окончательно: в переписке Вяземского с Н. М. Карамзиным встречаются упоминания о конституции. 3 ноября 1819 года Карам-

¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 9. Л. 4–4 об., ср.: РГИА. Ф. 1409 (I отделение Собственной Е. И. В. канцелярии). Оп. 1. Д. 3284. Л. 21.

² Остафьевский архив. Т. 1. С. 329–330.

зин писал: «Мы несколько раз говорили об Вас с государем, которого отзывы были очень лестны для Вас, любезнейший князь. Видите, что и *первое пришествие* было не бесплодно. Ждите второго с надеждою... В ожидании сего времени или вечности, если угодно, будем заниматься кое-чем: Вы — *новою всемирною конституциею* (курсив мой. — С. М.) и стихами, я — старою российскою историей и прозою»¹. Пять месяцев спустя в письме от 17 мая 1820 года Карамзин сетовал: «Бог знает, как давно не получали ни строки из Варшавы!» и осведомлялся: «Готовитесь ли к сейму и что сочиняете: речи ли, конституции ли?»² Легкая ирония, которой проникнуты эти письма историографа, очевидна: он всегда подтрунивал над горячностью и конституционными стремлениями молодого родственника (Вяземскому в это время было всего 28 лет). Однако они, тем не менее, доказывают сам факт занятий Вяземского конституцией.

В начале 1820 года в Варшаве побывал С. И. Тургенев, младший брат А. И. и Н. И. Тургеневых. Его дневник той поры содержит важные сведения о секретных конституционных вопросах, разрабатывавшихся в канцелярии Новосильцева. 11 января С. И. Тургенев занес в дневник свои первые впечатления: «Здесь я познакомился с князем Вяземским и г. Новосильцевым. Они приняли меня дружески и радушно. Проект Н[овосильцева] о Польше кажется лучшим, какой возможен в настоящих обстоятельствах. Дело идет об установлении во всех польских провинциях и в собственно России наместничеств и представительного правления, как здесь. В результате Царство Польское станет провинцией, каковой сейчас не является. У нас будет великая империя с провинциальными собраниями представителей»³. Четырьмя днями позднее Вяземский уже познакомил С. И. Тургенева с отдельными частями конституции. «Вчера читал мне к[нязь] Вяземский некоторые места из проекта российской конституции, — записал С. И. Тургенев 15 января. — Главные ее основания те же, что и в польской. Представители в наместничествах избираются народом, а из них потом выбирают члены главного сейма. Третью часть представителей на малых сеймах может пр[авительств]во исключить... Отвергаемость министров, свобода мнений (т. е. их объявления) гарантируется. Из этого следует, что три главнейшие подпоры гражданской свободы во-

¹ Письма Н. М. Карамзина к князю П. А. Вяземскому. С. 89–90.

² Там же. С. 101.

³ РО ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). Ф. 309 (Тургеневых). № 25. Л. 60 об. Оригинал на франц. яз.

площены в проекте конституции, остальное дополняется органическими законами, которых издание не надо торопить, дабы народ имел время понять новое свое положение». За это время, продолжал С. И. Тургенев, «познакомились бы с важнейшими предметами законодательства, которых им в первый раз представлено будет разрешать»¹.

Роль Вяземского в работе над конституционным проектом по-прежнему сводилась к переводам и редактированию текста. Но все-таки ему предстояло сыграть самостоятельную роль в этой истории. В 1820 году он представил готовый проект конституции в Петербурге императору Александру.

Вот что Вяземский писал в своей «Исповеди»: «Не помню когда, но проект, у нас составленный, был поднесен государю. В приезд мой в Петербург в лето 1819 года (здесь память изменила Вяземскому: он приезжал в столицу летом 1820 года²) имел я счастье быть у государя императора в кабинете его на Каменном острове. Велено мне было приехать в четыре часа после обеда за письмом к Н. Н. Новосильцеву. Государь говорил со мною более получаса. Сначала расспрашивал меня о Кракове, куда я незадолго пред тем ездил, изъяснял и оправдывал свои виды в рассуждение Польши, национальности, которую хотел сохранить в ней... от политического образования, данного Польше, перешел государь к преобразованию политическому, которое готовит России; сказал, что знает участие мое в редакции проекта русской конституции, что доволен нашим трудом, что привезет с собою доставленные бумаги в Варшаву и сообщит критические замечания Новосильцеву, что надеется привести непременно это дело к желаемому окончанию, что на эту пору один недостаток в деньгах, потребных для подобного государственного оборота, замедляет приведение в действие мысль для него священную; что он знает, сколько преобразование сие встретит затруднений, препятствий, противоречия в людях, коих предубеждения, легкомыслие приписывают сим политическим правилам многие бедственные события современные, когда при беспристрастнейшем исследовании люди сии легко

¹ РО ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). Ф. 309 (Тургеневых). № 25. Л. 67–67 об.

² Датировка свидания Вяземского с Александром I 1820-м, а не 1819 годом вытекает из описанного им далее своего участия в тот же приезд в организации общества с целью освобождения крепостных крестьян (об этом см. подробнее ниже). Ошибка Вяземского еще в 1908 году была отмечена Н. К. Кульманом (см.: *Кульман Н. К.* Из истории общественного движения в России в царствование императора Александра I // *Известия отделения русского языка и словесности Императорской академии наук.* СПб., 1908. Т. 13. Кн. 1. С. 99).

бы могли убедиться, что сии беспорядки проистекают от причин совершенно посторонних»¹.

Важные подробности разговора с императором Вяземский припомнил еще раз много позднее, когда в 1878 году писал в «Автобиографическом введении» к полному собранию своих сочинений: «В один из приездов моих в Петербург из Варшавы император удостоил меня особенною послеобеденною аудиенциею в Каменноостровском дворце. С полчаса, если не больше, изволил говорить он о трудах наших по канцелярии Новосильцева, о воззрениях своих на Польшу и на другие политические события и соображения.

Тут косвенно были, или по крайней мере так казалось мне, не буквально выраженные, но понятные намеки на противоположные мысли Карамзина; например, было сказано: „Некоторые думают, что беспорядки, свидетелями которых мы подчас бываем, присущи либеральным идеям, в то время как они не что иное, как злоупотребления этими идеями и принципами“ (в оригинале по-французски. — С. М.). Государь говорил также о предположениях своих в отношении к будущему государственному устройству России. Говорил он все время по-французски... Перевод слов *constitution* и *liberal* словами *государственное уложение* и *законно-свободный* принадлежит самому государю»².

Вяземский приехал в Петербург из Варшавы в 20-х числах мая 1820 года³ и пробыл там, съездив в середине июня на некоторое время в Москву, до середины июля⁴. Следовательно, к маю 1820 года проект российской конституции, подготовленный в духе «Краткого изложения основ», был не только готов, но и уже оказался в Петербурге у императора⁵. Вероятно, осенью 1820 года, когда Александр I вновь оказался в Варшаве, конституция была доработана и приобрела свой окончательный вид.

Она была составлена на двух языках — русском и французском и озаглавлена «La charte constitutionnelle de l'Empire de Russie». В русском переводе заглавие звучало так: «Государственная уставная гра-

¹ Вяземский П. А. Указ. соч. Т. 2. С. 87–88.

² Там же. Т. 1. С. XXXV–XXXVI.

³ Как установил В. И. Саитов, известие о приезде Вяземского появилось в 42-м номере «С.-Петербургских ведомостей» // Остафьевский архив. Т. 2. С. 400.

⁴ Первое письмо Вяземского А. И. Тургеневу, написанное после возвращения в Варшаву, датировано 24 июля // Остафьевский архив. Т. 2. С. 42.

⁵ Напомню, что в феврале 1820 г. в Петербурге было еще только «Краткое изложение основ», так как именно его, а не полный проект сумел добыть и отправить в Берлин прусский посланник Шеллер.

мота Российской империи». Конституция предусматривала создание в России двухпалатного парламента. «Да будет российский народ, — гласила статья 91, — отныне навсегда иметь народное представительство». Все основные законы империи должны были одобряться парламентом, им же рассматривался и одобрялся бюджет страны. В «Уставной грамоте» провозглашались гражданские свободы — свобода слова, свобода вероисповедания (правда, оговаривалось, что православная религия остается господствующей, а политическое и гражданское равноправие предусматривалось только для христиан), равенство всех перед законом, неприкосновенность личности, свобода печати. Конституция носила ярко выраженный патримониальный характер. Например, в отличие от современных ей западноевропейских конституций, где источником государственной власти единодушно признавался народ, в «Уставной грамоте» принцип суверенитета народа заменен принципом суверенитета императора. В статье 12 прямо говорилось, что «государь есть единственный источник всех в империи властей гражданских, политических, законодательных и военных».

Существенной уступкой прежним порядкам являлось сохранение в конституционном проекте всех дворянских привилегий: ни одна из них не уничтожалась. Показательно и то, что в «Уставной грамоте» не было ни одним словом упомянуто о крепостном праве. Авторы ее как будто не замечали не менее важной, чем политические институты, наболевшей проблемы российской действительности¹.

Безусловно, это была самая консервативная конституция тогдашнего мира, но все-таки это была конституция. Был заготовлен манифест о введении ее в действие. Оставалось только подписать документ и поставить дату. Но этого так никогда и не произошло.

Прежде чем попытаться объяснить, что помешало Александру I осуществить свои конституционные начинания, остановимся на том, как в это же время император пытался инициировать работу над реформой крепостных отношений.

В реальности антикрепостнических убеждений Александра I легко убедиться, если вернуться к началу его жизненного пути. В общую систему взглядов, привитых великому князю Александру Павловичу его воспитателем Ф. Лагарпом, органически входило представление о свободе человеческой личности как основе любого справедливо-

¹ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 3. Оп. 1. Д. 25.

го общественного устройства. Естественно, что речь шла о всеобщей свободе, не стесненной никакими социальными, сословными или иными рамками. В своем историческом курсе Лагарп внушал юноше представления о том, что крестьяне — самая неиспорченная и самая полезная часть общества. Из крестьян, утверждал Лагарп, вышло много великих людей, и главная беда современного положения крестьян заключается в том, что никто не заботится об их просвещении. Поэтому во многих странах (в их число входила, конечно, и Россия) крестьяне находятся в состоянии полного невежества. Обозревая историю крестьянских восстаний, Лагарп всегда оказывался на стороне протестующих и объяснял их выступления неразумной политикой правительств¹.

Конечно, подобные рассуждения могли внушить императору только самые общие представления, не оставляющие, впрочем, сомнений в безнравственности и противоестественности крепостного права. Но, как известно, нет ничего более прочного, чем идеи, усвоенные в ранней юности. Весной 1796 года, когда Лагарп был уже далеко, Александр Павлович признавался своему ближайшему другу Адаму Чарторыйскому, что он «ненавидит деспотизм везде, в какой бы форме он ни проявлялся, что любит свободу, которая, по его мнению, равно должна принадлежать всем людям». Уже тогда Александр ощущал полное одиночество и понимал, что почти ни с кем не может поделиться своими чувствами².

Возможность реализовать усвоенные в юности принципы открылась Александру I в марте 1801 года, когда он вззошел на российский престол. Оценивая всю далеко не однозначную деятельность императора в первое десятилетие его царствования, вплоть до начала Отечественной войны 1812 года, можно с уверенностью сказать, что в это время он не оставлял мысли о необходимости и неизбежности освобождения крестьян. Став императором, Александр сразу прекратил раздачу государственных крестьян в частную собственность. Это не требовало каких-то особенных приготовлений и резко пресекало распространение рабства вширь. Шаг этот одновременно продемонстрировал неодобрение, с которым император относился к крепостным отношениям.

Но пойти дальше, претворить общие представления в конкретные проекты, не говоря уже о проведении задуманных преобразова-

¹ Сухомлинов М. И. Указ. соч. С. 165–166.

² Шильдер Н. К. Указ. соч. Т. I. С. 309.

ний в жизнь, оказалось делом далеко не простым. В июне 1801 года начал заседания так называемый Негласный комитет — полуофициальный правительственный орган, созданный Александром I из его ближайших друзей-единомышленников А. Чарторыйского, П. А. Строганова, Н. Н. Новосильцева и В. П. Кочубея с целью подготовить «реформу бесформенного здания государственного управления». Заседания Негласного комитета проходили тайно под председательством самого императора в течение четырех с половиной лет¹.

На своих заседаниях Негласный комитет неоднократно обсуждал проблемы крепостного права. На заседании 11 ноября 1801 года было представлено три проекта указов, два из которых получили одобрение императора: указ, запрещающий продажу крестьян без земли, и указ, разрешавший купцам, мещанам и казенным крестьянам приобретать ненаселенные земли. Последний указ был утвержден довольно скоро — 12 декабря 1801 года, первый же не появился никогда.

Немаловажную роль в том, что продажа крестьян без земли не была прекращена, сыграло сопротивление высшей бюрократии. В Непременном совете — законосовещательном органе, составленном из крупнейших сановников империи и бывшем предшественником Государственного совета, указ о запрещении продажи крестьян без земли был решительно отвергнут. По мнению его членов, подобная «неосторожная» мера могла вывести из повиновения «простой народ, всегда жаждущий свободы». Члены Непременного совета опасались, чтобы крестьяне не приняли предлагаемую меру «за уменьшение или совершенное уничтожение прав помещичьих». Сломить сопротивление членов Совета не удалось даже самому императору, приехавшему на следующее заседание отстаивать исходящее от него предложение.

Александр не стал настаивать и отступил. 28 мая был издан именной указ президенту Академии наук — не принимать ни от кого для публикации в «Ведомостях» объявлений о продаже людей. После этого прежние объявления заменились сообщениями об отпуске крепостных в услужение, что ничего не меняло по существу — продажа крепостных без земли продолжалась².

Хотя практический итог обсуждения крестьянского вопроса в Негласном комитете оказался ничтожным и общий план преобра-

¹ Сафонов М. М. Указ. соч. С. 121–127

² Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России во второй половине XVIII века и первой половине XIX века. СПб., 1888. Т. 1. С. 241–242.

зования крепостной деревни выработан не был, но зато в самом узком кругу близких к Александру I государственных деятелей был обсужден и стал более или менее ясен ряд принципиальных вопросов. Прежде всего, ни у кого из членов Негласного комитета не осталось сомнений, что любая попытка прикоснуться к крепостному праву немедленно вызывает недовольство основной массы помещиков и, что особенно важно, высших сановников империи. Трезвое понимание неизбежности столкновения с подавляющим большинством дворянства накладывало неизгладимый отпечаток и на ход обсуждений внутри самого комитета, и на всю правительственную политику в крестьянском вопросе. Так, Н. Н. Новосильцев, выступая на заседании 18 ноября 1801 года, говорил, что появление указа, запрещающего продажу крестьян без земли, может вызвать недовольство помещиков, а Александр I и так слывет человеком, «слишком преданным свободе»¹. Правда, А. Чарторыйский в том же заседании 18 ноября говорил о том, что право помещиков на крестьян «столь ужасно», что он не считает возможным «останавливаться перед чем бы то ни было для его искоренения», называя все «страхи» по этому предмету «неосновательными»². Решительно отрицал возможность сопротивления дворянства планам правительства П. А. Строганов. Он утверждал, что «в стране с деспотическим режимом... изменения значительно более легки и менее опасны, так как они зависят только от воли одного лица. Остальные следуют за ним, как бараны»³. Ясно, однако, что именно опасения сопротивления основной массы дворянства любым шагам к освобождению заставляли Александра I не спешить и вызывали поразительную робость первых практических опытов в этом направлении.

С другой стороны, несмотря на все это, члены Негласного комитета вместе с императором хорошо осознавали еще одну побудительную причину действовать в направлении ликвидации крепостного права. Эту причину прекрасно выразил П. А. Строганов. «Во все времена, — говорил он на том же заседании 18 ноября 1801 года, — у нас принимали участие в волнениях крестьяне, дворянство же — никогда, и если правительству нужно чего-либо бояться и за чем-нибудь бдительно следить, то именно за рабами и никем другим». «В отно-

¹ Великий князь Николай Михайлович. Граф Павел Александрович Строганов (1774–1817). Историческое исследование эпохи императора Александра I. Т. 2. С. 109.

² Там же. С. 110.

³ Там же. С. 112.

шениях между этими двумя классами, — продолжал Строганов, — царит ненависть, о которой можно сказать, что она очень велика»¹. Сам Александр I хорошо понимал, что «надо, чтобы массы были довольны». «Если они когда-нибудь начнут кричать и чувствовать свою силу, — говорил император на заседании 9 ноября 1803 года, — это будет опасно»².

При этом тревога за состояние настроения крестьянства волновала не только членов Негласного комитета и императора. Так, Н. С. Мордвинов в одной из своих «Записок для памяти», относящихся к началу XIX века, напоминал, что Россия уже не раз видела крестьянские восстания против «рабства». Правительство пока имело достаточно сил для их подавления, писал Мордвинов, но теперь «приближается время всеобщего возмущения»³.

Однако было бы неверным считать, что только угроза крестьянского восстания, новой «пугачевщины» заставляла Александра I искать способы разрешения одного из главных вопросов русской жизни. В обсуждениях, происходивших в Негласном комитете, ясно проявилось понимание экономической необходимости ликвидации крепостных отношений. Оглашая на заседании 11 ноября 1801 года проекты указов о разрешении недворянам приобретать ненаселенные земли и другие, Н. Н. Новосильцев говорил, что их появление продиктовано «стремлением к поднятию сельского хозяйства»⁴. Александр I и его молодые друзья, наверное, не забыли, что еще в 1770-х годах Екатерина II наградила большой золотой медалью автора сочинения, доказывающего экономические преимущества вольного труда перед крепостным. В начале XIX века в России стали распространяться труды Адама Смита — одного из основоположников политэкономии.

И последнее. Хотя члены Негласного комитета и сам император были единодушны в отрицательном отношении к крепостному праву, понимали его тормозящее воздействие на развитие страны, осознавали его как постоянный источник социальной напряженности, ощущали, каким нравственным позором является оно для России, тем не менее пойти на немедленные и радикальные преобразования они не

¹ Великий князь Николай Михайлович. Граф Павел Александрович Строганов (1774–1817). Историческое исследование эпохи императора Александра I. Т. 2. С. 113.

² Там же. С. 242.

³ Предтеченский А. В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М., Л., 1957. С. 155.

⁴ Великий князь Николай Михайлович. Граф Павел Александрович Строганов. Историческое исследование эпохи императора Александра I. Т. 2. С. 106.

могли решиться. В Негласном комитете утвердился принцип постепенности. Принцип этот, на первый взгляд разумный, на деле, как показала история освобождения крестьян, означал в российских условиях согласие на длительный отказ от реальных шагов к уничтожению крепостного права. Не случайно даже крепостники, соглашаясь с идеей постепенности в крестьянском вопросе, понимали, что именно это дает им шанс затянуть преобразования.

В ноябре 1802 года граф С. П. Румянцев, сын знаменитого екатерининского фельдмаршала и брат государственного канцлера Н. П. Румянцева, один из крупнейших землевладельцев, обратился к Александру I с предложением разрешить помещикам освобождать крестьян за выкуп, но не поодиночке, как это практиковалось ранее, а целыми общинами, с наделением их достаточным количеством земли. Подобная мера, чрезвычайно выгодная, по мнению Румянцева, помещикам, могла бы привести к постепенному уничтожению рабства, «которое иное ли что, как положительное и ужаснейшее бедствие»¹. Предложение Румянцева, получившее полное одобрение и поддержку Александра I, было по его указанию обсуждено в Непременном совете. Совет на этот раз признал предложение заслуживающим одобрения. Но, ссылаясь на то, что «издание общего закона об освобождении крестьян по условиям может произвести превратные толки и... многие помещики, пораженные слухами, усмотрят в нем первое потрясение их собственности, а крестьяне возмечтают о неограниченной свободе», предложил издать не общее положение, а частный указ на имя С. П. Румянцева, разрешив помещикам следовать его примеру². 20 февраля 1803 года Александр I издал указ о вольных хлебопашцах.

Символическое значение этого акта трудно переоценить. Впервые за многие века укрепления основ крепостничества появился законодательный акт, не регламентировавший крепостные отношения, а открывавший путь к освобождению. Однако принцип добровольности подобных решений, положенный в основу указа о вольных хлебопашцах, привел к тому, что результаты этого акта оказались ничтожными. Оказалось, что помещики экономически вовсе не были заинтересованы в освобождении принадлежавших им крестьян с землей и ведении хозяйства с применением вольнонаемного труда. Российская действительность в очередной раз преподнесла императору непри-

¹ Русский архив. 1869. № 11/12. Стлб. 1953–1956.

² Архив Государственного совета. СПб., 1878. Т. 3. Ч. 1. Стлб. 783–787

ятный сюрприз. За все время alexaндровского царствования в вольные хлебопашцы было переведено менее 50 тысяч крепостных¹.

Нельзя не обратить внимание еще на несколько обстоятельств. Значение этого указа (помимо того, что он явно давал понять направление правительственной политики в крестьянском вопросе) заключалось в утверждении самой идеи освобождения крестьян с землей за выкуп. Именно в 1803 году был впервые оглашен принцип, положенный затем, конечно в измененной форме, в основу реформы 1861 года. И еще одно. Вызов С. П. Румянцева как бы подтвердил существовавшую у Александра I иллюзию возможности добровольного освобождения крестьян их владельцами. Казалось, что остановка только за тем, чтобы определить выгодные для них условия, а там дело пойдет само собой. Это было, как показало время, глубоким заблуждением. Никакие самые выгодные условия не в состоянии были преодолеть глубинные социально-экономические процессы. Оказалось, что помещики вовсе не были заинтересованы в освобождении принадлежащих им крепостных и ведении хозяйства на новый лад с применением вольнонаемного труда. Но верховная власть постоянно следила за ходом реализации указа. Ежегодно Александру I представлялись специальные подробные ведомости о крестьянах, переведенных в вольные хлебопашцы².

В последующие годы внимание Александра I все более занимали иные проблемы, а крестьянское дело постепенно, но неуклонно отходило на второй план. После Тильзита главное внимание императора было сосредоточено на реформе государственного устройства. Автор «Плана государственного образования» М. М. Сперанский, ставший в это время ближайшим советником императора, был сторонником освобождения крестьян и ни минуты не сомневался в неизбежности падения крепостного права. Но произойти это, по мысли Сперанского, должно было в результате общих политических реформ, которые предшествовали освобождению крестьян. Поэтому ни о каких реформах крестьянского быта в проектах Сперанского не было ни слова.

Однако взгляды Александра I оставались неизменными. Судить об этом позволяет переписка императора с В. С. Поповым, видным государственным деятелем екатерининской эпохи, не потерявшим влияния и в годы правления Александра I.

¹ *Семевский В. И.* Указ. соч. Т. 1. С. 266.

² Данные начиная с 1816 года см.: РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1723, 2485, 2901, 3279, 3548, 3634, 3738, 4010, 4366.

В 1811 году на русский язык была переведена книга польского сенатора графа В. Стройновского «Об условиях помещиков с крестьянами». Описав тяжелое положение крепостных, напомнив, что «пугачевщина» была первым предупреждением о необходимости изменения крепостных отношений, которое, правда, не было понято помещиками, Стройновский доказывал, что иного пути, кроме освобождения крестьян, для России не существует. Сторонник личного безземельного освобождения крепостных, Стройновский в своей книге предлагал наиболее выгодное, с его точки зрения, устройство сельского хозяйства в условиях ликвидации личной зависимости крестьян от помещиков.

Появление книги Стройновского вызвало единодушный взрыв возмущения в лагере крепостников¹. Один из них, В. С. Попов, решил высказать свое мнение в письме Александру I. Мысли Стройновского произвели на него «ужасное» впечатление. «Подобные внушения, — писал Попов, — были всегда в устах известных в России мятежников». Мысль Попова не была обременена поисками серьезных аргументов в защиту своей позиции. «В России, — продолжал он, повторяя расхожие клише крепостников, — не созрели еще умы к восприятию лестного, но и опасного дара вольности: умствования о ней воспальтельны, а следствия злоупотребления ею могут быть ужасны». Попов пугал императора примером революционной Франции. Да и Россию, считал он, пока в ней не утвердилось крепостное право, терзали смуты, и она страдала от всевозможнейших бед. Кончал письмо Попов уже знакомым по манифесту об окончании Отечественной войны 1812 года, который подготовил тремя годами позднее А. С. Шишков, утверждением, что крепостное право является незыблемым устоем русской жизни: «Государь! Благосостояние и сила империи основываются на твердости связей, все части соединяющих. Внушения о расторжении их весьма опасны».

Письмо Попова разъярило Александра. В ответ на него он отправил автору 17 сентября 1811 года короткое, но составленное в очень резких выражениях послание. «Писание Ваше нахожу я совершенно излишним, — начинал император, — позвольте мне думать, что я столько же умею понимать вещи, как и Вы». Далее Александр писал, что не нашел в книге Стройновского «ничего похожего» на все опасения Попова и что не может «признать верными» его сообра-

¹ Семейский В. И. Указ. соч. Т. 1. С. 295–306.

жения о прежних временах. «Вообще не вижу я иного в подвиге Вашем, — заканчивал свое послание император, — как охоту прослыть советодателем. Я, конечно, столь же искренно привязан к своему отчеству, как и Вы. Благосостояние оного составляло и будет составлять всегда первейшую мою заботу». В самом конце Александр напомнил Попову, что в 1768 году Екатерина II наградила золотой медалью и сотней червонцев доктора прав Беарде Делабея из Аахена за статью, где автор писал о «славе царей», которая заключена в «даровании вольности»¹.

После окончания Отечественной войны 1812 года, а также заграничных походов русской армии и возвращения в Россию Александр I вновь обращается к проблеме крепостного права. Непосредственным толчком к практически действиям в этом направлении послужила, по всей вероятности, инициатива эстляндского дворянства, заявившего в начале 1816 года о своей готовности освободить крепостных крестьян.

Прибалтийские губернии (Лифляндская, Курляндская и Эстляндская) коренным образом отличались от всей остальной России. Здесь не существовало крепостного права в его крайних проявлениях. Уровень развития товарно-денежных отношений был значительно выше, чем в центральной России. Главное же, помещики уже осознали экономическую невыгодность сохранения крепостного права. В предшествовавшее десятилетие власть шла в Прибалтике по пути постепенного предоставления крестьянам определенных прав. 23 мая 1816 года Александр I утвердил новое положение об эстляндских крестьянах. В соответствии с ним крестьяне получали личную свободу, но лишались права на землю, переходящую в полную собственность помещиков. Запрещение свободно передвигаться и выбирать род занятий фактически превратило крестьян в арендаторов или батраков. Положение их оставалось крайне тяжелым.

Однако при всех очевидных издержках уничтожение крепостного права в Эстляндии открыло собой принципиально новый этап в истории крестьянского вопроса в России, что еще недостаточно оценено историографией. За справедливой критикой условий освобождения в тени остался тот факт, что положение 1816 года было первым за несколько столетий русской истории актом, которым самодержавие не углубляло или расширяло крепостное право, а, напро-

¹ Русский архив. 1864. № 3. Стлб 319–321.

тив, уничтожало его действие хотя бы на части территории огромной Российской империи. В 1816 году Александр I публично, не на словах, а на деле продемонстрировал свою готовность при определенных условиях пойти на конкретные меры для освобождения крепостных крестьян.

Благоприятная возможность действовать в избранном направлении представилась летом 1816 года, когда Александр I назначил князя Н. Г. Репнина-Волконского, сводного брата декабриста С. Г. Волконского, малороссийским генерал-губернатором. Свои реформаторские замыслы Александр I, как было показано выше, старался держать в строгой тайне. Многие из тайных замыслов императора выяснялось позднее либо из мемуаров, либо из других источников. Так, во время следствия над декабристами был арестован и доставлен в Следственный комитет бывший предводитель дворянства Полтавской губернии С. М. Кочубей. Его подозревали в связях с декабристами и в принадлежности к тайному малороссийскому обществу. Довольно быстро выяснилось, что Кочубей никакого отношения к тайным обществам не имел, и он вскоре был освобожден с оправдательным аттестатом. Но в своих показаниях на следствии Кочубей рассказал о секретном поручении, которое ему дал Александр I через Н. Г. Репнина: «В 1817 году по высочайшему повелению, объявленному мне секретно генерал-губернатором, имел я препоручение составить правила для свободного состояния помещичьих крестьян. Сим занимался я более году, после чего правила сии были представлены покойному государю»¹.

Показания С. М. Кочубея позволяют совершенно по-новому взглянуть на историю с его проектом. О проекте освобождения крестьян, представленном Кочубеем императору в конце 1817 года, было известно давно. В 1895 году Н. Ф. Дубровин опубликовал связанную с этим проектом переписку Н. Н. Новосильцева, Репнина и Кочубея, хранившуюся в канцелярии императора². Однако тогда не было известно, что проект Кочубея составлен по инициативе Александра I.

Свидетельство Кочубея не оставляет сомнений, что Александр I перед отъездом Н. Г. Репнина летом 1816 года из Петербурга в Полтаву специально встретился с ним и говорил, в частности, о крестьянской проблеме. Указ об эстляндских крестьянах был подписан импе-

¹ ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 193. Л. 1.

² Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Собственной Е. И. В. канцелярии. СПб., 1895. Вып. 7. С. 165–167.

ратором в мае, а уже летом он поручил Кочубею «составить правила для свободного состояния крестьян». Связь этих двух событий очевидна.

Александр I с нетерпением ждал результатов работы С. М. Кочубея. Однако «Правила», доставленные императору в конце 1817 года, не оправдали его ожиданий. Вместо предложения способа освобождения крепостных крестьян Кочубей представил, как он сам писал, «описание порядка, уже существующего» в его деревнях еще с 1811 года¹. По сути дела, Кочубей вообще не ставил вопроса об отмене крепостного права, а лишь предлагал регламентировать взаимоотношения помещиков и крестьян.

О разочаровании Александра I можно судить по «Отзыву» Н. Н. Новосильцева на записку Кочубея, отправленному 16 апреля 1818 года. Новосильцев писал Репнину, что император обратил особое внимание на проект Кочубея, «но при рассмотрении оного не могло сокрыться от его императорского величества... что многие правила, содержащиеся в представленном предначертании, не токмо не доставят крестьянам выгод, но, может быть, послужат еще к стеснению нынешнего их состояния» и что поэтому император поручил ему, Новосильцеву, составить прилагаемый отзыв².

В «Отзыве» недвусмысленно говорилось, что в представленном проекте нет и речи об освобождении крестьян, то есть о той «законообразной свободе, без коей не можно утвердить прочного для крестьян счастья... но таковая свобода, — писал Новосильцев, — не будет ли одним только умственным призраком, если крестьянин не получит личной вольности, не обеспечится в полном распоряжении своей собственности и если взаимные обязанности его с помещиком не определятся явственною и на справедливости основанною чертою?»³

Конечно, из этих критических замечаний нельзя составить полного представления о взглядах Александра I на способ освобождения крепостных крестьян. Однако некоторые ее наброски в «Отзыве» можно заметить. Это идеи о необходимости общей реформы крепостных отношений, о личной свободе, которую должен в результате реформы получить крестьянин, о гарантии свободного перехода, об обеспечении права крестьян на движимую и недвижимую собствен-

¹ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Собственной Е. И. В. канцелярии. С. 175.

² Там же. С. 165.

³ Там же. С. 165–171.

ность и, наконец, неясный тезис о «справедливом» урегулировании взаимных обязанностей помещиков и крестьян.

Тем временем малороссийский генерал-губернатор Н. Г. Репнин, воспользовавшись очередными дворянскими выборами в Полтавской и Черниговской губерниях в январе 1818 года, произнес речь, привлечшую к себе широкое внимание. Он, в частности, отметил, что «всяк... жертвующий собственным спокойствием и личными выгодами для пользы общей, может гордиться сею мыслью». Говоря о необходимости «жертв», Репнин, конечно, имел в виду необходимость начать процесс освобождения крестьян. Однако прямо к этому он дворян не призывал, а говорил только о необходимости регламентировать отношения помещиков и крестьян. «Оснуйте и на будущие времена благоденствия чад и внучат ваших. По местным познаниям вашим изыщите способы, коими, не нарушая спасительной связи между вами и крестьянами вашими, можно было бы обеспечить их благосостояние и на грядущие времена, определив обязанности их»¹. Только в обстановке сильного общественного возбуждения, когда одни жадно ловили любые намеки на реформаторские намерения власти, а другие столь же страстно негодовали по поводу каждого слова императора, который казался им чересчур либерально настроенным, можно было истолковать эти крайне осторожные слова Репнина как призыв сделать шаг к освобождению крестьян. Но обстановка была такова, что любое прикосновение к крепостному праву вызывало острую реакцию и справа, и слева. Так случилось и с речью Репнина. Она в списках разошлась по всей России и затем была опубликована в «Духе журналов» (о полемике вокруг проблемы крепостного права в русском обществе см. следующую главу).

В 1818–1819 годах стремление решить крестьянский вопрос достигло кульминации. В это время Александр I предпринял попытку выработать цельную и всеобъемлющую программу реформы крепостных отношений. С этой целью в конце 1817 — начале 1818 года император поручил сразу нескольким видным государственным деятелям представить ему предложения о путях, которыми могло бы следовать правительство, решив положить конец крепостному праву.

О серьезности и фундаментальности намерений Александра I убедительно свидетельствует тот факт, что одним из исполнителей своего замысла он избрал Алексея Андреевича Аракчеева. Аракчеев

¹ Дух журналов. 1818. № 20. С. 1125–136 (591–602).

в роли автора проекта освобождения крестьян? Возможно ли такое? Это как-то не вяжется с устоявшимися представлениями о роли и месте этого человека в отечественной истории. Ситуация, когда реализация прогрессивного замысла вверяется деятелю, чье имя в глазах современников было символом реакции, поистине парадоксальна. Но именно она доказывает, что стремление приступить на практике к ликвидации крепостного права было не «заигрыванием с либерализмом», не желанием Александра I понравиться Европе или прослыть просвещенным монархом, а вполне определенной и целенаправленной политикой. Ведь хорошо известно, что именно Аракчееву, своему, может быть, единственному другу, Александр доверял разрабатывать и осуществлять самые сокровенные замыслы. Достаточно напомнить хотя бы историю военных поселений.

Аракчеев был известен как жестокий и самовластный помещик. Но также известно, что хорошо зная мысли Александра, он старался воздерживаться от гласной защиты крепостного права и, в частности, никогда не выступал в Государственном совете в поддержку крепостнической оппозиции. Когда в 1818 году вышла в свет книга декабриста Н. И. Тургенева «Опыт теории налогов», где недвусмысленно говорилось о необходимости освобождения крестьян, Аракчеев вопреки распространенному мнению¹ не принял никакого участия в шумном поношении автора крепостниками. По воспоминаниям самого Тургенева, Аракчеев, будучи «будучи ловким царедворцем, выражал свое восхищение временами, когда стало можно писать и печатать подобные произведения». Хотя «с понятиями и характером» Аракчеева, замечал Тургенев, «эта книга не вязалась совершенно»².

Как долго продолжалась работа над проектом, неизвестно, но в феврале 1818 года, незадолго до отъезда Александра I в Варшаву, где, напомним, открывалась работа первого польского парламента, он лежал на столе у императора. К сожалению, полный текст проекта не сохранился, и судить о нем можно лишь по подробному изложению, содержащемуся в анонимной записке о деятельности Аракчеева в крестьянском вопросе в 1818 году, копия которой сохранилась в архиве Н. К. Шильдера, а также по краткому упоминанию в «Записке о разных предположениях по предмету освобождения крестьян», составленной при подготовке реформы 1861 года.

¹ Семевский В. И. Указ соч. Т. 1. С. 437

² Тургенев Н. И. Россия и русские С. 54

Оба эти документа свидетельствуют, что проект открывался кратким вступлением, где автор излагал принципы, которые, по мнению Александра I, следовало положить в его основу. Главное место среди них занимала традиционная со времен закона о вольных хлебопашцах мысль, чтобы «проект сей не заключал в себе никаких мер, стеснительных для помещиков, и особенно, чтобы меры сии не представляли ничего насильственного в исполнении со стороны правительства». Предложения должны были отвечать «выгодам помещиков» и возбуждать в них самих «желание содействовать правительству в уничтожении крепостного состояния людей в России».

По приказу Аракчеева проект готовился в «величайшей тайне», и о нем знали только «находившийся при графе статский советник Самбурский и чиновник, излагавший проект большею частию со слов графа Аракчеева и под руководством Самбурского».

Надо сказать, что в отличие от «Отзыва» Н. Н. Новосельцева на проект С. М. Кочубея в рекомендациях, которые были даны Аракчееву, не было ни слова о конкретных условиях освобождения крепостных. Это было полностью отдано в распоряжение автора. Но зато твердо и недвусмысленно был сформулирован основной принцип, от которого Александр I не собирался отступать, — никакого насилия по отношению к помещикам. Как велика была вера императора в возможность выработать такие условия, при которых помещики добровольно откажутся от прав на личность и труд крестьянина!

Александр продолжал оставаться в плену иллюзий, коренившихся в непонимании истинных причин, которые заставляли прибалтийское дворянство добиваться освобождения крепостных крестьян и в то же время толкали их российских собратьев на пассивное, но непоколебимое сопротивление любым эмансипационным шагам правительства, причин, обусловленных разным уровнем социально-экономического развития собственно русских губерний и Прибалтики. В позиции Александра I обращает на себя внимание полное отсутствие такого важного аргумента в пользу крестьянской реформы, как пагубное воздействие крепостного права на экономическое развитие страны. Во всяком случае предстоящие преобразования характеризовались только как «сообразные духу времени и успехам образованности» и «необходимые для будущего спокойствия самих владельцев крепостных людей».

Для освобождения крестьян от крепостной зависимости в проекте Аракчеева предлагалось начать широкую покупку помещичьих

имений в казну или «по добровольно условленным ценам с помещиками», или на некоторых «особенных правилах». Продавать государству крестьян и дворовых, как казалось автору проекта, помещиков должно было заставить естественное стремление избавиться от долгов и вести хозяйство на рациональной основе, либо обрабатывая оставшуюся у них после продажи крестьян часть земли наемными рабочими, либо сдавая ее в аренду крестьянам.

На покупку имений предлагалось выделять из казны по 5 млн рублей ассигнациями в год. Если бы правительство не нашло требуемую сумму, то намечалось ежегодно выпускать 10 тысяч кредитных билетов по 500 рублей каждый с обязательством выплачивать по ним 5% годовых. Для осуществления выкупной операции планировалось создать специальную комиссию, которая бы от имени правительства совершала подобные сделки. Помещики могли продавать имение целиком или же требовать, чтобы правительство приобрело крестьян только с частью земли. В последнем случае минимальный размер крестьянского надела определялся в две десятины на ревизскую душу.

Совершенно необычным образом был рассмотрен в проекте вопрос о том, выдержит ли государственный бюджет предлагаемую выкупную операцию. Видимо, еще в ходе подготовительной работы Аракчеев получил замечание, что выкуп не по силам государству и со временем компенсация помещикам превратится в неоплатный государственный долг. Поэтому возражения против подобных опасений были внесены непосредственно в представленный Александру I проект, а на его полях Аракчеев собственноручно приписал: «Кажется неосновательно, потому что казна ничего не теряет: она будет отдавать помещикам только то, что сама получит с приобретенных от них имений».

Вместе с обнародованием проекта Аракчеев предлагал издать манифест, объясняющий предлагаемые меры стремлением власти помочь помещикам, объявив, что вводимые изменения приняты для того, чтобы «представить средства тем, кои могли бы находиться в жестокой необходимости продавать имения свои за несоответственную достоинству их цену или входить в разорительные обязательства с капиталистами-ростовщиками, выйти из затруднительного положения и сохранить по крайней мере часть достояния своего в наследие своему потомству». Словом, автор проекта предлагал действовать в точном соответствии с тем, что когда-то советовал свое-

му воспитаннику Лагарп. Слова «свобода», «освобождение крестьян» и прочие из того же ряда публично произносить не следовало.

Трудно сказать, насколько реален был план Аракчеева. Но нельзя не заметить, что предложенный им принцип — освобождение с земель за выкуп при непосредственном участии государства — был использован полвека спустя при проведении крестьянской реформы 1861 года.

Мысли о подобном решении крестьянского вопроса возникали и много позднее. В конце 1830-х годов один из видных декабристов М. А. Фонвизин, находившийся на поселении в Тобольске, написал записку «О крепостном состоянии земледельцев в России». В работе над запиской принимал участие и другой декабрист — И. И. Пущин. Записку, содержащую подробный план освобождения крепостных крестьян, предполагалось представить правительству. Самое интересное, что предложения М. А. Фонвизина и И. И. Пущина совпадали с предложениями, содержащимися в давнем, неизвестном им проекте Аракчеева¹.

Судя по всему, предложения Аракчеева получили одобрение Александра I. Предположение, писал автор упоминавшейся анонимной записки, «удостоилось, сколько известно, высочайшего одобрения государя и, конечно, восприняло бы со временем свое действие, если бы не воспрепятствовали тому многие политические обстоятельства и особенно возникшие тогда смуты в некоторых государствах Южной Европы, увлеченных идеями неумеренного либерализма, и особенно если бы несчастная история Семеновского полка в отсутствие государя не произвела, наконец, конечного изменения в мыслях его и намерениях»².

К анализу причин, заставивших Александра I отказаться от планов приступить к освобождению крепостных крестьян, мы еще вернемся, а сейчас рассмотрим еще одну попытку выработать общий план уничтожения крепостного права.

Глубокая тайна по-прежнему продолжала окружать все попытки власти разрешить крестьянский вопрос. Александр I оставался непоколебимо верен своему принципу: никто, не облеченный «специальным доверием», не должен был даже вообразить, что разрабатываемые властью проекты постепенной ликвидации крепостного права — реальность. Все, что было с ними связано, как и с работой

¹ См. публикацию этой записки в приложении.

² ОР РНБ. Ф. 859. К. 31. № 16. Л. 3 об.

Н. Н. Новосильцева в Варшаве, охранялось от гласности наравне с самыми важными династическими секретами. О существовании конкретных проектов реформ, как, например, и о решении Александра I передать права на престол, минуя отказавшегося царствовать цесаревича Константина следующему брату — Николаю, в огромной империи знали не по слухам, а наверняка только считанные люди.

Лишь в результате кропотливых поисков в архивах удалось выяснить, что Александр I принял решение для разработки плана крестьянской реформы создать специальный секретный комитет и поручил в начале 1818 года министру финансов Д. А. Гурьеву разработать этот план¹. Основная роль в разработке проекта принадлежала М. А. Балугьянскому, видному юристу и экономисту, ректору Петербургского университета. С 1817 года Балугьянский совмещал должность ректора со службой в Министерстве финансов в должности председателя Комиссии по погашению государственных долгов. Балугьянский слыл либералом и был известен своими прогрессивными взглядами. Позднее его имя как члена тайного общества декабристов было названо в доносе А. И. Майбороды. Правда, в ходе следствия выяснилось, что членом тайного общества Балугьянский не был, и Николай I повелел оставить донос на него «без внимания»².

Идеалом для Балугьянского являлись западноевропейские страны, где новые методы ведения сельского хозяйства, основанные на вольнонаемном труде, уже вполне утвердились. Он прекрасно понимал экономические преимущества таких форм ведения хозяйства. «Но если сии законы недостаточны и вредны, — отмечал он в одной из записок, адресованных Гурьеву, характеризуя нормы крепостного права, — если признано, что в них заключается главное и единственное препятствие к распространению промышленности, если успехи просвещения и общего мнения необходимо требуют исправления, то должно ли останавливаться за трудностью исполнения и оставлять оное на произвол времени и случая?»³ Для Балугьянского ответ на этот вопрос был совершенно очевиден. Долг правительства — реформировать отжившие крепостнические отношения. Весь вопрос

¹ Мироненко С. В. Указ. соч. С. 106–119.

² Косачевская Е. М. М. А. Балугьянский и Петербургский университет первой четверти XIX в. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1971. К сожалению, автору осталась неизвестной работа Балугьянского над проектом освобождения крепостных крестьян.

³ Российский государственный архив Военно-морского флота (далее — РГАВМФ). Ф 19 (А. С. Меншиков). Оп. 4. Д. 507. Л. 13 об. — 14.

состоял в том, как это сделать, не нарушая общественного спокойствия.

Балугьянский был противником как немедленного освобождения крестьян в масштабах всей страны, так и их постепенного освобождения в отдельных регионах. «Сделать всех крестьян свободными общим законом, — писал он, — или освободить их постепенно по известному числу в течение данного времени, как сделано в Эстонии, Курляндии и Ливонии, значило бы поколебать общественную безопасность». Он предлагал иной путь, при котором хотя и «не будет речи о свободе крестьян», но «она установится сама собою». Весь вопрос заключался, по его мнению, в том, чтобы создать в стране «различные роды собственности». Помещики, считал он, никогда не согласятся на «отчуждение родового наследства». Главную причину неудачи закона 1803 года о свободных хлебопашцах он видел как раз в требовании освободить крестьян с землей. Если бы земельная собственность имела в России более разнообразные формы, а правительство в определенный срок (например, десятилетний) обязало «каждое частное лицо... распределить таким образом свою землю», то, как полагал Балугьянский, крестьяне сделались бы свободными без всякого специального законодательного акта.

Нетрудно заметить, что подобный план ликвидации крепостных отношений очень напоминал тот долгий путь, который прошли многие страны Западной Европы, прежде чем там утвердились капиталистические отношения. Балугьянский предлагал законодательно установить пять новых видов собственности: 1) потомственное содержание; 2) пользование пожизненное или на определенный срок; 3) содержание по найму; 4) владение и 5) общественные земли. Порядок заключения условий между помещиками и крестьянами не должен был ничем регламентироваться. Все предоставлялось свободно-му соглашению сторон. «Собственники могут отдавать крестьянам свои участки тем или иным из этих способов, по произволу, — писал Балугьянский. — Они сами изберут крестьян, которым пожелают оказать это особенное доверие, или же те, которые пользуются землею в настоящее время, приобретут право законного пользования». Естественно, новый порядок подразумевал уничтожение общинного землепользования, хотя об этом прямо и не говорилось.

Крестьяне, по мнению Балугьянского, получили бы в результате преобразований те же права и то же положение, что и их собратья в Англии или Австрии («останутся в тех же отношениях к своим по-

мещикам, в каких они находятся теперь в Англии, в Австрии и в других местностях»). В соответствии с их новым статусом должны были измениться и повинности крестьян: «ревизия, рекрутство, поголовная подать, земские повинности» и т. п. Подробности этих и других преобразований Балугьянский считал необходимым разработать в ближайшем будущем и, не откладывая, начать проводить в жизнь¹.

При всей соблазнительности изображенной автором перспективы почти безболезненной ликвидации крепостничества умозрительность и оторванность от реальных условий русской действительности предлагаемых им преобразований, кажется, не требует особых доказательств. Балугьянский явно не понимал, что различные формы собственности, распространенные в странах Западной Европы, были обусловлены высоким уровнем развития производства и что не могло быть и речи о произвольном, «сверху» насаждении их в России и решении тем самым крестьянского вопроса. То, что на Западе явилось результатом длительной эволюции, не могло быть одним росчерком пера осуществлено в России.

Чем же завершилась история подготовки проекта Гурьева? В самом конце декабря 1819 года Балугьянский, видимо, уже довольно давно не получавший никаких указаний, обратился к Д. А. Гурьеву со специальной запиской, где, подводя итоги сделанному, спрашивал, как ему действовать дальше. Напомнив Гурьеву, что большая часть намеченного уже выполнена, что он «начертал общий план законодательства и управления», который «может быть принят», и готовы «даже несколько глав уложения», Балугьянский писал: «Далее того, на чем я остановился, мне невозможно продолжать этого труда по неизвестности высочайшей воли его величества: могут ли план и начала нового уложения согласовать[ся] с его мудростью и благотворными видами». В заключение Балугьянский просил министра выяснить у Александра I, должен ли он «продолжать этот труд», и в случае благожелательного ответа изъяснял готовность через месяц представить императору «план и начала нового уложения, которого главные основания уже начертаны»². Никаких сведений, обратился ли Гурьев к императору и получил ли ответ, в архивах не сохранилось. Но даже если император одобрил предложения Гурьева, и Балугьянский еще некоторое время продолжал работать над проектом, никаких практических последствий это не имело.

¹ РГАВМФ. Ф. 19 (А. С. Меншиков). Оп. 4. Д. 507 Л. 33 об — 41 об.

² Там же. Л. 14–15 об.

Подытоживая историю двух неосуществленных проектов решения крестьянского вопроса, нельзя не задуматься: как же объединить разрозненные факты, относящиеся к поручениям Александра I Аракчееву и Гурьеву, в единое целое? Связаны ли они между собой и если связаны, то как?

Гипотетически можно представить дело следующим образом. Проект Аракчеева был построен на выкупной операции, для осуществления которой требовались немалые суммы. Понятно, что, отнесясь к проекту положительно, Александр I должен был прежде всего выяснить мнение министра финансов Д. А. Гурьева. Тут-то и могла возникнуть мысль о создании особого комитета для рассмотрения проекта Аракчеева.

Поручение Гурьеву могло быть результатом отклонения комитетом предложений Аракчеева. После этого и было, вероятнее всего, предложено Гурьеву подготовить другой проект. Комитет между тем был сохранен и даже одобрил программу предстоящих работ. Но этим, по всей вероятности, его роль и была исчерпана. В 1820 году уже нет никаких следов существования комитета по крестьянскому делу и свидетельств дальнейшего движения проекта Гурьева.

Итак, несмотря на очевидное стремление Александра I приступить к практическому решению крестьянского вопроса и даже на некоторые шаги, сделанные им в этом направлении, сдвинуть великое дело освобождения крестьян с мертвой точки в 1817–1819 годах так и не удалось. Прежде чем вернуться к событиям 1820–1825 годов, обратимся к проблеме отношения императора с передовым дворянским обществом после окончания Отечественной войны 1812 года и заграничных походов русской армии.

«НЕ МНЕ ИХ НАКАЗЫВАТЬ...»

Уже давно (еще со времени публикации в 1857 году книги барона М. А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I») стало ясно, что Александр I знал о существовании в России тайных политических обществ вообще и Союза благоденствия в частности. Корф писал: «Последнее время жизни императора Александра было омрачено горестными для его сердца открытиями... Известное ему и весьма немногим доверенным он хранил в глубочайшей тайне, ограничиваясь бдительным наблюдением. Но показание одного чиновника, добровольно сделанное пред командиром Гвардейского корпуса генерал-адъютантом Васильчиковым, пролило на то, что прежде казалось маловажным, более ясный и вместе более устрашающий свет»¹. Но что именно знал Александр I и почему, зная о существовании Союза благоденствия, практически ничего не сделал для того, чтобы расследовать его деятельность и наказать участников? Сохранившиеся документы и свидетельства современников дают возможность ответить на поставленные вопросы.

Первостепенное значение в выяснении отношения Александра I к тайным обществам декабристов и в первую очередь к Союзу благоденствия имеет история доноса на декабристов, написанного членом Коренного совета Союза благоденствия «библиотекарем при гвардейском штабе» Михаилом Кирилловичем Грибовским.

¹ Корф М. А. Указ. соч. С. 250.

Михаил Грибовский, по некоторым сведениям, родился в 1786 году¹. Где и в какой семье — точно неизвестно. С. И. Посохов в статье о Грибовском, опубликованной в томе Харьковского биографического словаря «Губернаторы и генерал-губернаторы», указал, что Грибовский был уроженцем Черниговской губернии и, вероятно, происходил не из дворянской семьи. В 1811 году 25-летний Грибовский поступил вольнослушателем в Харьковский университет и в 1814 году закончил отделение этико-политических наук². В этом же году он перебрался в Петербург и стал «исправляющим должность правителя канцелярии Инвалидного комитета»³. В 1816 году в Харьковском университете он защитил магистерскую диссертацию «О состоянии крестьян господских в России»⁴. В Петербурге Грибовскому, по всей видимости, представился случай не только войти в круг литераторов, но и познакомиться с командиром Гвардейского корпуса И. В. Васильчиковым⁵. Это знакомство, как мы увидим далее, сыграло решающую роль в его судьбе.

В энциклопедиях Грибовский назван переводчиком и публицистом, что вряд ли может быть принято без оговорок. Ведь как переводчик он издал только книгу Г.-В. Жомини «Общие правила военного искусства» (отпечатано в 1817 году в типографии Гвардейского штаба, 43 с.), а как публицист — свою магистерскую диссертацию «О состоянии крестьян господских в России» (опубликовано в 1816 году в Харькове в университетской типографии, 124 с.), в которой он рассуждал о необходимости освобождения крепостных крестьян. О других сочинениях и переводах Грибовского ничего неизвестно. Так что переводчиком и публицистом он, конечно, в полном смысле не был, но склонность к литературным и политическим занятиям, несомнен-

¹ Розен А. Е. Записки декабриста // Серия «Полярная звезда» / Издание подготовлено Г. А. Невелевым. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1984. С. 457 (именной указатель).

² Посохов С. И. Михаил Кириллович Грибовский // Посохов С. И., Ярмыш А. И. Харьковский биографический словарь: Губернаторы и генерал-губернаторы. Харьков: УВД, 1997. С. 41.

³ Декабристы. Биографический справочник / Издание подготовлено С. В. Мироненко. М.: Наука, 1988. С. 58.

⁴ Посохов С. И. Указ. соч. С. 41. Тесную связь Грибовского с Украиной подтверждает адресованное ему письмо декабриста Ф. Н. Глинки, которое свидетельствует об их теплых и дружеских отношениях. Глинка, посылая портрет украинского гетмана Полуботка, называет Грибовского «достойным сыном Малороссии» // ГА РФ. Ф. 1717 (Собственная канцелярия шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа). Оп. 1. Д. 141. Л. 1.

⁵ В письме от 17 декабря 1820 года князю П. М. Волконскому, бывшему с императором Александром I за границей, И. В. Васильчиков писал, что знает Грибовского «уже пять лет» // Русская старина. 1871. № 12. С. 661.

но, имел. Декабрист А. Е. Розен вспоминал, что среди посетителей литературного кружка популярного в то время поэта и одновременно офицера-измайловца А. Н. Марина зимой 1821–1822 годов были «братья Грибовские»¹. Грибовский постепенно продвигался по службе, вначале став исполняющим обязанности библиотекаря при штабе Гвардейского корпуса, а 3 июля 1819 года был «утвержден библиотекарем при гвардейском штабе»².

Может быть, так и шла бы служба тогда уже 33-летнего чиновника, если бы он не вступил в тайное декабристское общество Союз благоденствия, а затем не донес на своих товарищей.

Но вот вопрос, а не был ли Грибовский причастен к тайной политической полиции в то же самое время, когда он вступал (или уже был принят) в члены тайного декабристского общества? Ответ на этот вопрос содержит появившаяся в первой половине 1870-х годов на страницах «Русской старины» и «Русского архива» переписка начальника Главного штаба князя П. М. Волконского с И. В. Васильчиковым. По словам Волконского, с Васильчиковым их связывала «искренняя дружба», существовавшая между ними «почти с детства». Поэтому в письмах друг другу они были предельно откровенны. Их переписка конца 1820-х — начала 1821 года, когда Волконский находился за границей вместе с императором Александром I на конгрессах Священного союза сначала в Троппау, а затем в Лайбахе, содержит массу интересных и важных сведений. Из нее выясняется, например, что сразу после семеновской истории Васильчиков поручил Грибовскому организовать в гвардейских войсках тайную полицию. Вот что он писал 17 декабря 1820 года П. М. Волконскому: «Посылаю Вам, мой дорогой друг, проект учреждения военной полиции; Вы найдете сумму немного великой, но Вы очень хорошо знаете, чтобы заставить хорошо служить этих мерзавцев, необходимо им хорошо платить; тяжело быть вынужденным прибегать к такой мере, но при настоящих обстоятельствах необходимо заставить умолкнуть все свои предубеждения. Главное условие, которое от меня требует человек, который берется вести эту часть, есть непроницаемая тайна; он согласился только для меня взяться за это; эту личность я знаю уже пять лет: его честность испытана, он образован, умен, скромнен, пре-

¹ Розен А. Е. Указ. соч. С. 116, У Михаила Грибовского был брат Яков, в 1821 году прапорщик лейб-гвардии Финляндского полка (Там же. С. 81–82).

² РГИА. Ф. 1151. Оп. 2. Д. 38. Л. 296–296 об.; Рогинский А. Б., Равдин Б. Н. Вокруг доноса Грибовского // Освободительное движение в России. Саратов, 1978. Вып. 7. С. 94.

дан государю и не принадлежит ни к какому обществу; одним словом, это Грибовский, библиотекарь Гвардейского генерального штаба и правитель канцелярии Комитета раненых; со времени истории Семеновского полка я поручил ему на время управление этой частью, и могу только похвалить его за деятельность и готовность, с которою он занимается»¹. Волконский 6 января 1821 года переслал Васильчикову утвержденный императором проект учреждения военной полиции и одновременно сообщил об отпуске Министерством финансов средств с формулировкой «на известное употребление». Деньги, писал Волконский, «будут Вам вручены Закревским без всякой формальной бумаги», причем Закревский не будет знать, «на какой предмет эти деньги предназначены». Дальше Волконский сообщал, что Александр I утвердил «выбор личности, которую Вы мне называли», то есть утвердил Грибовского как временного руководителя тайной полиции в Гвардейском корпусе. Все дело должно было держаться в строжайшей тайне. Волконский предупреждал Васильчикова, чтобы Грибовский, получивший «довольно значительное содержание», был осторожен в расходах, дабы не привлечь к себе постороннее внимание². Свидетельство Васильчикова о его знакомстве с Грибовским подтверждает, кстати, что первый контакт Грибовского с командиром Гвардейского корпуса произошел до семеновской истории. Именно это событие послужило толчком к учреждению в Гвардейском корпусе тайной полиции и выбору в качестве ее временного главы и организатора М. К. Грибовского.

Что связывало Грибовского с декабристами? Какова была его роль в Союзе благоденствия?

В материалах следствия по делу декабристов имя Грибовского встречается нечасто. В «Алфавите декабристов», составленном по завершении следствия правителем дел Следственного комитета А. Д. Боровковым, о нем всего несколько строк: «Принадлежал к числу членов Союза благоденствия до времени уничтожения оногo. В возникших же после 1821 года тайных обществах участия не принимал. Высочайше повелено оставить без внимания»³. В делах Следственного комитета сохранились два списка, составленных в Комитете и заверенных одним из его чиновников В. Ф. Адлербергом, в которых упомянут М. К. Грибовский. Это «Список членов Коренного

¹ Русская старина. 1871. № 12. С. 661.

² Там же. С. 662–663.

³ Декабристы. Биографический справочник. С. 250.

совета Союза благоденствия», а также «Список членов Союза благоденствия, кои по высочайшему повелению оставлены без внимания, как отклонившиеся от Союза и не участвовавшие в возникших после 1821 года тайных обществах»¹. Из первого списка видно, что Грибовский был в числе так называемых «коренных» членов, то есть одним из основателей Союза благоденствия². Внесен в этот список Грибовский был, видимо, на основании показаний секретаря Союза благоденствия С. М. Семенова, который одновременно показал, что Грибовский впоследствии «отстал» от тайного общества³. Это свидетельство Семенова вызывает определенное недоверие. Ведь только он один назвал имя Грибовского среди учредителей Союза благоденствия. Других свидетельств на этот счет нет. Вдобавок к этому в письме Волконскому Васильчиков сообщал, что Грибовского члены тайного общества «очень старались завербовать в их компанию», таким образом получается, что он стал членом общества уже после его возникновения. Вообще в истории Грибовского многое не ясно, и исследование этого вопроса еще ждет своего часа.

Из декабристов, упомянувших на следствии Грибовского, помимо показаний С. М. Семенова, в первую очередь следует назвать И. Г. Бурцева. В ответах на вопросы, посланные ему Следственным комитетом 15 января 1826 года, Бурцев назвал известных ему членов тайного общества и среди них Грибовского. Бурцев так писал о целях общества и о том, чем занимались его члены: «*Объявленная цель союза была распространение просвещения, благотворительности и нравственности, дабы собственным примером и внушениями искоренять пороки, невежество и злоупотребления*». «*Сокровенная цель, — продолжал он, — понимаема была не совершенно одинаково, ибо она нигде положительно не была выражена. Я и большая часть моих приятелей видели цель в следующем: готовить общественное мнение к новому устройству в государстве, коего ожидали от государя императора, и к освобождению крепостных людей, каковые перемены могли не нравиться дворянству*»⁴. Месяцем ранее, 19 декабря 1825 года,

¹ Восстание декабристов. Документы. Т. XX. С. 486, 487.

² М. В. Нечкина установила, что в действительности в первом списке речь идет не о членах Совета Коренного союза Союза благоденствия, который мог состоять только из шести человек, а о членах самого Коренного союза Союза благоденствия. «Он должен совпадать, — замечает М. В. Нечкина, — с перечнем тех, кто присутствовал на первом учредительном собрании Союза благоденствия» (Нечкина М. В. Указ. соч. Т. I. С. 206).

³ Нечкина М. В. Указ. соч. С. 33; Восстание декабристов. Документы. Т. XVIII. М.: Наука, 1984. С. 187.

⁴ Восстание декабристов. Документы. Т. XVIII. С. 195.

когда Бурцев еще отрицал свое участие в тайном обществе, он писал в ответе на вопросы Комитета, что появление сочинения Грибовского об освобождении крепостных крестьян, которое, по слухам, «удостоилось высочайшего внимания государя императора»¹, возбудило в нем и его товарищах по военному обществу «рвение сделаться полезными правительству». Это «рвение» подогревалось варшавской речью Александра I и освобождением крестьян в Лифляндии.

Интересна история создания Общества военных людей или, как его называл Бурцев, Военного общества. В 1816 году Александр I дал согласие на организацию легального Общества военных людей (затем переименованного в Общество любителей военных наук), которое было учреждено одновременно с созданием военной библиотеки при Главном штабе Гвардейского корпуса. Общество стало первым в России научно-военным объединением. Оно издавало свой журнал, который редактировал Ф. Н. Глинка. Почетными членами общества были великие князья Николай и Михаил Павловичи, князь П. М. Волконский, А. А. Закревский, М. Ф. Орлов, П. Д. Киселев, А. С. Шишков и другие. Заседания общества изредка вместе с А. А. Аракчеевым посещал и сам Александр I. Членами общества при его учреждении стали будущие декабристы Ф. Н. Глинка, В. Д. Вольховский, И. Г. Бурцев. Был членом общества и Грибовский². «Цель общества, — писал в своих показаниях декабрист И. Г. Бурцев, — состояла в образовании молодых офицеров предпочтительно в военных науках, но причем поставляемо было в похвалу приобретение и прочих знаний. На какой предмет и была учреждена библиотека, в коей кроме военных сочинений содержались и другие, а к чтению оных приглашаемы были все гвардейские офицеры»³.

¹ Вот полный текст показания Бурцева. «В то же время общее стремление к снисканию сведений много было усилено объявлено в газетах речью государя императора, произнесенною в г. Варшаве при собрании сейма Царства Польского, в коей изложено было высочайшее намерение распространить и на Россию подобное образование гражданского управления. Сие важное явление возбудило в членах военного общества рвение сделаться полезными правительству в достижении цели оного, а для сего надлежало обогатить себя всеми сведениями, кои бы могли быть употребленными в исполнении общественных обязанностей. При сих же обстоятельствах сделалось известным сочинение г. Грибовского, сколько я могу припомнить касательно освобождения крестьян, напечатанное в небольшом числе экземпляров (и как слышно было) удостоившееся высочайшего внимания государя императора; равномерно дарованная свобода крестьянам в Лифляндии — все сии соединенные причины явственно представляли виды правительства и заставляли стараться по мере сил каждого приобретать политические знания и распространять понятия о благодетельных намерениях его величества» (Восстание декабристов. Документ. Т. XVIII. С. 190).

² Бокова В. М. Указ. соч. С. 104–105.

³ Восстание декабристов. Документ. Т. XX. С. 190.

Как видно из формулярного списка Грибовского, он с 5 мая 1817 года «исправлял должность казначея и библиотекаря воинской библиотеки, управлял типографией и занимался особенными поручениями»¹. Видимо, именно Грибовского имел в виду Ф. Н. Глинка, говоря в речи, произнесенной им 23 ноября 1817 года на заседании общества по случаю первой годовщины открытия библиотеки при гвардейском штабе, что «и сюда, в сие возникающее книгохранилище наше, начальник здешнего заведения уже в течение целого года дружелюбно приглашает гг. гвардейских офицеров к свободному занятию чтением отборных и полезных книг»².

О тесной близости Грибовского с членами тайного общества свидетельствуют и два письма Грибовскому, полученные им в 1821 году от товарищей по Союзу благоденствия. Сохранились они в архиве особой канцелярии шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа, который в 1821 году был начальником штаба Гвардейского корпуса.

В письме Ф. Н. Глинки кроме обсуждения портретов исторических деятелей говорилось, что «все знающие, а следовательно, любящие» Грибовского ему кланяются. Кроме того, Глинка просил Грибовского «отдать» «почтеннейшему графу Ф. П.» его «усерднейший поклон»³. Даже из одного этого письма, не говоря уже о цитированной выше речи Глинки, видно, какие приятельские отношения сложились между ними. Еще интереснее второе письмо, написанное декабристом И. Г. Бурцевым из Москвы и датированное 21 января 1821 года. «Давно я расстался с Вами, — писал Бурцев, — и до приезда Федора Николаевича в Москву не имел о Вас ни малейшего сведения. Обыкновенных людей, подлежащих влиянию случая, время совершенно изменяет: но закон сей на Вас не действует, и посему я уверен, что образ мыслей Ваших тот же самый, каковым был в прежние годы наших сношений. Вы знаете о цели жизни моей: мне кажется она совершенно известною, и потому предлагаю Вам оную, надеясь, что не откажете содействия. Ручаюсь Вам, что основания составлены из самых твердых и очищенных материалов, что заставляет предполагать прочность здания. Верьте искренней преданности и уважению»⁴. Письмо, судя по дате, написано во время заседа-

¹ РГИА. Ф. 1151. Оп. 2. Д. 38. Л. 296–296 об.; *Розинский А. Б., Равдин Б. Н.* Указ. соч. С. 94.

² *Глинка Ф. Н.* Рассуждение о необходимости деятельной жизни, ученых упражнений и чтения книг, также о пользе и настоящем положении учрежденного для военных читателей при гвардейском штабе этого книгохранилища. СПб., 1818.

³ ГА РФ. Ф. 1717. Оп. 1. Д. 141. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 3.

ний Московского съезда Союза благоденствия или вскоре после его завершения. Несомненно, цель жизни Бурцева — освобождение крепостных крестьян, и в письме содержится просьба поддержать хлопоты о выкупе крепостного поэта С. И. Сибирякова, чем в это время занимались В. А. Жуковский, П. А. Вяземский и Н. И. Тургенев¹. Об этом свидетельствует уже цитировавшееся письмо Ф. Н. Глинки Грибовскому, которое начиналось словами: «Вручитель сего письма есть тот самый Сибиряков, в судьбе которого и Вы принимали живое участие. Теперь он свободен!»²

Свидетельство Бурцева вместе с приведенными выше свидетельствами о близости Грибовского с кругом декабристов, кажется, открывает, каким образом Грибовский стал членом тайного общества. Изданием брошюры о пагубности крепостного права он рекомендовал себя сторонником либеральных идей, а этого, как мы знаем, было достаточно, чтобы его признали «своим» и он стал не просто членом Союза благоденствия, но и вошел в состав его руководящего органа — Коренной управы (или Коренного совета).

Вернемся, однако, к обстоятельствам и существу доноса Грибовского. О нем уже немало написано³. Но имеющая место в историографии разногласия заставляет еще раз детально разобраться в существе дела.

О том, что однажды к командиру Гвардейского корпуса явился подчиненный ему гражданский чиновник и сообщил, что среди гвардейских и армейских офицеров действует тайное политическое общество, не раз после событий на Сенатской площади и суда над их участниками рассказывал сам И. В. Васильчиков. Существует несколько версий его воспоминаний, написанных, правда, не им самим, а дошедших до нас в пересказе разных лиц.

В январе 1828 года он рассказал об этом эпизоде бывшему министру полиции, члену Государственного совета А. Д. Балашову, который в тот же день записал рассказ Васильчикова в дневник, заметив, что слышал этот же рассказ и раньше. Об обстоятельствах доноса Грибовского И. В. Васильчиков рассказывал и двум своим сыновьям, и Денису Давыдову, и генералу Е. Ф. Комаровскому, со слов которо-

¹ Бокова В. М. Указ. соч. С. 343.

² ГА РФ. Ф. 1717. Оп. 1. Д. 141. Л. 1.

³ См., например: Шильдер Н. К. Указ. соч. Т. IV. С. 203–215; Чернов С. Н. Несколько справок о «Союзе благоденствия» перед Московским съездом 1821 г. // Ученые записки Государственного Саратовского университета. Т. II. Вып. 4. Саратов, 1924; Нечкина М. В. Указ. соч. Т. 1. С. 348–353; Рогинский А. Б., Равдин Б. Н. Указ. соч.; и др.

го сделал в марте 1833 года краткую запись в своем дневнике историк М. П. Погодин. Передал ее в своих воспоминаниях и декабрист С. П. Шипов. Интересно, что никому из этих собеседников, кроме Комаровского, Васильчиков не назвал имени доносчика¹.

А. Б. Рогинский и Б. Н. Равдин, которые впервые ввели в научный оборот дневниковую запись А. Д. Балашова (как и запись в дневнике Погодина), считали ее более достоверной по сравнению с воспоминаниями сыновей Васильчикова². Вслед за ними приведем ее полностью: «12 [января 1828]. Четверг. В Государственном совете. Был у Л. В. Васильчикова, который болен и мне рассказывал, между прочим, что в 1821 (явная описка А. Д. Балашова, правильно 1820. — С. М.) году перед известною семеновской гвардейской историей один человек (кто именно не сказал), приехав к нему, говорил: „Ларивон Васильевич, мне кажется, вы покойны и ничего не подозреваете, а я уверен, что тайные общества чужестранные действуют у нас в России на умы, и составились общества и у нас готовятся действовать; я теперь многого сказать не могу, а в непродолжительном времени вы увидите на деле“. Когда же означилось известное слушание Семеновского полку, то сей же самый человек, опять приехав, говорил: „Теперь вы уже видели на опыте, что я справедливо вас предостерегал, но я сим не довольствуюсь и теперь уже могу вам сказать, кто именно лица того общества, которое втайне prepares вредные замыслы для Отечества“. Он дал ему перо и бумагу и просил написать имена сии, что тот немедленно и сделал. Далее опять приехал он к нему с известием, что из них тот-то и тот-то отправляются в Москву и будут там тайные свои совещания делать; число их было немало, и все они находились в том списке, который он ему уже прежде дал. Васильчиков написал к зятю своему к[нязю] Голицыну воен[ному] ген[ерал]-губернатору в Москву и просил его уведомить, приедут ли все сии лица в Москву, и тот уведомил о каждом, что приехал. После чего Васильчиков, более не сомневаясь, обо всем донес государю, но ответа никакого не получил. Когда государь возвратился из Лайбаха, выехав к нему навстречу в Царское Село, еще более рассказывал и подал тот самый список, который ему написал тот человек. Что государь ему ответил, сего Ва-

¹ М. П. Погодин записал в дневнике: «Грибовский сказал Васильчикову в 1822 г.: „Я преступник. У нас есть общества. Вот члены. Справьтесь в Москве. Теперь там такой-то“. Васильчиков списался с Голицыным. Точно так. Донес Александру. „Я это знаю, — отвечал он, — положи список ко мне“. Так и осталось» (Цит. по: Рогинский А. Б., Равдин Б. Н. Указ. соч. С. 94).

² Там же. С. 96.

сильчиков не упомянул, но прибавил, что потом, быв в деревне у брата своего Дмитрия Вас[ильевича], он ему между прочим говорил: „Сказывал мне, братец, сосед мой (такой-то), что к соседу его Якушкину собираются довольно часто все одни и те же люди и, выслав дворовых и запершись, о чем-то тайном трактуют, и думать надо, о чем-нибудь важном“. Васильчиков спросил о именах их, и все до одного были уже помещены в том списке, который был дан Ларивону Васильевичу тем человеком, который его предостерегал. Что делал далее, он не продолжал. Когда же случилось 14 декабря 1825 года, то он уведомил обо всем государя, восшедшего на престол, и того списка искали долго в кабинете государя покойного в Петербурге и не нашли; когда же привезли тело его, то государь, быв в Царском Селе, нашел его в кабинете покойного государя. Сей рассказ был сделан мне Л[аривоном] В[асильевичем] не тайно, но были тут Казначеев, Бутурлин, к[нязь] Голицын и один еще, не знаю кто-то; но он мне показался так интересен, что я его здесь записал. Почти то же рассказывал он мне и прежде. Непонятно мне, как не обратили на сие так важное обстоятельство ни государь, ни моск[овский] г[енерал]-губ[ернатор] к[нязь] Голицын, ни сам Васильчиков? Но я никакими расспросами мешать не хотел (и, кажется, не должен был) сего повествования, которому и так мешали многие, входя и выходя из комнаты»¹.

Интересны здесь несколько моментов: что первый донос был сделан Грибовским еще в 1820 году (вставленная поверх строки дата — 1821 — явная ошибка, поскольку далее пояснялось, что дело было до семеновской истории), до возмущения Семеновского полка; что была не одна, а несколько встреч Васильчикова с Грибовским; что не было письменного доноса, а Грибовский лишь передал Васильчикову список членов тайного общества. Имени же доносчика И. В. Васильчиков не назвал, как и ничего не сказал в этот раз о реакции Александра I на известие о существовании в стране тайного общества.

Несколько по-другому вспоминал об этом эпизоде сын И. В. Васильчикова, известный публицист, общественный деятель эпохи великих реформ Александр Иларионович Васильчиков. Публикуя в 1875 году в журнале «Русская старина» материалы из архива отца о событиях в Семеновском полку, А. И. Васильчиков предпослал публикации предисловие, в котором рассказал (со слов отца) историю первой и единственной, по его мнению, встречи Грибовского

¹ Рогинский А. Б., Равдин Б. Н. Указ. соч. С. 94–95; Архив СПбИИ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Картон 2. Д. 16. Л. 40–41.

с И. В. Васильчиковым. А. И. Васильчиков не назвал имени доносчика («имя это нам известно по некоторым письмам, которые у нас имеются, но мы не считаем вправе его назвать»), но это был, конечно, М. К. Грибовский.

И. В. Васильчиков, по словам сына, не сразу выслушал донос Грибовского, заявив, что «принимать доносы не его дело и не входит в круг его военных обязанностей, что для этого есть особое ведомство и отдельное министерство полиции, куда ему и следует обратиться». Грибовский возражал, что он не доносчик, а «верноподданный, убежденный в гибельных не столько для России, сколько для молодых людей (с коими связан он искреннюю дружбою) последствиях этого заговора». В качестве последнего аргумента он сказал, что обращается к Васильчикову не как к командиру Гвардейского корпуса, а как к генерал-адъютанту императора Александра и просит его все сказанное довести до его сведения. Васильчикова и этот пассаж Грибовского не убедил в правдивости его слов, и он потребовал доказательств. Грибовский ответил, что достаточно запросить брата Илариона Васильевича Дмитрия Васильевича Васильчикова, действительно ли в имении одного тверского помещика собираются (имя его А. И. Васильчиков не назвал, но из записи Балашова мы знаем, что это был декабрист И. Д. Якушкин) «в установленные дни некоторые из членов тайного общества, в том числе и многие штаб-и обер-офицеры кавалерийской бригады, командуемой вашим братом». Но есть и еще более простой способ проверить сказанное, продолжал Грибовский: «Такого-то числа и месяца должны съехаться в Москву, прописанные в этом списке (он передал список); спишитесь частным образом с князем Дмитрием Владимировичем Голицыным и от него узнаете, говорил ли я вам правду или нет». На этом свидание закончилось.

Александр I в это время находился за границей, в Троппау, где принимал участие в заседаниях конгресса Священного союза. Писать за границу, по словам А. И. Васильчикова, за неимением шифра его отец не решился, хотя сведения, сообщенные Грибовским, по «наведенным справкам» вполне подтвердились и «в числе лиц, поименованных в списке, оказались многие офицеры, ротный командир Семеновского полка Муравьев-Апостол и несколько командиров армейских полков».

«В это время или очень скоро после вспыхнула семеновская история», что сделало положение И. В. Васильчикова, по словам сына, «не-

выносимым». Что было делать командиру Гвардейского корпуса? Поставленный в безвыходное положение, как следует из слов его сына, он мог только настойчиво советовать императору немедленно возвратиться в столицу. Однако Александр, озабоченный восстаниями в Пьемонте и Испании, предпочитал оставаться в Европе, откуда ему было легче координировать борьбу европейских монархов с разгорающимся революционным движением.

Наконец, 24 мая 1821 года Александр I возвратился в Россию, и «Васильчиков поспешил при первом же докладе довести до сведения его величества тайну, уже столько месяцев угнетавшую его страшную ответственностью и которую он никому не считал себя вправе поверить». «Это было, — писал сын со слов отца, — в Царском Селе. Васильчиков сначала докладывал о текущих делах. Государь сидел за письменным столом, Васильчиков напротив. Окончив доклад, он сказал государю, что имеет передать ему донос о политическом заговоре, поданный ему таким-то (М. К. Грибовским. — С. М.), и вместе с тем вручил государю список, составленный и собственноручно писанный вышеупомянутым N. N. (то есть Грибовским. — С. М.). Государь при этих словах, которые, по-видимому, не были для него неожиданны, долго оставался задумчивым и безмолвным, погрузившись в глубокое и тихое мечтание; потом произнес по-французски следующие слова, которые по важному историческому значению их передаю для большей точности на том же языке, как слышал их от покойного отца: „*Mon cher Wassiltschikoff! Vous, qui êtes à mon service depuis le commencement de mon règne, vous savez que j'ai partagé et encourage ces illusions et ces erreurs*“, и после долгого молчания прибавил: „*Ce n'est pas a moi à sévir*“ (Мой любезный Васильчиков! Ты, который служишь мне с самого начала моего царствования, ты знаешь, что я разделял и поощрял все эти мечты и эти заблуждения. Не мне быть жестоким)».

Далее А. И. Васильчиков, подводя итог своему рассказу, вновь возвращался к вопросу о том положении, в котором оказался его отец во время возмущения Семеновского полка. Уверенный, что солдат подстрекали члены тайного общества, он не мог открыто об этом заявить, за что подвергался со всех сторон нападкам. Одни упрекали его за нерешительность и даже за растерянность, другие — за предложение слишком жестоко наказать возмущившийся гвардейский полк (по Петербургу разнесся слух, что Васильчиков предлагал расстрелять каждого десятого семеновца, чего в действительности не

было)¹. Понятно, что и сама публикация бумаг из архива И. В. Васильчикова, которую предпринял его сын, в первую очередь преследовала цель объяснить мотивы и оправдать действия командира Гвардейского корпуса.

Воспоминания А. И. Васильчикова не совсем точны и внутренне противоречивы². В его памяти несколько встреч Грибовского с его отцом слились в одну³. Не зная истории тайного общества, А. И. Васильчиков перенес Московский съезд Союза благоденствия на время перед семеновской историей. В действительности это было не так. Васильчиков встретился с Грибовским *перед* возмущением Семеновского полка и затем встречался с ним не раз, доставляя ему все новые и новые сведения о тайном обществе. Но особенно ценно, что А. И. Васильчиков запомнил и передал слова, сказанные Александром I его отцу.

Воспоминания И. В. Васильчикова о памятном для него событии дошли до нас еще в одном варианте — записи его второго сына Виктора Иларионовича Васильчикова, боевого генерала, участника Крымской войны. Рукопись воспоминаний В. И. Васильчикова была обнаружена А. Б. Рогинским и Б. Н. Равдиным в Центральном государственном архиве древних актов (теперь — Российский государственный архив древних актов, сокращенно — РГАДА). Она опубликована ими в упоминавшийся уже статье «Вокруг доноса Грибовского»⁴. Рассказ В. И. Васильчикова короче рассказа брата, но в общих чертах совпадает с рассказом А. И. Васильчикова. В нем также говорится, как однажды к И. В. Васильчикову явился человек, которого окружала атмосфера таинственности. Он объявил, что «желает сообщить ему весьма важную тайну», за что не просит никакого вознаграждения, но «желает только, чтобы имя его осталось для всех неизвестным». Получив от И. В. Васильчикова обещание «свято хранить его тайну», он объяснил ему, что в России есть зародыш «заговора, весьма обширного», который правительство могло бы пресечь в самом

¹ Русский архив. 1875. № 3. С. 343–346.

² На это справедливо указывал еще С. Н. Чернов // *Чернов С. Н.* Несколько справок о «Союзе благоденствия» перед Московским съездом 1821 г. С. 33–41.

³ На это первым обратил внимание еще В. И. Семевский в статье «Волнение в Семеновском полку в 1820 г.» // *Былое*. 1907. № 2. С. 108–109; см. также: *Чернов С. Н.* Несколько справок о «Союзе благоденствия» перед Московским съездом 1821 г. (Примечания к «Запискам» Якушкина) // *Чернов С. Н.* У истоков русского освободительного движения. Саратов, 1960. С. 34.

⁴ *Рогинский А. Б., Равдин Б. Н.* Указ. соч. С. 92–93; РГАДА. Ф. 1260 (Васильчиковы). Оп. 2 Д. 305. С. 4–6.

зародыше. И. В. Васильчиков получил от неизвестного «список лиц, замешанных в этом деле», но не захотел ни раскрыть источник своих сведений, ни «дать никаких доказательств справедливости своего доноса». В отличие от своего брата В. И. Васильчиков писал по крайней мере о нескольких встречах отца с Грибовским: «Не ограничиваясь первым посещением, человек этот неоднократно возвращался к батюшке, приносил дополнительные к первому списки и убеждал отца моего уговорить государя принять надлежащие меры для разрушения сокровенного общества заговорщиков». Но, по словам сына, И. В. Васильчиков оставался непреклонен и требовал от неизвестного доказательств, говоря, что «не смеет даже доложить государю о столь важном предмете, не убедившись первоначально в истине его». Далее, не замечая, что противоречит сам себе, В. И. Васильчиков писал о том, что после «первого же посещения таинственного гостя» (на полях рукописи против этого места помета: «После приезда государя») его отец сообщил Александру I о полученном им доносе, однако «как о деле еще не важном, но возможном», убеждая императора установить за названными в доносе лицами полицейский надзор. Однако «государь ни в этот раз, ни позже... не согласился принять никакой меры против (тайных) заговорщиков и говорил ему: „Никогда не прощу себе, что я сам заронил первое семя этого зла“». Дальше В. И. Васильчиков повторил историю о том, как неизвестный сообщил И. В. Васильчикову о Московском съезде, сведения о котором тот проверил у московского генерал-губернатора Д. В. Голицына. «Доказательство было несомненно, — констатировал В. И. Васильчиков. — Несмотря на это, государь упорствовал в бездеятельности». На этом рассказ о доносе Грибовского был закончен, а дальше шли сетования В. И. Васильчикова, который не понимал, почему никто не принял решительных мер и «какими путями странный человек сей делался известен о сокровенном для всего света деле», что «осталось тайною» даже, по его словам, для его отца.

Еще один вариант воспоминаний И. В. Васильчикова был записан сыном известного героя Отечественной войны 1812 года Дениса Давыдова В. Д. Давыдовым и опубликован им в 1873 году на страницах той же «Русской старины». Вероятно, Денис Давыдов был одним из тех, кому И. В. Васильчиков рассказывал эту историю, ну а он поделился ею с сыном¹. В. Д. Давыдов дополнил сцену доклада

¹ Впрочем, могло быть и по-другому. В. Д. Давыдов, сотрудничавший с «Русским архивом», мог просто знать эту историю в пересказе одного из сыновей И. В. Васильчикова.

И. В. Васильчикова императору выразительной деталью. По его словам, выслушав доклад, Александр долго молчал, закрыв лицо руками, а затем, не читая, отдал список заговорщиков князю («я не хочу его видеть»). Что, конечно, добавило рассказу театральности, но, очевидно, не соответствует действительности. Главное же, что В. Д. Давыдов, как и А. И. Васильчиков воспроизвел слова, сказанные Александром I их отцу: «Personne mieux que Vous, mon cher Wassilchikoff (sic. — С. М.), ne connaît le commencement de mon règne, où par mes actions et mes actes j'ai donné prise à les effervescences des mécontent. C'est donc ma faute et ce n'est donc pas à moi à sevir. Reprenez cette liste, je ne veux pas la voir (Никто лучше вас, любезный Васильчиков, не знает, какое было начало моего царствования, где я моими действиями и моими узаконениями дал повод этому волнению недовольных. Это моя вина, и не мне их за это наказывать. Возьмите назад этот список, я не хочу его видеть)»¹.

Наконец, приведем еще одно свидетельство о доносе Грибовского, которое сохранили для нас воспоминания декабриста С. П. Шипова. Шипов вспоминал, что на сообщении о существовании в России тайного общества Александр I якобы сказал: «Не следует ударять шпагой по воде»².

Тут остановимся и отметим несколько важных для дальнейшего анализа моментов. Во-первых, донос Грибовского, как видно из приведенных выше свидетельств, был устным, и только список заговорщиков был представлен им Васильчикову на бумаге. Он, кстати, до сих пор не обнаружен. Во-вторых, Васильчиков встречался с Грибовским несколько раз и, видимо, не раз получал от него сведения о тайном обществе. В-третьих, первый донос был сделан до семеновской истории, то есть до начала октября 1820 года. И, наконец, в четырех из пяти рассмотренных свидетельств говорится о реакции императора Александра I на донос Грибовского.

Однако ни в дневниковой записи А. Д. Балашова, ни в рассказах обоих Васильчиковых, ни в свидетельствах Давыдова, Комаровского, Шипова почти нет сведений о самом тайном обществе. По сути, из рассказов И. В. Васильчикова, переданных мемуаристами, можно извлечь только самые общие сведения: иностранные тайные общества уже проникли в Россию, где под их влиянием организовалось собственное тайное общество, что оно состоит из гвардейских и армей-

¹ Русская старина. 1873. № 6. С. 790–791.

² Шипов С. П. Воспоминания // Русский архив. 1878. № 6. С. 183.

ских офицеров и что оно проводит свои собрания. И главное, что император не считает себя вправе их наказывать, так как считает себя источником либеральных настроений.

Видимо, нам так и не удастся узнать подробности устных доносов Грибовского Васильчикову. Так же как мы не сможем представить в подробностях доклад Васильчикова императору при их встрече в Царском Селе в мае 1821 года.

Однако дело обстоит не так уж и плохо, как может показаться на первый взгляд. У нас есть уникальная возможность все-таки узнать, какие сведения получил император в доносе Грибовского. Существует документ, который хорошо известен в историографии и который может пролить свет на интересующую нас проблему. Этот документ называют то запиской А. Х. Бенкендорфа, то доносом Грибовского¹. Попробуем разобраться, чем же он является на самом деле.

Среди материалов, собранных Следственным комитетом по делу декабристов, сохранилась копия записки, представленной начальником штаба Гвардейского корпуса А. Х. Бенкендорфом императору Александру I. Копия была сделана с оригинала (сам оригинал не найден до сих пор), обнаруженного после восстания 14 декабря среди бумаг покойного императора². Записка была доставлена в Следственный комитет и прочитана на заседании 7 марта 1826 года, о чем была сделана соответствующая запись в журнале заседания «Слушали... 13) Внесенную генерал-адъютантом *Бенкендорфом* записку, поданную им покойному государю о Союзе благоденствия, и которая ныне найдена в кабинете его величества в Царском Селе. Положили: как записка сия совершенно согласна со всем тем, что Комитетом о Союзе благоденствия открыто и при том объясняет некоторые обстоятельства, доселе еще не положительно известные, то взять оную в соображение и пополнить дальнейшим изысканием»³.

В своих воспоминаниях сам Бенкендорф ничего не говорит ни о какой своей записке о тайном обществе, представленной им императору. Он лишь походя, мельком замечает, что о «позорном обще-

¹ См., например: *Шильдер Н. К.* Указ. соч. Т. IV. С. 203–215; *Чернов С. Н.* Указ. соч. С. 40.

² В ГА РФ, в деле, содержащем черновые описи бумаг, обнаруженных в кабинете Александра I после его смерти, сохранился документ следующего содержания: «Записка графа Бенкендорфа, поданная императору Александру в 1821 году, и которая в 1825-м найдена была в кабинете его величества. В этой записке, четыре года до 14 декабря 1825 года, описывается почти все то, что впоследствии обнаружено Следственною комиссиею» (ГА РФ Ф. 1717. Оп. 1. Д. 128 Л. 5).

³ Восстание декабристов. Документы. М.: Наука, 1986. Т. XVI. С. 121.

стве... уже упоминал императору Александру», когда был начальником гвардейского штаба, и признается, что тогда не верил «ни в его важность, ни в особенности в его влияние»¹.

Заметим, что и из текста записи заседания Следственного комитета 7 марта отнюдь не следует, что автором внесенной записки был именно А. Х. Бенкендорф. Напротив, надпись на ней, сделанная чиновником Следственного комитета А. А. Ивановским, прямо свидетельствует, что ее автором был именно Грибовский, а Бенкендорф лишь «представил» ее Александру I: «Копия с записки, найденной в кабинете покойного государя, представленной его величеству в 1821 году генерал-адъютантом А. Х. Бенкендорфом (Составлена Грибовским)»².

«Записка», внесенная Бенкендорфом, конечно, это не тот первый донос Грибовского И. В. Васильчикову, а свод нескольких его доносов. В этом убеждают не только воспоминания И. В. Васильчикова, известные нам в пересказе нескольких лиц, но и сам ее текст. В ней содержится рассказ о Московском съезде Союза благоденствия, который проходил в начале 1821 года, и, следовательно, «Записка» написана много позже первой встречи Грибовского с Васильчиковым, которая, напомним, состоялась не позднее октября 1820 года.

Впрочем, не так уж и важно, сколько раз Грибовский встречался с И. В. Васильчиковым. Гораздо важнее, что знал Грибовский о тайном обществе и что узнал из его доноса Александр I. Забегая вперед, скажем, что, собственно говоря, то, что мы знаем об этом декабристском обществе, за исключением, пожалуй, только Петербургского совещания 1820 года, в сконцентрированном виде представлено в доносе Грибовского³.

Обратимся теперь к анализу содержания самого доноса Грибовского. Автор начинал свое сочинение с объяснения причин возникновения тайных противоправительственных обществ в России. Корень зла он видел в развращающем западном влиянии на умы молодых русских офицеров, оказавшихся в Париже после победы над Наполеоном. Трудно сказать, искренен ли был Грибовский или угадывал желание своих слушателей — Васильчикова и Бенкендорфа.

¹ Александр Христофорович Бенкендорф. Воспоминания. 1802–1837 / Публикация подготовлена М. В. Сидоровой и А. А. Литвиным. Пер. с франц. яз. О. В. Маринина. М.: Российский фонд культуры, 2012. С. 324.

² ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 12. Л. 10.

³ Донос Грибовского обильно использован в исследовании М. В. Нечкиной // *Нечкина М. В. Указ. соч.* Т. I. С. 190, 191, 201–203, 206, 207, 209, 210, 214, 222, 223, 240, 241, 248, 257, 261, 286, 307, 315, 320, 325, 326, 307, 315, 320, 327 и др.

Но именно к 1814 году он относил начало вольномыслия, когда многие из офицеров русской армии, находясь во Франции, «напитались гибельным духом партий, привыкли болтать то, чего не понимают, и из слепого подражания получили... страсть заводить... тайные общества у себя». Надо сказать, что в своем объяснении причин возникновения в России тайных противоправительственных обществ Грибовский вовсе не был оригинален и далеко не одинок. Впоследствии эта мысль вошла органической частью в «Донесение Следственной комиссии» и стала единственным объяснением причин восстания гвардии 14 декабря 1825 года, положив начало реакционной правительственной концепции истории декабристов.

Говоря о целях Союза благоденствия, Грибовский вполне определенно писал, что «явной целью» тайного общества было «введение конституции». «Явная цель сих мнимых свободомыслящих (либеральных), точнее своевольномыслящих, — говорилось в доносе, — была введение конституции и собственно такого образа правления, под которым своеволие ничем не было бы удерживаемо, а пылким страстям, неограниченному честолюбию, желанию блистать предоставлена была бы полная воля». Таким образом, к изменению государственного устройства России членов тайного общества, по мнению Грибовского, толкало не что иное, как «неограниченное честолюбие» и «желание блистать». А также то, что они надеялись, воспользовавшись «выгодами переворота», «занять высшие места в правительстве». В этих пассажах хорошо видно стремление Грибовского представить членов тайного общества людьми, которые действовали не из пламенной любви к родине, не из стремления вырвать ее из оков деспотизма и крепостничества, а исключительно из личных корыстных интересов. Грибовский либо действительно не понимал (не мог понять) патриотических мотивов действий декабристов, либо, что намного вероятнее, писал это в расчете заслужить одобрение сильных мира сего.

Автор доноса крайне отрицательно характеризовал молодых людей, входящих в тайное общество. По его мнению, они обладали по большей части «поверхностными сведениями», не понимали, что такое конституция, и, не умея привести в порядок свои собственные имущественные дела и состоя в большинстве своем в низших чинах, мечтали «управлять государством».

Причинами возникновения тайных обществ, по мнению Грибовского, было также свободное распространение запрещенных пра-

вительством сочинений и «близкое нахождение вместе множества офицеров» в столице, между которыми существовало «какое-то взаимное соревнование» и чувствовалось «влияние людей, кои скрыто подкрепляли сие брожение умов». В чем в чем, а в этом, надо признать, он был совершенно прав.

Тайные общества, по словам Грибовского, то возникали, то исчезали. Но одно из них — Союз благоденствия — с течением времени окрепло и развилось. Именно описанию устройства Союза благоденствия и методов его деятельности посвящена большая часть доноса Грибовского. В сущности, он представил правительству полную картину организационной структуры общества и подробно описал процедуру приема членов. Особое внимание он уделил характеристике методов, которыми общество стремилось добиться реализации своих целей.

Вот они-то представлены Грибовским сугубо мирными, не насильственными. В сущности, от членов тайного общества, говорилось в доносе, требовалось только поддерживать и пропагандировать в обществе передовые идеи, выявлять и осмеивать пороки существующего правления, а также людей «бабушкиного века» (екатерининского), то есть консерваторов и реакционеров, не понимающих необходимости коренного переустройства на новый лад основ российской жизни. Деятельность членов общества должна была развиваться в четырех основных направлениях или, как говорилось в уставе Союза благоденствия, «отраслях». Это были «отрасли»: 1) человеколюбия (то есть благотворительность); 2) образования; 3) правосудия и 4) общественного хозяйства. «Главные правила, — читаем в доносе Грибовского, — относились к попечению об усовершенствовании наук, художеств, разных ветвей государственного хозяйства, судопроизводства и пр.». Но все это, как сообщалось в доносе, было сделано для того, чтобы прикрыть «тайную цель главных руководителей — возыметь влияние на все отрасли правительства, чего частные лица отнюдь присваивать не могут». Таким образом, главной задачей Союза благоденствия, как справедливо указывал Грибовский, была задача завоевания общественного мнения, для чего необходимо было привлекать в него как можно больше членов.

Особо стремились привлекать к участию в тайном обществе гвардейских офицеров. «Из войск, — читаем в доносе, — положено было набрать самое большое число приверженцев в гвардии; а в армии же иметь на своей стороне только несколько полковых коман-

дилов, решительных и на все готовых, дабы побуждением их и примером гвардии слепо увлечь всю армию». Далее Грибовский не развивал эту мысль, и остается неясным, каковой видели в Союзе благоденствия роль армии — только ли влиятельной сторонницей перемен или по примеру XVIII века (или более близкому примеру испанской революции) решающей силой. Во всяком случае здесь при всем желании нельзя увидеть стремления устроить переворот «военной силой». Эта неясность в полной мере отражает истинное положение дел в тайном обществе. Ни его лидеры, ни тем более рядовые члены не заглядывали так далеко в будущее. Столь же неопределенным выглядит и предложение избрать главу общества, «когда было бы уже все готово, из вельмож, уважаемых войском и народом и недовольных правительством». Мирная эволюция России по пути европейского прогресса — вот что было идеалом для членов тайного общества. Идея революции «посредством войск», которая владела умом П. И. Пестеля, еще не стала доминирующей на этом этапе развития декабристских обществ. Хотя в доносе и говорилось, что «общество с нетерпением ожидало, что в Пруссии последует насильственный перелом правления, после чего Польша не замедлила бы тому последовать, и таким образом надеялись подать руку с севера беспокойному югу». Члены тайного общества «не могли скрыть глупой радости при происшествиях в Испании и Неаполе и готовы были бы на все, чтобы принудить государя возвратиться (в Россию. — С. М.) скорее и не допустить иметь близкое деятельное участие в успокоении Европы».

Какими же средствами общество стремилось достичь своих целей? Из слов Грибовского следовало, что это были «распускаемые слухи, рассказы в обществах, сочинения, особенно журнальные статьи, как более и скорее расходящиеся, дабы дать направление общему мнению и нечувствительно приготовить все сословия». Приготовить к чему? Конечно, к изменению государственного устройства. Но есть такие больные места, говорилось в доносе, которые лучше не трогать. Потому что «частые напоминания и, так сказать, беспрепятственные атаки по заведенной системе на понятия о рабстве, цепях неволи, тиранстве, ненаблюдении правосудия и пр., врезываясь в памяти, давали бы дурное мнение и поселяли бы отвращение от существующего очерняемого порядка и желание перемен». Освобождение крестьян, продолжал Грибовский, считалось первым шагом «для привлечения низшего состояния». Приветствовалось освобож-

дение принадлежащих членам тайного общества крепостных. Так же как и «распространение училищ взаимного обучения». В пропаганде идей тайного общества среди простого народа, говорилось в доносе, были уже сделаны первые шаги. Издавались «самые невинные» маленькие сочинения: сказки, повести, краткие наставления, которыми стремились привлечь на свою сторону простой народ и в первую очередь солдат.

В доносе было сказано, что уставом общества являлась Зеленая книга, названная так по цвету ее обложки. По словам Грибовского, Зеленая книга была написана «темным, мистическим слогом». Грибовский писал, что она состояла из двух частей. Первая часть давалась всем для прочтения при вступлении в общество. Вторая «сообщалась посвященным уже в тайны». Что это за тайны, Грибовский не раскрывал, но из всего видно, что под ними он имел в виду конечную цель общества — освобождение крестьян и конституцию. Станным кажется, что говоря о второй части Зеленой книги, Грибовский ее не пересказал, а ограничился лишь указанием, что она состояла, в свою очередь, из четырех частей. Не служит ли это доказательством тому, что вторая часть Зеленой книги так и осталась не написанной?

В своем доносе Грибовский привел поименный список наиболее значимых членов тайного общества, с которыми он, видимо, встречался на заседаниях или знал об их участии от товарищей по Союзу благоденствия. Он также назвал примерное число членов Союза благоденствия — в 1818 году их насчитывалось «более двухсот». «Первоначальные члены общества, — писал он, — были почти все молодые гвардейские офицеры: Муравьевы (три Главного штаба, полковник Александр, вышедший в отставку после того, когда в Москве посажен был под арест брат его безногий; Никита, вышедший также в отставку, когда не был произведен в следующий чин, и четвертый, бывший в прежнем Семеновском полку); Пестель, бывший адъютант графа Витгенштейна; князь Трубецкой, бывший в Семеновском полку и теперь за границу; Бибиков, адъютант его императорского высочества великого князя Михаила Павловича; князь Долгорукий, 2-й гвардейской артиллерийской бригады, бывший адъютант графа Аракчеева; два Фонвизина (один, бывши полковым командиром, приуготовлял офицеров своего Егерского полка); Перовский, теперь обер-квартирмист 1-го резервного кавалерийского корпуса; Шипов, настоящий командир полка Наследника Принца Прусского; Новиков, надворный советник, бывший в Саксонии при генерал-адъютан-

те Репнине и после правитель канцелярии его же, малороссийского военного губернатора, теперь в отставке. Из них Перовский и Шипов мало-помалу в 1819 году отстали, о Пестеле утвердительно неизвестно». И далее: «Мало-помалу привлечено множество офицеров Главного штаба, из полков же наиболее в Измайловском, бывшем Семеновском, Егерском, Московском, Конной гвардии и гвардейской артиллерии. Примечательнейшие по ревности: Бурцов, фон дер Бриген, два Колошина, Оленин, Копылов, Кутузов, Горсткин, Нарышкин, Корсаков и другие; из посторонних: Николай Тургенев, полковник Глинка и Семенов (молодой человек, служивший в канцелярии министра князя Голицына, занимавший место секретаря в обществе и руководимый Тургеневым и Глинкою)». И еще: «Влиянием их и Фонвизина вступили в общество: М. Орлов, Граббе, Рead, Юшневский, Прижевский и пр. Орлов брался вовлечь Мамонова; Тургенев, фон дер Бриген и Глинка — молодых графов Шереметева и Безбородку-Кушелева».

Представив властям довольно обширный список членов Союза за благодеяния, Грибовский переходил далее к характеристике даже не конкретных действий, а намерений тайного общества. Надо сказать, что под его пером они не выглядели слишком обширными. Он писал об идее Н. И. Тургенева издавать журнал и организовать «в одной из дальних деревень кого-либо из членов» типографию и даже литографировать в Париже карикатуры, которые затем ввозить обратно в Россию и «распускать в народе на Толкучем рынке, рассылать в армию и по губерниям». Журнал, который должен был пропагандировать идеи общества, предполагалось, как говорилось в доносе, издавать за счет общества по самой низкой цене. Соиздателем Тургенева Грибовский называл профессора Куницына, а участвовать в нем «брались» будто бы Чаадаев и Кюхельбекер. Здесь же Грибовский писал о том, что Тургенев якобы настаивал на преобразовании общества «совершенно по системе Вейсгаупта» и чтобы члены называли себя в общении другими именами.

Но постепенно, как не мог не признать Грибовский, деятельность общества угасала: «ревность многих ослабевала», а другие «отставали». «Неосторожность и неуместные рассказы» подавали повод к опасным происшествиям. Одно из них, как считал Грибовский, привело к необходимости собрать в Москве в конце 1820 — начале 1821 года «чрезвычайное заседание». Речь шла о попытке неосторожно принятого в общество московского чиновника П. В. Хавского «требовать денег, угрожая открыть все».

Самого Грибовского на съезде не было, и он в своем доносе рассказывал о нем с чужих слов (скорее всего, уже упоминавшихся И. Г. Бурцева и Ф. Н. Глинки). В рассказе Грибовского о Московском съезде Союза благоденствия что-то подтверждается позднейшими показаниями декабристов на следствии, а что-то нет. Отметим, что причиной роспуска Союза благоденствия Грибовский называл известие, полученное во время съезда от П. Х. Граббе. Брат все того же командира Гвардейского корпуса И. В. Васильчикова Д. В. Васильчиков узнал о существовании «очень большого и имеющего значительных членов» тайного общества, и у Граббе возникло обоснованное опасение, что он может рассказать о его существовании брату. «Известие сие, — писал Грибовский, — потревожило собравшихся в Москве; они полагали, что генерал Васильчиков сообщит наверно о сем брату своему командующему Гвардейским корпусом, и, таким образом, правительство, имея в своих руках нить, может сделать некоторые открытия». После этого, как сообщал Грибовский, были сожжены все бумаги, и общество объявлено закрытым. Н. И. Тургенев, вернувшись в Петербург, разослал членам письменное уведомление о закрытии Союза благоденствия. В уведомлении говорилось, что общество «действовало для доброй цели и употребляло одни благородные средства», чем подчеркивалась легитимность занятий членов Союза благоденствия. «Таким образом, — говорилось в доносе, — кончилось существование Союза благоденствия».

Заключительная часть доноса Грибовского посвящена характеристике членов закончившего свою деятельность тайного общества, на которых «наиболее должно быть обращено внимание». Это были: 1) Н. И. Тургенев, который «нимало не скрывает своих правил, гордится названием якобинца, грезит гильотиною и, не имея ничего святого, готов всем пожертвовать в надежде выиграть все при перевороте»; 2) Ф. Н. Глинка; 3) А. Ф. Бриген; 4) все Муравьевы, «недовольные неудачею по службе и жадные возвыситься»; 5) М. А. и И. А. Фонвизины и П. Х. Граббе, «судя по рассказам, имеющим с ними короткие связи, и по действиям их в обществе готовы на все»; 6) М. Ф. Орлов; 7) И. Г. Бурцев. Грибовский высказывал сомнение, что в настоящее время при «судебном исследовании» можно будет открыть «что-нибудь о сем обществе». Но правительство легко могло бы проверить сообщенное в его доносе, установив за названными им лицами тайный надзор. Грибовский, однако, предупреждал, что наблюдение нельзя поручить петербургскому генерал-губернатору, «который

окружен людьми» либо участвующими в тайном обществе, либо сочувствующими его идеям.

В самом конце своего доноса Грибовский выражал уверенность, что «внутри России и не мыслят о конституции». «Дворянство, — продолжал он, — по одной уже привязанности к личным своим выгодам не станет поддерживать какой-либо переворот; о низших же сословиях и говорить нечего». «Русские столько привыкли, — продолжал он, — к образу настоящего правления, под которым живут спокойно и счастливо и который соответствует местному положению, обстоятельствам и духу народа, что мыслить о переменах не допустят». Но Грибовский не был бы Грибовским, если бы этим успокоительным пассажем закончил донос. Ему нужно было оставить у власти впечатление, что хотя тайного общества больше нет, но опасность все же остается, а с нею и необходимость в его услугах. «Отрицать, впрочем, невозможно, что есть зародыш беспокойного духа в войсках, особенно в гвардии». И далее: «При бдительном надзоре и кротких, но постоянных мерах, сие может быть постепенно отвращено». В этом, как показало время, он ошибался¹.

Я практически полностью изложил донос Грибовского со всеми его намеками, темными местами, непоследовательностью, постоянными повторами и неприкрытой ненавистью ко всему прогрессивному, особенно к молодежи, охваченной стремлением преобразовать родину по западному образцу. Но вот что удивительно. Рассказывая о тайном обществе, Грибовский практически ничего не говорит о его конкретной *деятельности*. За одним, пожалуй, исключением — ланкастерских школ. Кроме общих слов о недопустимой, по его словам, критике существующего порядка, в доносе нет ничего. Нет рассказа о Петербургских совещаниях 1820 года, где члены тайного общества обсуждали форму будущего государственного устройства России и где Н. И. Тургенев произнес знаменитую фразу: «Президент, без долгих толков», то есть высказался за республиканскую форму правления в обновленной России. Нет ни слова о военном перевороте как средстве достижения конституционного переустройства страны и освобождения крепостных крестьян. Нет ничего о цареубийственных планах. Положим, Грибовский ни о чем подобном не знал и слы-

¹ Донос Грибовского несколько раз появлялся в печати. Он публиковался в журнале «Русский архив» (1875. № 12. С. 423–430) и в биографии императора Александра I историка Н. К. Шильдера (Т. IV. С. 204–215). Цитаты из доноса Грибовского приводятся по публикации в кн.: Декабристы. Сборник отрывков из источников. М.: Государственное издательство, 1926. С. 109–116.

хом не слыхивал. Не это ли лучшее подтверждение того, что в тайном обществе не думали ни о революции, ни о свержении монархии как средстве, пользуясь современной терминологией, модернизации страны.

В столице империи, в Петербурге, хотя все было спокойно, но со второй половины 1810-х — в начале 1820-х годов атмосфера кардинально поменялась по сравнению с недавними временами. Газеты публиковали известия об испанской революции, о конституции, данной королем под натиском народа. Воображение будоражили события в Неаполе и Пьемонте. Молодые офицеры, как справедливо писал в своем доносе Грибовский, стали больше интересоваться политикой, обсуждать политические новости. По образному выражению Пушкина, имевшего в виду картину революционных событий, охвативших южную Европу, «вулкан Везувия пылал». Пример европейских тайных обществ и успехи народов в борьбе с деспотизмом воодушевляли членов тайных обществ.

Перемену в общественных настроениях замечали и в императорских покоях, и в генеральской среде, где было сосредоточено командование армией и гвардией. И. В. Васильчиков писал 26 августа 1820 года П. М. Волконскому: «Я получил Ваше письмо, мой дорогой друг, и вполне разделяю Ваше мнение о дурном направлении духа нашего века и об осторожности, вполне необходимой при трудном положении, в котором находятся правительства. Верьте, однако, что мы далеки от опасения чего-либо в настоящую минуту: нельзя относиться к некоторым речам легкомысленной молодежи как к симптомам дурного настроения умов. Говорят, говорили и будут говорить; дело состоит в том, чтобы открыть вредных людей и, если таковые найдутся, отдалить их без всякого шума... Могу Вам поручиться за совершеннейшее спокойствие в настоящее время»¹. В письме от 8 октября Васильчиков вновь обращался к теме настроений среди петербургской молодежи: «Что касается до сравнения, которое Вы проводите между нашим взглядом на дело со взглядом нынешних молодых людей, то причину такого явления надо искать в различии времени: не многие из нас читали тогда газеты, никто не говорил о политике, служили утром и веселились вечером; теперь же Петербург сделался монастырем, который вполне подходит к людям нашего возраста, но в высшей степени скучен для молодежи. Что Вы хотите, чтобы мо-

¹ Русская старина. 1871. № 12. С. 647.

лодые люди делали целый день? Очень просто, что они ищут в том, что происходит вокруг их, материал для занятий; вследствие этого и возникают рассуждения о политике, идеи о конституции, которые ни к селу ни к городу, и разборы того, что от них требуется»¹. Еще несколько дней спустя в переписке двух генералов возникла история конфликта А. Х. Бенкендорфа с полковником Преображенского полка Пирхом. Бенкендорф в разговоре с Пирхом сказал ему, что «всем начальникам необходимо знать общества, посещаемые офицерами», и просил «прислать список тех офицеров (если бы нашлись таковые), за которыми он найдет нужным наблюдать». Пирх воспринял это как предложение стать доносчиком, и разгорелся скандал, тем более что о предложении Бенкендорфа стало известно в столице. Инцидент вскоре разрешился, но характерна сама инициатива Бенкендорфа, чувствовавшего, что времена меняются, и пытавшегося усилить наблюдение за гвардейскими офицерами².

Каково же было отношение императора Александра I к происходящему? Еще задолго до семеновской истории он получал от петербургского генерал-губернатора М. А. Милорадовича донесения, содержащие сведения, добытые агентурным путем, о разных происшествиях и слухах в столице. Донесения эти сохранились, как сохранились и распоряжения начальника Главного штаба князя П. М. Волконского, всегда сопровождавшего Александра в его поездках как по России, так и за границей. 8 июля 1820 года император выехал из Царского Села и, посетив Москву, Воронеж, Курск, Харьков, Полтаву, Кременчуг, в сентябре прибыл в Варшаву, где произнес речь на втором польском сейме. Обстановка в Европе накалялась, в августе в Париже были арестованы заговорщики (по преимуществу офицеры), которые выступили против короля Людовика XVIII. В выступлении на варшавском сейме Александр уже говорил в другом тоне, чем в 1818 году. Он, в частности, сказал, что «дух зла покушается похитить снова бедственное владычество»³. Император не раз проявлял повышенный интерес к проступкам гвардейских солдат и не раз приказывал выяснить, не связаны ли они с действиями каких-либо агитаторов. Так, получив от Милорадовича пять записок о «разных распутствах, произведенных унтер-офицерами и солдатами гвар-

¹ Русская старина. 1871. № 12. С. 651.

² Там же. С. 650–651.

³ Прим. П. И. Бартенева к публикации «Бумаг князя Илариона Васильевича Васильчикова» // Русский архив. 1875. № 5. С. 44.

дии», Александр I приказал выяснить, «не побуждают ли к тому солдаты какие-нибудь злые подстрекатели, всеми средствами старающиеся их развратить»¹. К следующему письму Волконского от 17 сентября 1820 года Васильчикову он приказал приложить записку теперь уже о «некоторых беглых солдатах» и унтер-офицере. «Государь непременно желает знать, — писал Волконский, — причину, побудившую их к побегу, и все-таки предполагает, что должны быть некоторые неблагонамеренные люди, которые действуют на дух солдат и стараются развращать их нравственно, заставляя их пить и предаваться другим распутствам. Поручаю Вам, любезный друг, сделать строжайшее исследование и стараться, ежели возможно, открыть этих неблагонамеренных людей»².

Подозрения императора, что кто-то намеренно подстрекает солдат, еще больше усилились после семеновской истории и особенно после появления прокламации «К преображенцам»³. Находясь за границей, он испытывал сильное влияние Меттерниха, который не переставал пугать русского императора европейскими тайными обществами. Александр, находившийся в это время в Троппау, вдали от России, не мог поверить, что семеновские солдаты взбунтовались только из-за жестокого с ними обращения, а видел в этом явное свидетельство деятельности тайных революционных сил. Спустя неделю после получения известия о событиях в Петербурге император писал Аракчееву: «Тебе должно уже быть известно, любезный Алексей Андреевич, несчастное, но в то же время постыдное приключение, случившееся в Семеновском полку. Легко себе можно вообразить, какое печальное чувство оно во мне произвело; происшествие, можно сказать, неслыханное в нашей армии. Еще печальнее, что оно случилось в гвардии, а для меня лично еще грустнее, что именно в Семеновском полку. Но с тобой привыкнув говорить со всей откровенностью, скажу тебе, что никто на свете меня не убедит, чтобы сие происшествие было вымыслено солдатами или происходило единственно, как показывают, от жестокого обращения с оными полковника Шварца. Он был всегда известен за хорошего и исправного офицера и командовал с честью полком. Отчего же вдруг сделаться ему варваром? По моему убеждению, тут кроются другие причины. Внушение, ка-

¹ Русский архив 1875 № 5. С. 47.

² Там же. С. 48.

³ Подробнее о расследовании семеновской истории см.: Лапин В. В. Семеновская история. СПб.: Лениздат, 1991. Гл. «Поиски смутьянов». С. 149–178.

жется, было не военное, ибо военный умел бы их заставить взяться за ружье (насколько прав был Александр I, показали события 14 декабря 1825 года. — С. М.), чего никто из них не сделал, даже тесака не взял. Офицеры же все усердно старались пресечь неповиновение, но безуспешно. По всему выше писанному заключаю я, что было тут внушение чуждое, но не военное. Вопрос возникает: какое же? Сие трудно решить; признаюсь, что я его приписываю тайным обществам, которые по доказательствам, которые мы имеем, в сообщениях между собой и коим весьма неприятно наше соединение и работа в Троппау. Цель возмущения, кажется, была испугать. Если к сему присовокупить, что день был выбран тот самый, в который императрицы возвратились в город, то, кажется, довольно ясно обнаруживается, что желали их встревожить, дабы сими опасениями меня принудить бросить занятия наши в Троппау и воротиться поспешнее в Петербург»¹.

Идея международного заговора крепко засела в голове императора. Впоследствии он неоднократно возвращался к мысли, что семеновскими событиями международные заговорщики стремились помешать борьбе с революционными событиями в Европе. В письме, сопровождающем указ о расформировании Семеновского полка, посланном Васильчикову из Троппау 10 ноября 1820 года, Александр, получивший прокламацию «К преображенцам» вновь возвращался к мысли об иностранном вмешательстве в русские дела. Он писал, что подстрекатели «проповедуют солдатам считать себя самих властителями; проповедуют, чтобы они удалили или отставили того, кто имел власть донныне, так же как всех офицеров или старших, и выбрали бы других между собою». Император был уверен, что солдат «испытывают» «злонамеренные люди и те, кто ими руководит». «Надеюсь, — писал император, — что эти попытки останутся бесплодны, но для этого нужно, чтобы мы все усугубили надзор, и Бог сделает остальное». Отклоняя настоятельные просьбы Васильчикова вернуться на родину, Александр I писал о своей твердой уверенности, что он должен оставаться в Европе, чтобы окончить дело борьбы с революционной заразой и обеспечить «безопасность Европы и, следовательно, России от язвы революции». В конце письма император выражал уверенность, что найдет «настоящих виновников вне полка, в таких людях, как Греч и Каразин»².

¹ Шильдер Н. К. Указ. соч. Т. IV. С. 185.

² Русский архив. 1875. № 3. С. 353–355.

По ходу расследования происшествия всплывали все новые и новые обстоятельства, привлекавшие особое внимание императора. 24 ноября 1820 года Волконский писал Васильчикову об истории унтер-офицера лейб-гвардии Егерского полка Степане Гушеварове, который был арестован и заключен в Шлиссельбургскую крепость «за веденные им разговоры с одним из своих товарищей и музыкантом Преображенского полка насчет истории Семеновского полка и о том, что революция в Испании ничто в сравнении с тем, что они сделают». Император поручил Волконскому сказать Васильчикову: «Вот еще весьма сильное доказательство внешнего подстрекательства или действия болтовни офицеров в присутствии солдат: ибо, откуда хотите вы, чтобы солдаты знали, что происходит в Испании или в Неаполе?»¹

Вообще же император был склонен искать подстрекателей среди штатских. 3 января 1821 года он писал министру внутренних дел графу В. П. Кочубею: «Предложите гр[афу] Милорадовичу обратить самое серьезное внимание на дело Россина и его бумаги. Если дело будет проведено толково, то, быть может, будет возможность открыть источник происхождения пасквиля и даже всей истории в Семеновском полку, относительно которой я всегда останусь при убеждении, что она произведена людьми, не принадлежащими к числу военных, а лицами вроде Каразина и комп[ании]»². В. Н. Каразин был арестован по подозрению, что являлся автором крамольной прокламации, провел полгода в Петропавловской крепости, но потом был освобожден из нее, поскольку выяснилась его полная непричастность к семеновской истории. Н. И. Греч, хотя и не был арестован, но тоже пострадал, потеряв место инспектора школ взаимного обучения в Гвардейском корпусе³.

История с арестованным по подозрению в причастности к составлению прокламации «К преображенцам» дворовым человеком П. Я. Чаадаева Федором Россином, на которого требовал обратить особое внимание император, весьма показательна. На следствии Россин признался, что интересовался настроениями солдат везде, где только предоставлялась такая возможность: «в караульных, на часах и прочих встречах... в торговых банях, особливо преображенских, где солдаты между собой толкуют откровенно». Его завербо-

¹ Русский архив. 1875. № 3. С. 58.

² Былое. 1907. № 2. С. 98.

³ Греч Н. И. Записки о моей жизни. М.: Книга, 1990. С. 240–244.

вали в качестве полицейского осведомителя, но быстро в нем разочаровались. В. П. Кочубей писал: «В разговоре с ним заметил я, что и он сам рассуждает насчет разных обстоятельств и увеличивает слухи, заводит солдат и крестьян в разные разговоры, напаявая их пьяными. А посему и приказал я полиции никаких поручений ему более не давать». Тем более что на свой страх и риск Россин завел в трактире пьяный разговор на «опасную тему», но попал на верноподданного, который угрожал ему побоями. Чтобы их избежать, Россину пришлось назваться личным фискалом Кочубея¹. Так ничем закончилось и это разбирательство.

Словом, семеновская история не имела к деятельности тайного общества никакого отношения. Убедился в этом и император. Как ни старались следователи выполнить его волю и обнаружить политических зачинщиков небывалого в истории русской армии неповиновения одного из двух первых гвардейских полков, ничего найти не удалось. В результате тщательного и пристрастного расследования выяснилось, что причина неповиновения Семеновского полка лежала все-таки в иной плоскости. Жестокое обращение с солдатами командира полка полковника Шварца заставило солдат пойти на открытое сопротивление власти. Шварц был отдан под суд. Никакого иностранного влияния в результате следствия обнаружено не было, как не было и подстрекательства к мятежу ни со стороны гвардейских офицеров, ни со стороны каких-либо штатских лиц, ни тем более тайного общества. Оказались не причастны к этой истории и масонские ложи².

Для полноты картины и для понимания того, с каким недоверием относилась власть к доносам, которые не были подтверждены фактами, приведу историю еще с одним доносом на тайное общество. В конце ноября 1820 года М. А. Милорадович получил донос корнета лейб-гвардии Уланского полка А. Н. Ронова, который узнал о существовании некоего тайного общества от сына адмирала Д. Н. Сенявина капитана лейб-гвардии Измайловского полка Н. Д. Сенявина. Однако на очной ставке с Роновым Сенявин от всего отрекся. Александр I, следивший за делом Ронова, 8 декабря 1820 года повелел отставить Ронова от службы, и он «за поступки, не свойственные офицерскому званию», то есть за клевету, был уволен из гвардии

¹ Лапин В. В. Указ. соч. С. 157–161.

² Федоров В. А. Солдатское движение в годы декабристов. 1816–1825. М.: Издательство Московского университета, 1963. С. 153–156.; Лапин В. В. Указ. соч. С. 181–241.

и выслан из Петербурга в город Порхов под наблюдение полиции. Адмирал Д. Н. Сенявин тем временем каким-то образом узнал, что члены тайного общества рассчитывают на него в деле преобразования России, и сам явился к министру внутренних дел В. П. Кочубею, чтобы лично опровергнуть слухи и засвидетельствовать преданность государю императору. Не ограничившись посещением Кочубея, Д. Н. Сенявин написал оправдательное письмо императору¹. На это никто из представителей власти также не обратил серьезного внимания, не веря в реальность существования какого бы то ни было неизвестного тайного общества. Напомню читателям, что пять лет спустя петербургский генерал-губернатор граф М. А. Милорадович, также не веря в возможный мятеж гвардии, в решительный момент оказался у балерины Истоминой, и только получив известие о сборе гвардейских полков, поскакал навстречу своей смерти.

Есть, однако, важное свидетельство, позволяющее думать, что первые сведения о существовании в гвардии тайного политического общества и намерении одного из членов убить его, Александр I получил в начале 1818 года, задолго до описываемых событий. Напомню, что гвардия тогда находилась в Москве, участвуя в торжествах по случаю пятилетней годовщины Бородинского сражения и закладки в честь победы над Наполеоном храма на Воробьевых горах. Спустя более четверти века, читая в 1848 году рукопись М. А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I», Николай сделал на полях собственноручное примечание: «По некоторым доводам я должен полагать, что государю еще в 1818-м году в Москве после Богоявления (то есть после 6 января. — С. М.) сделались известными замыслы и вызов Якушкина на цареубийство; с той поры весьма заметна была в государе крупная перемена в расположении духа, и никогда я его не видал столь мрачным, как тогда. Впоследствии сей наружный оттиск расположения души разгладился»². Как видим, Николай очень осторожен в своих словах. Он не утверждает, а лишь предполагает «по некоторым доводам», что Александр I знал о существовании тай-

¹ Чернов С. Н. Отчет о командировке в Москву летом 1924 г. Саратов, 1925 С. 5, Федоров В. А. Доносы на декабристов (1820–1825 гг.) // Сибирь и декабристы. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1985. Вып. 4. С. 131–133; Он же. «Своей судьбой гордимся мы. .»: Следствие и суд над декабристами. М.: Мысль, 1988; ГА РФ. Ф. 1717. Оп. 1 Д. 131 (Донесения петербургского генерал-губернатора Милорадовича Александру I о вице-адмирале Сенявине, подозревавшемся в участии в тайном обществе).

² Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов. С. 41; см также: 14 декабря 1825 года и его истолкователи / Издание подготовили Е. Л. Рудницкая и А. Г. Тартаковский. М.: Наука, 1994. С. 346.

ного общества и о намерениях Якушкина. Это свидетельство вызывает определенные сомнения. Ведь если император действительно знал о вызове Якушкина посягнуть на его жизнь, то почему он ничего не предпринял, не приказал арестовать Якушкина, не назначил следствия? Все это очень странно. Цареубийственные планы — это очень серьезное преступление. Это не какие-то отвлеченные мечты о конституции, об освобождении крестьян, о свободе, а преступный умысел, за который, например, ничего не совершивший Пестель попал на виселицу. Поверить в то, что Александр, зная о высказанном одним из гвардейских офицеров намерении убить его, ничего не предпринял, как в случае с доносом Грибовского, просто невозможно.

Некоторые исследователи пытаются найти подтверждение свидетельству императора Николая I в инциденте, происшедшем во время крещенского парада 6 января 1818 года. Начальник штаба гвардейского отряда декабрист полковник А. Н. Муравьев был по личному распоряжению императора Александра I за незначительную погрешность, допущенную во время прохождения войск, отправлен на гауптвахту. В этом видят знак, что Александр уже в это время знал о вызове Якушкина посягнуть на его жизнь. Ведь именно на его квартире в Хамовнических казармах прозвучали слова И. Д. Якушкина о решимости убить Александра I. М. В. Нечкина предположила прямую связь между двумя событиями, оговорившись, что это было бы возможно, если Николай ошибся в датировке, и Александр получил известие о намерении Якушкина не после, а до Богоявления¹.

Однако факты говорят противоположное. Арест и последовавшая затем отставка А. Н. Муравьева никак не были связаны с деятельностью тайного общества. В письме к брату от 31 января 1818 года А. Н. Муравьев писал: «Меня за ошибку... не мною сделанную, государь арестовал и послал на гауптвахту до вечерней зари. То дабы впредь избежать такового незаслуженного обращения, дабы полковник Александр Муравьев, начальник штаба, служивший восемь лет с честью и отличием, бывший в походах, в 50-ти и более сражениях, впредь не был бы наказуем как мальчишка, вышедший из кадетского корпуса, то я подал прошение в отставку». Муравьев чувствовал себя смертельно оскорбленным и подал в отставку, которая, заметим, не была принята. Он просился в отпуск по болезни, но и в этом ему было

¹ Нечкина М. В. Указ. соч. Т. I. С. 179. Предположение, высказанное М. В. Нечкиной, что источником информации Александра I мог быть декабрист Н. И. Комаров, вызывает большое сомнение и не подтверждено документально.

отказано, а врачам запретили давать ему свидетельство о болезни. Он все-таки «рапортовался» больным и ждал, когда получит приглашение самого императора «остаться на службе»¹. «Я сего последнего желаю, — писал Муравьев, — не ради моего возвышения, но ради чести моей, которая оскорблена, страждет и не иначе восстановлена быть может, как когда в общем мнении меня оправдают»². По тогдашним правилам выход в отставку или в отпуск гвардейских офицеров, тем более полковников, мог быть решен только императором. А распоряжения императора, как мы видим, долгое время не было. Совершенно очевидно, что Александр I хотел оставить Муравьева на службе, но и приносить публичные извинения, как хотел Муравьев, тоже не мог. В конце концов, Муравьев в октябре 1818 года получил отставку «по домашним обстоятельствам».

Может быть, Николаю I изменила память? Ответа на этот вопрос нет. Однако вовсе игнорировать это свидетельство вряд ли возможно.

Как нельзя пройти мимо еще одного свидетельства об отношении императора Александра I к членам тайных декабристских обществ? В Москве в 1821 году произошла встреча Ермолова со своим адъютантом в годы Отечественной войны 1812 года и заграничных походов, в то время отставным генерал-майором и членом Союза благоденствия М. А. Фонвизиним. В 1819 году Ермолов дважды просил своего друга дежурного генерала Главного штаба А. А. Закревского в продвижении Фонвизина по службе. Первый раз по поводу производства его в генерал-майоры, второй — о переводе его в к себе в Грузинский корпус. В 1820 году, после мятежа в Имеретии, Ермолов снова обращается с просьбой, теперь непосредственно к императору, прислать уже генерал-майора Фонвизина к нему, чтобы сделать правителем усмирленной Имеретии³. Фонвизин впоследствии на вопрос Следственного комитета об этой встрече писал: «Генерал Ермолов видел меня в 1820 году (ошибка — в 1821. — С. М.) — предостерегал меня, говорил, что я на счету карбонари в Петербурге, советовал мне все, что благорасположение его ко мне могло ему внушить. Но об обществе ни я, ни он ни слова не упоминали»⁴.

¹ Из эпистолярного наследия декабристов Письма к Н. Н. Муравьеву-Карскому. М., 1975. Т. 1. С. 135.

² *Муравьев А. Н. Сочинения и письма* // Серия «Полярная звезда». Документы и материалы / Издание подготовлено Ю. И. Герасимовой и С. В. Думиним. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1986. С. 208.

³ *Гордин Я. А. Алексей Ермолов. Солдат и его империя*. СПб.: Вита Нова, 2012. Т. 2. С. 247.

⁴ Восстание декабристов Материалы. М., Л., 1927. Т. III. С. 74

Более эмоциональный рассказ об этом эпизоде, в котором приводились принципиально важные для нашей истории сведения, содержится в воспоминаниях декабриста И. Д. Якушкина: «В 22-м году генерал Ермолов, вызванный с Кавказа начальствовать над отрядом, назначенным против восставших неаполитанцев (с хронологией событий у Якушкина, как известно, были большие проблемы. Ермолов был вызван с Кавказа в 1821 году. — С. М.), прожил некоторое время в Царском Селе и всякий день видался с императором. Неаполитанцы были уничтожены австрийцами прежде, нежели наш вспомогательный отряд двинулся с места, и Ермолов возвратился на Кавказ. В Москве, увидев приехавшего к нему М. Фонвизина, который был у него адъютантом, он воскликнул: „Поди сюда, величайший карбонари“. Фонвизин не знал, как понимать такого рода приветствие. Ермолов прибавил: „Я ничего не хочу знать, что у вас делается, но скажу тебе, что он вас так боится, как бы и я желал, чтобы он меня боялся“¹. Не вдаваясь в детали, укажу, что, по моему мнению, Александр мог сказать что-то подобное Ермолову, только получив донос Грибовского. Ведь только в нем Фонвизин назван в числе главных членов Союза благоденствия. Иных источников у Александра I в это время не было. Следовательно, разговор императора с Ермоловым мог состояться только после возвращения Александра из Лайбаха в Петербург в мае (или позднее) 1821 года.

Не нужно слишком серьезно воспринимать слова Ермолова. В них виден шуточный и одновременно окрашенный некоторым удивлением и даже, как кажется, восхищением тон старого командира. Вряд ли Александр боялся российского тайного общества, о существовании которого, как и о прекращении его деятельности, только что узнал из доноса Грибовского. Гораздо больше Александра волновали европейские тайные общества, которые, как он полагал, были двигателями свержения законных властей в ряде королевств Европы. Недаром Ермолов использовал термин «карбонарий» — так называли участников тайных обществ в Италии. Но, как известно, в каждой шутке есть доля правды. В данном случае Александр знал о том, что в России существовало тайное общество, и своим знанием делился с доверенными лицами.

Теперь рассмотрим вопрос о том, действительно ли Александр I не стал карать известных ему из доноса Грибовского членов Сою-

¹ Якушкин И. Д. Указ. соч. С. 123.

за благоденствия. В историографии с давних пор утвердилась точка зрения, что Александр не хотел привлекать внимания к тому, что и в России, подобно многим европейским странам, существуют тайные общества. Причин для этого называют несколько. Якобы он не назначил открытого следствия для того, чтобы не давать повода, особенно после возмущения Семеновского полка, к разговорам европейских политиков о том, что и Россия не избежала «язвы» политического экстремизма. Кроме того, он не желал огласки внутри страны. Но оставить без внимания открывшийся заговор он не мог и поэтому принял негласные меры для устранения со службы лиц, упомянутых в доносе Грибовского. Этой точки зрения придерживались практически все советские историки без всякого исключения. Даже те, кто по своим взглядам принадлежал к совершенно разным направлениям исторической науки, как, например, С. Н. Чернов, который вызывал подозрение у правоверных марксистов и даже был арестован по так называемому «академическому делу», и академик М. В. Нечкина, в приверженности которой к марксистской методологии вряд ли можно сомневаться, одинаково упорно искали факты преследования Александром I известных ему членов тайного общества.

М. В. Нечкина, анализируя реакцию императора на донос Грибовского, утверждала, что отрицание преследования императором членов Союза благоденствия подпитывает либеральную легенду о декабристах, созданную Н. И. Тургеневым и подхваченную А. Н. Пыпиным. Она писала, что либеральная историография «поспешила обыграть царские слова» в выгодном для нее смысле¹. Понятно, что признание реальности отказа Александра преследовать своих единомышленников и одновременно политических противников было неприемлемо для историков, отрицающих саму возможность близости (на определенном этапе) стремлений императора и членов тайных обществ, желавших, каждый по-своему, коренного преобразования России.

Но как же обстояло дело в действительности? Одной из первых в истинности ставшего каноническим² взгляда усомнилась В. М. Бокова, которая в специальном параграфе «К вопросу о „репрессиях“ против тайного общества» своей капитальной монографии «Эпоха тайных обществ» подвергла тщательному разбору все аргументы

¹ Нечкина М. В. Указ соч. Т. I. С. 350

² См., например: Тарасова В. М. Роль Н. И. Тургенева в общественном движении России 20–70 годов XIX в. (К историографии вопроса) // История и историки. М.: Наука, 1973. С. 107–125.

сторонников утвердившейся в историографии версии. Рассмотрев все случаи, которое прежде рассматривались как доказательства преследования Александром декабристов, В. М. Бокова, тщательно проанализировав служебную карьеру каждого из упомянутых в доносе Грибовского декабристов, пришла к однозначному выводу: «Все приведенные свидетельства лежат в одной и той же плоскости: наказанию, по мнению Александра, подлежало не участие в тайном обществе, а конкретные проступки, проявление „духа неповиновения“, причем виновный не исключался из службы вообще (что было бы логично, если бы его действия внушали опасения), а подвергался лишь наказанию, предусмотренному законом в таких случаях»¹.

Повторю вслед за В. М. Боковой: император решительно не видел необходимости наказывать тех, кто думал с ним одинаково. Ведь именно в 1820 году он одобрил проект конституции для России, которая была написана в Варшаве в канцелярии одного из его «молодых друзей», а Аракчеев и Гурьев писали проекты о том, как постепенно освободить крепостных крестьян, замечу в скобках — с землей. Повторю вслед за Николаем I, который не нашел ничего преступного в деятельности членов Союза спасения и Союза благоденствия (если они, конечно, ничего не знали о царевубийственных замыслах и не участвовали в следующих тайных обществах), и они были освобождены от наказания — не за что наказывать.

¹ Бокова В. М. Указ. соч. С. 384–385.

КАК В РОССИИ НЕ БЫЛО ОТМЕНЕНО КРЕПОСТНОЕ ПРАВО И ПОЧЕМУ РОССИЯ НЕ СТАЛА КОНСТИТУЦИОННОЙ МОНАРХИЕЙ

Власть все более и более закрывалась от общества. Если в начале и в середине царствования Александра I Россия была одной из самых открытых для выражения разнообразных взглядов на государственное устройство стран и в печати позволялось свободно обсуждать крепостное право, то с течением времени эта свобода стала раздражать императора.

В 1815 году в «Вестнике Европы» появилась переведенная из одного польского журнала статья А. Косинского «Замечания на мысли об устройении счастливейшего быту крестьян польских», где автор осуждал безземельное освобождение крестьян в Польше Наполеоном в 1807 году, что, по его мнению, лишило крестьян помощи со стороны землевладельцев и усилило в них «склонность к бродяжничеству и праздности». Впрочем, автор выступал не против освобождения крестьян в принципе, а только возражал против лишения их земельной собственности¹. В 1816 году здесь же была напечатана статья некоего И. Переславского, который как бы не допускал даже и намека на мысль о возможности освобождения крестьян: «Благоразумный член каждого состояния должен доволен быть своим положением, которое определяют и сохраняют законы»².

В следующем, 1817 году похвалы крепостному праву усилились. Появились статьи, описывающие тяжелое, прямо-таки бедственное

¹ Вестник Европы. 1815. Ч. 82. С. 264–281.

² Там же. 1816. Ч. 87. С. 142.

положение свободных крестьян на Западе и противопоставляющие им благоденствие русских крепостных. Статьи носили явно полемический характер и были направлены против тех, кто имел дерзость сомневаться в прелестях и преимуществах крепостного права. В 47-й книге еженедельника «Дух журналов» была опубликована «Выписка из частного письма из рейнских областей», где автор, описывая массовые переселения местных жителей, с негодованием восклицал: «О несчастное слово *вольность!*.. Здешные мужики все *вольны!* — вольны, как птицы небесные, но так же, как сии, бесприютны и беззащитны, погибают от голода и холода. Как бы они были счастливы, если бы закон поставил их в неразрывной связи с землею и помещиками!» По словам автора, прошло то время, когда иностранцы считали крепостное состояние «рабским и самым жалостным». Теперь они, оказывается, «узнали свое заблуждение». Когда автор рассказывал им об отношениях помещиков с крестьянами, «то они отвечали: это *дети*, а помещик их *отец!*» Издатель журнала был совершенно согласен со своим корреспондентом и уверял читателей, что таковы отношения большинства помещиков с их крепостными и «нет ничего легче, как сделать их таковыми для всех вообще»¹. Вот такая крепостническая идиллия. О благородной задаче печати «показать, что у нас есть *отцы-помещики*, достойные сего названия, потому что *нужды* их поселян суть *собственные их нужды*», писал тогда же в «Русском вестнике» С. Н. Глинка².

Поток статей защитников крепостного права все нарастал. В одном из следующих номеров «Духа журналов» в том же 1817 году была помещена статья «русского дворянина Правдина» «Сравнение русских крестьян с иноземными», автор которой, скрывшись под претенциозным псевдонимом, обрушился на «несогласные мнения многих наших соотечественников о земледельческом сословии в чужих краях». Правдин, не стесняясь, называл вольность «пустым словом» и утверждал, что русские крепостные «гораздо счастливее» иностранных крестьян³. В 1818 году тот же Правдин выступил в «Духе журналов» с развернутой защитой барщины перед оброком. Но даже он не мог отрицать «ненависти» крестьян к барщине и признавал, что она вызвана зверским обращением помещиков. Однако никаких особых затруднений к преодолению этого он не видел. Нужно толь-

¹ Дух журналов. 1817. Кн. 47. С. 339–342 (929–923).

² Русский вестник. 1817. № 3/4. С. XXIII.

³ Дух журналов. 1817. Кн. 49. С. 343–370 (981–1008).

ко, писал Правдин, чтобы губернаторы были «бескорыстные, умные, человеколюбивые, вежливые и сведущие в сельском хозяйстве»¹.

В 12-м номере «Духа журналов» его редактор Г. М. Яценков поместил ответ на полученное им письмо, в котором автор просил разрешить его недоумение. Прочтя в одной из статей, что немецкие государи уничтожают рабство, он был сильно удивлен: до сих пор ему казалось, что «рабство только у нас в России существует». Яценков отвечал читателю, что рабства в России «вовсе нет», ибо «*крепостное состояние* наших крестьян... *не есть рабство*». Наибольшее возмущение Яценкова вызвали немецкие публицисты, которые «более всех кричат против нашего рабства», тогда как «наши так называемые рабы никогда не просили от них заступления». Но апофеозом рассуждений Яценкова по праву стало утверждение, «что у нас не только нет рабства на самом деле, но даже слова сего — *раб* — употреблять не велено». А раз «не велено» — значит, и рабства нет. Знакомая логика. Со всей страстью Яценков обрушивался на сторонников реформ — «самозванных политиков», «школьные умы, которые, недавно вышедши из школьных пелен, тотчас берутся строить и поправлять огромное и многосложное здание государства»².

Единственным гласным ответом на эту волну проповеди крепостничества стала анонимная статья «О состоянии иностранных крестьян», опубликованная в 17-м номере журнала Н. И. Греча «Сын Отечества». Автором ее, как было установлено впоследствии, являлся известный своими прогрессивными взглядами профессор Петербургского университета А. П. Куницын³. Статья Куницына была прямым ответом на выступление «русского дворянина Правдина». Автор убедительно доказывал, что «свобода для иностранного крестьянина есть слово не пустое, но имеющее вещественное значение». «Первое важнейшее право иностранного крестьянина, — писал Куницын, — состоит в том, что он сам себе принадлежит и не переходит из рук в руки посредством мены, продажи, дара, наследства и других сделок, но всегда остается своим господином; и сие право так драгоценно, что если бы захотели присвоить и продать... самого сочинителя *Правдина*, то бы он, верно, на сию перемену своего состояния не согласился». У иностранных крестьян, продолжал Куницын, никто не

¹ Дух журналов. 1818. Кн. 6. С. 43–54 (181–192).

² Там же. Кн. 12 («О рабстве в иностранных европейских государствах»). С. 94–95.

³ Об авторстве Куницына см.: *Колюпанов Н.* Биография А. И. Кошелева. М., 1889. Т. 1. Кн. 1. С. 524; ср. также. *Кульман Н. К.* Указ. соч. С. 64.

может отобрать детей. Крестьянин на Западе сам свободно, по своему усмотрению ведет дела и исполняет работу «по собственному побуждению, а не по наказу и трудится прилежно, имея несомненную надежду улучшить свое состояние»¹. Хотя в русской подцензурной печати и прежде раздавались голоса в пользу освобождения крестьян, в статье Куницына преимущества вольнонаемного труда впервые были обоснованы с такой убедительностью.

Казалось бы, разгоравшаяся в печати полемика могла со временем принести немало пользы, тем более что власть именно в это время занималась поисками путей постепенной отмены крепостного права. Однако после публикации в 1818 году в том же «Духе журналов» речи малороссийского генерал-губернатора князя Н. Г. Репнина, о которой говорилось выше, обсуждение крестьянского вопроса в печати было резко пресечено. Несмотря на всю умеренность высказываний Репнина, публикация речи вызвала запрещение вообще публично касаться этого вопроса. А. Н. Голицын, министр народного просвещения, в чьем ведомстве находилась тогда цензура, немедленно сделал выговор попечителю Петербургского учебного округа С. С. Уварову за то, что «издатель „Духа журналов“ помещает в нем статьи, содержащие в себе рассуждения о вольности и рабстве крестьян и многие другие неприличности». Далее, указывая, что Яценков не получал разрешения на публикацию речи Репнина, Голицын предлагал вообще «обратить внимание цензуры на издаваемые журналы и другие сочинения, дабы в них *ни под каким видом не было печатаемо ничего ни в защищение, ни в опровержение вольности или рабства крестьян, не только здешних, но и иностранных*, ни вообще материй, касающихся до распоряжений правительства (курсив мой. — С. М.)»².

Но исчезнув со страниц печатных изданий, проблема освобождения крепостных крестьян не исчезла для образованного русского общества. Дискуссия перенеслась на страницы рукописных записок, которые передавались из рук в руки. Речь Н. Г. Репнина сначала разошлась в списках по стране и только потом была опубликована в «Духе журналов». Тогда на нее с резкими нападками обрушился калужский предводитель дворянства, сенатор князь Н. Г. Вяземский. Стали распространяться списки его «Послания российского дворянина князю

¹ Сын Отечества. 1818. № 17. С. 162–186.

² Беседы в Обществе любителей российской словесности при Московском университете. М., 1871. Вып. 3. С. 218–220.

Репнину», датированного 4 апреля 1818 года. В более чем умеренных словах Репнина Вяземский увидел посягательство на исконные права российского дворянства. Вяземский считал крепостное право гарантией незыблемости самодержавного строя, а крепостные отношения крестьян с помещиками представлял как отношения семейные. Помещик, по его убеждению, поставлен государством «в виде отца обширного семейства домохозяев своих». «Тесная и неразрывная связь соединяет его с детьми своими», — уверял он читателей. Нарушение же этой связи, по его мнению, могло привести к неисчислимым бедствиям. «Для благоденствия крестьян наших не нужно мыслить о химерическом новом положении, но токмо стараться поддержать во всей силе истинно доброе старое, приложить попечение о повсеместном его наблюдении и утверждении в пользу крестьян». Вяземский предостерегал от следования западным образцам и призывал «единственно, исправив некоторые известные недостатки и устранив злоупотребления... бодрствовать в поддержании ныне существующего порядка вещей»¹.

«Послание...» Вяземского было с одобрением встречено в консервативных кругах. Но появилась критика и с другой стороны. Ответом на развернутый манифест защитников крепостничества стала записка основателя Союза спасения А. Н. Муравьева, высмеявшего «древнего российского дворянина» и защиту им патриархальной старины². Через П. М. Волконского Муравьев отправил записку императору. По воспоминаниям С. П. Трубецкого, Александр I, прочтя ее, сказал: «Дурак! Не в свое дело вмешался»³.

Столь резкую реакцию Александра I легко можно было бы списать на резкий тон выражений Муравьева. Но, кажется, дело не только и не столько в этом. Император был недоволен и самим появлением в печати речи Репнина, и возникшей вокруг нее полемикой. Основным условием проведения крестьянской реформы, как мы уже видели, император считал добровольное согласие на нее помещиков. Этому, с его точки зрения, менее всего могли способствовать разжигание страстей и публичные схватки крепостников со сторонниками реформ. Его замыслам полюбовного соглашения власти с помещиками не могло соответствовать распространение ни крепостническо-

¹ Сборник исторических материалов. Вып. 7. С. 153–174.

² Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. М., 1859. Кн. 3. Смесь. С. 43–50.

³ Трубецкой С. П. Указ. соч. С. 223.

го сочинения Н. Г. Вяземского или «Мнения одного украинского помещика» В. Н. Каразина, утверждавшего, что «народ... привязан душою к образу своего существования и находит в нем свое счастье»¹, ни возражения на них.

Главной задачей нового тайного общества Союза благоденствия становится, как мы уже видели, наряду с расширением своих рядов борьба за завоевание общественного мнения, соединенная с пропагандой неизбежности падения крепостного права.

Декабристы хорошо понимали, что любое проявление правительственного либерализма будет встречено яростным сопротивлением крепостников. С. П. Трубецкой вспоминал: «Действие общества должно было основываться на том рассуждении, что многие из правительственных лиц и частных людей будут восставать против некоторых намерений императора (как и было то касательно свободы крестьян), и, следовательно, как бы ни был слаб голос тех, которые стали их оправдывать, но непрерывное склонение в обществе разговора на известный предмет... дает правительству силу привести предположения свои к исполнению». Освобождение крестьян должно было, по словам Трубецкого, «иметь противниками почти всех помещиков». Поэтому «требовалось неусыпное действие» членов тайного общества «для поддержания правительственного курса» и «направления общего убеждения в необходимости этой меры». «Должно было представить помещикам, — писал Трубецкой, — что рано или поздно крестьяне будут свободны, то гораздо полезнее помещикам самим освободить их, потому что тогда они могут заключать с ними выгодные для себя условия, что если помещики будут упорствовать и не согласятся добровольно на освобождение, то крестьяне могут вырвать у них свободу, и тогда отечество может стать на краю бездны. С восстанием крестьян неминуемо соединены будут ужасы, которые никакое воображение представить себе не может, и государство сделается жертвою раздоров и, может быть, добычею честолюбцев, наконец, может распасться на части и из одного сильного государства обратиться в разные слабые. Вся сила и слава России может погибнуть, если не навсегда, то на многие века»².

В это же время осуждение крепостного права и требование освобождения крестьян получили развитие в лучших произведениях художественной литературы. Одним из самых гнусных поро-

¹ Сборник исторических материалов. Вып. 7. С. 145.

² Трубецкой С. П. Указ. соч. С. 218–220.

ков современного общества представало крепостное право в комедии «Горе от ума» А. С. Грибоедова. В 1819 году А. С. Пушкин сочинил одно из пронзительнейших антикрепостнических произведений русской поэзии — стихотворение «Деревня». Через И. В. Васильчикова П. Я. Чаадаев, кстати сказать, член Союза благоденствия, представил стихи Пушкина Александру I. Расходились среди друзей и знакомых стихи П. А. Вяземского, разоблачавшего язвы крепостного права.

На рубеже 1810–1820-х годов судьба реформ еще, казалось, не была predetermined. Стремление содействовать власти в реформировании крепостных отношений воодушевляло не только членов тайных обществ, но и привлекало более широкий круг думающего российского общества. Под впечатлением заявлений Александра I, ободренные примером дворянства западных губерний, о необходимости прикоснуться к крепостному праву и обсудить пути его реформирования стали думать не только декабристы. И не только думать. Весной 1820 года была предпринята попытка создать вольное общество помещиков для выработки условий отмены крепостного права и постепенного освобождения крестьян.

Мысль о такой организации, как установил Н. К. Кульман, впервые возникла в среде, близкой к декабристам, во время встречи С. И. Тургенева и П. А. Вяземского в январе 1820 года в Варшаве¹. «Святое и великое дело было бы собраться помещикам разного мнения, но единодушного стремления к добру и пользе, — писал 6 февраля 1820 года в Петербург А. И. Тургеневу Вяземский, движимый все более и более овладевавшей им идеей, — и без всякой огласки, без всяких наступательных предположений рассмотреть и развить подробно сей важный запрос». «Подумайте об этом, — продолжал он, — а я взялся бы пояснить свою мысль и постановить некоторые основы, на коих должно бы утвердиться такое общество, означить грани, за кои не могло бы оно видов своих перенести, и прочее. Поверьте, если мы чего-нибудь такого не сделаем, то придется нам отвечать перед совестью». В конце Вяземский писал: «Без сомнения начнем разом более пятидесяти человек, которые охотно запишутся в это общество. И если государь принял благосклонно такое предложение от литовцев, зачем не примет его и от нас?»

Звучит в письме Вяземского и постоянно встречающийся в размышлениях современников мотив боязни народного взрыва и стрем-

¹ Кульман Н. К. Указ. соч. С. 108–114.

ления его предупредить: «Рабство — одна революционная стихия, которую имеем в России. Уничтожив его, уничтожим всякие пребудущие замыслы»¹. Н. И. Тургенев, оценив письмо Вяземского как «прекрасное», сообщал ему 18 февраля, что мысли его совпали с мнением многих, что «теперь говорят о рабстве и даже пишут, хотя и не печатают», и просил «изложить... мысль о средствах освобождения и поставить правила, на коих должно бы основано быть соединение людей, желающих сего освобождения»². В ответном письме Вяземский, не касаясь вопроса о «средствах освобождения» и правилах общества, предлагал единственный реальный, с его точки зрения, путь: «В России при теперешнем положении одно средство пустить в ход эту мысль: завербовать несколько высокопревосходительств и разноцветных Чупатовых»³.

Итак, цель была ясна, средства к ее осуществлению одобрены, оставалось самое главное — начать действовать. Тут-то и выяснилось, что в Петербурге уже ведется подготовка к созданию подобного общества и что в ней принимают участие именно те самые «высокопревосходительства», о которых писал Вяземский. В конце апреля 1820 года Н. И. Тургенев познакомился с графом М. С. Воронцовым и началось быстрое их сближение. «На сих днях я был у гр[афа] Воронцова, — сообщал Н. И. Тургенев брату Сергею 11 мая 1820 года, — и он мне чрезвычайно понравился и потому уже, что понимает и чувствует вещи так, как должно. Жаль, что он недолго здесь пробудет. Он мог бы быть начинщиком улучшения участи крестьян. И теперь главная надежда на него»⁴.

М. С. Воронцов, генерал, герой Отечественной войны 1812 года, отличившийся во многих сражениях, в том числе и при Бородине, где был ранен, обороняя багратионовы флеши, недавно возвратился из Франции, где с 1815 по 1818 год командовал русским экспедиционным корпусом. Репутацию генерал имел самую либеральную, был известным англоманом и приверженцем английской политической системы (его отец долгие годы был послом России в Лондоне и после отставки в 1896 году навсегда остался в британской столице). Немаловажным было и то обстоятельство, что Воронцов владел не одной тысячей крепостных и по своему положению принадлежал к элите

¹ Остафьевский архив. СПб., 1899. Т. 2. С. 14–16

² Там же С. 21–22.

³ Цит. по Кульман Н. К. Указ. соч. С. 113

⁴ Декабрист Н. И. Тургенев: Письма к брату С. И. Тургеневу. М., Л., 1936 (далее — *Тургенев Н. И. Письма*). С. 302.

российского общества. В те годы Воронцов много размышлял о необходимости для блага страны отменить крепостное право¹. По воспоминаниям Н. И. Тургенева, именно он и князь А. С. Меншиков, будущий неудачливый командующий русской армией в Крымскую войну, а в 1820 году флигель-адъютант Александра I, блестящий остро слов и богатейший помещик, единственный внук сподвижника Петра I А. Д. Меншикова, пытались создать общество помещиков для освобождения крепостных крестьян. «Два человека, выдающихся как по занимаемому ими положению, так и по своей просвещенности, — рассказывал Н. И. Тургенев в своих воспоминаниях, — граф Воронцов и князь Меншиков, решили однажды всерьез заняться делом освобождения. Я настаиваю на том, что это было сделано всерьез, ибо сим вопросом чаще всего начинают заниматься так называемые филантропы, без конца болтающие об *улучшении* участи крепостных, о предоставлении им некоторых выгод, об ограничении произвола господ, о пресечении злоупотреблений помещиков властью; но эти пустые фразы свидетельствуют либо о наивности, либо о злой воле тех, кто их произносит. <...> поэтому оба названных мною лица прежде всего объявили, что их цель состоит в полном освобождении крестьян»².

В начале мая работа по созданию общества была в полном разгаре. Поэтому, когда в упоминавшемся только что письме от 11 мая Н. И. Тургенев отмечал, что «еще нет теперь ничего» и «дело только начинается» и что «прежде всего надобно испросить одобрение правительства на принятие некоторых мер в отношении крестьян», он несколько кривил душой и, видимо, не хотел открывать все карты.

В архиве братьев Тургеневых сохранилось три черновика одного документа, представляющего собой декларацию целей учреждаемого общества, на создание которого испрашивалось согласие императора. Они датированы 5 мая 1820 года. Все три варианта написаны рукой Н. И. Тургенева, но имеют многочисленные поправки других лиц. Различия между вариантами носят чисто редакционный характер. Судя по содержанию документа, общество должно было действовать «под руководством управляющего Министерством внутренних дел». Цель его была определена в самом общем виде как «изыскание способов к улучшению состояния крестьян и к постепенному освобождению от рабства как их, так и дворовых людей, принадлежащих

¹ Шебунин А. Н. Пушкин и «Общество Елизаветы» // Временник Пушкинской комиссии. М., Л., 1936. Т. 1. С. 79–84.

² Тургенев Н. И. Россия и русские. С. 252.

помещикам, в сие общество вступающим». В обоснование необходимости освобождения крестьян приводился только один довод: «удаление единого справедливого и важного порицания, которому дворянство... подвергается в очах просвещенных народов»¹.

Предполагалось, что этот документ будет подписан всеми участниками и затем представлен Александру I. К сожалению, мы не располагаем его окончательным текстом. Н. И. Тургенев в своих воспоминаниях отрицал свое участие в составлении прошения и настаивал на авторстве М. С. Воронцова или А. С. Меншикова. Он вспоминал: «Один из них составил своего рода заявление; подписавшие его обязывались предоставить своим крепостным полную свободу. Для этого они просили у государя разрешения основать общество землевладельцев, в которое вошли бы лица, подписавшиеся под заявлением. Обществу предстояло избрать из своих членов комитет, уполномоченный выработать правила полного освобождения крестьян. После обсуждения проекта устава и одобрения его всеми членами общества (или подписавшими заявление) он должен был быть представлен министру внутренних дел; тот получил бы на сей счет указания императора. В конце этой поистине замечательной записки автор давал монарху понять, что после триумфальных побед русского оружия для вящей славы России с нее необходимо смыть единственное позорящее ее пятно»².

Как видим, Н. И. Тургенев писал о совершенно ином документе, нежели тот, черновик которого сохранился в архиве. В нем не только формулировались иные цели общества, но и указано на обязательство его членов освободить своих крестьян, а также определен порядок действий общества.

Наряду с Воронцовым, Меншиковым, А. И. и Н. И. Тургеневыми чрезвычайную активность вокруг создания общества развил В. Н. Каразин, имя которого уже упоминалось в связи с семеновской историей. Каразин в молодые годы был близок к А. Н. Радищеву, ему принадлежит заслуга основания Харьковского университета. Человек феерической активности, Каразин был снедаем честолюбием. Он во что бы то ни стало хотел вернуть себе расположение императора, который в 1808 году, разочаровавшись в Каразине, официально запретил тому обращаться к себе с любыми предложениями. В 1818 году Каразин вновь приехал в Петербург и начал бомбарди-

¹ Архив братьев Тургеневых. Пг., 1921. Вып. 5. С. 488–490

² Тургенев Н. И. Россия и русские. С. 252.

ровать министра внутренних дел В. П. Кочубея записками по самым различным поводам. И, конечно, Каразин не мог пройти мимо затевавшегося дела об организации общества для решения крестьянского вопроса.

Как можно понять из всей совокупности сохранившихся бумаг Каразина, проблема крепостного права рассматривалась им как составная часть общего кризисного состояния России, находившейся, по его мнению, накануне народного взрыва. Особенно ясно эти мысли выражены Карaziным в записке, отправленной В. П. Кочубею 2 апреля 1820 года. Напоминая, что ранее он предсказал 1812 год, Каразин писал о близящейся революции: «Теперь с тою же дерзостью, почти и с тем же унынием, наполняющим мою душу, предсказываю великие беспокойства в отечестве нашем и весьма не в отдаленном времени». «Дух развратной вольности, — утверждал он, — более и долее заражает все состояния». В подтверждение своей правоты Каразин приводил якобы слышанные им и по дороге с Украины и уже в самом Петербурге разговоры «самых простых рабочих людей... о *природном равенстве*». «Полно-де уже терпеть, — говорили они, — пора бы и с господами конец сделать».

Недалеко то время, предостерегал Каразин, когда при усмирении крестьян нельзя будет положиться на армию: ведь, как показало восстание военных поселян в Чугуеве, войско вполне может перейти, по примеру Франции 1793 года, на сторону народа. Западная «зараза» проникла, по наблюдениям Каразина, и в ряды дворянства. «Самые дворяне, — писал он Кочубею, — возвратившиеся из чужих краев с войском, привезли начала, противные собственным их пользам и спокойствию государства. Молодые люди первых фамилий восхищаются французскою вольностью и не скрывают своего желания ввести ее в своем отечестве». Не побрезговал на этот раз Каразин и прямым доносом, в качестве примера «представя» министру внутренних дел члена тайного общества князя С. Г. Волконского.

Надо сказать, что подобные доносы были для Каразина нормой. Он доносил на Пушкина и других литераторов, передавал правительству различные петербургские сплетни и слухи. Он писал об «экстренном собрании Михайловского общества любителей словесности», где «не была забыта и конституция», что свидетельствовало о все большем «день ото дня» распространении, как он выражался, «уродливого этого духа». Писал Каразин также об офи-

церах, которые, «собравшись в ресторации... пили за российскую конституцию»¹.

В своей критической оценке положения дел в Российской империи Каразин, как это ни странно, был очень близок к членам тайных обществ. Вот только в противоположность им он считал необходимым не ликвидацию самодержавия и крепостничества, а, наоборот, укрепление существующего строя. Каразин предлагал принять ряд неотложных мер. Он считал, что Александр I должен окружить себя «умнейшими людьми», имеющими «значительную *недвижимую собственность в России*» (одним из них он, конечно, видел себя); требовал «совсем оставить проекты республиканские»; советовал «употребить все *возможное и приличное* для приобретения привязанности дворянства, поколебленной разными происшествиями», и повысить оклады чиновников, чтобы прекратить мздоимство.

В качестве же меры, способной разрядить социальную напряженность, Каразин выдвигал идею составить в столице под председательством министра внутренних дел «общество добрых помещиков». Дворянство, писал он, необходимо направить «осторожным образом к улучшению участи поселян (не отходя, впрочем, от нынешнего порядка вещей и от коренных наших законов)». Как считал Каразин, это было бы «гораздо надежнее всех полицейских правил, которые только что раздражают умы или обнаруживают нерешимость правительства»².

Тогда же, в апреле 1820 года Каразин представил Кочубею развернутое «предположение» об обществе добрых помещиков³. Сохранившиеся черновики этого «предположения», написанные рукой самого Каразина, дают полное представление о существе задуманного им предприятия. «Предположение» наполнено самыми реакционными пассажами. Что стоит, например, такое рассуждение: «...пускай многие государства тщеславятся своими конституциями, мы имеем политическое чувство, которое заменяет их с таким же превосходством, как религия божественная в сердцах заменяет безгласное письмо закона». Самодержавие объявлялось Карaziным «наилучшим» образом правления «потому единственно, что он есть ближайший к природе». Вслед за Карамзиным Каразин писал о самодержавии

¹ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 4686. Ч. 16; Д. 3245. Л. 18 об. — 19.

² Там же. Д. 4686 Ч. 16. Л. 52–56; Д. 3245. Л. 21–29.

³ Каразин сам сделал пометку на одной из копий «предположения», которое он пытался вновь передать Кочубею в ноябре 1820 года (Там же. Д. 2345. Л. 5, 10).

вии как о силе, которая вывела «изможденную язвами всякого рода, два столетия в рабстве у варваров пробывшую Россию на верх славы и благосостояния».

Упоенный прославлением существующих порядков, Каразин с умилением писал о патриархальных обычаях, царящих в российской деревне. Он утверждал, что крепостное право незыблемо. Власть помещика для него не что иное, как «драгоценное оружие для мудрого законодателя, которое не может быть заменено никаким другим». Именно власть помещика, по словам Каразина, обеспечивает порядок и спокойствие в империи, вырабатывая «привычку к повиновению». «Известно, что русские поселяне иначе не зовут своих помещиков, как выражением отец, *батюшка*, а в малороссийских губерниях употребляют они слово *добродей*». Читая подобные строки, понимаешь, что чувство реальности совсем изменило Каразину. Не он ли в том же апреле 1820 года писал о растущем недовольстве крестьян, об их готовности убивать этих самых «отцов» и «батюшек»? Колебания поистине удивительные! Предложение создать «патриотическое общество добрых помещиков» Каразин по-прежнему объяснял необходимостью «улучшать участь поселян».

Новые времена все-таки требовали «оправдать пред целым светом достоинство российского дворянина». Сделать это, по мнению Каразина, чрезвычайно легко. Никакой коренной ломки крепостных отношений для этого не потребуется — ведь существующий порядок «основан весь на *отеческом* попечении и *детской* зависимости». «Стоит только, — писал он, — сделать ему систематическое начертание соответственно просвещению века». Нужно собрать воедино изданные по этой части законы, «отделить от них самопроизвольные уклонения, кривые толки и злоупотребления», дополнить все это «извлечением из обычаев, из указаний правительства и частных людей», и дело сделано. Остается только составленное таким образом «общее постановление» представить на утверждение правительства. В сущности, именно для этого и предлагалось создать «общество добрых помещиков».

Принципы деятельности общества были изложены Каразиним в разработанном им уставе, состоящем из 18 параграфов. В последнем параграфе была сформулирована основная задача общества («первейший и главнейший предмет» занятий его членов): «составление опыта Устава для помещичьих имений, который бы, соглашая благосостояние помещиков с благосостоянием поселян... и с истин-

ными пользами отечества нашего, мог послужить руководством для каждого из членов общества». Правда, в конце говорилось, что «патриотические занятия» членов общества этим не ограничивались. Можно было бы, писал Каразин, учредить училища «для образования дворовых людей и управителей имений», способствовать «распространению в поместьях добрых правил трудолюбия»¹.

В целом картина складывается вполне ясная. Каразин был вполне убежденным защитником старины, самодержавных форм правления и крепостного права. Правда, недовольство крестьян своим положением вызывало у него опасения, и он считал необходимым ограничить крайности помещичьего произвола. Конечно, ни о каком освобождении крестьян он и не помышлял. Более того, создание «общества добрых помещиков» рассматривалось Каразиным как одна из мер в борьбе с надвигающейся революционной опасностью.

Представленные власти предложения Каразина не получили одобрения императора. Вечером 12 апреля 1820 года он был принят Кочубеем, который передал ему, что говорил Александр I о переданных им бумагах. Поскольку император поручил министру только узнать, не может ли Каразин достать одну из упомянутых им эпиграмм или карикатур «на бумаге», как они ходили в обществе, Каразин понял, что ему не только не доверяют, но, главное, ничуть не заинтересовались его предложениями. «Почти невероятно! Как! Печальная правдивая картина о положении государства только то и произвела! — записал он после свидания с Кочубеем 12 апреля 1820 года. — Лучше их совсем оставить: да идут в сретение судьбы, их ожидающей; и думать только о спасении своего семейства во время грозно»². Однако 24 апреля Каразин получил аудиенцию у императора и устно изложил ему свое «предположение» об «обществе добрых помещиков», но, по его собственным словам, не нашел у него никакой поддержки³.

Не добившись успеха, Каразин стал действовать по-иному. Узнав, что Воронцов и Меншиков задумали организовать свое общество помещиков, Каразин начал искать сближения с ними. Как всегда, он действовал настойчиво и энергично, для пущей важности облекая свои намерения покровом тайны. 28 апреля 1820 года Н. И. Тургенев, сообщая брату Сергею последние петербургские новости и упоминая, в частности, о М. С. Воронцове, писал: «Каразин, которого, кажется,

¹ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 4686. Ч. 3. Л. 33–38 об.; Д. 3246. Л. 5–12 об.

² Там же. Д. 3245. Л. 36–36 об.

³ Кульман Н. К. Указ. соч. С. 146.

ты у нас видал, толкует с ним и с двумя или тремя другими богатыми людьми об устройстве крестьян. Ничего еще из этого не выходит. Это между нами. Каразин из сего делает тайну»¹.

Сохранившаяся записка Воронцова Каразину позволяет в общих чертах представить, как складывались их отношения. «Извините меня, любезный Василий Назарьевич, — писал Воронцов 14 апреля 1820 года, — что не успел быть у Вас, как то было мое намерение. Все эти дни у меня не было ни минуты свободной. Я очень буду рад встретиться с князем Вяземским у Вас, также с князем Меншиковым, графом Комаровским etc. и ежели они на то согласятся, то я готов... При сем нужным считаю еще раз сказать Вам, что прежде имел удовольствие объяснить, а именно: что я думаю войти только в такое общество, которое будет иметь в предмете постепенное, но не слишком тихое или отложенное вдаль освобождение крестьян от рабства. Всякое другое общество, по моему мнению, никакого добра не сделает, а российскому дворянству нужно освободиться от нарекания, везде нам делаемого, что мы сопротивляемся столь священному и нужному подвигу»².

Таким образом, сразу обозначилось столкновение двух подходов к созданию общества помещиков. Воронцов, Меншиков, братья Тургеневы были готовы создать общество, цель которого «постепенное, но не слишком тихое или отложенное вдаль освобождение крестьян от рабства». Каразин же видел целью «совершенствование крепостного права».

Неудивительно поэтому, что среди единомышленников Каразина оказались люди, хорошо известные своими крепостническими взглядами. «Князь Вяземский», о котором идет речь в письме Воронцова, вовсе не поэт Петр Андреевич, позднее приехавший из Варшавы в Петербург и поставивший свою подпись под обращением к Александру I, а знакомый нам по своим крепостническим взглядам калужский предводитель дворянства и сенатор Николай Григорьевич, автор «Послания российского дворянина к князю Репнину», вызвавшего отпор декабристов. Каразин особенно сблизился с Н. Г. Вяземским в это время: именно в соавторстве с ним Каразин сочинял свое «предположение». Среди бумаг Каразина сохранились и два черновика, содержащие обращение к Александру I.

¹ Тургенев Н. И. Письма. С. 300.

² Дубровин Н. Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I. СПб., 1883. С. 253.

На одном из них Каразин сделал следующую надпись: «Записка с поправками кн[язя] Н. Г. Вяземского, но граф Воронцов оную не одобрил». Чуть ранее он же записал, что один из вариантов черновика был «следствием» его разговора все с тем же князем Н. Г. Вяземским¹.

После длительных переговоров между участниками проекта создания общества помещиков, занявших почти месяц, события начали развиваться очень быстро. Еще 11 мая Н. И. Тургенев писал брату Сергею, что дело только в самом начале, а к 1 июня все было кончено. Именно в этот день Н. И. Тургенев занес в свой дневник короткий рассказ, подводивший итог предпринятым усилиям. Дневниковая записка Н. И. Тургенева, его письмо брату Сергею от 12 июня и позднейшие воспоминания самого Н. И. Тургенева и П. А. Вяземского позволяют довольно детально судить о том, что же произошло в эти несколько майских недель.

После того как текст «декларации» об образовании общества помещиков для освобождения крепостных крестьян, составленный Воронцовым и Меншиковым, был одобрен всеми участниками, Воронцов, прежде чем пустить ее в ход, решил выяснить отношение Александра I к самой идее создания подобного общества. «В[оронцов] предупредил г[осу]даря. Он согласился. Открылась подписка», — писал в дневнике Н. И. Тургенев². Из его письма к брату узнаем, что под «декларацией» подписались «гр[аф] Воронцов, кн[язь] Меншиков, другой граф Воронцов, гр[аф] Потоцкий, брат и приехавший сюда кн[язь] Вяземский из Варшавы», а также командир Гвардейского корпуса И. В. Васильчиков³. Все подписавшиеся, как вспоминал Н. И. Тургенев, были «весьма богаты и в общей сложности владели более чем 100 000 крепостных»⁴.

На следующий день Васильчиков, «взбесившись хамобесием» (слова Н. И. Тургенева), потребовал свою подпись обратно. Все это происходило, как установил Н. К. Кульман, после 20 мая⁵. О причинах столь внезапного решения И. В. Васильчиков известил особым письмом А. С. Меншикова. Приведем его полностью, так как именно оно, на мой взгляд, многое проясняет в понимании последующих событий. «Я получил Ваше письмо, князь, и отвечаю Вам с той откровенностью, которая Вам известна. Никто более меня не убежден в не-

¹ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 4686. Ч. 9. Л. 90; Ч. 3. Л. 30.

² Архив братьев Тургеневых. Вып. 5. С. 231–232.

³ Тургенев Н. И. Письма. С. 303.

⁴ Тургенев Н. И. Россия и русские. С. 252–253.

⁵ Кульман Н. К. Указ. соч. С. 102.

обходимости заняться будущим благосостоянием наших крестьян, и думаю, что доказал Вам это, подписавши записку, которую Вы мне представили. Но каково было мое удивление, узнавши от Вас, что без моего разрешения, не давши себе труд даже об этом со мной посоветоваться, подписи продолжали собираться. В столь важном деле, где доверие правительства и публики может опереться только на репутацию людей, которые составляют общество, находятся имена, которые могут скомпрометировать нас окончательно. Я не гонюсь за славою в этом деле, а действую по убеждению и по внушению совести. Одно из условий моей подписи была глубочайшая тайна, и вдруг я узнаю, что весь город об этом говорит и что указывают на г. Каразина как на главного двигателя этого общества. Вы сочтете естественным, что после изложенного я беру назад свою подпись, весьма жалея, что не могу содействовать Вам в деле, которое, будь поведено иначе, т. е. с осторожностью и без шума, могло бы принести самые счастливые результаты»¹.

Иное объяснение причин столь решительного отказа Васильчикова изложил в своих воспоминаниях Н. И. Тургенев. Не называя фамилии Васильчикова, он писал: «Авторы не держали своего проекта в секрете; к тому же казалось, что он не встретит серьезного сопротивления; однако тотчас после того, как один из них поговорил о нем с императором, некоторые особы забили тревогу и начали по обыкновению кричать о засилье либералов и революционеров. Некая придворная дама, отличавшаяся резкостью выражений, увидев, что среди подписавшихся был один из ее зятьев, сделала ему, по всей видимости, столь суровое внушение, что бедняга попросил как можно скорее вычеркнуть его имя»². Тесть Васильчикова, Василий Александрович Пашков, был обер-гофмейстером и занимал одно из высших мест в придворной иерархии. Он и его жена пользовались немалым влиянием при дворе. Другим зятем Пашковых был генерал В. В. Левашов.

Однако оставим на время анализ этих свидетельств и продолжим изложение событий в хронологическом порядке. Отказ Васильчикова, как выясняется, не остановил других участников подписки. Прежнюю бумагу вернули Васильчикову (П. А. Вяземский писал, что

¹ РГИА. Ф. 651 (И. В. Васильчикова). Оп. 1. Д. 30. Л. 1–2. Оригинал на франц. яз. Перевод с некоторыми редакционными расхождениями опубликован: Русский архив. 1875. № 12. С. 417.

² Тургенев Н. И. Россия и русские. С. 253.

ее уничтожили¹) и «открыли другую подписку», в которой принимали участие те же лица и Н. И. Тургенев². Но прежде чем записка с новыми подписями была представлена императору, у него побывал Васильчиков. «Между тем Вас[ильчиков] уже говорил о том государю, — писал брату Н. И. Тургенев, — и, как заключить можно, показал себя недовольным в том, что будто это дело по всему городу разнеслось»³. После встречи с Васильчиковым дело приняло совсем другой оборот.

П. А. Вяземский вспоминал: «...на другой день, явившись к государю, граф Воронцов нашел его уже в совершенно другом настроении в отношении к делу, которое еще так недавно приветствовал охотно и благодушно. Император торопливо принял бумагу из рук графа Воронцова, торопливо прочел ее и сказал ему: „Здесь никакого общества и комитета не нужно, а каждый из желающих пускай представит отдельно свое мнение и свой проект министру внутренних дел, тот рассмотри его и по возможности даст ему надлежащий ход“»⁴. Рассказ Вяземского, отделенный почти половиной столетия от описываемых событий, полностью (за исключением того, кто именно представил записку Александру I) совпадает с тем, что писал в 1820 году Н. И. Тургенев брату Сергею: «Эту подписку гр[аф] В[оронцов] отдал гр[афу] Кочубею для представления государю... Гр[аф] Кочубей объявил, что государь не запрещает освобождение, но не видит нужды в подписке, а позволяет, чтобы каждый свои предположения представил министру вн[утренних] дел»⁵.

Что же побудило Александра I круто изменить свое мнение? Очевидно, что это произошло вследствие почти единодушной отрицательной реакции, которую вызвал в Петербурге слух о подписке в пользу освобождения крепостных крестьян. Существенную роль в отказе императора сыграла его встреча с Васильчиковым. О том, что сказал командир Гвардейского корпуса Александру I, мы можем судить только по его аргументации в письме Воронцову. Васильчиков объяснял в процитированном выше письме, что отказаться от участия в деле его заставило несколько причин: разглашение тайны, участие людей, имена которых могли, по его словам, «нас окон-

¹ Вяземский П. А. Заметка о записке Каразина, представленной в 1820 году императору Александру I касательно освобождения крестьян // Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1888 Т. 7. С. 271.

² Тургенев Н. И. Письма. С. 304.

³ Там же.

⁴ Вяземский П. А. Заметка о записке Каразина. С. 271.

⁵ Тургенев Н. И. Письма. С. 304.

чательно скомпрометировать», а также общее мнение, что «главным деятелем общества» является Каразин.

Нетрудно догадаться, кого имел в виду Васильчиков, говоря о компрометирующих именах. Из числа известных нам участников описанных событий, подписавших записку, к ним прежде всего относился А. И. Тургенев (первую записку Н. И. Тургенев не подписывал). Позднее, когда о намерениях учредить общество и последовавшем отказе императора стало широко известно в Петербурге, именно имена братьев Тургеневых вызвали особенное озлобление крепостников. Н. И. Тургенев записал в своем дневнике 7 июня 1820 года: «Публика восстает в особенности против наших имен; претекст ее — небогатство наше, малое число наших крестьян. Я предполагал, что этого претекста недостаточно; искал его в аристократическом образе мысли наших богатых или знатных людей... Наконец, слышав и то, и другое, я покуда уверился, что негодование против нас происходит от того, что о нас разумеет эта публика как о людях опасных, о якобинцах. Вот, как мне теперь кажется, вся загадка... со всех сторон все на нас вооружились, одержимые хаомобесием»¹. В письме Меншикову Васильчиков не мог, конечно, не потеряв достоинства, откровенно признаться, что взять назад свою подпись его заставило нежелание вступать в конфликт с могущественным крепостническим большинством, в тесных родственных узах с членами которого он состоял.

В подобной ситуации Александр не решился продолжать поддерживать начинание, еще вчера им одобренное. В искренности этого первоначального одобрения можно не сомневаться. П. А. Вяземский вспоминал о разговоре императора на эту тему с Н. М. Карамзиным. Явно продолжая давний спор, Александр с известной долей торжества говорил Карамзину: «Вы полагаете, что мысль об освобождении крестьян не имеет ни отголоска, ни сочувствия в России, а я вот получил на днях прошение, противоречащее вашему мнению. Записка подписана всем известными лицами, между коими и ваш родственник князь Вяземский»². Но явное недовольство тех, кто стоял у трона, и шире — крепостнического большинства российского общества, заставило Александра вновь отступить. Могло здесь сыграть известную роль и то обстоятельство, что общий голос называл Каразина как скрытую пружину всего дела. Беседа с Васильчиковым могла заронить у Александра подозрение, что общество, на создание которо-

¹ Архив братьев Тургеневых. Вып. 5. С. 232

² Вяземский П. А. Заметка о записке Каразина. С. 272.

го он сперва в разговоре с Воронцовым согласился, и есть та самая за-
тея Каразина, которую он раньше решительно отверг.

Прервемся на некоторое время, чтобы ввести в историю обсуж-
дения судьбоносных для России преобразований еще один персонаж,
уже появлявшийся на предыдущих страницах. Речь идет о Николае
Михайловиче Карамзине, оппоненте сторонников реформ и защит-
нике самодержавия. Впервые Александр и Карамзин встретились
в Москве в декабре 1809 года. Карамзин писал брату: «Государь изво-
лил сказать несколько приветливых слов»¹. Затем последовало нео-
жиданное приглашение от сестры императора великой княгини Ека-
терины Павловны приехать в Тверь, куда ждали Александра I. К это-
му времени уже были закончены первые четыре тома «Истории
государства российского». Карамзин, модный писатель (вспомним
хотя бы «Бедную Лизу» и «Письма русского путешественника»), а те-
перь уже и историограф, стал бывать в тверском салоне великой кня-
гини.

В салоне Екатерины Павловны с неодобрением смотрели на
«дней Александровых прекрасное начало», не разделяли желания
императора реформировать Россию. Великую княгиню и ее окруже-
ние раздражали «молодые друзья» брата, а затем и ставший ближай-
шим сотрудником Александра I сын дьячка М. М. Сперанский. И здесь
роль консервативного оппонента реформаторским идеям, владев-
шим императором, отводилась Карамзину. Тем более что Карамзин
с успехом читал в Твери в присутствии императора и великого кня-
зя Константина Павловича главы из своей истории о татарском на-
шествии, Дмитрие Донском. Читал несколько часов подряд. Одно из
чтений продолжалось далеко за полночь. Константин Павлович при-
знавался близким, что из всей русской истории знает только услы-
шанное от Карамзина².

Что могло импонировать и привлекать Александра в истории Ка-
рамзина? Конечно, в первую очередь то, что и всех остальных чита-
телей, в том числе и Пушкина, который, напомним, писал, что Карам-
зин как Колумб открыл россиянам их собственную историю. Но не
только это. Для Карамзина было очевидным (и он прямо писал об
этом в своем сочинении), что во все времена «суд истории — един-
ственный для государей, кроме суда небесного, — не извиняет и са-
мого счастливого злодейства». Естественно, Александр мог воспри-

¹ Эйдельман Н. Я. Последний летописец. М.: Книга, 1983. С. 64.

² Там же. С. 67

нять это как прямой намек на его участие в убийстве отца, императора Павла I. Если бы, правда, Карамзин в своем сочинении не писал почти беспристрастно о многочисленных убийствах, которыми была полна русская история X–XIV веков, как бы говоря: «пороки не чело века, но века», тем самым оправдывая поступки своих героев.

По заказу Екатерины Павловны Карамзин написал свою знаменитую «Записку о древней и новой России» — отповедь консерваторам реформаторским замыслам императора. Эпиграф — «Несть лъсти в языке моем». Чем ближе к современности, тем сильнее в «Записке...» критика власти. Карамзин, отдавая должное величию преобразований Петра, замечал, что тот нарушил естественные пути, которыми прежде двигалась русская история: «Мы стали гражданами мира, но перестали быть в некоторых случаях гражданами России. Виню Петра». Именно при Петре, по его мнению, произошло отделение «высших степеней» народа от «низших», и «русский земледелец, мещанин, купец увидел немцев в русских дворянах». Карамзин не мог промолчать и о методах петровских преобразований: «Тайная канцелярия день и ночь работала в Преображенском: пытки и казни служили средством нашего славного преобразования государственно-го». Речь шла о «повреждении нравов» в России, особенно ярко проявившемся в царствование Елизаветы и Екатерины Великой.

Но главное, для чего, собственно говоря, и писалась «Записка...», касалось современности. «Чего хочу? — задавался вопросом Карамзин. — С добрым намерением — испытать великодушие Александра и сказать, что мне кажется справедливым и что некогда скажет история». Прежде всего предостеречь императора от поспешных шагов к конституции: «...самодержавие есть палладиум России; целостность его необходима для ее счастья». И второе — не торопиться с отменой крепостного права: «Не знаю, хорошо ли сделал Годунов, отняв у крестьян свободу... но знаю, что теперь им неудобно возвращать оную... Мне кажется, что для твердости бытия государственно-го безопаснее поработить людей, нежели дать им не вовремя свободу». Заметим важную оговорку историка, что если все-таки крестьяне вскоре получат свободу, они должны получить свободу без земли, поскольку она «есть собственность дворянства, в чем не может быть и спора».

Общий вывод Карамзина говорил об ответственности правителя за свои действия: «Государь! История не упрекает тебя злом, которое прежде тебя существовало (положим, что неволя крестьян и есть ре-

шительное зло), но ты будешь ответственать Богу, совести и потомству за всякое вредное следствие твоих собственных уставов»¹.

Как отреагировал Александр на критику? Вначале рассердился и распрощался с Карамзиным холодно, затем ледок в их отношениях постепенно растаял. Но произошло это не сразу, а после падения Сперанского, когда Александр в преддверии войны с Наполеоном пожертвовал своим помощником («мне отрубили правую руку», говорил он впоследствии).

Близость царя с историком росла. С весны 1816 года и до самой смерти в 1826 году Карамзин жил в Петербурге, зимой — в городе, летом — в Царском Селе. Его постоянно приглашали ко двору. Александр I часто танцевал на балах с женой Карамзина. Историк состоял в переписке с обеими императрицами — женой и матерью Александра. Александр предлагал Карамзину дружбу, но тот предпочел сохранить дистанцию². Император советовался с близким другом Карамзина И. И. Дмитриевым, не пригласить ли того на государственную службу то ли государственным секретарем, то ли министром просвещения. К счастью, этого не произошло.

Живя в Царском Селе, Карамзин часто встречался и прогуливался с императором в «зеленом кабинете», то есть в царскосельском парке. Говорили они обо всем: Карамзин «не безмолвствовал о налогах в мирное время, о нелепой губернской системе финансов, о грозных военных поселениях, о странном выборе некоторых важнейших сановников, о министерстве просвещения иль затмения, о необходимости уменьшить войско, воюющее только Россию, о мнимом исправлении дорог, столь тягостном для народа, наконец, о необходимости иметь твердые законы, гражданские и государственные»³.

Осенью 1819 года произошло событие, которое прервало идиллию их отношений. 17 октября 1819 года Карамзин подал императору «Записку о Польше» и беседовал с царем «с восьми до часу за полночь». Карамзину показалось, что в результате они «душою расстались, кажется, навсегда». Правда, позднее (уже после смерти Александра I) Карамзин записал: «Я ошибся: благоволение Александра ко мне не изменилось, и в течение шести лет (от 1819 до 1825 года) мы имели с ним несколько подобных бесед о разных важных предметах.

¹ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России. СПб., 1914; РГИА. Ф. 951 (Н. М. Карамзина) Оп. 1 Д. 28.

² Эйдельман Н. Я. Последний летописец. С. 113.

³ Сербинович К. С. Н. М. Карамзин. Воспоминания // Русская старина. 1874. № 9–10.

Я всегда был чистосердечен, он всегда терпелив, кроток, любезен неизъяснимо; не требовал моих советов, однако ж слушал их, хотя большей частью и не следовал»¹.

В «Записке о Польше» (или как она озаглавлена в публикации «Мнении русского гражданина») Карамзин резко протестовал против ставших ему известными планов Александра I восстановить целостность Польского государства, каким оно было до разделов при Екатерине II. «Вы думаете восстановить древнее Королевство Польское, — писал Карамзин, — но сие восстановление согласно ли с законом государственного блага России?» И дает на этот вопрос однозначно отрицательный ответ: «Можете ли с мирною совестью отнять у нас Белоруссию, Литву, Волынию, Подолию, утвержденную в собственность России еще до Вашего царствования? Нет. Мы желаем единой империи российской. Пусть существует и даже благоденствует Королевство Польское, как оно есть ныне; но да существует, да благоденствует и Россия, как она есть и как оставлена Вам Екатериною»².

Здесь историограф выступал выразителем единодушного мнения, охватившего все слои русского общества — от либералов и революционеров до консерваторов и реакционеров. Напомним, что известие, полученное декабристами в начале 1818 года о подобных же планах Александра I, толкнуло их на мысль об убийстве императора, столь коварно, как им казалось, предающего интересы России.

Карамзин был одним из немногих, посвященных в тайну передачи прав на престол от Константина к Николаю. Александр открыл это решение только самым близким ему людям: митрополиту Филарету, князю А. Н. Голицыну и Карамзину. Даже великий князь Николай, которому передавались права на российский престол, ничего не знал об этом.

Вот еще один взгляд современника (по словам Пушкина, «честного человека») на проблемы российской жизни, взгляд, не замечать который было невозможно.

Однако отказ Александра принять предложение либерально настроенных помещиков не означал пока каких-либо серьезных перемен в его взглядах на крестьянский вопрос. И если для нас, знающих, что за этим последовало, ясно, что это было началом конца реформаторских замыслов, то сам он, очевидно, воспринимал это как очередной эпизод на пути к реформе крепостного быта. Характерно, что, не-

¹ Карамзин Н. М. Неизданные сочинения и переписка Н. М. Карамзина. СПб., 1862. С. 3–20.

² Там же.

смотря на весь шум, поднятый крепостниками вокруг участия братьев Тургеневых в этом деле, император несколько не изменил в тот момент положительного к ним отношения. В разговоре с М. С. Воронцовым накануне его отъезда из столицы в длительный отпуск речь зашла и о Тургеневых. По словам Воронцова, Александр сказал, что лично знает и уважает А. И. Тургенева, а о Н. И. Тургеневе слышал по службе «много доброго»¹. «Как по величайшему секрету сказано, — писал Н. И. Тургенев 12 июня брату Сергею, — император не разделяет мнения публики о наших, т. е. Тургеневых именах»².

Провал попытки начать гласное обсуждение крестьянского вопроса, молва об этом, широко разнесшаяся сперва по Петербургу, а потом и по всей России, вызвали радость среди крепостников и разочарование прогрессивно мыслящей части общества. Эпизод этот наглядно подтвердил тщетность надежд на власть в деле освобождения крепостных крестьян. Заявления Александра I о своей верности идее освобождения, не получая никакого практического воплощения, вызывали все больше и больше недоверия и к нему, и к возможностям людей, его окружавших. «Злоупотребления режутся на меди, а добрые замыслы пишутся на песке, — откликнулся Вяземский в июне 1820 года в письме Н. И. Тургеневу на известие о неудаче их совместного предприятия. — Грустно и гадко! И самые честные люди из *видных* — не что иное, как временщики; по движению сердца благородного бросаются вперед, по привычке трусить при первом движении августейшего махалы отскакивают назад. И до сей поры адская надпись Данта блесит еще в полном сиянии на заставе петербургской»³.

Подобные же чувства владели Н. И. Тургеневым. 1 июня, заканчивая рассказ о постигшей их неудаче, он записал в дневник: «Безнадежность моя достигла высочайшей степени. Пусть делают обстоятельства то, чего мы сделать и даже начать не можем. Что меня может привязывать к теперешнему моему образу жизни и службы? Все для меня опостытело»⁴. Месяцем позже Н. И. Тургенев писал брату Сергею: «Род неудачи, которую претерпел проект наш, столь благородно гр[афом] Воронцовым и кн[язем] Меншиковым предположенный, отдалил надежду какой-нибудь отрады в здешней петербург-

¹ Тургенев Н. И. Письма. С. 433–434.

² Там же. С. 304.

³ Архив братьев Тургеневых. Пг., 1921. Вып. 6 С 6

⁴ Там же. Вып. 5. С. 232.

ской пустой и скучной жизни. Кочубей может что-нибудь сделать. Но сделает ли? Не знаю»¹.

Разочарование в возможности легальными путями достичь отмены крепостного права толкало передовую часть дворянства к поискам иных путей. Хорошо известно, что деятельность Н. И. Тургенева в тайном обществе активизировалась со второй половины 1820 года. Вместе с братьями Фонвизинными и Якушкиным он явился одним из организаторов Московского съезда Союза благоденствия, состоявшегося в январе — феврале 1821 года и обозначившего собой новый этап движения. Хотя на съезде было официально заявлено, что тайное общество прекращает свое существование, на деле это было уловкой, чтобы освободиться, с одной стороны, от шпионов и доносчиков, а с другой — от Пестеля и его сторонников². Разрыв между передовой частью общества и верховной властью превратился в это время в основную коллизию общественной жизни и оставался актуальным до конца царствования Александра I. Между тем события 1820 года не могли не повлиять на императора. Получив без всяких усилий со своей стороны дворянскую инициативу, которую он так ждал, Александр вынужден был ее отвергнуть. На другой подобный случай вряд ли можно было рассчитывать. Поэтому моральный ущерб, нанесенный Александром самому себе, был, несомненно, очень велик.

С чем же пришел Александр к концу 1820 года в крестьянском вопросе? То, что после возвращения с триумфом из Европы казалось легко достижимым, теперь было так же далеко от осуществления, как и в самом начале. Незначительные результаты и бесперспективность так бодро и уверенно начатого дела становилось все труднее скрывать от самого себя. Именно с этого времени Александр I все более стал поддаваться апатии, старался уйти в сторону от неразрешимых проблем огромной страны, передоверив управление А. А. Аракчееву. А это, в свою очередь, усугубляло уже очевидный конфликт верховной власти с передовой частью общества.

Тем не менее Александр при всяком удобном случае продолжал еще некоторое время повторять, что отнюдь не отказался от своих реформаторских замыслов. Но решимость его проявлялась лишь до тех пор, пока крестьянский вопрос обсуждался в самом узком круге

¹ Тургенев Н. И. Письма. С. 307.

² См. подробнее об этом: Житомирская С. В., Мироненко С. В. Декабрист Михаил Фонвизин // Фонвизин М. А. Сочинения и письма. Иркутск. Восточно-Сибирское книжное издательство, 1979. Т. 1. С. 7–84.

сановников, разделявших взгляды императора или считавших себя обязанными им следовать. Эту проблему вынести за пределы этого узкого круга, как он сделал со своими конституционными планами в речи в марте 1818 года в Варшаве, Александр так и не решился. Симптоматично, что Александр не согласился даже на предложение Репнина приступить в управляемых им губерниях к обсуждению взаимных отношений помещиков и крестьян, тем самым окончательно отказавшись от идеи реформы в Малороссии. Он и только он должен был дать решение крестьянского вопроса. Обсуждение его дворянством ему, как показало время, было совершенно не нужно. И еще одно. Он непоколебимо придерживался мысли, что принуждать дворянство к изменению крепостных отношений ни в коем случае нельзя. Чем это диктовалось, вполне понятно. Этот урок был преподан Александру I убийством его отца.

Надежды на возможность постепенного освобождения крестьян сменялись пониманием невозможности сделать это без насилия над помещиками. Всякое подтверждение их готовности изменить крепостные отношения ободряло императора и на время возобновляло надежды. Столь же неуклонно действовало на него любое проявление крепостнической оппозиции, не только пугая и отбрасывая Александра I назад, но постепенно укрепляя в нем мысль, что осуществить освобождение крестьян в обозримом будущем невозможно.

Что такое поведение стало для императора нормой, наглядно проявилось при обсуждении в Государственном совете запрета продажи крестьян без земли¹. Поводом к обсуждению послужила жалоба крепостных помещика Курской губернии Жданова на продажу их поодиночке и без земли, дошедшая до Александра I. Рассмотревший дело Сенат нашел, что помещик действовал в полном соответствии с законом. Тем не менее министр юстиции Д. И. Лобанов-Ростовский, не оспаривая решения Сената в принципе, но ссылаясь на указ 1721 года Петра I о нежелательности при продаже крестьян дробить семьи, в специальной записке предложил обсудить этот вопрос в Комиссии составления законов. Об этом стало известно Александру I, который 22 января 1820 года через председателя Государственного совета князя П. В. Лопухина потребовал от Комиссии «решить

¹ Подробный разбор этого дела содержится в обстоятельной статье А. Н. Шебунина «К истории борьбы по вопросу о продаже крестьян без земли» (Архив истории труда в России. Пг., 1923. Вып. 6/7 С 110–129), что освобождает меня от необходимости особого исследования этого вопроса и позволяет ограничиться лишь общей канвой событий и итогами.

дело о воспрещении продажи людей без земли немедленно и представить проект к ближайшему воскресенью».

Одновременно в Государственный совет поступили две записки, подготовленные независимо одна от другой петербургским генерал-губернатором М. А. Милорадовичем и министром внутренних дел В. П. Кочубеем. Милорадович прямо предлагал запретить продажу крестьян поодиночке как без земли, так и с землей; одновременно он предлагал запретить и продажу дворовых отдельно от их семей. Кочубей же предлагал обсудить эту проблему в Государственном совете, не высказывая никаких предварительных суждений¹. Обе записки и законопроект о непродаже крестьян без земли, подготовленный Н. И. Тургеневым, были обсуждены 9 марта 1820 года на заседании Комиссии. Было решено не составлять никакого дополнительного мнения, а представить проект Тургенева на рассмотрение Департамента законов Государственного совета.

Проект, подготовленный Н. И. Тургеневым, имел явно антикрепостническую направленность. В предисловии автор прямо заявлял, что «продажа людей поодиночке, как бессловесных животных, не ответственна духу времени» и что «продавать человека, существо разумное, нельзя, а продается земля, без которой крестьянин не должен быть».

29 октября проект был обсужден в Департаменте законов Государственного совета, где вызвал резкую критику всех членов. Они выступили против каких-либо ограничений прав помещиков, мотивируя это тем, что по всем законам «продажа крепостных людей вообще... дворянам дозволена без всякого ограничения». Особенное раздражение у членов департамента вызвало выражение «дух времени». В составленном А. С. Шишковым журнале заседаний сказано, что под этими словами часто скрывается «стремление к своеволию и неповиновению», а «Департамент законов подобных выражений и суждений принимать не может, ибо мнит, что, где правительство твердо и законы святы, там они управляют духом времени, а не дух времени ими». Журнал завершался грозной филиппикой против всех вообще, кто стремится к каким-либо переменам.

Только 29 ноября 1820 года законопроект вместе с мнением департамента был внесен на обсуждение общего собрания Государственного совета. По воспоминаниям Тургенева, заседание было

¹ О позиции В. П. Кочубея см. исследование П. Д. Николаенко «Князь В. П. Кочубей — первый министр внутренних дел России» (СПб.: Изд. СПб. ун-та МВД России, 2009. С. 201–214).

очень бурным. В поддержку проекта не высказался ни один член Государственного совета. Дело было, по существу, решено выступлением министра внутренних дел В. П. Кочубея, заявившего, что «вопрос должен быть еще изучен в его министерстве». После этого в журнал заседания занесли решение отложить окончательное суждение до получения письменных мнений всех членов, и тем вопрос был похоронен навсегда.

«Состоявший из первых сановников империи, этот орган мог, несомненно, урегулировать и ограничить по своему желанию права бедных и невежественных помещиков, — писал почти 30 лет спустя Н. И. Тургенев, — но он не мог скрыть от себя, что не в этом будет главное значение проекта, что он создаст впечатление о существовании в правительстве тенденции, благоприятной освобождению крепостных».

А что же император, который в январе приказывал представить проект закона о непродаже крестьян без земли «к ближайшему воскресенью» и, несомненно, рассчитывал ввести его в действие? Ознакомившись с ходом обсуждения, Александр не мог не понять, что яростные нападки на тех, кто желает перемен в соответствии с «духом времени», относятся прежде всего к нему самому. Это он желал перемен, мотивируя их необходимость «духом времени». О «духе времени» говорил он, обращаясь к лифляндскому дворянству, о «духе времени» как источнике преобразований писал и Аракчеев, излагая мысли императора.

Решительный отпор высших сановников империи проекту, вовсе не затрагивавшему основ крепостного права, но в котором они справедливо увидели проявление правительственных тенденций, «благоприятных освобождению крепостных», сразу заставил Александра I опять отступить. Ведь нельзя сомневаться, что прекращение дальнейшего обсуждения проекта не могло произойти без его ведома. Более того, отказ императора от законодательного оформления и проведения в жизнь этой частной меры оказался симптомом его окончательного отступления от попыток решения крестьянского вопроса. Кризис политики, направленной на реформирование крепостных отношений, который назревал по мере того, как один за другим терпели неудачу предпринимаемые императором усилия, стал фактом.

Вернемся теперь к конституционному проекту для России. В 1820 году казалось, что вот-вот в стране должны были произойти коренные перемены. Доказательством этому служит сохранив-

шийся в бумагах Новосильцева документ на французском языке, озаглавленный «Опыт введения в Грамоту». В сущности, он должен был стать манифестом, возвещающим о «даровании» императором «любезным и верным подданным» конституции¹. Введение написано на той же бумаге, что и русский текст «Уставной грамоты», и, несомненно, составлялось одновременно с ним.

Текст «Введения» показывает, что опасаясь возможных волнений при объявлении столь важных преобразований, власть решила прибегнуть к приему, рекомендованному Александру I еще в 1810 году М. М. Сперанским: оно начиналось торжественным заверением, что оглашаемый документ, то есть «Уставная грамота» «не вносит никакого новшества и никакого изменения в государственное устройство. Она основана на наших государственных учреждениях, она их объединяет, развивает положенные в их основу принципы, приводит их в действие и тем самым открывает возможность ввести порядок и гармонию в различные отрасли управления»².

Используя этот прием, авторы манифеста хотели создать впечатление, что речь идет не о коренных преобразованиях, а о развитии и усовершенствовании уже существующих институтов власти. В нем не только не было заострено внимание на введении народного представительства, но об этом сказано как-то вскользь. В центр была поставлена внешняя, административная сторона дела, подробно говорилось о преобразовании Сената, Государственного совета, создании наместничеств и т. п. Правда, там, где речь все же пошла о функциях парламента, пришлось прямо сказать, что «народное представительство имеет целью приобщить наших любезных и верных подданных к пользованию политическими правами, привлечь их к законодательной деятельности и побудить их разделить с нами бремя управления государством»³. Однако весь этот важнейший вопрос был умело скрыт среди разных более частных сюжетов. В заключение указывалось на необходимость развития в дальнейшем «Уставной грамоты» «путем издания Органических регламентов и специальных уставов»⁴.

Одновременно с манифестом в канцелярии Новосильцева, несомненно, по прямому распоряжению императора, был подготов-

¹ РГАДА. Ф 3 (разряд XII). Оп. 1. Д. 269 л. 73–75.

² Там же. Л. 73.

³ Там же. Л. 74 об.

⁴ Там же. Л. 75.

лен еще манифест об уничтожении польской конституции 1815 года и о превращении Царства Польского в одно из наместничеств Российской империи. Делалось это, как было сказано, «принимая во внимание, что Уставная грамота нашей империи основана на принципах, санкционированных нами в конституции, данной нами нашему Царству Польскому 15/27 ноября 1815 года, что те же гарантии и преимущества широко дарованы там всем нашим подданным... что существование двух конституций в одной империи бесполезно и даже вредно для единства действий, необходимого всякому доброму правлению». Согласно манифесту, в Польше сохранились только прежнее законодательство и самостоятельная армия¹.

Сама готовность этих документов убедительно доказывает, что в 1820 году император Александр I был действительно близок к утверждению российского конституционного проекта. Однако ничего подобного не произошло. Это, правда, не означает, что работа над проектом была совсем прекращена. Еще некоторое время она продолжалась, однако далеко не так интенсивно, как в рассмотренное время.

Хотя совершенно очевидно, что часть источников до нас не дошла, исчезнув во время польского восстания 1830–1831 годов, но все же сохранился один документ, который свидетельствует о том, как протекала дальнейшая работа. Это «Общий свод предметов, входящих во вторую и третью книги проекта Органического регламента», написанный на французском языке и подшитый в деле сразу же вслед за упоминавшимися русским и французским текстами «Уставной грамоты»².

Идея создания некоего Органического регламента, в котором после введения в действие «Уставной грамоты» были бы развиты и уточнены ее основные положения, высказывалась уже в 1819 году в «Кратком изложении основ конституционной хартии». Об «органических законах», призванных дополнить конституцию и с изданием которых не следовало торопиться, напомним, говорил в январе 1820 года С. И. Тургеневу П. А. Вяземский. Намерение развивать в дальнейшем конституцию «путем издания Органических регламентов и специальных уставов» было высказано в «Опыте введе-

¹ РГАДА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 269. Л. 76–76 об.; ср. также: *Аскенаси Ш.* Указ. соч. С. 60–68.

² РГАДА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 25. Л. 99–109 об. Текст «Общего свода» был опубликован М.-Т. Шиманом. См.: Государственная уставная грамота Российской империи. Берлин, 1903. С. 116–128.

ния в Грамоту». Развитие конституции целым комплексом подзаконных актов, названных «Органическим регламентом», соответствовало уже имевшемуся опыту введения в жизнь польской конституции.

Однако «Общий свод», возникший, несомненно, на более позднем этапе, чем «Уставная грамота», доказывает, что от мысли об отдельном оглашении российской конституции и лишь последующем ее дополнении «Органическим регламентом» власть полностью отказалась. «Общий свод» представляет собой подробный проспект второй и третьей книг «Органического регламента». Проспекта первой книги в нем нет. Совершенно очевидно, что ее должна была составлять «Уставная грамота», уже готовая и хорошо знакомая тому, для кого предназначался «Общий свод». Подзаконные акты «Об управлении» и «О судебном порядке» должны были составить вторую и третью книги «Органического регламента». В «Общий свод» его автор включил лишь заключительный абзац проекта российской конституции, перенесенный теперь в конец всего «Органического регламента» и отредактированный в соответствии с новым предназначением. Из него исчез термин «Уставная грамота», а слова «основные установления» и «настоящая грамота» были заменены словами «настоящий Органический регламент», еще раз показывающими, что конституция являлась уже просто первой книгой более обширного документа.

Когда же был составлен «Общий свод» и когда из планов власти исчезла мысль о самостоятельном введении конституции?

Сам документ не датирован¹. Однако трудно предполагать, что он мог возникнуть ранее 1821 года. Идея сделать конституцию частью еще далеко не готового «Органического регламента» была явным свидетельством намерения отложить ее введение на достаточно долгий срок. Как показала история проектов освобождения крестьян, постепенный отход Александра I от своих реформаторских замыслов датируется как раз 1821–1822 годами.

К 1821 году относится начало работы над «Проектом учреждения наместничеств». Вернувшийся из Сибири в Петербург М. М. Сперанский был сразу привлечен к этой работе. Он написал «Примечания» на проект, а также «Введение к наместническому (областному) учреждению»². Связь этих проектов со второй книгой «Органическо-

¹ А. В. Предтеченский без всяких оснований называет «Общий свод» третьей редакцией «Уставной грамоты» и датирует ее 1824 годом, что явно противоречит фактам (см.: *Предтеченский А. В.* Указ. соч. С. 384).

² Там же. С. 396

го регламента» («Об управлении»), где первая же глава названа «Об обязанностях и компетенции наместников», очевидна.

Но в последующие годы ни один проект не был закончен, а следовательно, не продвинулась вперед и работа над «Органическим регламентом».

Анализ ситуации, в которой оказался А. Д. Балашов в специально созданном для апробации новых идей генерал-губернаторстве, служит фактической иллюстрацией, как в течение следующих лет власть переходила от отсрочек к полному отказу ввести и саму конституцию, и «Органический регламент».

Прибыв во вверенный ему край, Балашов прежде всего приступил к изучению положения дел. Открывшееся ему в результате нескольких поездок было просто чудовищным. Об этом Балашов со всей откровенностью писал Александру I 2 мая 1820 года из Воронежа. Приведем его письмо почти полностью, так как оно дает убедительнейшую картину реальной жизни провинциальной России того времени.

«Отеческое сердце Ваше, государь, содрогнется при раскрытии всех подробностей внутреннего состояния губерний, — писал Балашов. — Не только воровство в городах, не только частые и никогда почти не отыскивающиеся грабежи по дорогам, но целые шайки разбойников приезжали в усадьбы, связывали помещиков и слуг, разграбляли дома и пожитки и потом скрывались: смертоубийства производились заговорами, и убийцы не находились. В селениях власть помещиков не ограничена, права крестьян не утверждены, а слухами повиновение последних к первым поколеблено и ослушаний тьма. Недоимок миллионы. Полиция уничтожена. Дел в присутственных местах кучи без счету, решают их по выбору и произволу. Судилища и судьи в неуважении, подозреваются в мздоимстве. Волокиты отчаянно утомительные, но и ябедников великое множество. Лучшие дворяне от выборов уклоняются. Чины и ордена не в той высокой цене, как должно. Жалованье чиновников и канцелярских служителей почти ничтожно, кроме винных продавцов и таможи. Хозяйственной части нет и признаку. Главные доходы казны основаны на винной продаже! Всемиловейший государь!.. Слава воина и дипломата гремит по Европе, но внутреннее управление в государстве Вашем расслабло!.. Все части идут раздельно, одна другой ход затрудняя, и едва ли которая подается вперед: единственное на сей раз средство есть усилить мест-

ные управления; Вы сие и предлагали. Докончите, государь, намерение Ваше!»¹

Балашов заканчивал свое письмо просьбой об отставке. Оставаясь в прежних рамках, он не видел возможности искоренить недостатки, а расширения своих прав, которые должны были быть сформулированы в новой инструкции для генерал-губернаторов, он не получал. Александр I отставки Балашова не принял: работа над конституцией продолжалась, и скоро предполагалось разделение России на наместничества с новыми правами и новыми органами. Балашов должен был запастись терпением.

Во вторую годовщину своего назначения, 4 ноября 1821 года, Балашов вновь обратился к императору, жалуясь на отсутствие инструкций и на крайне тяжелое положение подвластных ему губерний: «Сегодня два года, что угодно было Вашему Величеству назначить меня в генерал-губернаторы! Пользуясь позволением излагать истину... с содроганием сердца сказать должен: в ужасном положении видел я все вокруг себя в течение сего времени. Злоупотребления должностей ощутительны и вместе с тем часто неприступны. Священные законы Ваши употребляются нередко щитом самому злу сему, организованному втайне. Определение лиц до меня не касается. Жалованье их ничтожно — повод к лихоимству. Наказания и награды, идя ходом медлительным, никого не поражают. Я инструкции не имею, и единственный мой руководитель „Учреждение о губерниях“ издано еще до существования министерства и к оному не приспособлено. Обряд и ход дел гражданских затруднен и с обстоятельствами не соображен, мои же руки связаны!»²

И на этот раз призыв Балашова остался без ответа, но совсем по другим причинам. Не были даны ему новые полномочия и в следующем, 1822 году. В течение трех лет, получив в управление принципиально новую административную единицу, он вынужден был практически бездействовать. Наконец, только в марте 1823 года на имя Балашова последовал высочайший рескрипт. Однако он вовсе не содержал никаких новых инструкций, а лишь предписывал приступить к «преобразованию» губернского управления.

Балашов ждал расширения своих полномочий, четкого определения своих прав и обязанностей, ждал, что получит аппарат, который позволил бы ему эффективно управлять огромным краем. Ниче-

¹ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 3329. Л. 1 об. — 2 об.

² Архив СПб. ИИ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 9. Л. 5–5 об.

го подобного в рескрипте не было. Он лишь позволял заняться переустройством управления одной Рязанской губернии, да и то в очень ограниченных масштабах¹.

Ясно, что рескрипт от 2 марта 1823 года соответствовал уже сложившемуся, решительному и недвусмысленному отказу Александра I от реформ. В конце 1822 — начале 1823 года выбор был сделан окончательно. Император, отказавшись от коренных преобразований в политической и социальной сферах, вернулся к прежней бесперспективной практике частных изменений и подновлений существующего «безобразного здания».

Значительную роль в процессе постепенного отхода Александра I от намерений реформировать Россию на современный лад сыграли европейские события. Они же стали катализатором, который с течением времени радикализировал российские тайные общества.

26 сентября 1815 года Россия, Австрия и Пруссия в целях обеспечения прочного мира в послевоенной Европе заключили Священный союз трех императоров. Вскоре к ним присоединились правительства всех европейских стран. В основе деятельности Союза лежал выработанный на Венском конгрессе принцип легитимизма, то есть принцип «законности» власти и незыблемости государственных границ, существовавших до Великой французской революции. На первых порах охранительные тенденции Священного союза проявлялись не столь отчетливо².

В первый период существования Священного союза отдельные его участники, в том числе и Александр I, поддерживали определившиеся в Европе после падения Наполеона либеральные настроения. Александр добивался и добился конституции для Польши и восстановления конституционной монархии во Франции. Конституции из рук Священного союза получили некоторые германские княжества, была подтверждена шведская конституция.

Но со временем положение стало меняться. В 1818 году состоялся Ахенский конгресс Священного союза. Он показал, что заявления о «народном праве», о защите интересов государств, а не отдельных государей и т. п. — всего лишь фразы. Это с очевидностью доказал Секретный протокол, подписанный уполномоченными России, Австрии, Англии и Пруссии 3 ноября 1818 года. В нем подписавшие его

¹ ПСЗ-I. Т. 38. № 29344. С. 811–812.

² Манфред А. З. Общественно-политические идеи в 1815 г. // Вопросы истории. 1966. № 5. С. 57.

государства подтвердили свои обязательства принимать меры, способствующие «предупреждению гибельных следствий нового революционного потрясения, которое будет угрожать Франции»¹.

События 1819 года (и прежде всего убийство 23 марта студентом К. Зандом известного реакционного писателя А. Коцебу) стали поводом к открытому провозглашению и одобрению политики интервенционизма. Собравшиеся осенью этого года в Карлсбаде уполномоченные союзных немецких государств фактически признали возможность вмешательства извне в дела государств Союза. В ноябре 1820 года в Троппау был подписан предварительный протокол, где предусматривалась возможность применения «принудительной силы» для подавления революций², а спустя некоторое время, весной 1821 года, в Лайбахе была выработана и принята особая декларация о праве вооруженного вмешательства в дела любой страны, которой угрожала бы революция — ответ на революционные события в Италии, Испании и Португалии³.

После подписания протокола в Троппау русская армия начала готовиться к интервенции в революционную Италию. 3 марта 1821 года император подписал указы командующему Литовским корпусом и главнокомандующим 1-й и 2-й армиями о выделении более 199 тысяч войск, которые должны были выступить в направлении австро-сардинской границы. Командовать войсками было поручено вызванному с Кавказа А. П. Ермолову. Лишь подавление весной 1821 года вторгшейся в Италию австрийской армией революций в Неаполе и Пьемонте помешало вооруженному вмешательству России. В следующем, 1822 году Веронский конгресс санкционировал вторжение французских войск в Испанию. В 1823 году революция там была окончательно подавлена.

Одновременно наступил окончательный поворот к реакции и во внутренней жизни страны. 3 марта 1822 года Александр I утвердил мнение Государственного совета «Об отсылке крепостных людей за дурные поступки в Сибирь на поселение». Впервые за всю историю своего царствования император издал закон, не только не ослаблявший или ограничивавший крепостное право, а, напротив, резко расширявший границы прав помещиков. «Либеральный» Александр I

¹ Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1885. Т. 7. С. 318.

² Внешняя политика России XIX и начала XX века. М., 1979. Сер. 2. 1815–1830. Т. 3 (11). Май 1819 — февраль 1821 г. С. 289–292.

³ Мартенс Ф. Указ. соч. СПб., 1878. Т. 4. С. 289–292.

одним росчерком пера сделал помещичий произвол поистине бес-
предельным¹.

Показательно и даже символично, что окончательный разрыв с реформаторскими замыслами и наступление реакции в крестьянском вопросе выразились именно в издании подобного указа. Ведь не кто иной, как Александр I в пору своего либерализма указами от 10 марта 1809 года и 5 июля 1811 года запретил *ссылать* крепостных в Сибирь в каторжную работу и поселение *по воле* помещиков². Теперь все это было уже в прошлом и не имело никакого значения для настоящего.

В сфере управления страной, где еще совсем недавно речь шла о конституционном ограничении абсолютной власти императора, поворот к реакции приобрел совершенно неожиданную форму. Политической реальностью последних лет александровского царствования стал отход императора от управления страной. Государственная власть от самодержца перешла почти полностью в руки всесильного временщика — Алексея Андреевича Аракчеева. Влияние Аракчеева на Александра I всегда было очень велико. С годами оно росло и укреплялось. Однако никогда ранее «интимному другу» не принадлежала роль единовластного политического руководителя, определяющего все стороны жизни Российской империи.

Пока речь шла о реформах, Александр опирался на людей, имевших широкий политический кругозор. Сперанский, Новосильцев, Чарторыйский — назову хоть эти имена. И тогда в их круге Аракчеев занимал достаточно заметное место. Было время замыслов реформ — и он шел в ногу со временем, обдумывая реформаторские проекты. Наступило иное время — и оно оказалось *его* временем. «Без лести предан» — недаром именно этот девиз он избрал для своего герба, когда получил графский титул из рук благодарного монарха.

Теперь, далеко оттеснив прежних советников императора, Аракчеев выдвинулся на первое место. При всей несомненной неординарности он был человеком, начисто лишенным качеств крупного государственного деятеля. Великий князь Николай Михайлович, тонкий и наблюдательный историк, писал о роли Аракчеева в последние годы жизни Александра: «С 1822 г. по всем делам государь начал слушать только одного Аракчеева, принимать исключительно его доклады по всем отраслям управления; а всесильный граф окружил

¹ ПСЗ-I. Т. 38. № 28954. С. 99–101.

² Там же. Т. 30 № 23530. С. 871; № 24707. С. 803–806.

монарха исключительно своими ставленниками и клевретами, не смеявшими ему противоречить и что-либо предлагать, не посоветовавшись предварительно с ним. Последние четыре года царствования Александра Павловича стали в действительности годами управления Аракчеева. Он издавал законы, рассылал повеления, наказывал, миловал, объявлял выговоры или высказывал неудовольствие, выдвигал разные бездарности, в общем, угнетал своим бессердечным игом Россию и русских подданных»¹.

И все это было видно не только с дистанции прошедших лет, на определенном историческом расстоянии, но вполне осознавалось и современниками. «Став царем, судьей посреди царей, Александр предался апатии, — писал А. М. Тургенев, человек, далекий от оппозиционной среды и передового общественного мнения, — и вверил правление обширнейшего своего государства Аракчееву, человеку невежде, дышащему злобою и ненавистью, которого, кроме гнуснейших лстецов, никто терпеть не мог, не произносил без презрения его имени. Народ, да и во всех сословиях общества Аракчеева называли змеем-горынычем! В извинении сего ни слов, ни доказательств не сыщется»². Подобные свидетельства можно множить до бесконечности. Они общеизвестны и прочно вошли в историческое сознание. Но то, что понимала, казалось, вся Россия, не понимал или не хотел понимать император.

Как же происходил этот поворот в сознании самого Александра I? Как и когда пришло к нему понимание невозможности осуществить намеченные преобразования? Сложно проникнуть в замыслы, которые осуществлялись втайне и от общества, и от большинства правящей элиты. Ясно одно: процесс был сравнительно долгим и мучительным. Нам известны лишь отдельные эпизоды нелегкого пути, закончившегося тяжелым душевным кризисом Александра I, погружением его в мистицизм и, наконец, смертью.

Понимание, что с планами реформ, в сущности, покончено, пришло к Александру I, скорее всего, летом 1821 года. Утверждать это позволяет краткое, но очень выразительное свидетельство в дневнике М. М. Сперанского. Весной этого года опальный сановник после девятилетнего вынужденного отсутствия вернулся в Петербург и вновь стал одним из доверенных лиц императора. Возобновились

¹ Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I: Опыт исторического исследования. СПб., 1912. Т. 2. С. 624.

² Тургенев А. М. Из одного дневника // Русский архив. 1903. № 12. С. 623–624.

почти ежедневные встречи Сперанского и Александра I, их совместная работа. И вот 24 августа 1821 года Сперанский внес в свой дневник следующие слова императора: «Разговор о недостатке способных и деловых людей не только у нас, но и везде. Отсюда *заключение*: не торопиться преобразованиями; но для тех, кои их желают, иметь вид, что ими занимаются»¹.

В этой беседе отразилась вся сложность и безнадежность положения Александра I. Во-первых, это горькое признание в своем бесилии преобразовать страну, лишь слегка прикрытое ссылкой на отсутствие «способных и деловых людей». Во-вторых, попытка убедить (себя? собеседника?), что это не окончательное отступление, а лишь нежелание «торопиться». И в-третьих, откровенно выраженное намерение скрыть от передовой части общества свое поражение, «делая вид», что власть по-прежнему готовит реформы. Кстати, именно этим Александр I занимался вплоть до 1823 года в отношении генерал-губернаторства А. Д. Балашова. Выбор в пользу реакции был сделан, и остановиться было уже невозможно.

Что же происходило в эти годы в тайном обществе? Шел естественный процесс его эволюции. Часть членов покинула Союз благоденствия. Произошло это по самым разным причинам. Одни охладевали, видя, что власть уже не стремится к реформам, другие отходили от общества, потому что женились, обзавелись собственным хозяйством или оставили службу. Но все-таки осталось некоторое число членов, которые продолжали верить в неизбежность перемен и искали пути осуществления своих идей. На петербургских совещаниях 1820 года, где обсуждалось, какое политическое устройство более подходит будущей России — конституционная монархия или республика — большинство участников высказалось в пользу республики. Конечно, это были лишь дружеские разговоры единомышленников, не более того. Но вот что важно: проголосовав за республику, участники совещания на следующий день стали обсуждать, как может произойти смена политического устройства страны. И здесь неизбежно вновь, второй раз с 1817 года, была высказана мысль о цареубийстве. Здесь же Пестель произнес первые слова о диктатуре Временного революционного правительства. Его поддержал Никита Муравьев. Но на этом дело пока и кончилось. Уже говорилось о влиянии на власть, на Александра I революционных событий в Южной Европе.

¹ ОР РНБ. Ф. 731 (М. М. Сперанского). Оп. 1. Д. 42. Л. 3 об.

И если под их воздействием правительство брало все более и более реакционный курс, то с тайными обществами все происходило наоборот. Пример испанской революции, главной действующей силой которой стала армия, вызвал к жизни разговоры о возможности революции в России «посредством войск», которые велись на встречах членов Тульчинской управы Союза благоденствия. Во время Московского съезда обсуждалась тактика военной революции. После роспуска Союза благоденствия возникли Южное и Северное общества декабристов. Пришли новые члены с более радикальными идеями и готовые не только рассуждать, но и действовать. На отказ власти от реформ тайное общество ответило переходом от тактики просветительской конспирации к тактике прямого революционного действия.

Все это давно и хорошо изучено в советской историографии¹. Не вступая в полемику с авторами, скажу только, что многое в их серьезных и фундаментальных исследованиях, как бы поточнее выразиться, было преувеличено. В сущности, тайные общества декабристов не были революционными организациями в привычном для нас смысле. Они были своеобразными дискуссионными клубами, где обсуждались насущные проблемы российской жизни и искались пути их разрешения. Такими дискуссионными клубами, какие возникли во времена Великой французской революции и где вызревали идеи будущего. Разница только в том, что во Франции члены этих клубов собирались открыто, а в России — тайно.

Члены тайных декабристских обществ, истинные патриоты своей отчизны, желали родине добра и процветания. Для этого они вышли на Сенатскую площадь морозным утром 14 декабря 1825 года. Вышли, чтобы изменить Россию, чтобы, по образному выражению, «стереть с ее лица клеймо рабства», политического и социального. Не получилось, как не получилось и у власти, у императора Александра I. Почему?

¹ Среди них назову только две монографии, в первую очередь двухтомную работу академика М. В. Нечкиной «Движение декабристов» (М., 1955), заложившую основу представления о декабристах в советской исторической науке, и исследование С. С. Ланды «Дух революционных преобразований. » (М., 1975), попытавшегося несколько по-иному, насколько это было возможно в то время, взглянуть на феномен декабристов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 1839 году в Россию приехал известный путешественник, французский аристократ маркиз Астольф де Кюстин, который затем написал ставшую знаменитой книгу «Россия в 1839 году». Кюстин, монархист по своим взглядам, хотел посетить Россию, чтобы укрепиться в убеждении, что ничем не ограниченное самодержавие есть идеальный способ управления страной. Уезжал он в совсем другом настроении, убежденный, что так жить нельзя, и советовал соотечественникам посылать своих детей в Россию для примера, если те будут «роптать на Францию».

В начале XIX века осознание того, что так дальше жить нельзя, появилось и у верховной власти, и у российского общества. Встал вопрос о правомерности существования неограниченного самодержавия и крепостного права. И, что примечательно, этот вопрос встал не как отвлеченная проблема (об этом много рассуждали и раньше), а как насущная потребность российской жизни 1810–1820-х годов. Возникло сознание необходимости и неизбежности коренных преобразований.

Вначале грандиозные реформаторские замыслы М. М. Сперанского, а затем конкретные проекты российской конституции и освобождения крепостных крестьян, как казалось, доказывали серьезность намерений власти. Возникновение тайных обществ, создание программных документов: конституции Н. М. Муравьева и «Русской Правды» П. И. Пестеля, наконец, само восстание 14 декабря 1825 года явились серьезным подтверждением того, что те же процессы захватили и передовую часть общества.

Естественно, что власть и общество пытались идти к переменам разными путями. Правительство — подготовкой проектов преобразований, общество — сначала поддержкой реформаторских намерений власти, потом давлением на правительство и, наконец, силой бунта. Ни та, ни другая попытка не увенчались успехом. Победа осталась за отживающим строем.

Основная причина этого кроется, на мой взгляд, в неготовности страны к коренным преобразованиям, в отсутствии в ней достаточно широкого слоя людей, заинтересованных в реформах. Александр I искренне верил, что нужно только позволить помещикам освобождать крестьян на выгодных условиях, и дело пойдет само собой. Ведь общеизвестно, что вольный труд производительнее, выгоднее труда подневольного. Это как будто наглядно доказывал пример развития Западной Европы, где русская армия побывала во время зарубежных походов 1813–1814 годов.

Классическая схема модернизации (а именно о ней шла речь у российских реформаторов и революционеров) хорошо известна. Сперва в недрах старого строя зарождались новые отношения, основанные на применении вольнонаемного труда и замены ручного труда машинным. С течением времени доля вольнонаемного труда в промышленности и сельском хозяйстве все увеличивалась, стало заявлять о себе третье сословие (буржуазия), требуя признания своих политических прав. Уже не отдельные хозяева, а значительные группы населения вели хозяйство по-новому. Росло и укреплялось убеждение, что существующая политическая система не дает простора для движения вперед. Назревал конфликт, который разрешался либо реформами, либо революциями.

Но Россия не Запад. Здесь еще не созрели условия, чтобы помещики и крестьяне добровольно согласились на изменение хозяйственных отношений. В первой четверти XIX века в России подавляющее большинство дворянства и бюрократии, в чьих руках находилась полнота власти, было против реформ. В отличие от Западной Европы, где мотором прогрессивных преобразований выступало третье сословие, в России в то время его просто не существовало или, точнее сказать, оно находилось в зачаточном состоянии.

Но и в середине века основная масса помещиков была против отмены крепостного права. Чем же тогда объяснить, что Александр II удалось сделать то, что оказалось невозможным в 1820-х годах? Дело в том, что власть получила возможность совершить насилие

над своей собственной социальной опорой, насилие в интересах всей страны, используя либеральную бюрократию, которая успела к этому времени сформироваться в реальную силу. Именно либеральная бюрократия сыграла в России роль отсутствующего третьего сословия. На мой взгляд, эта особенность присуща всем странам с догоняющим типом модернизации. Александр I не мог решиться на это. Не смогли добиться желаемого и декабристы.

Приложения¹

¹ Названия учреждений в тексте приведены в соответствии с современными наименованиями.

КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС В ТРУДАХ ДЕКАБРИСТА М. А. ФОНВИЗИНА¹

Михаил Александрович Фонвизин принадлежит к числу тех декабристов, чье творческое наследие, заслуживающее самого пристального внимания, до сих пор не подвергалось систематическому изучению.

Приговором Верховного уголовного суда он был отнесен к 4-му разряду государственных преступников и осужден на 15-летние каторжные работы с последующей ссылкой. Срок каторжных работ был постепенно сокращен до шести лет, и в 1834 г. Фонвизин был выпущен на поселение. Прожив четыре года вначале в Енисейске, а затем в Красноярске, он в 1838 г. был переведен в Тобольск, где и оставался до 1853 г., когда ему — единственному из декабристов до амнистии 1856 г. — было разрешено возвратиться в европейскую часть России.

Условия, в которых Фонвизин находился в Петровском заводе и в особенности на поселении, были более благоприятными, чем у многих других декабристов. Самоотверженное поведение его брата И. А. Фонвизина, взявшего на себя воспитание оставленных в России сыновей М. А. Фонвизина и управление имениями, доходом от которых он считал себя обязанным обеспечить жизнь декабриста и его жены в Сибири, помогло Фонвизиним создать себе в Тобольске благоустроенный и приемлемый быт. Способствовало этому также и родство Н. Д. Фонвизиной с генерал-губернатором Западной Сибири П. Д. Горчаковым. Фонвизин получал много русских и иностран-

¹ Исторические записки. Вып. 96. К 150-летию восстания декабристов. М., 1975. С. 197–230.

ных книг, журналов и газет, вел обширную переписку с родными и друзьями-декабристами и практически не имел недостатка в информации. Все это давало богатую пищу для активной умственной деятельности, которая стала для Фонвизина его «постоянным занятием» в Сибири. В отличие от большей части декабристов, чье творческое наследие сибирского и последующего периодов составляют в основном мемуары, Фонвизин создал значительное количество оригинальных теоретических и исторических произведений. Именно вследствие этого его творческое наследие представляет значительный интерес для изучения идеологии декабристов и ее эволюции. Наследие это до сих пор в совокупности не изучено, хотя ему и посвящены некоторые работы¹.

Изучению его, в частности, препятствует и то, что оно до сих пор не издано полностью. В разное время были опубликованы: «О крепостном состоянии земледельцев в России», «О подражании европейцам», «Примечания к книге Эно и Шенншо»², «Одно из воспоминаний моей молодости (1807 г.)»³. Однако и в настоящее время есть необнародованные его части, в том числе записки «Об указе 2-го апреля 1842 года»⁴, «О социализме и коммунизме»⁵, «Классификация наук»⁶, «Обозрение истории философских систем»⁷, а также некоторые богословские сочинения⁸.

Настоящая работа ставит своей задачей проанализировать записки Фонвизина, посвященные проблеме отмены крепостного права, и рассмотреть его взгляды по этому вопросу.

¹ Семевский В. И. Михаил Александрович Фонвизин. Биографический очерк // Общественные движения в России в первую половину XIX века. СПб., 1905. Т. I; Он же. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. СПб., 1888. Т. II. С. 85–91, 363–369; Соколов В. Декабристы и крестьянский вопрос // Исторический журнал. 1940. № 3, Сыроечковский Б. Е. Сибирские статьи декабриста М. А. Фонвизина // Сыроечковский Б. Е. Из истории движения декабристов. М., 1969.

² Фонвизин М. А. «Обозрение проявлений политической жизни в России» и другие статьи // Библиотека декабристов. М., 1907. Вып. 4. «Примечания к книге Эно и Шенншо» публиковались и до этого.

³ Русская старина. 1881. № 8. С. 503–529.

⁴ ГА РФ. Ф. 279 (Якушкиных). Оп. 1. Д. 296. Автограф с исправлениями и дополнениями И. И. Пуцина; Ф. 1706 (Фонвизиных). Оп. 1. Д. 1. Авторизованная копия.

⁵ Там же. Ф. 279. Оп. 1. Д. 294. Копия без конца, Ф. 1706. Оп. 1. Д. 4. Копия без начала.

⁶ Там же. Ф. 1706. Оп. 1. Д. 4. Записка присоединена к работе «О социализме и коммунизме».

⁷ ОР РГБ. Ф. 214 (Собр. Оптиной пустыни). № 97, ГА РФ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 293; Ф. 1706. Оп. 1. Д. 3. Авторизованная копия.

⁸ По указанию Б. Е. Сыроечковского списки с двух из них входят в состав рукописного сборника Гедеонова, хранящегося в Пушкинском доме.

Этот центральный вопрос внутренней жизни России в течение всей первой половины XIX в. занимал в планах декабристов одно из ведущих мест. Неудивительно поэтому, что Фонвизин так пристально занимался этой проблемой и в Сибири.

Им были написаны по крайней мере три записки, специально посвященные крепостному праву. Это «Историческое известие о начале и ходе крепостного состояния в России», «О крепостном состоянии земледельцев в России» и «Об указе 2-го апреля 1842 года».

Первый биограф и исследователь творческого наследия Фонвизина В. И. Семевский считал, что все работы по крестьянскому вопросу были написаны Фонвизиным после издания указа 1842 г. об объявленных крестьянах¹. Занимавшийся в советское время изучением сибирских статей М. А. Фонвизина Б. Е. Сыроечковский на основании писем Фонвизина к И. И. Пущину, не известных Семевскому, уточнил время создания одной из записок. Он установил, что статья М. А. Фонвизина «О крепостном состоянии» была написана «в 1841 г., а быть может, и ранее, но окончательную редакцию получила в 1842 г.»²

Изучение сохранившихся рукописей Фонвизина и его переписки позволяет внести в историю его занятий крестьянским вопросом еще некоторые уточнения. Прежде всего надо отметить, что записки Фонвизина «Историческое известие» и «О крепостном состоянии» создавались как отдельные произведения. Лишь в 1842 г. у Фонвизина возникла мысль присоединить к записке «О крепостном состоянии» свое историческое исследование о происхождении крепостного права. Это становится совершенно ясным из переписки Фонвизина с Пущиным. Так, сообщая Пущину о дошедших до него сведениях об оживлении интереса верховной власти к крестьянскому вопросу и об активной деятельности П. Д. Киселева по подготовке отмены крепостного права, Фонвизин в конце письма от 14 апреля 1842 г. писал: «Написав письмо и думая о действиях Киселева, мне пришло на мысль: не послать ли ему при письме, подписанном каким-нибудь выдуманном именем, предположение, которое я Вам когда-то сообщил. Может быть, он найдет в нем что-нибудь новое и полезное»³. Очевидно, что «предположение», то есть записка Фонвизина «О крепостном состоянии»⁴, к этому

¹ Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. Т. II. С. 85; Он же. Михаил Александрович Фонвизин. Биографический очерк. С. 72.

² Сыроечковский Б. Е. Указ. соч. С. 310.

³ Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1939. Вып. 3. С. 44.

⁴ Это тождество убедительно доказывается письмами от 12, 13, 16, 22 мая 1842 г. (ОР РГБ Ф. 243 (Пущина). 4. 31. Л. 13–22 об.).

времени давно уже находилось у Пущина. В этом письме «Историческое известие» не упоминается. Зато в следующем, от 28 апреля, читаем: «Прилагаю при сем проект письма к министру и с нынешней почтой я посылаю Вам составленное мною историческое известие о начале и ходе крепостного состояния в России. Я по памяти изложил тут мысль Эверса, не имея при себе его сочинения и, кажется, без ошибки». Далее в письме указано, куда можно вставить «Историческое известие», если будет решено послать записку Киселеву¹. В конце концов, его не вставили в текст, а поместили в виде примечания².

Из приведенного нами текста письма от 28 апреля, как кажется, вытекает, что «Историческое известие», отправленное Пущину, было написано Фонвизиним именно в это время с целью дополнения записки «О крепостном состоянии». Вывод этот, однако, был бы слишком поспешным. В конце сохранившегося автографа «Исторического известия» Фонвизин, рассуждая о последствиях указа 1803 г. о вольных хлебопашцах, пишет: «Но по сие время цель этого закона не достигнута, и в 35-летнее его существование число уволенных в свободные хлебопашцы весьма незначительно»³. Очевидно, что если со времени указа 1803 г. прошло 35 лет, то «Историческое известие» было написано в 1838 г. Можно было бы предположить, что указание на 35-летний срок есть лишь приблизительно округленная дата. Это предположение опровергается последующей правкой этого текста при доработке записки в 1842 г. Теперь этот текст звучит так: «...почти в сорокалетнее его существование»⁴. Очевидно, таким образом, что написанное за несколько лет до 1842 г. «Историческое известие» теперь было извлечено Фонвизиним из ящика письменного стола и использовано для усовершенствования новой записки.

Сложнее обстоит дело с датировкой записки Фонвизина «О крепостном состоянии». Письма Фонвизина к Пущину, могущие служить для этого базой, сохранились по существу только за 1841 и первую половину 1842 г.⁵ Ответных писем Пущина за интересующее нас время известно только три⁶.

¹ ОР РГБ. Ф. 243. 4. 31. Л. 11.

² ГА РФ. Ф. 1706. Оп. 1. Д. 2; «Историческое известие» осталось неопубликованным.

³ Там же. Ф. 279. Оп. 1. Д. 295. Л. 3 об.; Следует отметить, что бумага, на которой написано «Историческое известие», существенно отличается от бумаги писем и записок Фонвизина 1842 г.

⁴ Там же. Ф. 1706. Оп. 1. Д. 2. Л. 18.

⁵ Кроме них в фонде Пущина в ОР РГБ имеются: два письма за 1839 г. (Ф. 243. 4. 28) и два письма за 1840 г. (4. 29).

⁶ ОР РГБ. Ф. 319 (Фонвизиных). 3. 37.

Первое упоминание о записке «О крепостном состоянии» появляется в письмах Фонвизина лишь в апреле 1842 г. Нет на нее намека и в известных нам письмах Фонвизина к другим декабристам. Автограф произведения, как мы уже указывали, не сохранился. Поэтому прямыми сведениями о времени его написания мы не располагаем. Б. Е. Сыроечковский считал возможным временем создания этой записки 1841 г. Эта датировка вызывает известные сомнения. В 1841 г. Пущин ни разу не побывал в Тобольске (хотя и в 1839, и в 1840 г. по долгу жил там). Следовательно, в это время Фонвизин мог передать ему свою записку только в письме. Письма Фонвизина к Пущину за 1841 г. сохранились, по-видимому, полностью¹. Ни в одном из них нет ни слова о крестьянском вопросе вообще, ни о какой-либо специальной записке по этому поводу в частности.

Определяя в письме от 14 апреля 1842 г. время сообщения Пущину своего «предположения» словом «когда-то», Фонвизин вряд ли мог иметь в виду события прошлого года. Поэтому создание записки «О крепостном состоянии» следует отнести ко времени до 1841 г.

Оживление интереса к крестьянскому вопросу, идея возможности практического применения записки сделали ее с апреля 1842 г. предметом оживленной переписки Фонвизина с Пушиным и их совместной работы над ней. Работа эта продолжалась, судя по письмам, до начала июня. К этому времени был уже решен вопрос о способе ее доставки Киселеву. Первоначальные проекты Фонвизина о посылке «предположения» из какого-нибудь «русского города» или из Казани с анонимным письмом на имя Киселева², отправления «пакета в Петербург» со своим откровенным письмом³ были, по всей вероятности, отвергнуты Пушиным, предложившим другой план. Мысль Пущина, изложенная им в несохранившемся письме от 7 мая 1842 г., заключалась, по-видимому, в следующем: воспользовавшись помощью приехавшего в Сибирь с ревизией от Министерства юстиции его брата Николая Ивановича, отправить с ним все бумаги в Петербург, где найти способ передать их Киселеву⁴. В своем ответе Фонвизин, со-

¹ Они составляли часть переплетенного самим Пушиным тома писем 1841 г., теперь расплетенного в ОР РГБ и систематизированного по авторам писем (ОР РГБ. Ф. 243. 4. 31).

² Записки отдела рукописей ГБЛ. Вып. 3. С. 44; ОР РГБ. Ф. 243. 4. 31. Л. 16 об. — 17.

³ ОР РГБ. Ф. 243. 4. 31. Л. 13; Фонвизин писал в этом письме: «Но я остаюсь при прежнем мнении de garder l'anonyme: pour que la source d'où cela vient n'inspire pas de la méfiance et des soupçons. Мне кажется, что безымянное письмо будет эффективнее».

⁴ Так как письмо Пущина не сохранилось, то его содержание реконструируется на основе ответов Фонвизина (см. письмо Фонвизина к Пущину от 13 мая 1842 г.: Там же. Л. 17–17 об.).

глашаясь с планом в принципе, предлагал вместо Н. И. Пущина, «для которого как для служащего может тут быть некоторый риск», послать бумаги с отправлявшимся в Петербург тобольским прокурором П. Н. Черепановым¹. Рассуждая о возможности успеха задуманного предприятия, Фонвизин писал: «Вы угадали, что меня очень занимает это дело, только мне кажется, что для самого успеха хорошо бы было, чтобы мы остались за кулисами. Львов может сказать, что эта бумага попалась ему случайно, и можно никого не называть»². Этот текст позволяет думать, что Пущин предлагал не скрывать от министра имена авторов. Это подтверждается и письмом Фонвизина от 16 мая: «...если бы Львов не взялся отдать бумагу министру, то можно будет и в Петербурге переслать ее через городскую почту, но для этого надобно на случай приготовить анонимное письмо и отослать его к Вашим родным»³. Как видно, Пущин не собирався использовать посланное ему ранее Фонвизиним анонимное письмо. Таким образом, предусматривался случай, когда посредник мог назвать настоящих авторов записки. Впоследствии возникла мысль передать проект через Вяземского⁴.

В начале июня 1842 г. записка была отправлена с П. Н. Черепановым в Петербург.

В самый разгар работы над рукописью записки «О крепостном состоянии» Фонвизин и Пущин узнали о выходе указа от 2 апреля 1842 г. об обязанных крестьянах⁵. Это событие выдвинулось теперь в их переписке на первый план. В июньских письмах 1842 г. Фонвизин, вначале ограничивавшийся оценкой указа, постепенно стал сообщать Пущину свои соображения о способах ускорения его реализации. Так одно за другим у него созревали основные положения будущей записки. 16 июня, рассуждая о необходимости разрешить разночинцам приобретать дворянские имения с условием обращения крепостных крестьян в обязанных, Фонвизин писал Пущину: «Эта мысль меня очень занимает, и я, обдумав ее хорошенько, попробую изложить. Не вздумаете ли и Вы, почтенный друг, заняться тем же. Обработайте идеи, которые я Вам сообщил. Я же сообщу Вам мою

¹ ОР РГБ. Ф. 243 4. 31. Л. 17–18.

² Там же Л. 17 об.

³ Там же. Л. 19–19 об.

⁴ «Если бы Вяземский, — писал Фонвизин 28 мая 1842 г., — взялся передать бумагу министру, то это было бы лучше, впрочем, действуйте, как вздумаете» (Там же. Л. 24).

⁵ Первое упоминание о нем встречается в письме Фонвизина к Пущину от 12 мая (Там же. Л. 13 об.).

работу». И далее: «Я не шутя предлагаю Вам заняться предположением о действии последнего указа. Может быть, общими силами мы составим что-нибудь дельное»¹.

20 июня 1842 г. основа записки «Об указе 2-го апреля 1842 года» была уже готова². В это время в Тобольске находился Н. И. Пущин. Рассказы его о настроениях в столице, об отношении высшей бюрократии к крестьянскому вопросу охладили надежды Фонвизина. Посылая Пущину готовую записку и снова мысленно возвращаясь к судьбе своего первого произведения на эту тему, он писал: «Кажется, бумага наша придет не вовремя и не обратит на себя даже внимания: в столице слишком много думают об одних физических наслаждениях. Несмотря на это, я изложил мысли мои о возможности распространения действия указа 2-го апреля. Пусть эта бумага останется в Вашем портфеле. Посылаю Вам ее»³.

Судя по этому письму, сам Фонвизин в этот момент уже не рассчитывал на какое-либо практическое применение только что составленного им проекта. Последовавшие события, видимо, убедили его в обратном. В начале июля Фонвизин сообщил свою записку декабристу С. М. Семенову, служившему в Тобольске в канцелярии губернатора. «...Он нашел ее так удовлетворительной, — писал Фонвизин Пущину 10 июля, — что, несмотря на свою осторожность, советовал мне отправить мое предположение в Петербург чрез его знакомого Лярского, чиновника Министерства государственных имуществ, с тем, чтобы я уступил ему (Лярскому. — С. М.) в собственность мою бумагу». Однако Фонвизин не согласился: «Я бы охотно это сделал, — писал он, — но, зная Лярского за человека ничтожного, я опасаясь, чтобы представление им проекта не произвело невыгодного впечатления на самое изложение мысли моей. Он, может быть, вздумает прибавить тут своего и испортит все дело»⁴. Таким образом, в июле Фонвизин вновь вернулся к мысли послать проект в Петербург, но искал надежный путь, который бы обеспечил успех задуманного и безопасность авторов. Он продолжал работать над запиской дальше и 14 июля отправил Пущину «Дополнение к записке об указе 2-го апреля»⁵. Пущин, выполняя просьбу Фонвизина

¹ ОР РГБ. Ф. 243. 4. 31. Л. 28 об. — 29 об.

² ГА РФ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 296. Л. 12.

³ ОР РГБ. Ф. 243. 4. 31. Л. 30.

⁴ Записки отдела рукописей ГБЛ. Вып. 3. С. 44.

⁵ ГА РФ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 296. Л. 13–18.

«выправить его сочинение»¹, довольно много потрудился над ним. Сохранившийся автограф дает полное представление о характере и степени участия Пущина в работе над запиской. Оно свелось, с одной стороны, к редакционной правке, а с другой — к развернутому изложению некоторых кратко сформулированных Фонвизиним положений «Дополнения». Лишь одно место, дописанное Пущиным, не вытекало из какого-либо прямого указания Фонвизина: это заключительные строки записки, в которых говорится: «С этим убеждением я предлагаю мысль мою на рассмотрение людей опытных, облеченных властью. Пусть слабый, но искренний голос мой будет услышан там, где взвешиваются и решаются судьбы государства»². В данном случае инициатива Пущина очень показательна. Дописанные им слова не оставляют сомнения в цели, с какой готовился этот документ.

Работа над запиской заняла у Пущина не так много времени, и 3 августа ее текст, уже переписанный набело, был готов к отправке в Тобольск³.

Во второй половине июля в Тобольске побывал генерал-губернатор Западной Сибири П. Д. Горчаков, возвращавшийся из Петербурга в Омск. Фонвизин так сообщал Пущину об этом: «Князь пробыл здесь четыре дня и рассказывал мне многое о Петербурге — те же вести, какие мы слышали от Вашего брата. И я повторю с Вами: *тоска!*»⁴ Б. Е. Сыроечковский увидел в этих словах свидетельство окончательного разочарования Фонвизина и Пущина в задуманном ими предприятии. Приведя их вместе с отрывком из более раннего письма от 23 июня и не проследив последовательности событий, он приводил читателя к выводу, что уже в конце июня 1842 г. Фонвизин отказался от прежних замыслов, а записку «Об указе 2-го апреля 1842 года» составлял просто для самого себя. Неудивительно поэтому, что в статье Б. Е. Сыроечковского даже не упомянуто ее действительное назначение⁵. Сохранившиеся документы, однако, противоречат этому.

Хронология работы Пущина над запиской «Об указе 2-го апреля 1842 года» может быть по ним восстановлена следующим образом.

¹ Записки отдела рукописей ГБЛ. Вып. 3 С 44

² ГА РФ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 296. Л. 22–23.

³ ОР РГБ. Ф. 319. 3. 27. Л. 44.

⁴ Там же. Ф. 243. 4. 31. Л. 45–45 об., О том же он писал Пущину и ранее. «Князь рассказывал мне много о Петербурге — и жалко, и смешно. Все это было подтверждение слышанного нами от Николая Ивановича» (Там же. Л. 42 об.)

⁵ Сыроечковский Б. Е. Указ. соч. С 315.

Первоначальный текст был получен им 2 июля¹, «Дополнения», судя по всему, дошли до Туринска 18 числа², а уже 3 августа, как мы видели, записка была полностью готова. Наиболее активная работа над ней заняла, таким образом, вторую половину июля. Тогда же Пушчиным было дописано новое окончание записки, где ясно выражено намерение представить ее верховной власти. Таким образом, мрачные оценки перспектив записки в Петербурге, отразившиеся в переписке Фонвизина с Пушчиным после бесед с Н. И. Пушчиным и П. Д. Горчаковым, отнюдь не изменили направления редакторской работы Пушчина, и записка продолжала приводиться в тот вид, в каком ее надлежало отправить Киселеву. Мы видели ранее, как колебания Фонвизина, возникшие после встречи с Н. И. Пушчиным, сменились новыми надеждами, едва его ободрил отзыв С. М. Семенова; вероятнее всего, что и новые колебания после беседы с Горчаковым столь же легко могли уступить место оптимизму под влиянием настойчивости И. И. Пущина.

Как же разворачивались события дальше? Вернемся пока к судьбе записки «О крепостном состоянии». 26 июня П. Н. Черепанов, благополучно достигнувший столицы, вручил ее сестре Пущина Анне Ивановне³, весьма скептически, впрочем, отнесшейся к возможности успеха проекта брата. В письме от 26 июня она писала: «Что ты думаешь? Что Киселев только и думает о свободе крестьян. Пожалуйста, проснитесь и убедитесь один раз, что собственная польза для каждого из близких царю всего дороже, так они никогда ни на чем настаивать не будут, а только пробуют, чтоб заставить думать, будто они умеют что-либо выдумать! И не осуждайте, всякий такой же будет, как в тот омут попадет»⁴. Но она все-таки решила начать действовать. В приписке к письму другой сестры — Е. И. Набоковой А. И. Пущина писала брату 5 июля: «Хлопотали с твоею рукописью, mon cher Jeannot, и ничего не вышло. Князь Иван⁵ возил к Вяземскому, он ска-

¹ Пушчин на каждом из полученных им неофициальным путем писем ставил дату получения и указывал, кем оно доставлено. На письме от 23 июня, в котором Фонвизин уведомлял Пушчина о высылке записки, имеется помета: «пол[учено] 2 июля» (ОР РГБ. Ф. 243. 4. 31. Л. 30).

² В письме от 10 июля Фонвизин сообщал Пушчину, что посылает ему «записку о некоторых дополнениях». Имеющаяся на «Дополнении» дата — 14 июля свидетельствует только, что письмо 10-го числа отправлено не было. На самом письме помечено: «пол[учено] 18 июля» (Там же Л. 39).

³ ОР РГБ. Ф. 243. З. 12.

⁴ Там же. Л. 4 об.

⁵ Вероятно, И. Л. Шаховской. См. письмо Пущина к Е. П. Оболенскому от 10 декабря 1840 г. («Памяти декабристов». Л., 1926. Т. 3. С. 54) и письмо М. И. Малиновской к И. И. Пушчину (ОР РГБ. Ф. 243. 2. 24. Л. 26).

зал, что не может отдать, не назвавши сочинителей, и тогда будет обыск: как попала без цензуры. А переписать и послать по почте находит ту же невозможность, что будут отыскивать откуда и будто найдут! Но для Вашего спокойствия нужно прибавить, что тут ничего нет нового и что исполнение в теперешнем положении невозможно; все-таки я это у себя оставляю: может, удастся как-нибудь осторожно обработать и Вас потешить»¹. Письмо это Пущин получил 14 августа² и известил об этом Фонвизина, писавшего в ответном письме: «Прокурор доставил мне письмо Ваше, почтенный друг Иван Иванович. Перед этим я получил с Ницковским выправленную и перепи-санную бумагу, за которую я Вас еще не благодарил. Все прибавлен-ное Вами в ней очень хорошо, только по известию, полученному Вами из П[е]т[е]рб[урга], видно, и ей придется пролежать в моем письмен-ном столе»³.

Нет, однако, никаких оснований полагать, как это делает Б. Е. Сыроечковский, что с этого времени «тема записок по крестьянскому вопросу... сходит со страниц их переписки»⁴. Действительно, мы не располагаем дальнейшими письмами 1842 г., которые осветили бы заключительный этап этой истории, но отнюдь не потому, что дру-зья-декабристы перестали интересоваться этим вопросом, как мож-но подумать, прочтя только что приведенные слова. Дело в том, что, с одной стороны, переписка Пущина за октябрь — декабрь 1842 г. во-обще не дошла до нас, а с другой — Пущин и Фонвизин осенью 1842 г. просто не имели нужды в письмах: в начале сентября Пущин приехал

¹ ОР РГБ. Ф. 243 2 38. Л. 26 об.

² Там же. Л. 25; Б. Е. Сыроечковский ошибочно принял его за письмо И. А. Набокова, построив на этом целую концепцию, где «простой и честный» Набоков (когда-то председа-тель суда над участниками восстания Черниговского полка) противопоставлен презирае-мому им будто бы «перетрусившему либералу» Вяземскому. В действительности Набоков, судя по сохранившейся семейной переписке, гораздо менее, чем Вяземский, мог высту-пать в качестве посредника между ссыльными декабристами и верховной властью. В пря-молинейном стремлении разоблачить Вяземского, представив его «бывшим либералом», доведенным «до кошмара» страхом перед III отделением, Б. Е. Сыроечковский опустил такие известные факты, что в 1841 г. Вяземский хранил у себя портфель Пущина с «Конститу-цией» Никиты Муравьева и другими компрометирующими декабристов бумагами (Лето-писи Государственного Литературного музея. М., 1938. Кн. III. Декабристы. С. 280) и в это же самое время своею рукою писал прошение на высочайшее имя о смягчении участи И. И. Пущина (Декабристы и их время / Под ред. М. П. Алексеева и Б. С. Мейлаха. М., Л., 1951. С. 275). Эта позиция Вяземского подтверждается и новым документом 4 июня 1842 г. И. И. Пущин писал Е. П. Оболенскому: «Михайла брат опять поехал в деревню, ос-вежился свиданием с родными. Большая часть знакомых в пол-оборота с ним. Дружнее всех его отыскили в столице Вяземские» (ГА РФ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 92. Л. 201–201 об.).

³ ОР РГБ. Ф. 243 4. 31. Л. 48.

⁴ Сыроечковский Б. Е. Указ соч. С. 315.

в Тобольск для свидания с братом Николаем Ивановичем и вернулся вместе с ним в Туринск лишь в середине ноября¹.

Сохранился еще один документ, позволяющий несколько дальше проследить историю записки «О крепостном состоянии». 15 августа А. И. Пущина писала брату: «Ожидаешь ты сильного переворота от своей тетради, но она еще ведь в частной цензуре, князь² возвратил мне ее с тем, что другой князь³ не может ее выдать за свое произведение, а не сказать, от кого и чье, также неловко; так и не решился в это ввязаться, тем более что в ней нет ничего нового, не придуманного, а большая была бы суетня, ежели б узнали, что было секретное послание; и вообще первый князь нашел, что ежели б прислать прямо от Вас, то хотя и ничего тут нет против общего понятия по сему предмету, но от Вас приняли б как продолжение непорядков ума»⁴. Повторив данную в прежних письмах оценку Киселева, А. И. Пущина тем не менее писала далее: «Не думай, однако, чтоб я совершенно оставила хлопотать об твоих бумагах, Борис Карлович⁵ был как-то у нас, я ему передала тетрадь, прося мне разрешить по прочтении оной, могу ли ее просто на имя по городской почте послать. Но вот уже две недели она у него, и нет еще известия, а ты думаешь, что приводят в действие Ваш проект!»⁶ Письмо это очень примечательно. Оно убедительно доказывает, что в августе 1842 г. и в Сибири, и в Петербурге вовсе не отказались от попыток передать записку Киселеву.

Обращение к Б. К. Данзасу, лицеисту и брату лицейского товарища Пущина, продолжавшему поддерживать дружеские отношения с семьей Пущина, открывало для этого довольно прямой путь. Юрист по образованию, Данзас принимал активное участие в подготовке реформы управления государственных имуществ. С 1837 г. он был членом комитета для рассмотрения проекта о преобразовании управления государственными имуществами⁷. Трудно было найти человека, более подходящего для передачи записки Киселеву или по крайней мере для совета, как поступить в подобной ситуации. Важно также, что Анна Ивановна не отвергала возможности просто послать запи-

¹ ГА РФ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 101. Л. 187, 191

² И. Л. Шаховской (?).

³ П. А. Вяземский

⁴ Еще одно доказательство, что декабристы хотели представить свой проект, не скрывая авторства.

⁵ Данзас.

⁶ ОР РГБ. Ф. 243. З. 12. Л. 6–6 об.

⁷ Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т. Дабелов-Дядьковский. С. 60.

ску по городской почте. Письмо А. И. Пущиной было доставлено Пушину из Туринска в Тобольск, и он получил его 6 октября¹. Какое же влияние должно было оно оказать на судьбу записки «Об указе 2-го апреля 1842 года»? Трудно судить об этом, не имея никаких прямых свидетельств. Кажется, однако, что известие о настойчивой деятельности А. И. Пущиной в Петербурге должно было настроить Фонвизина более оптимистически. Мы видели уже, как подобные известия толкали его к активной деятельности. Кроме того, теперь рядом с ним был И. И. Пущин, настроенный более решительно. Можно предположить поэтому, что Пущин и Фонвизин должны были воспользоваться благоприятной возможностью — возвращением Н. И. Пуцина в Петербург — и отправить с ним вторую свою записку.

Дальнейшая судьба обеих записок неизвестна. Остались ли они у родных Пуцина или Фонвизина (если все же записка «Об указе 2-го апреля 1842 года» была послана), были ли отправлены, а затем похоронены в делопроизводстве Киселева и его чиновников, сказать трудно. Повторим, что письма за осень и зиму 1842 г. в архиве Пуцина отсутствуют, а вся переписка в 1843 г. велась через официальные каналы и сообщить в ней об исполнении тайного плана возможности, конечно, не было.

Есть, однако, еще один документ, который в какой-то степени может пролить свет на дальнейшую судьбу этих записок.

В архиве Фонвизина сохранился черновой автограф одного его письма, в котором ни дата, ни адресат не указаны. Из текста ясно, что это письмо должно было явиться сопроводительным к трем запискам, посылаемым Фонвизиным какому-то крупному государственному деятелю.

В начале письма, говоря о том, что его «долго и постоянно» занимала мысль об освобождении крестьян, Фонвизин писал: «Вы изволите это усмотреть в представляемой при сем брошюре: плод многолетнего мышления — слабое выражение убеждения глубоко-го. В первых двух статьях рассматривается самый вопрос и его решение, третья статья касается новейших эконо-политических теорий, волнующих Западную Европу и которых главный элемент с незапамятных времен существует в России»². Не вызывает никаких сомнений, что последняя из упоминаемых в письме записок — записка «О социализме и коммунизме». Обращаясь в ней к вопросу об об-

¹ ОР РГБ. Ф. 243. 3. 12. Л. 6.

² Там же. Ф. 319 1. 2. Л. 1

щине, Фонвизин писал: «Странный, однако, факт, может быть, многими не замеченный: в России, государстве самодержавном и в котором в большом размере существует рабство, находится и главный элемент социалистических и коммунистических теорий (по пословице: *les extremes se touchent*). Это право общего владения землями четырех пятых всего населения России, т. е. всего земледельческого класса, — факт чрезвычайно важный для прочности и будущего благоденствия нашего отечества»¹.

Чтобы установить по крайней мере время, ранее которого упомянутое письмо не могло быть написано, необходимо датировать записку «О социализме и коммунизме». Из ее текста совершенно очевидно вытекает, что она была написана уже после разгрома революции 1848 г., то есть не ранее весны 1849 г. В конце этого года она существовала уже в готовом виде. Основанием для подобного утверждения служит одно из писем брата М. А. Фонвизина — Ивана Александровича, где последний писал: «Благодарю тебя с[ердечный] д[руг] м[ой] б[рат] М[ихаил] А[лександрович] за поздравление, письма твои от 17, 20 и 21 прошедшего месяца, за обозрение истории филос[офских] сист[ем]... за мысли о плат[оновой] респуб[лике] в сравнен[ии] с нынеш[ним] учением к[оммунизма] и с[оциализма]...» Письмо не датировано². Сохранился, однако, экземпляр «Обозрения истории философских систем», о котором писал И. А. Фонвизин. Дарственная надпись на нем: «Другу моему сердечному брату Ивану Александровичу, подарок на новый 1850 год. Тобольск, декабря 21, 1849 г.»³ доказывает, что упомянутое письмо было послано в начале 1850 г., и, таким образом, записка «О социализме и коммунизме» написана Фонвизиным не позднее конца 1849 г. Следовательно, имеющийся черновик письма М. А. Фонвизина также не мог быть написан ранее 1849 г.

Кому же оно было адресовано и кому предназначались упомянутые в нем записки? Письмо подписано: «В[ашего] В[ысокопревосходительства] всепокорнейший слуга, один из ревностных почитателей Ваших». Скорее всего, письмо предназначалось Киселеву. Вряд ли в числе крупнейших бюрократов конца николаевского царствования мог найтись хотя бы еще один человек, к которому Фонвизин мог бы обратиться с подобным письмом.

¹ Сетевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. Т. II. С. 368; ср. также: ГА РФ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 294. Л. 8–8 об.

² ОР РГБ. Ф. 319. 4. 19. Л. 10

³ Там же. Ф. 214. № 97.

Остается определить, какие записки по крестьянскому вопросу собирался послать Фонвизин при этом письме. Повторение в примечании к записке «О социализме и коммунизме» основной мысли прежнего проекта освобождения крестьян — записки «О крепостном состоянии» дает основание утверждать, что одной из посылаемых записок была именно она.

Сложнее определить вторую записку. Вряд ли в это время, когда неудача указа об обязанных крестьянах была очевидна, Фонвизин мог считать целесообразным направить верховной власти записку «Об указе 2-го апреля 1842 года». Может быть, две посылаемые записки были опять разъединенные «Историческое известие» и собственно записка «О крепостном состоянии»? Без отыскания каких-либо новых материалов ответить на этот вопрос невозможно. Если наши предположения верны и письмо действительно адресовалось Киселеву, то следует предположить также, что по крайней мере записка «О крепостном состоянии» до него в 1843 г. не дошла.

Разъяснить этот вопрос мог бы просмотр сохранившихся в архивах государственных деятелей того времени анонимных записок по крестьянскому делу, пока еще осуществленный лишь частично¹.

* * *

Переходя к анализу созданных Фонвизиним записок по крестьянскому вопросу, следует отметить две их важные особенности: 1) они возникли в период, не открывавший никаких надежд на возможность повторения попытки дворянской революции; 2) вследствие этого они были обращены к правительству и рассчитаны на освобождение крестьян «сверху». Обдумывая пути решения крестьянского вопроса, Фонвизин не видел никаких других возможностей отменить крепостное право и осуществить насущные для будущего России преобразования. Вряд ли, однако, мы вправе его за это упрекнуть. К Фонвизину, на наш взгляд, можно отнести мысль В. И. Ленина, высказанную им в отношении Герцена: «Не вина Герцена, а беда его, что он не мог видеть революционного народа в самой России в 40-х годах»². В сложившихся условиях оставалось пытаться воплотить в жизнь одно из программных положений декабризма — отмену крепостного права —

¹ В. И. Семевский, работавший с архивом П. Д. Киселева, их в нем не обнаружил (*Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и в первой половине XIX века. Т. II. С. 85*).

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 263.

путем воздействия на правительство. С правительством же следовало говорить понятным для него языком. Этим соображениям была подчинена последовательность и структура аргументации Фонвизина. Эту черту фонвизинских проектов по крестьянскому вопросу следует все время иметь в виду при анализе их содержания и значения.

Взгляды Фонвизина на решение крестьянского вопроса нашли свое наиболее полное и последовательное выражение в записке «О крепостном состоянии». Идеям изложенного в ней проекта освобождения крестьян Фонвизин оставался верен на протяжении всей своей жизни¹.

В начале записки он писал: «Беспристрастный взгляд, брошенный без омрачения ложными расчетами своекорыстия на внутреннее состояние государства, убеждает, что рабство есть главное несовершенство общественного состава. В настоящем, замедляя успехи просвещения, останавливая ход гражданственности и препятствуя полному развитию того общего благоденствия, которого Россия своими естественными способами могла бы достигнуть, оно в будущем угрожает ее спокойствию»². Кратко характеризуя затем упадок помещичьего хозяйства и его причины, Фонвизин приходил к выводу, что крепостное право превратилось в тормоз экономического развития России. Он писал: «Неудачи, испытываемые владельцами имений при введении в них улучшенных методов земледелия и вообще системы рационального сельского хозяйства, несравненно многосложнейшего, происходят от невозможности согласить его с существованием крепостных работников». Указывая на то, что в европейском рациональном фермерском хозяйстве применяется наемный труд, а орудия производства принадлежат владельцу фермы, Фонвизин справедливо заключал: «Такого рода экономическое устройство трудно и почти невозможно согласить с существованием нашей так называемой барщины»³. Аналогичные рассуждения содержатся и в записке «Об указе 2-го апреля 1842 года». Крепостное право привело к тому, что сельское хозяйство России, по словам Фонвизина, «находится в состоянии младенчества». Следовательно, Фонвизин ясно понимал основную причину отсталости России и отчетливо представлял себе,

¹ В примечании к записке «О социализме и коммунизме», написанной, как показано выше, в 1849 г., Фонвизин повторил основные идеи своего проекта 1842 г. (ГА РФ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 294. Л. 8 об.).

² Библиотека декабристов. М., 1907. Вып. 4. С. 109–110.

³ Там же. С. 112.

на чем основано прогрессивное для того времени капиталистическое сельское хозяйство.

Не останавливаясь подробно на положении самих крестьян, Фонвизин указывал лишь, что по своему положению они «могут быть поставляемы на одну ступень с бессловесными тварями и неодушевленными вещами». Крепостные, по его мнению, «начинают понимать возможность другого порядка», что может повлечь за собой крестьянское восстание. «Запутанный узел взаимоотношений крестьян и помещиков необходимо развязать, — писал Фонвизин, — горе, если он расторгается внезапно и насильственно!» Как видим, угроза крестьянской революции занимала не последнее место в мотивировке необходимости для правительства стать на путь преобразований, не дожидаясь взрыва¹.

Во второй записке из всего этого остался только один, решающий, с точки зрения автора, аргумент: невозможность экономического прогресса при господстве крепостного труда.

Обращаясь непосредственно к возможным путям освобождения крестьян, Фонвизин писал: «Самодержавная власть в состоянии совершить бессмертный подвиг, который навсегда упрочит благоденствие России». Прежде чем перейти к самому плану реформы, он выдвигал четыре условия, которые должны были лечь в ее основу, расположив их в последовательности, идущей от моментов, наиболее близких верховной власти: «1) уважение к неприкосновенности права собственности дворян; 2) сохранение его политического значения; 3) избежание в исполнении всякой внезапности и приведение в действие этой меры постепенно; 4) обеспечение будущего состояния крепостных, освобожденных от рабства»².

¹ Среди подготовительных материалов к записке сохранилось дополнение к этому месту (ГА РФ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 296. Л. 20), посланное Фонвизиным Пушину с письмом от 22 мая 1842 г. (ОР РГБ. Ф. 243. 4. 31. Л. 22 об.). Попробовав изложить подробнее причины крестьянских выступлений и их возможные формы с целью усилить свой аргумент об угрозе возмущения крестьян, Фонвизин ощутил, по всей вероятности, неизбежность сближения с позицией и терминологией самодержавия в этом вопросе. Иначе и нельзя было рассуждать об этом предмете в записке, адресованной верховной власти. Именно это, очевидно, и заставило его усомниться, стоит ли становиться на этот путь. Посылая дополнение Пушину, он писал: «Отдаю на Вашу волю — включать этот период или нет». Пушин отверг это дополнение, и оно не вошло в основной текст записки. Между тем Б. Е. Сыроечковский, излагая часть записки, посвященную угрозе крестьянского восстания, в центр внимания поставил отвергнутое Фонвизиним и Пушиным дополнение (нигде этого не оговорив) и на его основании построил весь анализ (*Сыроечковский Б. Е. Указ. соч. С. 317*). Чтобы подкрепить свои выводы, он привлек при этом высказывания Фонвизина из записки «О социализме и коммунизме», игнорируя тот факт, что в ней отразились совсем иные события, а именно: участие пролетариата в революции 1848 г.

² Библиотека декабристов. Вып. 4. С. 113–114.

Сама реформа, основанная на соблюдении выдвинутых условий, по плану Фонвизина, состояла в том, что государство должно было купить «по вольной цене всех находящихся в дворянском владении крестьян и дворовых людей с землями, на которых они поселены»¹. Иными словами, в основу освобождения крестьян закладывалась совершаемая правительством выкупная операция.

Помещик мог продать имение целиком или, если он намеревался продолжать занятия земледелием, частично. В последнем случае владельцы получали право «удержать за собою половину или треть земель, им принадлежащих, с усадьбами, хозяйственными, хлебопашественными, мануфактурными заведениями, садами, мельницами, рыбными ловлями, лесными дачами и т. п.» Малоземельные помещики могли вообще ограничиться продажей одних только крестьян, которых правительство обязывалось переселить в ближайшую казенную волость².

Фонвизин предлагал правительству «для предупреждения всяких толков и для избежания внезапности» приступить к покупке имений как частному лицу или даже ограничиться вначале приобретением тех из них, которые уже были предназначены к продаже за казенные или частные долги. «Впоследствии, — писал он, — когда все ознакомится с этой мерой и убедится в ее пользе, правительство может предложить ее дворянским собраниям каких-либо губерний и с ними вместе сделать верную и беспристрастную оценку всем имениям, купить их разом на вышеприведенных условиях, а в следующие годы продолжать то же в прочих губерниях»³.

Не отвергая возможности сопротивления помещиков освобождению крестьян, Фонвизин предлагал в этом случае «издать постановления, ограничивающие злоупотребления власти помещиков с возложением строгой ответственности на начальников, обязанных наблюдать за исполнением». По его мнению, это возродило бы «общее желание сбыть с рук крестьян своих на столь выгодных условиях». Таким образом, Фонвизин отнюдь не исключал мер насилия по отношению к тем помещикам, которые противились бы проведению реформы⁴.

¹ Библиотека декабристов. Вып. 4 С. 114.

² Там же.

³ Там же. С. 117.

⁴ Там же С. 122; Этого совсем не заметил Б. Е. Сыроечковский, утверждавший, что реформа должна быть, по мысли Фонвизина, «проведена без насильственного принуждения к ней помещиков» (Сыроечковский Б. Е. Указ. соч. С. 318).

Сохранив в своих руках некоторое количество земли и получив от правительства после погашения лежавших на имениях долгов определенный капитал, помещики, лишенные крепостных, вынуждены были бы стать на капиталистический путь ведения хозяйства — в сфере земледелия или промышленности. Прямо указывая на это, Фонвизин писал: «При недвижимой собственности дворянские денежные капиталы, свободные от долгов, могут быть с пользою употреблены по всем отраслям промышленности. Земледелие и мануфактуры получают от того новую жизнь и могут достигнуть цветущего состояния под руководством просвещеннейшего в государстве сословия. Не имея рабов и производя работы вольными людьми, дворяне должны будут употреблять все старание и попечительность хозяев, от умения и прилежания которых зависят успехи всякого рода производительности»¹.

Таким образом, осуществление проекта Фонвизина открывало путь для развития крупного капиталистического производства в сельском хозяйстве России. Одновременно усилился бы приток новых капиталов в промышленность.

Отказавшиеся от занятий сельским хозяйством помещики могли бы, по мнению Фонвизина, посвятить себя исключительно государственной службе, в которой он видел главное назначение дворянства².

Выступая за отмену всех феодальных привилегий дворянства в области экономических отношений, Фонвизин одновременно заботился о сохранении его политического значения. С этой целью проект предусматривал сохранение всех прав дворянства в службе по выборам и участия в них не только для помещиков, сохранивших земельные владения, но и для тех, у кого оставались только полученные за землю облигации. Дробление облигаций, кроме раздела по наследству, запрещалось. Владеть ими могли только потомственные дворяне³.

Каким же видел Фонвизин положение освобожденных крестьян? Отметим прежде всего, что условием успешного проведения реформы он считал наделение крестьян достаточным количеством земли⁴.

¹ Библиотека декабристов. Вып. 4. С. 118.

² Там же. С. 118–119.

³ Там же. С. 117

⁴ Он писал: «Предоставя владельцам имений при продаже право удержать за собою половину или треть земель... правительство может купить крестьян с достаточным количеством земли» (Там же. С. 114).

Однако точного указания на количество земли, которое должен был получить каждый крестьянин, в проекте нет. До окончания выкупной операции и невозможно было точно определить количество помещиков, решившихся оставить за собой половину или треть земли и продолжать вести на ней хозяйство, а, следовательно, — земельные площади, перешедшие в руки государства. Однако в любом случае крестьяне получили бы более половины помещичьей земли. О представлениях Фонвизина о достаточном для обеспечения крестьянина количестве земли можно приблизительно судить по приведенному им в примечании к записке «Об указе 2-го апреля 1842 года» примеру известного ему процветавшего хозяйства. Работая на помещика исполу, крестьяне располагали для своих нужд половиной земли, составлявшей 225 десятин. Надел на ревизскую душу при этом равнялся 3,75 десятины (см. ниже, примечания).

Вторым и существеннейшим условием реформы Фонвизин считал предоставление крестьянам, освободившимся от крепостной зависимости, такого же права владения землей, какое, по его мнению, было предоставлено государственным крестьянам¹. В этих двух условиях Фонвизин видел гарантию превращения крестьян не в пролетариев, какими они станут, «если... они останутся на владельческих землях и будут иметь право свободного перехода»², а в обеспеченных свободных владельцев земли³.

Освобождение крестьян, таким образом, по мысли Фонвизина, должно было стать полным и окончательным: у них не сохранялось никаких обязанностей перед помещиком. Предусматривалась, следовательно, коренная ломка феодальных отношений в помещичьей деревне.

Проблема сельской общины и ее значения в будущих социально-экономических преобразованиях России, так занимавшая Фонвизина позднее, при написании записок «О социализме и коммунизме» и «О подражании европейцам», в записке «О крепостном состоянии» упоминается лишь вскользь. В ней внимание сосредоточено главным

¹ Библиотека декабристов. Вып. 4. С. 119.

² Там же.

³ Остановившись на том, как смотрел Фонвизин на будущее положение крестьянства, Б. Е. Сыроечковский обошел такой важный момент, как наделение крестьян «достаточным» количеством земли, а указывая условия, на которых должна была проводиться реформа, исключил из поля зрения четвертое условие — обеспечение благосостояния освободившихся крестьян. В результате вся линия записки Фонвизина, направленная на защиту крестьянства, оказалась изложенной крайне односторонне (Сыроечковский Б. Е. Указ. соч. С. 318).

образом не на общинном землепользовании, а на волостном самоуправлении, «древняя самобытность» которого должна достигнуть в новых условиях еще большего развития¹.

Для первоначального управления выкупленными крестьянами Фонвизин предлагал использовать принимающие участие в выкупной операции банки, предварительно объединив их: «Соединив в одно общее управление все эти банки, правительство могло бы возложить на него самую покупку и первоначальное заведывание покупаемыми имениями»². Следовательно, освобожденные крестьяне должны были не причисляться к государственным и поступать в ведение Министерства государственных имуществ, не получая при этом права перехода, как это утверждал Б. Е. Сыроечковский³, а составить особую группу. Это подтверждается и тем, что освобожденные крестьяне «уравнивались» в правах с государственными, а отнюдь не включались автоматически в их состав.

Чтобы обеспечить получение государством 5% дохода с капиталов, употребленных на выкуп, Фонвизин предлагал установить на все время выкупной операции единообразный оброк по пяти рублей серебром с души, с учетом при этом местных особенностей и дифференциацией его в соответствии с ними. Таким образом, выкупленные крестьяне, феодальная зависимость которых от помещика прекращалась, не должны были платить феодальную ренту и государству. Она заменялась участием их в выкупной операции: пятипроцентный оброк шел на увеличение капитала, ассигнуемого правительством на выкуп. Кроме этого, освобожденные крестьяне облагались также налогом на «покрытие издержек по управлению»⁴.

По окончании выкупной операции проект предлагал «поверстать» освобожденных крестьян с государственными и тем самым умножить доход государства⁵. Шла ли речь о возложении на освободившихся крестьян такой же суммы налогов, какая лежала на крестьянах государственных, или они должны были, в конце концов, просто войти в число последних, из записки не очень ясно. С точки зрения наших современных воззрений, эти варианты принципиально отличаются друг от друга: государственный крестьянин, платящий государству оброк за пользование землей, продолжает таким образом не-

¹ Библиотека декабристов. Вып. 4. С. 119.

² Там же. С. 115.

³ Сыроечковский Б. Е. Указ. соч. С. 118.

⁴ Библиотека декабристов. Вып. 4. С. 116.

⁵ Там же. С. 118.

сти по отношению к нему феодальные обязанности, от которых был бы свободен выкупленный крестьянин, просто платящий налог.

Однако не нужно забывать, что Фонвизин, как и многие его современники, считал крестьян, поселенных на государственных землях, свободными. В IX томе Свода законов, вышедшем в 1832 году, государственные крестьяне относились к категории «свободных сельских обывателей» со всеми вытекающими отсюда правами¹. Характерно, что даже такие крупные бюрократы, как Сперанский и Канкрин, «склонны были отличать имущество казенного ведомства от земельной собственности крестьянских обществ»².

Выкупная операция по проекту Фонвизина должна была совершаться следующим образом. Выкуп в зависимости от желания владельцев должен был производиться либо на наличные деньги, либо на государственные пятипроцентные облигации. Цена одной ревизской души была определена Фонвизиним в 100 рублей серебром (при этом не учитывалась стоимость того имущества, которое помещики могли оставить за собой). Таким образом, капитал, необходимый для выкупа 10 млн помещичьих крестьян, должен был составить 1000 млн рублей серебром.

Фонвизин указывал несколько возможных путей мобилизации таких средств:

- 1) включение в сумму платежей долгов, лежащих на дворянских имениях. По его мнению, это уменьшило бы требуемую сумму сразу на треть;
- 2) использование значительных капиталов, находящихся в различных кредитных учреждениях, теряющих свое прежнее значение с уничтожением крепостного права;
- 3) разрешение зажиточным крестьянам переходить «в сословие городских обывателей с тем, чтоб они внесли в казну сумму, за них плаченную»;
- 4) уменьшение государственных расходов. С этой целью Фонвизин предлагал вдвое сократить армию, доказывая, что это, не поколебав могущества России, сразу могло бы дать искомую сумму³.

Оброк, получаемый от выкупленных крестьян, должен был использоваться двояким путем: на погашение процентов по облигаци-

¹ Свод законов Российской империи. СПб., 1832. Т. IX. С. 121–167.

² Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М., Л., 1946. Т. I. С. 33.

³ Библиотека декабристов. Вып. 4 С. 114–115, 119.

ям и на увеличение капитала, ассигнуемого правительством на выкуп.

Наконец, в случае нехватки всех указанных средств, Фонвизин предлагал увеличить их «общим налогом, учрежденным для столь важной цели».

Предполагая, что правительство будет ежегодно выделять из государственных доходов по 30 млн рублей серебром и выпускать на 30 млн облигаций, Фонвизин рассчитывал, что освобождение крестьян произойдет в течение 14 лет, оговаривая, что эта операция может ускориться или замедлиться. Непосредственный выкуп в соответствии с проектом должны были осуществлять организованные кредитные установления¹.

Таким образом, выкупная операция производилась по проекту Фонвизина в основном на средства государства. Крестьяне участвовали в ней лишь частично. Таков в общих чертах план освобождения крестьян, изложенный Фонвизиним в записке «О крепостном состоянии».

* * *

В отличие от нее, записка «Об указе 2-го апреля 1842 года»² решала более ограниченную задачу: содействовать тому, чтобы реализация указа об обязанных крестьянах оказалась шагом к серьезным социально-экономическим преобразованиям.

Сообщая Пушкину о своих впечатлениях от только что прочитанного указа, Фонвизин 13 мая 1842 г. писал: «Читали ли Вы указ, помещенный в 30 № „Моск[овских] ведом[остей]?” Это просто попытка для узнания общественного мнения, и при том говорят, что уговаривают некоторых из приближенных ко двору делать условия с их крестьянами»³. В тексте записки фигурирует та же мысль, несколько иначе выраженная в соответствии с иным адресатом: указ 2-го апреля называется «мудрым внушением, которым верховная власть желает дать почувствовать дворянству несообразность прав его в отношении к принадлежащим ему крепостным...»

¹ Библиотека декабристов. Вып. 4. С. 115–116, 121–122.

² Эта записка никогда не публиковалась и известна только по извлечениям, приведенным в книге В. И. Семевского, полный текст ее помещен ниже, в приложении. Это позволяет нам ограничиться здесь лишь анализом ее основных идей.

³ ОР РГБ. Ф. 243. 4. 31. Л. 17 об.

Ограничиваясь в оценке практического значения указа цитатой из статьи анонимного немецкого публициста, видевшего в нем лишь первый шаг в обширной системе преобразований, Фонвизин выражал надежду на то, что этот шаг будет поддержан дворянством. Однако все последующие рассуждения Фонвизина показывают, что на самом деле эти надежды у него были не так уж велики: он предвидел лишь возможность того, что на предложенный указом путь встанет около трети помещиков, главным образом владельцев оброчных имений. Поэтому вся сумма его предложений была направлена к тому, чтобы создать условия, способствующие реализации указа, невзирая на сопротивление дворянства.

Среди этих мер наиболее существенной нам представляется ликвидация сословной монополии дворянства на покупку населенных имений и предоставление этого права представителям всех сословий вплоть до государственных крестьян. Возлагаемая при этом на помещиков обязанность заключать с крестьянами условия, соответствующие указу от 2 апреля, должна была быстро расширить круг имений, где отношения крестьян с помещиками зиждились бы на этой новой основе.

Не ограничиваясь этим, Фонвизин предлагал меры принуждения дворян к реализации указа и меры поощрения новых владельцев из других сословий.

Так же как и в записке «О крепостном состоянии», Фонвизин придавал особое значение деятельности самого правительства по превращению помещичьих имений в казенные, с обязательным обращением при этом крестьян в обязанные.

Что же, по мнению Фонвизина, могло дать для экономического прогресса России превращение крепостных крестьян в обязанных, чьи отношения с владельцами должны были быть точно определены? По его мнению, даже и при этих условиях открылась бы возможность не только для более рационального ведения хозяйства, но и для постепенного преобразования крепостной деревни в систему ферм по западному образцу. Этот пункт записки Фонвизина, утверждавший возможность преобразования аграрных отношений при сохранении крепостного права, мог бы вызвать недоумение и, как кажется на первый взгляд, противоречил всей его программе, изложенной в записке «О крепостном состоянии». Следует, однако, иметь в виду, что в обязанных крестьянах он видел крестьян уже

свободных, хотя и не полностью¹. Фонвизин считал, что широкое распространение этих новых отношений крестьян с помещиками, быстро продемонстрировав все свои очевидные выгоды, неизбежно поведет к новым мерам, которые кардинально разрешат этот вопрос.

Подводя итоги рассмотрения взглядов Фонвизина на крестьянский вопрос и разработанного им плана отмены крепостного права, надо прежде всего отметить их прогрессивный характер. Считая важнейшим пунктом своей программы освобождение крестьян с землей, он видел конечную цель в создании из крепостного крестьянства свободных земледельцев, чья жизнь вполне обеспечивается их собственным хозяйством. Помещичье хозяйство должно было преобразоваться в систему ферм, обслуживаемых с помощью наемного труда. Сохраняя за дворянством его политические привилегии, программа Фонвизина открывала всем сословиям государства дорогу для проникновения в социально-экономическую сферу. Вряд ли можно с достаточной уверенностью отнести план будущего социально-экономического развития русской деревни к «прусско-му» или «американскому» пути: он не отвечает ни тому, ни другому. В нем скорее на первый план выступают черты утопизма, сказывающиеся, во-первых, в стремлении сочетать полную экономическую независимость крестьянства с развитием крупного капиталистического производства, для которого требуется вольнонаемный труд, и, во-вторых, в самой апелляции к самодержавию в условиях николаевского царствования. Утопичным является и предположение, выраженное в записке «Об указе 2-го апреля 1842 года», о возможности развития фермерского хозяйства как одном из следствий реализации этого указа.

Однако свойственные программе Фонвизина известная противоречивость и утопичность не могут изменить общей оценки этой программы, лежащей в круге наиболее прогрессивных воззрений своего времени.

¹ ОР РГБ. Ф. 243. 4. 31. Л. 28 об.

*Приложение***Записка об указе 2-го апреля 1842 года¹**

В начале нынешнего столетия² покойный император Александр I, движимый чувствами просвещенного человеколюбия, положил начало важному преобразованию в нашем отечестве: в 1803 году издано положение о свободных хлебопашцах, позволяющее дворянству увольнять крестьян своих с уступкою им в собственность известной части помещичьих земель за вознаграждение³, определенное взаимным условием, которое заключается с утверждения верховной власти. Но этот первый в нашем законодательстве опыт освобождения крепостных целыми селениями, к сожалению, не имел желаемого успеха, вероятно, потому, что дворянство неохотно соглашается на отчуждение наследственной вотчинной собственности, необходимо требуемое положением 1803 года. Таким образом, в продолжение 39-летнего существования этого закона число населения, освободившегося из крепостного состояния, чрезвычайно незначительно: по всей России едва ли достигает 100 т[ысяч] душ.

В нынешнем году в дополнение правил, постановленных о свободных хлебопашцах, обнародован высочайший указ, которым предоставлено дворянству право заключать со своими крестьянами договоры на отдачу им участков земли в пользование за условленные повинности. Крепостные, заключившие такой договор, принимают название обязанных крестьян.

Этот закон, восполняющий недостаток в положении о свободных хлебопашцах, которое произвело столь незначительное действие, выражает мудрые и человеколюбивые намерения правительства, желающего улучшить состояние многочисленного класса кре-

¹ Как было уже сказано выше, сохранились две редакции этой записки: автограф Фонвизина с исправлениями и дополнениями рукою Пущина (ГА РФ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 296) и список рукою обычного переписчика Фонвизина П. Д. Жилина, учитывающий правку Пущина и, очевидно, еще некоторые исправления Фонвизина, сделанные после получения записки от Пущина (Там же. Ф. 1706. Оп. 2. Д. 1). Переписанный Жилиным текст был еще раз собственноручно отредактирован Фонвизиним. Текст записки приводится нами по этой окончательной редакции. Для того чтобы показать характер участия Пущина в работе над запиской, мы приводим в примечаниях все исправления, имеющие смысловое значение. Слова, подчеркнутые Фонвизиним, переданы курсивом.

² После этого в автографе записки следовал зачеркнутый впоследствии текст: *когда уже почти во всех европейских государствах были изглажены остальные черты феодального угнетения отменением крепостного состояния земледельцев.*

³ Известной части и вознаграждения в автографе записки вписаны рукой Пущина.

постных земледельцев, не нарушая права собственности дворянства. Постепенное и своеобразное развитие сего важного политического факта обещает России давно¹ необходимое исправление одного из главных несовершенств ее общественного состава: я разумею неправильность отношений между владельцами недвижимых имений и безусловно зависящими от них крепостными земледельцами.

Закон, о котором идет речь, не заключая в себе распоряжений обязательных, требующих непрямого исполнения, скорее может быть почитаем мудрым внушением, которым верховная власть желает дать почувствовать дворянству несообразность² прав его в отношении к принадлежавшим ему крепостным, которых благосостояние, собственность и даже самая личность при настоящем порядке вещей не ограждены никакими постоянными и определенными постановлениями. Правительство в этом указе преподает наставление, как ввести в отношения дворян к крепостным новый, лучший порядок, который был бы основан на прочных началах, обеспечивающих права и выгоды³ как владельцев, так и подвластных им: оно принимает на себя утверждение этих новых добровольных⁴ отношений⁵ и самое ручательство в точном исполнении заключенных обоюдных условий. Таким образом, правительство обеспечивает дворянство насчет исправного получения с вотчин доходов, которые с некоего времени сделались так неположительны и неверны, и явно объявляет готовность охранять благосостояние крестьян, обещая им в случае притеснений законную защиту и покровительство, которых они лишены в настоящем положении, не имея⁶ даже права приносить жалобы на угнетения. Рассматривая новый закон, столь важный по тем благим последствиям, которых от него можно ожидать, я приведу мнение одного немецкого публициста о несомненном его достоинстве. Прусская газета (Preussische Staatszeitung. № 26. 1842 г.), беспристрастно оценив указ 2-го апреля, замечает весьма основательно,

¹ В автографе записки вместо *давно* — *столь*.

² В автографе записки после *несообразность* следовал не вошедший в окончательный вариант текст: *с началами вечной справедливости настоящих*.

³ *Были... выгоды* вписано в автограф записки рукою Пущина вместо зачеркнутого: *бы в себе содержал стихию прочности, и предлагает способ поставить этот порядок на основании более рациональном, в котором бы находилось обеспечение обоюдных польз*.

⁴ *Добровольных* вписано в автограф записки рукою Пущина.

⁵ В автографе записки после *отношений* следовал зачеркнутый впоследствии текст: *в которые они пожелают вступить*.

⁶ *Которых*. . не имея исправлено рукою Пущина в автографе записки, первоначальный вариант: *которым они в настоящем положении своем весьма слабо ограждены*.

что это первый и в высокой степени осторожный шаг к постепенно-му введению в отношении дворянства к крепостному классу законности вместо произвола, поныне царствующего в этих отношениях; далее говорит, что новый закон не должен быть принимаем за распоряжение отдельное, что он, в сущности, есть постановление, которое необходимо воззовет из небытия целое новое законодательство. Благотворный, человеколюбивый и исполненный духом отеческой любви к своей стране, этот закон, как замечает немецкий публицист, преодолет, наконец, и, вероятно, очень скоро все препятствия и принесет самые вожделенные плоды.

Дай бог, чтоб эти прекрасные надежды вполне осуществились ко благу нашего отечества и чтобы просвещенное русское дворянство, постигнув всю важность предложенного ему закона, с патриотическою ревностью устремилось по верному и безопасному пути к улучшению как собственного, так и крестьян своих положения. Но если бы даже дворянство, увлекаясь ложными видами своекорыстия, и отвратило слух свой от благодетельных внушений правительства, если б оно отказалось в усердном содействии, то я полагаю, что и в таком случае верховная власть, не употребляя понудительных средств, могла бы достигнуть своей цели и распространить благотворное действие указа об обязанных крестьянах.

Здесь естественным образом представляется вопрос: *по каким соображениям от этого закона можно ожидать ближайших и прямых следствий и какие новые меры, предпринятые в том же духе, могут способствовать к дальнейшему его развитию?*

Чтобы отвечать на этот вопрос, я считаю нужным предваритель-но рассмотреть, хотя в общих чертах, настоящее положение дворянских имений, их экономическое устройство и войти в некоторые подробности состояния крепостного населения.

Известно, что дворянство владеет вотчинами во всех губерниях, кроме северных: Архангельской, Олонецкой и Вятской, где дворяне-владельцы составляют чрезвычайно малое и незначительное исключение. В Сибири, можно сказать, помещиков вовсе нет, к тому же недавним постановлением здесь запрещено заселять крепостных на землях, отведенных частным лицам для устройства каких-либо хозяйственных заведений.

Дворянские вотчины или платят господам своим денежный оброк, или состоят на изделье, т. е. работают на господ, возделывая их земли и занимаясь работами на фабриках и заводах, где таковые по-

мещиками учреждены. Число оброчных крестьян содержится приблизительно к издельным как 1 : 3.

Оброчные имения преимущественно находятся в губерниях: Ярославской, Владимирской, Костромской, Нижегородской, частично в Калужской, Московской, Рязанской, Тверской, Новгородской, Псковской, С.-П[етер]бургской, Вологодской, Симбирской. Дворянство почти исключительно получает доходы от хлебопашества в губерниях: Тульской, Орловской, Смоленской, Курской, Тамбовской, Воронежской, Саратовской, Пензенской, Казанской, Оренбургской, кроме уездов при Уральских горах, в которых, как и в Пермской губернии, крепостные приписаны к заводам, принадлежащим частным владельцам, занимаются горнозаводским делом и состоят на особом положении, определяемом горными узаконениями. В губерниях хлебопашественных: Малороссийских, Харьковской, Белорусских, Литовских, Минской, Волынской, Каменец-Подольской, Киевской, Новороссийских, в земле донских казаков в Миусском округе, в котором находятся все имения, населенные крепостными донского дворянства, также и в Кавказской области оброчные крестьяне весьма редкое исключение. В Астраханской, очень малонаселенной, почти нет помещиков. В губерниях Остзейских крепостное состояние совершенно уничтожено, а в Бессарабии крестьяне, живущие на дворянских землях, состоят на особых правах и большая часть из них цыгане.

В оброчных имениях вообще крестьяне, владея всеми землями, платят господам положенный оброк денежный по душам или тяглам; этот оброк редко возвышается. За исправный взнос его отвечает вся вотчина или так называемый мир, которому предоставлена и раскладка оброка. В оброчных имениях редко живут владельцы; эти вотчины обыкновенно управляются избираемыми миром бурмистрами или старостами на бессрочное или определенное время с утверждением помещика. Эти сельские начальники собирают оброк и казенные повинности и вносят их по принадлежности. Они разбирают спорные дела между крестьянами, составляют первую степень полицейской и судебной власти¹, отвечают перед земским начальством за порядок и тишину управляемых ими вотчин и исполняют законные его требования. Управление оброчными вотчинами, особенно обширными и многочисленными, принадлежащими знатному дворянству, весьма сходно с волостным управлением государствен-

¹ Составляют... власти *вписано* в автограф записки неизвестной писарской рукой. Это дополнение содержалось в письме Фонвизина от 16 июня.

ных крестьян, с той, однако, существенной разницей, что последнее утверждено законом на основании неперменном, тогда как оброчные вотчины, завися от произвола владельцев, могут подвергнуться всякого рода переменам. Несмотря на то, большая часть населения оброчных имений находится не только в состоянии безбедном, но даже цветущем. Жители преимущественно упражняются в торговле, мануфактурной и ремесленной промышленности, хлебопашество во многих местах¹ есть второстепенное для них занятие, производимое стариками и женщинами за отсутствием всех молодых и взрослых мужчин, которые для каменной, печной, плотничной и других работ артелями отходят в столицы и другие города. В некоторых оброчных вотчинах заведены крестьянами разного рода фабрики и заводы, занимающие много рук. Жители берегов Волги и ее притоков в местах, изобилующих лесами, строят на продажу расшивы и барки, в летние месяцы занимаются судоходством по Волжскому и Северо-Двинскому водным сообщениям, также и по Оке, водят суда до Петербурга, Москвы и Архангельска. По зимам извоз составляет общий промысел всех русских крестьян. Такая многообразная промышленность и свобода в ней упражняться есть обильный источник довольства и даже богатства оброчных вотчин, из которых некоторые по многолюдству, живой деятельности и красивой постройке превосходят многие уездные города (1). Но и здесь недостает главного², законного обеспечения настоящего положения в будущем.

Взглянув на светлую сторону крепостного быта, посмотрим на другую, не совсем привлекательную и затемненную мрачными пятнами: я хочу говорить об экономическом устройстве дворянских вотчин, состоящих на изделе, и о положении их крепостного населения.

Общий характер вотчин на изделе состоит в обязанности жителей обрабатывать господские поля так называемой барщиной или сгоном. Так как здесь владевает произвол владельцев или их приказчиков, то сельское хозяйство и участь крепостных зависит совершенно от добрых или худых нравственных качеств господ, от их попечительности или нерадения, справедливости или корыстолюбия и часто от одной прихоти. Поэтому на всем пространстве России поражают всякого³ разнообразие и противоположности, встречае-

¹ Во многих местах вписано в текст Фонвизиним.

² Главного вписано в автограф записки Пушкиным вместо одного.

³ Поражают всякого вписано в автограф записки Пушкиным вместо замечается такое.

мые в крепостном быте, постепенность от совершенного благосостояния до крайней нищеты в дворянских вотчинах. Часто в одном и том же уезде и даже рядом встречаешь два имения, которых крестьяне в одном живут в полном довольстве, а в другом доведены до крайнего разорения. Обыкновенно половину пашни и лугов крестьяне обрабатывают на помещика; а другую, разделенную на участки по тяглам, на себя. В хорошо устроенном хозяйстве крестьяне работают на господина, по принятому выражению, брат на брата, т. е. одна половина тягловых работников с женами ходит на барщину, другая занимается своею работою. По обычаю в тягло поступают юноши от 17-ти лет, а освобождаются от тягла 50-ти, а иногда 60-летние старики. Закон, определяющий три дня работы в неделю на господина, а три дня на себя, не везде строго соблюдается, есть помещики, которые во время полевых работ и сенокоса заставляют крестьян поголовно обрабатывать господские поля или луга в хорошую погоду, уступая им ненастные дни для собственной работы. Разделение земель между владельцами и крестьянами не везде уравнительно, если не в количестве, то в качестве: бывают случаи, что при перемене владельца по наследству или при продаже имения новый господин, устраивая свое хозяйство, отрезывает лучшие полосы и конопляники от крестьянских полей, а взамен отдает худшие свои участки. Кроме хлебопашества и уборки сена крестьяне обязаны давать господину подводы для перевозки сельских произведений на продажу, иногда в места отдаленные. Эта повинность не везде одинакова, у некоторых владельцев она чрезвычайно¹ обременительна для крестьян. К этому должно присовокупить разные поборы в натуре, не повсеместно, однако, взимаемые, и неодинаковые по их качеству и количеству. Такие поборы состоят из баранов, живности, масла, яиц, холста, сушеных ягод, грибов и т. п. Я знал в Украине одну богатую помещицу, которая простерла изобретательность свою в налогах до того, что собирала отрезанные косы с крестьянских баб и девок; каждая из них в продолжение известного числа лет должна была жертвовать своим природным годовым убором или откупаться определленною денежною податью. Не смею говорить, до какой степени в нравственном отношении доходит иногда злоупотребление власти некоторых помещиков. Тут встречаются картины до того ужасные, что с трудом можно решить их описывать. Забыт голос природы и человечества! Безнаказанно

¹ Она чрезвычайно вписано в автограф записки Пущиным вместо *весьма*.

совершаются неистовства, противные религии и чести, под мраком неизвестности страдают и гибнут жертвы владельца, который считает все созданным для одной своей прихоти¹.

В некоторых издельных вотчинах заведены разного рода фабрики и винокуренные заводы. Хозяева расчетливые, понимающие истинные свои выгоды, не из филантропических побуждений, а из опасения разорить крестьян² производят работы на фабриках и заводах вольнонаемными работниками за задельную плату, но есть владельцы, требующие такой работы от барщины: у таких помещиков крестьяне большею частью доведены до самого жалкого состояния.

В имениях, где живут сами владельцы, крестьяне обязаны им различными личными службами, как, например: поставкою дров, лишними подводами, плотничною и другими работами в усадьбе, уборкою садов и огородов. Но несмотря на все это, состояние крестьян еще хуже, когда деревнями управляют приказчики³ за отсутствием помещиков, которые скорее берегут их как свою собственность, нежели наемники, которым временно вверяется их участь⁴. Наемные или крепостные управители большею частью⁵ угнетают крестьян. Эти люди, не получившие никакого образования и часто безнравственные, во зло употребляют власть, с крестьянами обыкновенно⁶ обходятся бесчеловечно, а, желая показать господину усердие, обрекают их излишними работами, а сами между тем наживаются.

В России повсеместно существует трехпольное хозяйство, новые усовершенствованные экономические системы введены еще не многими агрономами и не всегда с успехом. Главное препятствие к нововведениям состоит в крепостном населении дворянских имений. Известно, что иностранные фермы, в которых производится улучшенное полеводство, обрабатываются наемными работниками, там усовершенствованные земледельческие орудия и рабочий скот при-

¹ Не смею... прихоти в автограф записки вставлено рукой Пуцуина. Во вставке далее следует: *Всякий более или менее на своем веку слышал или видел такие случаи, которые невольно омрачают мысль и заставляют желать скорого изменения, которое защитило бы бедный класс.*

² В автографе записки: *если не из филантропических побуждений, то из опасения разорить крестьян своих.*

³ До исправления Пуцуиным в автографе записки было: *Но при этом состояние крестьян бывает сноснее, нежели при управлении деревнями приказчиками.*

⁴ Нежели... участь вписано в автограф записки неизвестной писарской рукой. Это дополнение содержалось в письме Фонвизина от 16 июня.

⁵ Большею частью вписано в автограф записки Пуцуиным вместо *более*.

⁶ Обыкновенно вписано в автограф записки Пуцуиным вместо *часто*.

надлежат хозяину фермы. Если у нас завести подобные отдельные¹ хозяйственные хутора, а крепостных крестьян обратить в батраков, получающих от владельца пищу и одежду, то их состояние сравнится тогда с состоянием негров на плантациях южных штатов Северо-Американского союза. Такие примеры, хотя и редки, но встречаются у некоторых наших новых агрономов, которые обнищавших своих крестьян обращают в батраков при господских усадьбах.

Между тем это не значит, что не нужно было усовершенствовать полеводство, которое до сих пор у нас в самом жалком² состоянии и от улучшения которого мы избегли бы неурожаев, заставляющих бедствовать целые губернии³. Но я опять повторяю с полным убеждением, что в России при настоящих отношениях владельцев к крепостным едва ли возможно введение европейской усовершенствованной системы сельского хозяйства и полеводства, которого у нас мы видим только немногие и большею частью неудачные опыты.

Вот некоторые подробности экономического устройства дворянских имений в губерниях великороссийских, более мне известных и которых население, несмотря на частные угнетения помещиков, находится еще в состоянии довольно сносом в сравнении с крепостными западных, от Польши присоединенных губерний. В этой полосе России состояние крепостных гораздо несчастнее: причиною тому более сложное и обременительное экономическое устройство имений и обычай отдавать их на аренду так называемым *посессорам*, которые, заботясь только о собственных выгодах, не щадят крестьян, поступающих к ним во временное владение. К этому должно прибавить и то обстоятельство, что большая часть как помещиков, так и посессоров западных губерний в отношении к крестьянам своим иноплеменники и иноверцы, потому и не может между ними существовать той симпатии, которая естественно связывает людей, говорящих одним языком и исповедующих одну веру.

Из этого краткого обозрения настоящего положения дворянских имений нетрудно извлечь определенные выводы, которые сами собой покажут возможность применения высочайшего указа 2-го апреля к оброчной части вотчин и вместе с тем откроют причины, препят-

¹ Отдельные вписано в автограф записки Пушным.

² Жалком вписано в автограф записки Пушным вместо *неблагоприятном*.

³ В автографе записки *и... губернии* до исправления Пушным было. *это доказывают столь частые неурожаи, от которых бедствуют целые губернии.*

ствующие распространению сего благодетельного постановления на большинство крепостного народа, который находится на изделе.

Очевидно, что в имениях оброчных, которых управление и экономическое устройство так просты и малосложны, немедленно могут быть введены правила, изложенные в указе об обязанных крестьянах. С обращением оброчных крестьян в это новое сословие владельцы не испытают значительных изменений в отношениях своих к ним. Оброк останется прежний, и даже при постановлении новых условий в некоторых общинах он может увеличиться от более правильной раскладки не по душам, а по участкам земли. Верховная власть личными убеждениями и почетными наградами может легко склонить знатное дворянство к введению нового устройства в оброчных вотчинах. Таким образом, почти одним росчерком пера может быть обращено в состояние обязанных крестьян большое население помещев, принадлежащих, например: графу Воронцову, Шереметьеву, Орлову, князьям Голицыным и многим другим. Примеру их не замедлит последовать среднее дворянство, владеющее оброчными имениями, желая тем сделать угодное правительству¹.

На первый случай этим должно ограничиться действие указа 2-го апреля. По всем вероятиям, немногие владельцы имений издельных согласятся обратить крепостных своих крестьян в обязанные, потому что это нововведение необходимо влечет за собою совершенное изменение в экономическом устройстве имений. В России же, с одной стороны, равнодушная беспечность, а с другой — закоренелый обычай имеют такую силу, которую нелегко преодолеть. Итак, здесь немного можно ожидать от содействия дворянства: правительство должно употребить другие способы². Я полагаю, что следующие меры могут быть существенно полезны, способствуя дальнейшему развитию указа об обязанных крестьянах.

1. В дополнение Св[ода] зак[онов]. IX том. О состояниях, разд[ел] 18, гл[ава] IV, § 437 правительство может дать право приобретать покупкой населенные имения и владеть ими лицам всех свободных сословий, т. е. личным дворянам, купцам, мещанам, государственным крестьянам, вольноотпущенным из крепостных и иностранным ка-

¹ В автографе записки после *правительству следовало* и без всяких с своей стороны жертвований.

² В автографе после *способы следовало*: *но отнюдь не принудительные, для дальнейшего развития указа об обязанных крестьянах.*

питалистам, которые вступят в подданство России¹, но с тем только ограничением, чтобы при покупке население тех имений непременно обращено было в состояние обязанных крестьян. Для этого рода новых помещиков правительство, не стесняемое уважениями давности владения, может издать точные правила условий, в которых бы со строгой справедливостью соглашены были обоюдные пользы и владельцев, и крестьян, и с точностью определены их взаимные права и обязанности. Составление такой нормы условий есть дело великой важности, требующее глубоких соображений, основательного познания России с ее местными особенностями и науки сельского хозяйства в теоретическом и практическом отношении.

Для поощрения к покупке на этих условиях населенных дворянских имений купцов третьей гильдии и других разночинцев как владельцев недвижимой собственности можно возводить в звание почетных граждан, а купцам двух первых гильдий и иностранным капиталистам — давать права потомственного дворянства, если купленные ими имения будут состоять из 500 или более ревизских душ².

Эти новые владельцы, нажившие капиталы трудолюбием и деятельностью, приложат те же качества к улучшению своих поместьев и к усовершенствованию сельского хозяйства, которое, несмотря на то что Россия есть государство преимущественно земледельческое, у нас так отстало от других отраслей промышленности (2). Пример их возбудит соревнование в потомственном дворянстве: убедаясь в возможности улучшения имений и умножения доходов с обязанными крестьянами, оно решится с своими крепостными заключить условия на основании указа 2-го апреля.

2. Не иначе позволять покупку крепостных на своз и вообще всякое переселение их на новые земли как с тем, чтобы они непременно были обращаемы в обязанные крестьяне. Согласно с этим при пожаловании земель чиновникам постановить им в неперменную обязанность заселять пожалованные земли не крепостными, а обязанными

¹ *И иностранным... России* в автографе вписано рукой Пущина и заимствовано им из письма Фонвизина от 16 июня (фраза была первоначально перенесена из письма писарской рукой, а потом окончательно выправлена Пущиным).

² *Для поощрения... душ* вставка рукою Пущина на отдельном листке вместо вписанной ранее другой редакции (писарской рукой, заимствовано из письма Фонвизина от 16 июня): *Для поощрения купцов 1 и 2 гильдий и иностранных капиталистов к приобретению покупкой дворянских вотчин можно возводить их в потомственное дворянство, если купленные ими имения будут состоять из 500 или более ревизских душ.*

крестьянами; эту меру распространить и на те лица, которые будут покупать жалованные земли.

Наконец:

3. Воспитательный дом, губернские приказы общественного призрения и многие другие богоугодные, человеколюбивые и учебные заведения имеют значительные денежные капиталы, из процентов которых эти заведения содержатся. Можно употребить большую часть этих капиталов на покупку дворянских вотчин и население их обратить в обязанные крестьяне. Таким образом, все этого рода заведения будут получать оброк с купленных вотчин по заключенным с крестьянами условиям вместо процентов, которыми они теперь содержатся (3).

Принятием этих мер правительство распространит благотворное действие указа 2-го апреля, заключающего утешительные надежды для всех, ожидающих полного развития этого нового постановления. С этим убеждением я предлагаю мысль мою на рассмотрение людей опытных, облеченных властью. Пусть слабый, но искренний голос мой будет услышан там, где взвешиваются и решаются судьбы государства!¹

Примечания

1. Можно утвердительно сказать, что в целой Европе класс земледельцев не мог бы сравниться в избытке² и общем довольстве с нашими оброчными и государственными крестьянами, если бы их благосостояние не нарушалось несчастною страстью нашего народа к крепким напиткам. Эта страсть год от года увеличивается: она поощряется винным откупом, размножающим до невероятности средства удовлетворять ее. Вот главная причина не только бедности, но и преступлений в нашем простом народе: без преувеличения, в трех четвертях уголовных процессов вино играет главную роль: или как прямой повод к преступлению, или как средство, возбудившее в преступнике смелость совершить его.

2. В воспоминаниях моих сохранился образец такой русской фермы. Заведенное в ней одним купцом хозяйство замечательно по оригинальному своему устройству, по хорошим доходам исключительно от земледелия и по общему благосостоянию крестьян. Опишу ее в немногих словах.

¹ *Принятием... государства* вставка рукою Пущина на отдельном листке.

² *Избытке* вписано в автограф записки Пущиным вместо *благосостояния*.

В то время когда не исполнялся в точности закон, запрещающий лицам непотомственного дворянства владеть населенными имениями, один купец приобрел покупкою вотчину в 60 душ крестьян с достаточным количеством земли и прочих угодьев. Покупка была сделана на имя известного дворянина, который дал приобретателю верящее письмо на владение этим имением. Сперва он устроил в нем кожевенный завод, существовавший до 1812 г. Во время нашествия французов завод сгорел. Хозяин, испытав большие потери по торговле, должен был по возвращении на пепелище искать способов поправить свои дела и вновь завести хозяйство в деревне, которая оставалась единственным его достоянием. Он был человек смысленный, деятельный и добросовестный, крестьяне имели к нему полную доверенность. Он предложил им условия, эти условия были приняты и состояли в следующем:

1-е. Соединить в одну массу все господские и крестьянские земли и луга, первые по системе обыкновенного русского полеводства разделить на три клина, из которых в каждом, сколько припомню, было по 150 десятин.

2-е. Крестьянам обрабатывать миром все поля под наблюдением владельца и по его распоряжению. По уборке хлеба весь урожай делить, за исключением семян, пополам: одна половина принадлежала владельцу, другая делилась между крестьянами по тяглам.

3-е. С сенокосами поступать точно так же: половина всего убранного сена — владельцу, другая — крестьянам.

4-е. Удобрение полей навозом производить в свое время с господских конюшен и скотного двора и с крестьянских дворов без различия, по указанию владельца.

5-е. Иметь одно общее гумно с овинами и ригой, на которое свозить весь родившийся хлеб и по обмолочению делить его на две равные части.

6-е. Крестьяне обязывались господский хлеб и лишнее сено отвозить по зимнему пути на продажу в ближайший город.

7-е. Владелец обязывался ни под каким предлогом не брать крестьян во двор и не отвлекать их от хлебопашества. Потому как для собственной прислуги, так и для хождения за лошадьми, рогатым скотом, птицей и т. п. нанимались посторонние люди, и это соблюдалось с точностью.

8-е. В свободное от полевых работ время крестьяне могли беспрепятственно заниматься собственными промыслами: извозом, руб-

кою леса и дров и перевозкою всего этого. Некоторые имели в домах ткацкие станы и работали миткаль и нанки. Они даже имели право посылать за себя на общую работу годного наемного батрака с одобрения владельца.

На этом основании устроилось новое хозяйство и скоро достигло цветущего состояния. Я имел случай наблюдать его в продолжение нескольких лет и утвердительно могу сказать, что оно было примерное¹ как по значительным доходам владельца, так и по необыкновенному, уравнительному благосостоянию крестьян. Поля в отношении удобрения и обработки были в несколько лет доведены до возможного совершенства, при обыкновенном трехпольном полеводстве и с обыкновенными земледельческими орудиями. Несмотря на посредственную почву, некоторая часть озимого поля засеивалась пшеницей, а ярового — ячменем, хлебами самыми ценными; средний урожай был сам пять².

В этом имении полевые работы шли необыкновенно успешно, потому что как польза владельца была тесно связана с пользою крестьян, то он мог по праву и по совести понуждать их к деятельности, к тому же сами крестьяне наблюдали друг за другом. Это общее соревнование уничтожало леность и нерадение.

Я полагаю, что такое простое и малосложное управление вотчиной не исключает возможности ввести разные улучшения, заимствованные из европейских систем сельского хозяйства. Просвещенный владелец, применяя их осторожно и вводя постепенно, не встретит сопротивления со стороны крестьян, которые простым своим здравым смыслом постигнут пользу обдуманых и постепенных нововведений и сами как участники в ожидаемых от них выгод будут усердно содействовать хозяину.

С обращением крепостных в обязанные крестьяне при ограничении произвола владельца и при точной определенности прав и обязанностей крестьян такое экономическое устройство возможно не только в малых имениях до ста душ и менее, но и в больших хлебопашественных вотчинах. Владелец такой вотчины, принимая в соображение число деревень, ее составляющих, и величину каждой из них, может разделить вотчину на несколько отдельных хозяйств (*metairie*). Каждое из этих хозяйств, соединяющее около ста душ, будет иметь соответствующее числу душ количество пахотной земли

¹ И... примерное вписано Фонвизиним.

² В автографе записки шесть.

и лугов со всеми необходимыми в хозяйстве строениями и с достаточным числом рогатого скота. Эти отдельные хозяйства владелец может отдавать на откуп на продолжительные сроки лицам всех свободных сословий и даже своим обязанным крестьянам.

Такое преобразование экономического устройства имений обещает владельцам умножение доходов, верное их получение и вообще усовершенствование сельского хозяйства. Таким образом введется настоящая система ферм, эти фермы под управлением людей специальных, трудящихся для своих выгод, будут постепенно улучшаться в земледелии и в прочих отраслях сельского хозяйства; этим способом оно наконец выйдет из того жалкого состояния, в котором до сих пор находится в России.

3. Здесь будет не лишним сделать замечание на счет условий между владельцами имений и обязанными крестьянами. По разуму самого закона эти условия должны быть пожизненные и наследственные. Между тем в нашем законодательстве допускаются только договоры на срок не свыше десяти лет, как исключение из этого общего правила одна казна имеет право отдавать в наймы частным людям некоторые оброчные статьи на пятьдесят лет¹.

¹ Текст этого примечания в автографе записки следовал сразу за словами: *которыми они теперь содержатся* и составлял, таким образом, ее конец. При редактировании он был превращен Пушиным в 3-е примечание.

ЗАПISКА М. А. ФОНВИЗИНА «О КОММУНИЗМЕ И СОЦИАЛИЗМЕ»¹

Одной из актуальных и все еще недостаточно изученных проблем истории общественной мысли XIX в. является эволюция идей декабризма, имевших столь большое значение для русского общества в 1820-е гг. Для выяснения роли декабристской идеологии в формировании передовых идей 1830–1840-х гг. и в последующем размежевании общественных течений необходимо исследование не только воззрений, сложившихся в тайных обществах до восстания 14 декабря 1825 г., но и их дальнейшего развития. Эволюция взглядов самих декабристов после восстания должна быть, как сказано М. В. Нечкиной вообще об изучении сибирского периода жизни и деятельности декабристов, «вписана в рамки огромной проблемы — общественно-го движения и революционной борьбы России этих же лет»². Насильственно оторванные от общественной деятельности декабристы продолжали, однако, осмысливать свой опыт и историческую жизнь России, следить за современными событиями и их оценивать. Идеиное развитие декабристов в 1830–1840-е гг., в условиях изоляции от многообразной общественной жизни страны, представляет интереснейший, самой историей поставленный опыт.

Однако источники, по которым можно судить о ходе и итогах этого опыта, главным образом косвенные. Декабристы оставили богатое мемуарное наследие, обширную переписку, но крайне мало тео-

¹ Памятники культуры. Новые открытия. 1976. М., 1977. С. 59–72.

² Нечкина М. В. Несколько слов о сибирском трехтомнике // В сердцах отчества сынов. Иркутск, 1975. С. 9

ретических работ, касающихся современных политических проблем. Для понимания воззрений декабристов, какими они сложились через десятилетия после восстания, огромное значение имеют, конечно, их отношение к своему революционному прошлому, их оценка деятельности тайных обществ, выясняющиеся из многочисленных декабристских мемуаров. Весьма существенны разнообразные отклики на современные политические события, которыми так богата переписка декабристов и в Сибири, и после возвращения из нее. Но поистине бесценным источником являются работы — к сожалению, единичные, — прямо выражающие общественно-политические взгляды их авторов. К ним можно отнести наследие М. С. Лунина, в какой-то степени сибирскую публицистику Д. И. Завалишина, но прежде всего сибирские сочинения М. А. Фонвизина, его оригинальные теоретические и исторические работы.

Обстоятельства их возникновения и сам характер своей работы Фонвизин описывал в одном из писем Е. П. Оболенскому, отсылая ему одну из своих записок: «Когда меня занимает какой-нибудь вопрос религиозный, политический или философский, то чтобы уяснить его себе, я ложу его письменно — после же обыкновенно бросаю в печь мои замечания»¹. Последние слова показывают, что до нас дошли лишь некоторые труды Фонвизина, по тем или иным причинам избежавшие этой судьбы. Произведения его до сих пор не изданы полностью и не изучены во всей их совокупности. В наследие Фонвизина входят мемуары, исторические, философские и богословские работы². Однако главное внимание Фонвизина в Сибири привлекали важнейшие социально-политические проблемы современности. Мнение его о путях уничтожения крепостного права в России было выражено в двух проектах решения крестьянского вопроса, написанных в начале 1840-х гг.³

¹ Памяти декабристов. Т. 3. Л., 1926. С. 117

² Сочинения М. А. Фонвизина: Одно из воспоминаний моей молодости // Русская старина. 1881. № 8. С. 503–529; Обзорные проявления политической жизни в России // Общественные движения в России в первую половину XIX века. Т. 1. Декабристы. СПб., 1905. С. 99–202; Обзорные истории философских систем // Из истории русской философии XIX — начала XX века. М., 1969. С. 281–373; О подражании русских иностранцам // Библиотека декабристов. Вып. 4. М., 1907. С. 104–108; Классификация наук // ГА РФ. Ф. 1706. Фонвизин. Оп. 1. Д. 4; Несколько заметок на богословие. Макария и. Антония // ИРЛИ. Ф. 265. Русская старина. Оп. 2. № 2950.

³ О крепостном состоянии земледельцев в России // Библиотека декабристов. Вып. 4. С. 109–123; Записка об указе 2-го апреля 1842 года // Мироненко С. В. Крестьянский вопрос в трудах декабриста М. А. Фонвизина // Исторические записки. Вып. 96. М., 1975. С. 215–225.

Европейская общественная жизнь этого времени, первые крупные открытые выступления пролетариата на Западе, распространение идей утопического социализма, наконец, трагический опыт революций 1848–1849 гг. также дали Фонвизину обильную пищу для размышлений и побудили его вплотную заняться осмыслением этих проблем. В конце 1840-х гг. он пишет записку «О коммунизме и социализме». Судьбы России в связи с процессами, происходящими в Западной Европе, — таково основное содержание этого произведения.

Записка эта была впервые упомянута В. И. Семевским в его работе «Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века», где процитирован отрывок из нее, посвященный значению русской общины¹; вторично В. И. Семевский вернулся к записке в известном биографическом очерке о Фонвизине. Оценивая записку, Семевский приходил к выводу, что главный пафос ее — отрицание Фонвизиным социалистических и коммунистических теорий². В советское время теоретическим наследием Фонвизина занимался Б. Е. Сыроечковский, видевший в нем главным образом свидетельство отступления декабриста от революционных идеалов своей молодости. Несмотря на то что Б. Е. Сыроечковский располагал перепиской Фонвизина, не известной Семевскому и позволяющей точнее представить себе мировоззрение Фонвизина, он, в сущности, не вышел за пределы оценок, данных в свое время Семевским³.

Записка «О коммунизме и социализме» публикуется ниже⁴. Поскольку в ней затронуты вопросы, важные не только для изучения взглядов Фонвизина, но и вообще для понимания идейной эволюции декабристов, нам кажется необходимым проанализировать ее, опираясь на всю совокупность известных теперь источников.

Автограф записки неизвестен. Сохранилось четыре списка; два из них сделаны рукой обычного переписчика произведений Фонвизина — тобольского чиновника П. Д. Жилина; оба они, к сожалению, неполны, хотя и дополняют друг друга. В обоих этих списках записка не имеет заглавия и даты. Первый список представляет наибольший

¹ Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. СПб., 1888. Т. 2. С. 368.

² Семевский В. И. Михаил Александрович Фонвизин. Биографический очерк // Общественные движения в России в первую половину XIX века. Т. 1.

³ Сыроечковский Б. Е. Сибирские статьи декабриста М. А. Фонвизина // Сыроечковский Б. Е. Из истории движения декабристов. М., 1969.

⁴ Отрывки из нее были приведены С. Я. Гессеном в журнальной публикации: Красная нива. 1927 № 4. С. 20–21.

интерес как авторизованный — весь он выправлен рукой Фонвизина; текст в нем заканчивается цитатой из А. Токвиля на французском языке¹. У второго списка нет начала, но в конце добавлен русский перевод этой цитаты, а также примечание Фонвизина ко всей записке². Остальные два списка, сделанные неизвестными писарскими почерками, идентичны и содержат иную, расширенную редакцию, по всей вероятности, представляющую окончательный текст записки³. В новой редакции записка получила заглавие «О коммунизме и социализме». В основу этого текста легла, несомненно, первоначальная редакция, известная нам по авторизованному списку. В нее был введен дополнительный материал (в ряде случаев очень значительный — например, вся вступительная часть с изложением сути социалистических учений), и вся рукопись подвергнута литературному и смысловому авторскому редактированию.

Время создания первой редакции записки удастся установить по переписке Фонвизина с братом Иваном Александровичем. В недатированном письме последнего М. А. Фонвизину говорится: «Благодарю тебя, с[ердечный] д[руг] м[ой] б[рат] М[ихаил] А[лександрович], за поздравление, письма твои от 17, 20 и 21 прошедшего месяца, за обозрение истории филос[офских] систем... за мысли о Плато[новой] респуб[лике] в сравнен[ии] с нынеш[ним] учением к[оммунизма] и с[оциализма]...»⁴ Нет сомнения, что «Мысли о Платоновой республике...» — не что иное, как записка «О коммунизме и социализме», начинающаяся словами: «Размышляя об известной Платоновой республике и о сходстве политической теории афинского философа с нынешними учениями коммунистов и социалистов...» Таким образом, записка ко времени написания письма не только была создана, но и достигла Москвы. Уточнить дату отправки из Сибири упомянутых трудов Фонвизина позволяет сохранившийся экземпляр «Обозрения истории философских систем» с дарственной надписью на нем: «Другу моему сердечному, брату Ивану Александровичу, подарок на новый 1850 год. Тобольск, декабря 21, 1849 г.»⁵ Следовательно, записка «О коммунизме и социализме» была написана не позднее конца 1849 г. Само содержание записки доказывает, с другой стороны, что она не могла быть написана раньше весны 1849 г. — из тек-

¹ ГА РФ. Ф. 279. Якушкины. Оп. 1. Д. 294.

² Там же. Ф. 1706. Оп. 1. Д. 4. Список приплетен к работе Фонвизина «Классификация наук».

³ ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. № 2949–2950.

⁴ ГБЛ. Ф. 319 Фонвизины. 4. 19 л. 10.

⁵ Там же. Ф. 214. Оптиной пустыни. № 97.

ста очевидно, что разгром революции уже совершился. «Но не одна Франция, — говорится в ней, — страдает от пролетариата, этой общей язвы всей Западной Европы — язвы, от которой частью произошли все революционные движения последний двух годов в Германии, Пруссии, Австрии. Хотя пожар кажется на время потушенным...»

Таким образом, записку можно датировать летом или осенью 1849 г. На это же указывает и примечание Фонвизина, сделанное, по всей вероятности, после завершения работы над основным текстом. Цитируемая в нем статья Н. А. Жеребцова, напечатанная в мартовском номере журнала¹, могла попасть в руки Фонвизина (учитывая скорость движения почты) не ранее мая. Есть основания думать, что вторая редакция записки возникла значительно позже, спустя два года. В мае 1851 г. Е. П. Оболенский прислал Фонвизину перевод напечатанной в первом томе продолжения энциклопедического словаря Брокгауза «Die Gegenwart» (1848) анонимной статьи «Социализм и коммунизм во Франции».

«Давно собирался писать к Вам, добрый друг наш Евгений Петрович, от сердца поблагодарить Вас за Ваше любезное письмо от 2-го мая и за сообщение переведенной статьи о социализме и коммунизме, — отвечал Фонвизин Оболенскому 15 мая 1851 г., так отзываясь затем о полученной им статье: — ...Статья эта весьма любопытна и отличается беспристрастием, которого нет во всем прочитанном мною о новых политико-экономических учениях, написанном противниками социализма и коммунизма». Далее в том же письме Фонвизин замечает, что «защитников этих систем сочинения запрещены и до нас не доходят» и что он может судить о них лишь «по отчетам их злейших врагов». Отрывочные и неполные данные о журналах и книгах, доступных М. А. Фонвизину в Сибири, рассеянные в его переписке, не позволяют с уверенностью сказать, по каким полемическим антисоциалистическим статьям он знакомился с идеями социалистов-утопистов. Очевидно, однако, что аргументацию авторов этих статей Фонвизин не принимал на веру, а стремился извлечь из них самостоятельные представления о сущности критикуемых учений². Оживленным обсуждением этих вопросов полна переписка двух декабристов весной и летом 1851 г. Очень вероятно, что новые сведения, почерпнутые из статьи в «Die Gegenwart», побудили Фонвизина

¹ Жеребцов Н. О двух современных экономических вопросах // Журнал Министерства народного просвещения. 1849. Ч. LXI. С. 239–262.

² Памяти декабристов. Т. 3. С. 109.

расширить свою записку и внести в нее подробное изложение самых современных социалистических учений.

Каковы же основные идеи записки Фонвизина? По его мнению, социалистические учения первой половины XIX в. были подготовлены всей историей развития европейских стран, а содержащаяся в них критика современного общества и требование его переустройства справедливы. «Нельзя не признать основательными упреки их, — прямо пишет он, — что везде общество находится не в нормальном состоянии, что интересы страждущего большинства во всех землях принесены в жертву благосостоянию меньшего числа граждан... — и заключает: — В этом отношении коммунисты и социалисты правы». В письме к Е. П. Оболенскому от 15 мая 1851 г. Фонвизин еще определеннее выразил присутствующую в записке «О коммунизме и социализме» мысль о справедливости борьбы трудящихся. Он говорит здесь о социалистических учениях: «Главная мысль их: улучшить бедственное положение низших классов, так называемых пролетариев, совершенно основательна и согласна с христианским учением»¹.

По мнению Фонвизина, социализм и коммунизм представляют собой лишь новую разновидность сопутствующих всей истории человечества политических учений о справедливом общественном устройстве и являются естественным выражением извечного стремления людей к социальному равенству. Планы же переустройства общества, предлагаемые современными Фонвизину теоретиками домарковского социализма, он решительно отвергает, убедительно доказывая их нереальность и говоря о них: «Это несбыточные мечты утопии, которые не устоят перед судом здравой критики». Западноевропейские социалистические учения интересуют, однако, Фонвизина не столько сами по себе, сколько как возможность «сделать некоторые выводы относительно нашей России» на основе сопоставления социальных мероприятий, предлагаемых западными утопистами, с общественным бытом России.

Появление на Западе совершенно обездоленного рабочего класса, лишенного собственности и средств к существованию, представляется Фонвизину величайшим злом, самым пагубным итогом развития человечества, выражением самого большого социального неравенства, какое когда-либо знала история. Само наличие класса, который ненавидит «настоящий порядок общества, не обеспечива-

¹ Памяти декабристов. Т. 3. С. 110.

ющий ни их настоящее, ни будущее», уже представляет угрозу для этого порядка. Поэтому главное для Фонвизина состоит в том, чтобы, извлекая уроки из западноевропейского опыта, обдумать судьбы России, не обладающей еще пролетариатом, найти пути, препятствующие возникновению в русской жизни «язвы пролетариатства» и одновременно дающие возможность по-своему идти к социальному идеалу. Рассматривая историческое развитие России, Фонвизин обращает внимание на общину со свойственным ей правом общего землепользования. В общине он видит «главный элемент социалистических и коммунистических теорий». Социальные преобразования, которые могут привести Россию к более совершенному общественному устройству, намечены в записке ясно и четко: отмена крепостного права с наделением крестьян землею и сохранением общинного владения ею.

В работе нет речи о политическом строе, который соответствовал бы предлагаемым Фонвизиным реформам. Отношение автора к самодержавию и его способности осуществить какие-либо преобразования в записке также не выражено. Взгляды Фонвизина на эти вопросы выявляются, однако, из других источников. Его политическим идеалом, как в молодости, оставалась республика, о которой он писал в уже упоминавшемся письме к Е. П. Оболенскому, что «форма республиканская... наиболее соответствует христианскому обществу»¹. О самодержавии и политике Николая I он отзывался с горькой иронией. В письме И. Д. Якушкину от 5 марта 1849 г. он пишет о России: «Она все остается классическою почвою рабства и самовластия и, кажется, останется надолго. По крайней мере правительство употребляет все усилия, чтобы китайскою стеной отделить наше любезное отечество от влияний Запада. Гадко читать в наших газетах хвалебные возгласы мудрому самодержавию, которое навсегда упрочило благоденствие России, — а до нас доходят слухи, каково это благоденствие!»²

В произведениях и письмах Фонвизина мы не находим ясно сформулированной политической программы. Признает ли он революционный путь или рассчитывает на постепенные преобразования, связанные с медленным изменением существующего строя? Судить об этом можно только путем сопоставления отдельных высказываний Фонвизина. Б. Е. Сыроечковский убедительно показал разли-

¹ Памяти декабристов. Т. 3. С. 110

² ГА РФ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 101. Л. 222–222 об.

чия в отношении декабриста к двум типам революций¹. Для него по-прежнему приемлемы лишь те революции, в которых участие демократических элементов еще незначительно — революции того типа, какую готовили декабристы и какими вообще отмечены 1820-е гг. в Европе. Революция же, где активную роль играют народные массы («события 1793-го, 1830-го, 1848-го годов. Эти страшные взрывы революций, обогрившие Францию кровью...»), Фонвизин, как свойственно вообще декабристам («страшно далеки они от народа»), осуждает. Особенно опасным представляется ему участие в революции пролетариата. Предпочитая в принципе, вероятно, мирное разрешение основных социально-политических противоречий, вполне согласующееся с его идеями о постепенном перевоспитании общества в христианском духе², Фонвизин не мог все же не видеть неизбежности классовой борьбы.

В написанной им в 1852 г. записке «О подражании русских иностранцам», отмечая, что деспотическое русское правительство «стыда ради европейского» вынуждено усваивать, если не «дух» Запада, то внешние формы администрации и таким образом далеко опередило народ на поприще цивилизации, Фонвизин утверждает, что «в этом именно и состоит тайна могущества его и всевластия». Уничтожение деспотизма может быть достигнуто лишь в результате образования общественного мнения, которое «поравняет» народ с правительством и откроет путь к «необходимой борьбе» между ними. «И слишком известно, на которой стороне должна быть победа», — продолжает Фонвизин, имея, конечно, в виду успехи буржуазных революций в Западной Европе³.

Еще несколько слов о дальнейшей судьбе записки. Сохранился черновик письма Фонвизина к неизвестному и, как ясно из контекста, высокопоставленному адресату (П. Д. Киселеву?) — письма, которое должно было сопровождать посылаемые ему три записки. Излагая их содержание, Фонвизин писал: «В первых двух статьях рассматривается самый вопрос (крестьянский. — С. М.) и его решение, третья статья касается новейших экономико-политических теорий, волнующих Западную Европу и которых главный элемент с незапамятных времен существует в России»⁴. Очевидно, что третья из этих

¹ Сыроечковский Б. Е. Указ соч. С. 349–350.

² См. об этом в письме Фонвизина к Е. П. Оболенскому от 6 июня 1851 г., проанализированном Б. Е. Сыроечковским (Указ. соч. С. 339–341).

³ Библиотека декабристов. Вып. 4 С. 105–106.

⁴ ГБЛ. Ф. 319. 1. 2. Л. 1.

статей — записка «О коммунизме и социализме». Не для отправки ли в Петербург и создавался окончательный, дополненный и тщательно отредактированный ее текст?

Какую же цель мог преследовать Фонвизин, оправляя (или намереваясь отправить) одному из государственных деятелей это свое произведение, не содержащее никаких предложений, на поддержку которых правительством мог рассчитывать автор. Стремясь представить верховной власти два своих проекта освобождения крестьян, Фонвизин, по-видимому, счел полезным использовать написанную независимо от них записку, чтобы показать, к чему может привести освобождение крестьян без земли. Опыт революций 1848–1849 гг., сделавший очевидным грозную политическую роль пролетариата, звучит в записке Фонвизина как предупреждение правительству.

Подведем некоторые итоги. Записка Фонвизина «О коммунизме и социализме», текст которой впервые полностью публикуется только теперь, могла сыграть лишь весьма ограниченную роль в развитии русской общественной мысли. Тем не менее она должна занять свое место в ее истории как одно из примечательных явлений формирования социалистических идей в России. Вместе с тем записка представляет собою любопытный памятник культуры, расширяющий наши знания об историческом и литературном наследии декабристов.

М. А. Фонвизин выступает в ней как самостоятельный политический мыслитель, сделавший значительный шаг в своих социально-политических воззрениях от собственно декабристской идеологии к социалистическим учениям 30–40-х годов XIX в. С глубоким интересом восприняв идеи утопического социализма, Фонвизин принимает их, однако, далеко не полностью. Разделяя критическую часть этих учений, признавая необходимость и справедливость коренного переустройства общества, он вместе с тем решительно отказывается от предлагаемых социалистами-утопистами путей. Нельзя не видеть при этом, что отрицание этих утопических планов вовсе не приводит Фонвизина к скепсису в отношении социалистического переустройства общества как конечной цели. Более того, в этой работе он выдвигает свой план, единственно приемлемый, по его мнению, именно для России, судьба которой заботит его главным образом, — достижение социалистических идеалов через русскую крестьянскую общину, — не замечая при этом и его несомненной утопичности.

Обращает на себя внимание тот факт, что эта идея, к которой самостоятельно пришел Фонвизин в своем сибирском уединении,

в конце 1840-х гг. возникает в мировоззрении наиболее революционных течений русского прогрессивного лагеря. Заметна она, как отмечала В. Р. Лейкина-Свирская, у левого крыла петрашевцев: «В их взглядах мы найдем в зачаточном виде идею, будто русская крестьянская община несет в себе зародыш социалистического развития»¹. В это же время к мысли о «русском социализме» начинает постепенно приходить А. И. Герцен. Он писал 25 августа 1849 г., что русский народ «сохранил лишь одну крепость, оставшуюся неприступной в веках, — свою земельную общину, и в силу этого он находится ближе к социальной революции, чем к революции политической. Россия приходит к жизни как народ, последний в ряду других, еще полный юности и деятельности, в эпоху, когда другие народы мечтают о покое; но появляется, гордый своей силой, в эпоху, когда другие народы чувствуют себя усталыми и на закате»².

Вместе с тем следует подчеркнуть, что от передовых представителей русской общественной мысли того времени Фонвизина отличает решительное отрицание народных революций как пути к переустройству общества. Не понимая, как и социалисты-утописты, прогрессивной исторической роли пролетариата, Фонвизин стремится найти для России такой путь к социализму, который исключал бы появление этого нового класса. Дойдя в своем идейном развитии до русского крестьянского социализма, декабрист не смог подняться на новую ступень, представленную революционно-демократическим направлением в общественной мысли России. Б. Е. Сыроечковский видел в этом свидетельство отказа Фонвизина от идеалов своего революционного прошлого³. Записка «О коммунизме и социализме» доказывает, на наш взгляд, несправедливость этих упреков. «Исторические заслуги, — писал В. И. Ленин, — судятся не по тому, чего не дали исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они дали нового сравнительно со своими предшественниками»⁴. Не отказавшись до последнего дня от своих декабристских убеждений, М. А. Фонвизин сделал шаг, сближающий его со следующими этапами развития русской общественной мысли и революционного движения.

¹ Лейкина-Свирская В. Р. Утопический социализм петрашевцев // История социалистических учений. М., 1964. С. 433.

² Герцен А. И. Собр. соч. Т. 6 М., 1955. С. 220; Любопытно почти дословное совпадение этих слов Герцена с мыслями Фонвизина об исторической миссии русского народа.

³ Сыроечковский Б. Е. Указ. соч. С. 357.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 178.

«Можно находить разные теории социальные утопическими, несбыточными, — писал М. А. Фонвизин Е. П. Оболенскому в июле 1851 г., — но основная идея социализма есть истина, и грядущее этой идее принадлежит»¹.

Записка публикуется по тексту двух идентичных писарских списков полной редакции, хранящихся в архиве журнала «Русская старина».

М. А. Фонвизин о коммунизме и социализме²

Si vous voulez combattre le socialisme, enlevez-lui sa raison d'être.

*Victor Hugo*³

Размышляя об известной Платоновой республике и о сходстве политической теории афинского философа с нынешними учениями коммунистов и социалистов, которые с некоторого времени так занимают Европу, угрожая спокойствию и безопасности ее западных государств, я старался припомнить себе все прочитанное мною об этом настоящем, современном вопросе и, чтоб дать самому себе отчет об нем, вздумал набросать на бумагу мысли мои и сделать некоторые выводы относительно нашей России.

Рассмотрим сперва, откуда взялись новые коммунистские и социалистские учения и в чем именно состоит сущность и характер их.

Великий политический переворот, совершившийся во Франции в конце прошедшего столетия и которого бесконечные последствия продолжают повсюду и поныне, надолго взволновал Европу и пустил в ход много политических теорий и гипотез, имеющих целью перестроение обществ на новых началах, — на началах свободы и равенства.

Многолетние революционные войны и владычество императора Наполеона, обхватив всю Европу, привели в теснейшее соприкосновение народы и более ознакомили их между собою. За этими бранными тревогами следовало продолжительное мирное время, которое ознаменовалось учреждением в некоторых странах конституционных правлений с свободой книгопечатания и журналов. Наконец, в последнее время необыкновенно развились и усовершен-

¹ Памяти декабристов. Т. 3. С. 114.

² ИРЛИ. Ф. 265 Оп. 2. № 2949–2950.

³ Если вы хотите бороться с социализмом, уничтожьте его причину.

ствовались способы сухопутного и водяного сообщения между народами посредством железных дорог, устраиваемых в таких огромных размерах, и пароходства.

Совокупное действие всех этих причин способствовало необыкновенно живому и быстрому размену идей, которые имеют предметом общественное благо и приискание способов к самому выгодному и на вечной справедливости основанному устройству гражданских обществ.

Мыслители всех стран занялись этим важным предметом. Из их исследований в прошедшем столетии возникла и ныне развилась новая наука: политическая экономия, которая, рассуждая вообще о народном богатстве и о более уравнительном пользовании им всеми членами общества, рассматривает и обсуживает все существенные вопросы, относящиеся к государственному хозяйству, как, напр[имер], теорию налогов и их уравнительно справедливую раскладку, признавая налоги как бы застрахованием безопасности и собственности каждого гражданина — и таким застрахованием, которое бы всегда соразмерялось с ценностью имущества и с выгодами, обеспечиваемыми обществом каждому его члену, политическая экономия изъясняет закон общественного кредита и на каком основании он утверждается и т. п., словом, эта наука предлагает рациональные правила, которыми государство должно руководствоваться, чтобы доставить возможно большему числу граждан возможно большее благосостояние.

Разные системы политической экономии стремятся разрешить эту важную задачу путями различными и нередко совершенно противоположными, предлагая меры, часто между собой несогласные. Таким образом, составилось много экономических школ, противоречащих одна другой в своих воззрениях и выгодах, потому что они исходили из политических начал, диаметрально противоположных. Одни, как, например, известный Прудон, почитаемый своими единомышленниками самую логическою головою Франции, отрицает право собственности, которое называет кражей у общества, и требует для всех граждан беспредельной и безусловной свободы, признавая, что человек по природе своей не терпит власти, не уживается с нею, *que l'homme par sa nature est ingouvernable*¹. Другие вместе с Луи Блан, самым остроумным и красноречивым корифеем социализма, видят

¹ Что человек по своей природе неуправляем (франц.).

в соревновании, в совместничестве (la concurrence) фабрик главную причину бедственного положения рабочего класса, потому что совместничество и машины, сообщив необыкновенную деятельность фабрикам и усовершенствовав вообще мануфактурные произведения, чрезвычайно понизили цену их и с тем вместе и заработную плату, сделавшуюся недостаточно для безбедного содержания работников. Социалисты ожидают общественного благоденствия от диктатуры свободно избранного правительства, которое бы, наведывая всеми отраслями промышленности и распоряжаясь ими полновластно, давало им верховное направление.

Коммунизм и социализм приобрели в последнее время много приверженцев во Франции, Германии и других странах Западной Европы.

Известно, что во всех западных государствах миллионы пролетариев-бездомков не имеют никакой прочной собственности и потому не обеспечены в своем существовании: содержа себя работою рук своих, они при неблагоприятных обстоятельствах, с прекращением работы, бывают лишены средств снискивать пропитание себе и своим семействам. Этот многочисленный класс, постоянно размножающийся, есть неоспоримо самое тяжкое бремя, самая болезненная язва всех западных государств.

Главное внимание политических мыслителей устремлено на уврачевание этого общественного недуга. Коммунизм и социализм в особенности предположили себе целью улучшить состояние бедствующих пролетариев, а чтобы достигнуть того, придумали (коммунисты) все земли разделить между общинами и каждому члену общины предоставить право пожизненного владения участком земли, равным участку всякого другого общинника. Но как эта мера касается только сельских обывателей, а кроме земледельцев есть везде многочисленный класс граждан, занимающихся промышленностью в разных ее видах, то предполагают разделить все промыслы также по общинам и все приобретаемое мануфактурным или ремесленным трудом, все прибыли — делить поровну производителям под руководством и управлением избранных ими старшин. Более умеренные допускают, однако, право членам общин, независимо от общинной собственности, приобретать собственное имущество и располагать им произвольно.

В пользу пролетариев социалисты изобрели так называемое *право на работу* (droit au travail), право, которое, будучи признано зако-

нодательной властью, возлагало бы на правительство обязанность доставлять каждому нуждающемуся рабочему казенную работу, соразмерную с его силами и способностями, предотвращая понижение заработной платы в частных промышленных заведениях более справедливым возвышением ее в заведениях, устроенных и содержимых от казны.

Тогда рабочие были бы обеспечены в безбедном содержании и вышли бы из зависимости хозяев фабрик, которые, для своих выгод действуя заодно, стараются всячески понижать заработную плату. Таким образом, правительство, вступив в состязание с частными промышленниками, могло бы ограничить произвол их в назначении заработной платы и тем могло улучшить состояние рабочего класса.

С этою же целью социалисты предлагают рабочим, занимающимся однородною производительностью, составлять между собой *товарищества* (association) под управлением избранных старшин для учреждения собственных фабрик или для приобретения покупкою уже существующих. Необходимый для этого капитал товарищество может заимствовать под круговое ручательство всех своих членов. Деньгами, зарабатываемыми общими трудами, могут они содержать себя, а из чистой прибыли постепенно уплачивать заимствованный капитал и проценты. В товарищества рабочих могут вступать и самые хозяева фабрик с тем, чтобы с капитала, употребленного ими на заведение, т. е. на строения, машины, орудия, сырой материал и пр., получать проценты, участвуя притом по условию и в чистой прибыли от фабричного производства.

Если бы частные капиталисты не захотели вверить достояния своего товариществам, то само правительство для блага Франции должно подать им руку помощи, учредив заемные банки, из которых товарищества рабочих могли бы заимствовать нужные им капиталы под круговое ручательство всех членов своих. Эта мера, по мнению социалистов, тем более настоятельна и важна для общественной безопасности, что она, улучшив бедственное положение многочисленного рабочего народонаселения, успокоит его и может предупредить кровавые явления нового общественного переворота и войны междоусобной, которая не раз уже возгоралась во Франции и ныне более, нежели когда, угрожает ей.

Для нравственного же улучшения и облагорожения пролетариев, коснеющих по большей части в грубом невежестве, социалисты требуют повсеместного распространения первоначальных училищ, до-

ступных для всех, и в которых бы дети бедных могли получать безвозмездно приличное образование. Для призрения же престарелых и увечных рабочих должны быть устроены убежища, в которых бы они находили приют и содержание от казны.

Основная мысль новых экономических теорий заключается в доставлении средств и возможности каждому гражданину к безбедному существованию, чтобы правильным разделением работ по всем отраслям производительности порождать наибольшее количество ценностей при малейшей трате производительных элементов¹.

Таковы главные основания системы. В подробностях она делится на разные школы, с большими или меньшими одна от другой уклонениями.

Мне кажется, что в коммунизме и социализме нет ничего нового, кроме разве их названия и способа изложения: эти умозрения так же древни, как древен на земле антагонизм между бедными и богатыми, между довольством и нищетой. Должно, однако, согласиться, что в этих учениях не все ложь. Нельзя не признать основательными упреки их, что везде общество находится не в нормальном состоянии, что интересы страждущего большинства во всех землях принесены в жертву благосостоянию меньшего числа граждан, которые, несмотря на безразличие и равенство всех перед законом, по положению своему в обществе, богатству, образованности, если не по праву, то существенно составляют высшее сословие, участвующее в правительстве и имеющее решительное влияние на законодательную, исполнительную и судебную власти. Это меньшинство естественно стремится удерживать и охранять существующий порядок и препятствовать всякого рода нововведениям и преобразованиям (в пользу страждущего большинства), если эти изменения могут угрожать выгодам и влиянию высшего класса. В этом отношении коммунисты и социалисты правы, но способы, которыми они думают исправить общество и восстановить его в состояние нормальное, часто ошибочны. Это несбыточные мечты-утопии, которые не устоят перед судом здравой критики. Предлагаемые между прочим некоторыми нововводителями такого рода меры, как уничтожение права наследственной собственности, упразднение брачных союзов и, следовательно, семейства, как учреждений, по их мнению, эгоистических, несогласных с идеями совершенного равенства и братолюбия, противны

¹ Слова Louis Blanc (Прим. М. А. Фонвизина).

человеческой природе и закону Божию, установившему и брак, и семейство.

Самые попытки осуществить подобные мечты угрожают обществу разрушением, возвращением его в состояние дикости и окончательно самовластною диктатурою одного лица как необходимым следствием анархии.

Тьер в своем сочинении *о собственности* (de la propriété) превосходно разобрал коммунизм и социализм, выставил слабые стороны той или другой системы, в которых есть, однако, и отдельные истины. И алхимия, отыскивая несбыточную мечту философского камня, — способ делать золото и универсальное лекарство от всех болезней, — сделала, однако, много весьма важных открытий, обогативших новейшую химию: так и из социалистских и коммунистских умозрений новая политическая наука в стремлении своем к прогрессу, к преуспеянию, отбросив устарелые предубеждения, может заимствовать некоторые новые идеи и применять их с пользою к настоящему положению европейского общества.

Изложив в общих чертах новые экономические учения, предложу еще несколько замечаний о том же предмете: коммунизм и социализм стремятся уравнивать людей в обладании вещественными благами и думают того достигнуть уничтожением личного права собственности. Древнейший памятник ограничения этого права находим мы в Пятикнижии (Лев. XXV, 10–13). Моисей в учреждении *лета господня покоя* — *лета субботнего, лета отпущения* имел, кажется, в виду, что земля, подобно воздуху и воде, не должна быть исключительно безусловною собственностью некоторых лиц, ибо все земнородные имеют высшее право, живя на ней, посредством труда пользоваться ее благами. Пророк постановил в Израиле, чтобы в порядке времени всякий пятидесятый год все заложенные и проданные имения в течение прошедшего пятидесятилетия, также и дома безвозмездно возвращались семействам, которым принадлежали по первоначальному разделу земли танаанской, чтобы все долговые обязательства уничтожались сами собою, чтобы все рабы отпускались на волю и т. д., этот закон был, однако, только ограничением, а не уничтожением права собственности.

Идеальная Платона республика никогда не осуществилась, но в Древней Греции прежде Платона была республика, основанная на коммунистских началах: Спарта или Лакедемон, где по ликурговым законам все между гражданами было общее: общественное воспита-

ние юношества без участия родителей, общие трапезы, общие земли, рабы-илоты, — стеснение индивидуальной свободы и принесение ее в жертву свободе политической.

Был на земле и святой коммунизм: первая христианская церковь в Иерусалиме¹: в ней между братьями-христианами все было общее, но не по уложению, а по духу любви и самоотвержения, к которому способны только избранные, облагодатствованные души или отрeksiи от мира отшельники, заключившиеся добровольно в монастырских стенах, а не целый народ. Доказательство: первые церкви, основанные св. апостолом Павлом в Сирии, Малой Азии и Греции.

Хотя эти церкви состояли из ревностных христиан, служащих для нас высокими образцами святой евангельской жизни, однако сам апостол уже не требовал от них отречения от всякой собственности, как такого совершенства в самоотвержении, которое недоступно большинству людей. Нашей падшей природе такое самоотвержение несносно, невыносимо для нее².

В истории видим не раз возобновление социалистских и коммунистических теорий, а также попытки, всегда неудачные, осуществить их. К первым, кроме Платоновой республики, принадлежат: известное творение Томаса Моруса: *Утопия*; от нее все несбыточные теории политические стали называться утопиями, потом сочинения итальянского философа XVI века Кампанеллы, сочинения Мабли, Ж.-Ж. Руссо и особенно его *Contrat Social*³. В том же роде революционные теории Робеспьера, Бабефа, новейшие умозрения сен-симонистов, Фурье и его фаланстер, Луи Блана, Прудона, Консидерана, Кабе, Пьера Леру и проч.⁴

Попытки воззвать к жизни подобные несбыточные системы представляются еще в XVII и XVIII веке в еретических сектах: павликианах и от них происшедших катарах, вальденсах, лоллардах и др. в Южной Франции, Пьемонте, Швейцарии.

Все эти секты мечтали подражать первенствующей христианской церкви. Во Франции в XIV веке было восстание простого наро-

¹ Деяния апостол[ов], глав. II, ст 44–46 (Прим. М. А. Фонвизина).

² Кто-то (Иннокентий) очень остроумно и верно представил в трех словах разницу между христианином иерусалимской церкви и нынешним коммунистом: первый говорил брату. *все мое — твое*, а коммунист: *все твое — мое* (Прим. М. А. Фонвизина)

³ Общественный договор (франц.).

⁴ Сюда же должно отнести социалистский опыт Роберта Овена в Англии, его колонию с хлопчатобумажной прядильной Нью-Ланарк на реке Клизе, устроенную на социалистских началах (Прим. М. А. Фонвизина).

да против феодалов, которых убивали, грабили их замки, брали их земли: лилась кровь, и эти мятежи остались в памяти народной под именем *La Jacquerie* (от *Jasque bonhomme* — насмешливое прозвище французских простолюдинов), в Германии в конце XV века анабаптисты, вожди их были Иоанн Бекгольд, Книппердолинг, Мюнцер, Иоанн Лейденский, стремились применить духовную свободу, евангельское братство и равенство к земному житейскому быту и к устройству гражданскому. Анабаптисты отказались от повиновения властям, от уплаты податей и захотели основать в Вестфалии, в городе Мюнстере *Новый Сион* — царство, в котором бы все было общее.

Лютер объявил себя против них, и по его призыву имперские князья-протестанты с войском истребляли анабаптистов огнем и мечом и уничтожили их царство. В Англии разные так называемые *нонконформистские* секты и особенно во время Кромвеля, называвшиеся независимыми или *les hommes de la cinquième monarchie*¹, по религиозным побуждениям хлопотали об уничтожении личной собственности и о правах общего владения. И здесь не обошлось без пролития крови. Слишком известны события 1793, 1830 и 1848 годов. Эти страшные взрывы революции, обогрившие Францию кровью, произошли не от религиозной мечтательности, а от фанатизма другого рода, возбужденного превратными учениями, которыми властолюбивые демагоги заражали народ.

И в наше время существует благоустроенный коммунизм в известном религиозном обществе моравских братьев, или гернгутеров, которых колонии находятся в разных странах старого и нового света. Общественное устройство приняли они от графа Цинцендорфа, давшего убежище в XVIII веке в своих владениях в Саксонии остаткам некогда гонимой римско-католической церковью секты богемских братьев; они близ замка Бартельсдорф у подошвы Судетских гор основали город Гернгут, который сообщил их религиозной секте название и есть ее метрополия.

Признавая себя последователями лютерова аугсбургского исповедания, гернгутеры по чувству христианской веротерпимости не чуждаются других протестантских вероисповеданий и охотно принимают их членов в свое сообщество. Главный характер их духовных убеждений состоит в том, что они религию почитают более делом

¹ Люди пятой монархии (*франц.*).

глубокого внутреннего чувства, нежели плодом исследования разума: они стараются в простоте богослужения, в образе жизни и в общественном устройстве подражать христианам первенствующей апостольской, иерусалимской церкви, в которой право личной собственности ограничивалось духом христианской любви. В гернгутерских общинах земли состоят в общем владении, все отрасли промышленности заведываются товариществами под руководством избранных старшин так же, как и торговля.

Прибыль от всякого производства старшины делят между участниками. Юношество воспитывается в общественных заведениях, учрежденных отдельно для обоих полов, родители не вмешиваются в дело воспитания и не держат детей своих при себе. Женатые имеют собственные дома, но холостые живут в домах общественных, раздельно мужчины от женщин. Общество моравских братьев основано на чисто христианских началах, и все политическое дело есть для них второстепенное: вот почему их колонии процветают под всеми образами правления — и в самодержавной России (в Саратовской губернии известная Сарепта), и в Германии, и в Англии, и в Северо-Американских республиках. Вообще гернгутеры отличаются истинною набожностью, чистотою нравов, трудолюбием. Взаимное благорасположение всех и есть прямая причина необыкновенно уравнительного благосостояния всех жителей гернгутерских колоний: здесь не встретишь нищего, для дряхлых, увечных, беспомощных устроены покойные приюты, где они содержатся на общественный счет. В общинах моравских братьев не существует различия званий или сословий, и они скорее похожи на монашеские общежительства, нежели на политические союзы: все члены их соединены более религиозными, нежели гражданскими узами, и потому их коммунистское устройство едва ли может быть применено к многочисленным обществам или государствам, в которых слишком большое неравенство и разнородность составных элементов будет всегдашним тому препятствием.

Новейшие социалистские и коммунистские теории продолжают угрожать новой республике, и они тем более опасны, что опираются на многочисленность пролетариев, т. е. на рабочем классе, особенно больших мануфактурных городов, за который они вступаются и который составляет почти треть всего населения Франции. Пролетарии — эти жалкие бездомки, по большей части почти без религии, без правил нравственности, почти одичавшие (по свидетельству тех,

которые описывали английский и французский пауперизм¹), ненавидя настоящий порядок общества, не обеспечивающий ни их настоящее, ни будущее, только и жаждут ниспровержения всего существующего, надеясь в социальном перевороте обрести улучшение своей бедственной участи.

В этом мнении их поддерживают и руководствуют ими такие же демагоги, как и первые, разумеется, из своекорыстных и властолюбивых видов; и недаром сами французы, страшась за будущее, каждую минуту ожидают ужасного взрыва. Только чрезвычайные усилия правительства и многочисленная армия, покамест ему еще преданная, охраняют порядок и противодействуют угрожающему Франции страшному кризису.

Но одна ли Франция страдает от пролетариата, этой общей язвы всей Западной Европы, — язвы, от которой частью произошли все революционные движения последних двух годов в Германии, Пруссии, Австрии. Хотя пожар кажется на время потушенным, но огонь таится под пеплом и может легко от какого-нибудь непредвидимого обстоятельства возгореться с новой силою. В одной России нет пролетариата, этого необходимого следствия феодализма, владычествовавшего в Европе. Постараюсь объяснить мысль мою.

История, изображая политические события в их последовательной, взаимной связи, свидетельствует, что многие современные нам факты в жизни народов произошли от причин весьма по времени от нас отдаленных, относящихся к векам давно минувшим, причин, которых действие может продолжаться неопределенно и в далекой будущности. Сюда относится и происхождение европейского пролетариата, которое должно искать в так называемой феодальной системе, долго угнетавшей Западную Европу, несмотря на то что с XV века эта система была совершенно изменена и почти упразднена усилившеюся монархическою властью европейских государей.

Чтобы составить себе ясное понятие о происхождении европейского пролетариата, должно обратить внимание на некоторые исторические подробности, относящиеся к феодальной Европе.

Известно, что в эпоху переселения народов и падения Западной Римской империи от нашествия северных варваров каждое из германских племен, овладев римскою областю и покорив жителей, раз-

¹ Du pauperisme en Angleterre et en France par Blanqui; comte de Rossi assassiné à Rome (*Прим. М. А. Фонвизина*) («О пауперизме во Франции и Англии» Бланки, граф Росси, убитый в Риме; франц.).

делило занятые земли на участки. Обширнейший из них поступал во владение главного вождя; сподвижники его — другие вожди — по заслугам своим и уважению, которым пользовались у родичей, получали большие или меньшие участки (*allod*), простым воинам розданы поместья (*frief*) во владениях главного и прочих вождей. С оседлостью германских племен в покоренных ими странах не вдруг изменились отношения между начальниками и подчиненными. По призыву вождей все должны были являться под знамена для воинских предприятий или для обороны страны от внешних нападений.

Главный вождь назывался королем или князем, подчиненные ему начальники были герцоги, графы, бароны, маркграфы. На последних лежала обязанность охранять границы страны, при которых находились доставшиеся им по разделу земли. Те же отношения начальствующих к подчиненным сохранились и между потомками: потомки первых, по праву первородства (*majorat*), принимали начальство над потомками подчиненных. Завоеватели вообще составляли высшее сословие в странах, ими покоренных, т. е. поземельную аристократию, которая, облечена будучи правами политическими и гражданскими, собиралась на общественные сеймы (*Champs de Mars et de Mai*¹) в известные сроки для обсуждения об общественных делах. Покоренные же туземцы, какого бы звания они ни были в прежнем римском быте, сделались безусловными подданными феодалов, на землях которых жили, они служили им, работали на них и платили им подати. Из туземцев свободными остались одни клирики, потому что германцы, обратившиеся уже в христианство, высоко чтили духовный сан.

Города подверглись общей участи покоренных стран и также поступили во владение завоевателей. Таково было общее положение с немногими изменениями всех государств, возникших из развалин Западной Римской империи: в Галлии, Италии, Испании, Южной Германии, Англии, которые были покорены северными варварами.

Но при этом всеобщем порабощении туземцев обыватели городов сохранили остатки римских муниципальных учреждений и вследствие разных благоприятных обстоятельств постепенно начали освобождаться от феодального ига: то деньгами откупали свою независимость, то освобождались открытою силою, то чрез покровительство королей, благоприятствовавших их освобождению. С помо-

¹ Мартовские и майские поля (*франц.*).

щью свободных жителей городов короли могли обуздывать буйных и непокорных вассалов и усиливать власть свою. Освободившимся городам они жаловали хартии, утверждали свободу и права обывателей, позволяя им для ограждения безопасности иметь собственное войско и укрепляться каменными и земляными оградами. Таким образом, в продолжение IX, X, XI и XII века все почти европейские города сделались независимыми от частных феодальных владельцев и под сению гражданской свободы пришли в состояние цветущее. Они сделались убежищами для сельских жителей, которые с семействами своими толпами уходили в города от угнетения своих феодальных тиранов. Горожане охотно принимали беглецов, нуждаясь в рабочих для своих фабрик, в ремесленниках и слугах. Пришельцы, снискивая пропитание трудами рук своих, немногие могли обзавестись собственным хозяйством и по большей части оставались бездомками без всякой собственности. Это переселение деревенских жителей в города, чрезвычайно умножив их народонаселение, произвело значительный переворот в самом их общественном быте.

Коренные обыватели, владевшие домами, сделались высшим сословием — городской аристократией, которой члены имели голос в собраниях граждан, заведывали общественными делами, из среды своей избирали начальствующих, тогда как пришельцы, отделяясь резкою чертою от старожилов, оставались при одной личной свободе без всяких политических прав и были городской чернью — простолюдинами.

Они-то вместе с освободившимися впоследствии времени из крепостного состояния земледельцами, которые при этом не получали никаких прав на владение землями, были родоначальниками нынешнего, столь многочисленного, класса пролетариев, который сделался таким тяжким бременем для всех западных государств.

В настоящем положении применение к ним коммунистических умозрений решительно невозможно. В самом деле, каким образом изменить и превратить весь существующий порядок владения землями, уничтожить все права, освященные давностью, упразднить наследственность и произвести коренной переворот во всей промышленной деятельности? Дело практически невозможное ни в одном из западных государств. Возьмем в пример Францию: в ней на 35 000 000 жителей считается до 6 000 000 землевладельцев, большая часть которых, вероятно, не захочет бесспорно уступить свои владения даже и за выгодную цену, а при самой дешевой покуп-

ке потребовалось бы 30 000 000 000 франков для вознаграждения всех французских вотчинников за их земли, не считая стоимости хозяйственных заведений, строений и пр. Потом, какую силою свести в одну общину всех кузнецов, в другую всех столяров, всех портных и т. д. (это возможно только в больших городах)?

Ремесленники рассеяны по всему государству, и каждый неохотно расстанется со своею родиною. То же самое можно сказать и о прочих европейских странах. Не очевидно ли, что повсюду приложение коммунистских теорий невозможно. Более благоразумные последователи нового учения видят в нем отдаленную цель, к которой должно стремиться человечество для достижения высшего развития благоденствия.

Россия также была завоевана монголами, но как эти завоеватели, предпочитая кочевую жизнь, никогда не захотели сделаться оседлыми в завоеванной ими стране и опустошали ее частыми набегами для собирания дани, то в нашем отечестве и не было феодализма, и сельские жители, составлявшие большую часть народонаселения, сохранили свой древний волостной и общинный быт. Хотя впоследствии времени, освободившись от монгольского ига, Россия подверглась другому злу: утверждению крепостного состояния земледельцев, и это случилось именно в то время, когда Западная Европа сбросила с себя феодальные оковы, — но пролетариев в России не было и теперь почти нет¹.

Странный, однако, факт, может быть, многими и не замеченный, — в России, государстве самодержавном и в котором в большом размере существует рабство, находится и главный элемент социалистских и коммунистских теорий (по пословице: *les extremes se touchent*²) — это право общего владения землями четырех пятых всего населения России, т. е. всего земледельческого класса: факт чрезвычайно важный для прочности будущего благоденствия нашего отечества. При огромном количестве порожних земель с усовершенствованием и уничтожением крепостного состояния земледельцев, которое рано или поздно, а необходимо должно совершиться, если

¹ В немецком журнале *Die Gegenwart* читал я, что с недавнего времени в городах Остзейских губерний показываются пролетарии. В царствование императора Александра в этих губерниях уничтожено крепостное состояние земледельцев, которые, сделавшись лично свободными и оставаясь без земли, уходят в города, где и остаются бездомками и снискивают пропитание работами. Это зло, по словам журналиста, угрожает дальнейшим распространением (Прим. М. А. Фонвизина).

² Крайности сходятся (франц.).

притом освобожденные не останутся без земли¹. Россия может быть на многие века предохранена от пагубного пролетариата. Этим она будет обязана общественному владению землями своего земледельческого населения, если не по формальному праву, то по обычаю, который почти имеет властность закона, — обычаю древнему, коренному и который так силен, что сами крепостные, признавая себя собственностью господ, считают землю, которую возделывают, своею собственностью и в этом вполне уверены. Волостному быту наших крестьян должно приписать и то, что самое рабство в России менее ужасно, нежели как оно было в феодальной Европе: у нас владелец имеет дело не столько с лицами, сколько с общиною, с миром, в котором, естественно, больше нравственной силы (по крайней мере *force d'inertie*²), нежели в одном лице, тогда как отношения европейских феодалов были все к отдельным, вполне от них зависящим единицам. В Европе общины как остаток древних римских учреждений (муниципий) были в одних городах, а в России с незапамятных времен существовали сельские общины-волости, и это элемент чисто славянский.

Если философская мысль Гегеля, что всякий исторический народ есть представитель мировой идеи и в свою эпоху должен развить ее для блага отечества, а исполнив это, сойти с позорища мира, если, повторю, эта мысль не пустая фикция, то и русский народ призван быть когда-нибудь в этом смысле народом историческим и призван из своих родных стихий развить новую мировую идею. Хотя к нашей России и много привелось инородного, иноплеменного, однако основные ее элементы чисто славянские. Не напрасно же Господу Богу угодно было дозволить чрезвычайное распространение нашего отечества в таких огромных размерах и с такою быстротою. Россия, раздвинувшись и в Европу, и в Азию, не принадлежит, однако, ни той, ни другой части света: от Европы она заимствовала стремление к прогрессу, к совершенствованию, но в ней есть много дикости Азии и ее неподвижности. Будучи по могуществу своему поставлена в главе славянских, разъединенных племен, Россия рано или поздно, а необ-

¹ Правительство может это сделать без обиды для владельцев, скупая в продолжение времени крестьян с половиною или третьей частию земель, предоставляя владельцам удержать за собою усадьбу и половиною земель с разными угодьями. Три четверти крепостных крестьян заложены в банки: Воспитательного дома, заемном и приказах общественного призрения; это обстоятельство весьма может облегчить для правительства покупку дворянских имений (*Прим. М. А. Фонвизина*)

² Сила инерции (*франц.*).

ходимо должна увлечь их в свою политическую сферу в силу общего, естественного закона, по которому малые толщи всегда тяготеют к самой большой массе, с ними однородной, и притягиваются ею.

Может быть, так называемый панславизм, о котором с таким пренебрежением отзываются немцы и французы, не есть порождение фантазии и не пустая мечта, как многие из них утверждают. Европейцы предчувствуют постоянно возрастающее исполинское могущество нашего отечества, страшатся его, и оттого их неприязнь к нему. Дальновидные из них знают прочность и долговечность России.

А. де Токвиль в заключении своей книги *de la Democratie en Amerique*¹, весьма умной книги, признает в целом мире только два государства самостоятельно могущественные и непоколебимо прочные: это Соединенные Штаты Северной Америки и наша Россия².

Примечание

Изложив мысли мои о социализме и коммунизме, я заметил, что одна из главных стихий этих новых умозрений: *общественное владение землею* существует с незапамятных времен в нашей России. Случайно встретил я подтверждение моей мысли в статье, напечатанной в мартовской книжке «Журнала Министерства народного просвещения», о двух современных экономических вопросах³.

¹ О демократии в Америке (франц.).

² Следует обширная цитата из названной книги А. Токвиля.

³ Далее следует обширная цитата из указанной статьи Н. А. Жеребцова (см.: ЖМНП. 1849. Ч. LXI. С. 257–261).

Был ли М. А. Фонвизин АВТОРОМ ЗАПИСКИ «О повиновении вышней власти» 1823 г.?¹

В советском декабристоведении прочно утвердилось мнение, что автором записки «О повиновении вышней власти и какой власти должно повиноваться» был один из видных декабристов — М. А. Фонвизин. С начала 1950-х гг. записка под его именем трижды появлялась в печати². Текст ее как произведения Фонвизина широко использовался и используется в различных работах советских историков³. Интерес этот вполне понятен: автор сосредоточивает внимание на таких важнейших событиях эпохи, как Венский конгресс, разделы Польши, революции в Испании и Италии, борьба греческого народа за независимость. Если вспомнить, что число сохранившихся публицистических произведений декабристов крайне незначительно⁴, а произведений, освещающих подобные животрепещущие вопросы, и того меньше, значение его станет еще более зримым.

¹ Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М., 1981. С. 29–39.

² Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. Т. 1. С. 485–491; Декабристы: Драматургия. Проза. Публицистика. Литературная критика. М., Л., 1951. С. 484–491; Замалеев А. Ф. М. А. Фонвизин. М., 1976. С. 131–143. Все три публикации с купюрами.

³ См., например: Ольшанский П. Н. Декабристы и польское национально-освободительное движение. М., 1959; Ковальская М. И. Движение карбонариев в Италии 1808–1821 гг. М., 1971; Замалеев А. Ф. Указ. соч.; Орлик О. В. Некоторые вопросы формирования внешнеполитической программы декабристов // Международные отношения и внешняя политика СССР: История и современность. М., 1977. С. 154.

⁴ Азадовский М. К. Затерянные и утраченные произведения декабристов // Литературное наследство. М., 1954. Т. 59. Ч. 1. С. 716.

Вопрос об авторстве Фонвизина, однажды принятый на веру, никогда не подвергался изучению, так как не вызывал сомнений. Однако теперь, когда все известное его творческое наследие, включая и письма, собрано воедино, изучается и издается¹, возникли серьезные сомнения в этой атрибуции. Чтобы объяснить их, рассмотрим прежде всего историю публикации и атрибуции этого произведения.

Записка была обнаружена и опубликована в 1916 г. внуком декабриста И. Д. Якушкина Е. Е. Якушкиным². В короткой вступительной заметке, предворяющей публикацию, Е. Е. Якушкин писал, что записка извлечена им из бумаг его отца Е. И. Якушкина и что на ней «нет имени автора», но сохранилась помета Е. И. Якушкина: «Из бумаг Пущина». Опасаясь, видимо, что помета может быть истолкована как свидетельство в пользу авторства Пущина, Е. Е. Якушкин счел необходимым высказать несколько соображений относительно ее атрибуции. Решительно отвергая принадлежность ее Пущину («Самому Ив. Ив. Пущину статью эту по содержанию ее приписать нельзя»), он осторожно предположил, что записка могла принадлежать «кому-нибудь из товарищей Ив. Ивановича по тайному обществу». Свое мнение Е. Е. Якушкин подкреплял указанием на то, что среди бумаг Пущина, хранящихся в семейном архиве Якушкиных, имеется «еще несколько вещей, несомненно, переданных ему его товарищами». Хотя записка и не имела даты, но хронологические указания в ее содержании позволили Е. Е. Якушкину легко и правильно датировать ее по содержанию началом 1823 г.³

Написал свое предисловие к публикации и тогдашний редактор «Голоса минувшего» В. И. Семевский. Именно он назвали предположительно имя М. А. Фонвизина как наиболее вероятного, с его точки зрения, автора записки «О повиновении вышней власти». Авторитет В. И. Семенова, автора единственного к тому времени исследования о Фонвизине⁴, и приведенные им аргументы показались настолько убедительными, что, как это нередко бывает в науке, гипотеза приобрела впоследствии вид неопровержимой истины. Прав-

¹ Фонвизин М. А. Сочинения и письма. Т. 1. Дневник и письма / Издание подготовлено С. В. Житомирской и С. В. Мироненко. Иркутск, 1979.

² Голос минувшего. 1916. № 10. С. 133–154.

³ Рукопись записки, обнаруженная Е. Е. Якушкиным, хранится в архиве Якушкиных (ГА РФ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 262). Она написана двумя почерками на голубоватой тряпичной бумаге, не имеющей филиграней, но современной дате сочинения записки

⁴ Семевский В. И. Михаил Александрович Фонвизин: Биографический очерк // Общественные движения в России в первую половину XIX века. СПб., 1905. Т. 1. Декабристы.

да, Семевский не скрывал, что при атрибуции испытал некоторые колебания. «При первом прочтении этой записки, — писал он, — у меня явилось было предположение, не написана ли она М. Ф. Орловым, интересовавшимся вопросами внешней политики». Однако мысль эта была им отвергнута из-за известного полонофобства М. Ф. Орлова, которое противоречило взглядам автора записки.

Что же заставило В. И. Семевского склониться к предположению об авторстве М. А. Фонвизина? Главным образом, сопоставление анонимной записки с написанным в конце 1840-х гг. трудом Фонвизина «Обозрение проявлений политической жизни в России». Указав, что в «Обозрении...» автор высказывал сочувствие «дарованию» Польше конституции и не одобрял ее нарушение Александром I, сочувствовал требованиям конституционного строя в Германии, упоминал о возникновении движения карбонариев вследствие ненависти к Австрии, решительно порицал отношение Александра I к греческому восстанию, В. И. Семевский заключал: «Такие же взгляды мы находим и в печатаемой записке». Кроме того, прекрасное знание автором записки Священного писания и богословских трудов казалось ему соответствующим религиозности и богословским интересам Фонвизина. Наконец, принадлежность записки перу Фонвизина подтверждалась, по мнению Семевского, отчасти и тем, «что она сохранилась в бумагах И. И. Пущина, который служил в Москве, затем был дружен с М. А. Фонвизиным во время ссылки, а по смерти его женился на его вдове»¹.

Как видим, предложенная Семевским атрибуция не только не означала окончательного решения вопроса, но и не претендовала на это. В короткой заметке Семевский лишь высказал свои предположения, пытаясь найти автора записки среди близких И. И. Пущину декабристов и не задаваясь целью углубляться в изучение вопроса. Поэтому в его заметке содержится не сравнительный анализ записки и произведения Фонвизина, а лишь краткое указание на их сходство, не характеристика религиозности Фонвизина и определение времени ее возникновения, а только ее констатация вообще. Вопрос о сравнении стиля записки и известных произведений Фонвизина, его писем вообще не ставился. Гипотетичность мыслей Е. Е. Якушкина и В. И. Семевского подтверждалась тем, что при публикации имя Фонвизина не появилось в заглавии записки: она была напечатана как анонимная «Записка декабриста 1823 года».

¹ Голос минувшего. 1916 № 10. С. 134–135.

Надо подчеркнуть, что, оставаясь в рамках соображений В. И. Семевского, вообще невозможно, на наш взгляд, определить, кто был автором записки «О повиновении вышней власти». Перечисленные им черты мировоззрения предполагаемого автора даны в столь общей формулировке, что не позволяют выделить какое-либо определенное лицо. Осуждение реакционной политики Священного союза, сочувствие национально-освободительным движениям, европейским революциям — не характерная особенность, отличающая одного конкретного человека от достаточно широкого круга современников, а, напротив, черта умонастроений лучших людей целого поколения.

Для сколько-нибудь обоснованного суждения о том, был ли автором записки «О повиновении вышней власти» М. А. Фонвизин, необходимо, как нам кажется, прежде всего рассмотреть гораздо подробнее, чем это было некогда сделано, ее замысел и содержание.

Перед нами публицистическое произведение с очень определенной политической направленностью, необыкновенной остротой содержания и резкостью тона. Откровенное и ничем не замаскированное изложение автором своих взглядов, красноречивое осуждение им всей внешней политики Александра I и недобросовестности ее принципов, недвусмысленная оценка системы, установленной в Европе Священным союзом, как попрания истинного права и замены его разбойничьим правом силы — все это, несомненно, исключало возможность публикации записки в России. Она создавалась, таким образом, либо с расчетом на распространение в списках, либо, что более вероятно, для анонимной публикации за границей. Это важно иметь в виду при анализе ее содержания.

В центре внимания автора актуальные вопросы европейской жизни конца 1810-х — начала 1820-х гг.: проблемы национального суверенитета, права народов самим определять свой внутренний политический строй, незаконности вмешательства в их жизнь Священного союза. Все это рассматривается, однако, не само по себе, а в связи с укоренявшейся тенденцией европейской реакции, объединившейся в Священном союзе, оправдывать свои действия известным евангельским текстом о повиновении властям, по мнению автора, толкуемым неправильно. Рассматриваемую записку открывает именно цитата из послания апостола Павла: «Всякая душа да будет покорна высшим властям; ибо нет власти не от Бога,

а существующие власти от Бога учреждены»¹. Признавая важность этих слов для политической борьбы, автор считал необходимым «узнать точное значение сего текста, столь важного для политического и гражданского бытия всех европейских государств» (С. 135), чтобы положить предел его произвольному толкованию и лишить беспринципных политиков возможности прикрывать ссылкой на евангельский авторитет свои не соответствующие христианским принципам поступки. Исходя из того, что повиновение власти не может в принципе означать повиновения всякой существующей власти, автор записки предлагал читателю обратиться вместе с ним к ближайшей европейской истории, чтобы попытаться отыскать там «примеры ясных событий», которые смогут «утвердить или опровергнуть мнение о необходимости повиновения всякой власти существующей» (С. 136).

Большая часть статьи посвящена анализу и оценке действий европейских правительств с конца XVIII в. до современности. В числе событий, рассмотренных автором: разделы Польши, последствия для европейских государств Наполеоновских войн, Венский конгресс и деятельность Священного союза вплоть до Веронского конгресса (осень 1822 г.), который, как пишет автор, состоялся «несколько месяцев тому назад» (С. 146). Все события разбираются автором только с одной точки зрения: насколько и каким образом они повлияли на изменение власти в каждой стране. Признание всеми европейскими государствами, кроме Англии, разделов Польши, территориальных захватов, осуществленных Наполеоном, смены им одних правителей другими доказывает, по словам автора, утверждение «нового политического права, гласящего народам: *повинуйтесь властям существующим*, не заботясь о вчерашних законных» (С. 138). Не изменил этого принципа и Венский конгресс, который «сказал иным народам: *повинуйтесь законным властям*; другим: *повинуйтесь новым властям или, правильнее, повинуйтесь силе*» (С. 144). Наконец, решение Лайбахского конгресса об аннексии Австрией Неаполя и признание на Веронском конгрессе свободы действий Франции в отношении Испании с обещанием ей в случае необходимости военной помощи окончательно подтвердили, что европейские правительства придерживаются принципа: «повиновение силе, не разбирая права» (С. 149). Не найдя, таким образом, в реальной политике примера сле-

¹ Голос минувшего. 1916. № 10. С. 135 (далее ссылки на страницы записки даны в тексте в скобках).

дования евангельскому тексту, автор попытался найти правильное его понимание в нем самом. «Мы прибегнем теперь к другому способу: к истолкованию текста св. Павла», — писал он (С. 149). Анализируя буквальное значение текста, автор записки приходил к выводу, что первоначально, когда число христиан было незначительно и они, скитаясь по свету, неизбежно должны были подчиняться порядкам той страны, в которой оказались, эти слова апостола Павла призывали их повиноваться всякой существующей в той стране власти. Иначе и не могло быть во времена, когда христианство только завоевывало своих приверженцев. Теперь, однако, дело обстоит иначе. Ссылаясь на то, что и ряд других текстов Ветхого и Нового заветов потерял свое первоначальное значение из-за изменившихся условий, автор записки полагал, что к ним в известной степени следует отнести и разбираемые слова апостола Павла. Однако он все же не хотел окончательно отказаться от применения этого текста к современным событиям. «*Повинуйтесь законным властям*, — восклицал он в конце, — вот мое толкование или мнение, все равно: другого нельзя иметь насчет сего текста, произведшего великие заблуждения между христианскими народами. Или должно отвергнуть сей текст как не принадлежащий нашим временам, или должно согласиться, что он значит: *повинуйтесь законным властям*; в противном случае суеверие и тиранство всегда будут им пользоваться как благоприятным орудием для них, как мечом обоюдоострым» (С. 152–153).

Из дальнейшего рассуждения становится ясным, что под «законной властью» автор понимает любую национальную власть. Народы, по его мнению, не должны подчиняться власти, навязанной им извне — в результате ли международных соглашений или же волей завоевателя. «В Саксонии, — говорил он, — должно повиноваться саксонской, а не прусской власти; в Неаполе — неаполитанской, а не австрийскому военному правлению; в Гишпании — гишпанским кортесам, а не решению Веронского конгресса». «Всякий простейший человек понимает, что значит повиновение законной власти», — прибавлял он (С. 153).

Записка заканчивается краткой, но выразительной защитой христианской религии от обвинения, «будто она поддерживает самовластие и потакает оному». По мнению автора, Ветхий и Новый завет дают полное основание утверждать, что «Бог благоприятствует более народному или республиканскому правлению, нежели деспотическому» (С. 153–154).

Каким же представляется мировоззрение автора этого сочинения? Сознание его вполне религиозно, и выяснение истинной сущности евангельского текста имеет для него значение не только в связи с анализом жгучих европейских проблем. Возможность согласовать христианское вероучение с современностью — вопрос существенный в системе его взглядов. Кроме того, человек этот обладал серьезной эрудицией в богословии и истории церкви.

Что касается его политических взглядов, то следует отметить прежде всего, что в принципе он решительно осуждал деспотические режимы: «Самовластие между правлениями есть то же, что черный цвет между цветами, то есть отсутствие цвета» (С. 153). Деспотизм и самодержавие в его глазах — незаконные формы правления, о которых «нечего говорить», пока их не заставят войти в законные рамки. Переходя к проблеме отношения к деспотическим режимам в реальной действительности, автор полностью следует просветительской традиции. «Нельзя отвергнуть, — говорится в записке, — чтобы повиновение деспотической власти до весьма малой степени не имело своей пользы». Заключается она в том, что «лучше иметь дурное правление, нежели никакого и быть подвергнуто безначалию». В духе той же просветительской концепции автор заявлял, что «народ, повинующийся самовластию, вероятно, не знает лучшего правления и терпит по невежеству зло, которого не может, не умеет отвратить», и призывал народы хотя и с «сокрушенным сердцем», но повиноваться власти в своей стране, какова бы ни была ее форма. Все надежды на изменение деспотических форм правления автор записки возлагал на силу просвещения. «Когда просвещение, — писал он, — подобно солнцу, озаряющему попеременно весь шар земной, достигнет и до сих несчастных народов, самовластие исчезнет, как воздушный пар, и страдавшие от долговременного своего малолетства народы выйдут из-под опеки самовластия, возбужденные новыми силами, новыми мыслями и новыми убеждениями» (С. 153). Нельзя не признать, что этот четко сформулированный просветительский взгляд на пути социального прогресса и политических преобразований далек от декабристской идеологии, как она сформировалась к 1823 г.

Рассматривая конкретные проявления борьбы за изменение внутреннего устройства различных стран, автор записки признавал право каждой нации на выбор любой формы правления. Осуждая решения Лайбахского конгресса, признавшего незаконной неаполитанскую конституцию, он писал, что это сделано так, будто «само-

стоятельная нация не имеет права перемещать образ своего правления и устанавливать новые законы внутри своих пределов до тех пор, пока она не нарушает спокойствия своих соседей» (С. 144). Аналогичным образом решал он вопрос и о других европейских революциях 1820-х гг. Естественно, что эта позиция сочетается в записке с осуждением внешней политики правительства Александра I и деятельности Священного союза вообще. Особенно резко обрушивался автор на Тильзитский мир как на первый пример антинационального соглашательства со стороны Александра I. «История от сотворения мира, — горячо восклицал он, — не представляет нам подобного трактата, который даже и Парижским трактатом не может быть заглажен». Заклучив этот договор, Александр I нарушил одно из обязательных, с точки зрения автора, для великих держав правил внешней политики: не отступать перед лицом угроз, а бороться с неприятелем до конца. «При заключении Тильзитского мира, когда еще российские пределы оставались неприкосновенными, — писал он, — не было закона необходимости усторонить Россию от влияния в европейские дела и согласиться предварительно на все перемены и постановления, какие вздумается Наполеону сделать» (С. 140). Всю внешнюю политику ведущих европейских государств автор называет «кривой», утверждая, что в своей деятельности европейские кабинеты «при всех случаях руководствуются более своекорыстными видами, нежели целью общего блага, в манифестах провозглашаемого» (С. 140). Стремление автора показать несоответствие реальных действий европейских политиков провозглашаемым ими публично принципам отчетливо видно во всех рассматриваемых в статье сюжетах. Особенно ярко оно проявилось в анализе результатов деятельности Венского конгресса и оценке Священного союза. «Просто сказать, Священный союз под честным именем составлен единственно в намерении, чтобы защитить то, что несправедливым образом было захвачено и что впредь может быть похищено», — резюмировал свое рассуждение автор. Священный союз первыми же своими шагами доказал, «сколь он противоречит своими поступками святости проповедуемых правил» (С. 142). Особый гнев автора вызывала политика европейских государств в отношении Польши, а разделы ее он считал проявлением неслыханного в истории народов произвола. «Со времени Вестфальского мира, — писал он, — не было подобного примера нарушения, уничтожающего силою манифеста законный порядок и существование целого государства». Именно здесь его темпе-

рамент особенно резко прорывался наружу. «Какое богохульство! Вся Европа ужаснулась», — восклицал он, напоминая, что совершившие это государства соединились «ныне под именем *Священного союза*» (С. 137).

Из всех европейских государств только Англия пользовалась постоянной и горячей симпатией анонимного автора. Он не упускал случая везде оговориться, что в своей критике имел в виду все европейские страны, «кроме Англии, которая никогда не отступала от своих правил» (С. 138). С пристальным вниманием следил он за прениями в английском парламенте, и вообще именно Англия служит ему образцом государственного устройства: «Английская конституция, конечно, лучшая не в теории, но потому, что она существует уже несколько сот лет» (С. 147).

При внимательном чтении записки обнаруживаются еще некоторые черты, помогающие представить себе ее автора. Отличительной особенностью всего ее построения и аргументации является рассмотрение всех вопросов исключительно с точки зрения межгосударственных отношений. При анализе вопроса о том, какой власти следует повиноваться, — вопроса, актуальнейшего для передовой русской общественной мысли 1820-х гг., автор удивительным образом игнорировал внутреннее положение и России, и других европейских государств, обсуждая лишь свой общий тезис о законности национальной власти и незаконности внешнего вмешательства. В проблеме же внешней политики автор записки вникает настолько глубоко, что из рассуждений на тему о повиновении властям выводится целая основательно продуманная доктрина принципов международной политики, основу которой составляют «точность, верность, справедливость», взаимная выгода, неприменение силы (С. 143). Это, а также несомненная глубокая осведомленность автора в подобной проблематике заставляют даже предположить в ней сферу каких-то специальных интересов и долгих занятий автора. Об этом же говорит, как кажется, и необыкновенная острота реакции на каждый пример коварства и обмана в дипломатии, и резкость полемики с современной европейской дипломатией вообще.

Касаясь европейских революций того времени, автор почти не задевал подготовившего их революционного движения. Говоря о Наполеоновских войнах, он ничего не писал о Тугенбунде и национально-освободительной борьбе в Германии; итальянских карбонариев упоминает только как борцов за независимость («Не зная в точно-

сти состава сих тайных обществ, мы не можем ни порицать, ни защищать их. Известно, однако, что главная цель карбонариев состоит единственно в том, чтобы доставить независимость всей Италии. Прекрасная мысль!» — С. 144).

Все вышеизложенное убеждает в том, что, выступая в принципе против деспотизма, автор не ставит борьбу с ним в центр своих рассуждений.

Политические взгляды автора записки принадлежат, несомненно, к кругу прогрессивных воззрений его времени. Нет, однако, оснований искать его среди членов тайного общества. Этому противоречит и преобладание в его идеологии просветительских моментов, и отсутствие в записке (хотя для этого были все возможности в связи с ее темой) постановки кардинальных программных вопросов декабризма, и, наконец, та осторожность, с которой автор высказывается о тайных обществах в Западной Европе. В записке, явно не предназначенной для русской печати, декабрист вряд ли стал бы уклоняться от таких важных проблем. Из более частных примет подчеркнем присущее автору и широко распространенное тогда в передовом русском общественном мнении восхищение Англией и значительно менее распространенное полонифильство.

Справедливо ли предположение, что анонимным автором записки «О повиновении вышней власти» является декабрист М. А. Фонвизин? Фонвизин был человеком широкого политического кругозора, но ни в его деятельности до 1825 г., ни в трудах, написанных в 1840–1850-е гг., ничто не указывает на какой-либо специальный интерес к вопросам международной политики. Его 15-летняя военная карьера не открывала объективных возможностей приобрести личный опыт в этой области¹. В произведениях Фонвизина, в том числе в специально рассматривающем эпоху Александра I «Обзрении проявлений политической жизни в России», внешнеполитические вопросы занимают гораздо более скромное место, чем проблемы политического развития страны.

Значительно отличаются от воззрений автора записки и политические взгляды Фонвизина. Хотя просветительская струя была им в известной степени свойственна, но активный член тайного общества, выступивший на съезде 1821 г. с проектом его конспиративной реорганизации, участник подготовки вооруженного выступления

¹ См. об этом подробнее в статье: Декабрист М. А. Фонвизин // Фонвизин М. А. Дневник и письма. Иркутск, 1979.

в Москве в 1825 г. был прежде всего дворянским революционером, и его мировоззрение выходило далеко за пределы просветительских идей, выраженных в записке. Совершенно невозможна в устах Фонвизина и содержащаяся в записке уклончивая и осторожная оценка западноевропейских тайных обществ. Она противоречит пафосу всего его наследия, посвященного в значительной мере обоснованию закономерности их возникновения и справедливости требований. «Народы, обманутые в своих ожиданиях правительствами, прибегли против их явных угнетений к средствам сокровенным. По всей Европе учредились тайные политические связи с целью исторгнуть у правительств конституционные постановления. В Италии, под ненавистным ей австрийским владычеством, учредились тайные союзы (венты) карбонариев; в германских университетах образовался студенческий союз (Burschenschaft), раскинувший ветви свои по всей немецкой земле; во Франции — тайные политические общества под разными названиями. Цель у всех этих сокровенных союзов была одна: противодействовать монархической реакции правительств и освободить народы от их самовластия», — писал М. А. Фонвизин в «Обзрении проявлений политической жизни в России»¹.

Удивительно, что, отклоняя из числа возможных авторов записки М. Ф. Орлова на основании его отношения к польскому вопросу, В. И. Семевский не отказался по этой же причине от идеи об авторстве М. А. Фонвизина. Отношение к этому вопросу Фонвизина в молодые годы с достаточной ясностью отразилось в его произведении «Одно из воспоминаний моей молодости», опубликованном еще в 1881 г. и использованном самим Семевским в биографическом очерке о Фонвизине. Рассказывая там о своем знакомстве в 1807 г. с польским монахом, которого одушевляла «любовь к Польше и надежда на ее восстановление», Фонвизин писал: «Когда наши беседы касались политики, то очень естественно, что всякий раз мы оба рассуждали, он как поляк, а я как русский, и между нами завязывалась горячая полемика»². Об устойчивости этой позиции Фонвизина свидетельствует и роль его в Московском заговоре 1817 г., возникшем, как известно, в связи с предположением о возможных акциях Александра I в пользу Польши. Косвенно о его взглядах можно судить и по

¹ Общественные движения в России в первую половину XIX века. СПб., 1905. Т. 1. С. 180.

² Русская старина. 1881. № 8. С. 505–506. Отметим, что сам Семевский в выписках для биографического очерка о Фонвизине записал по поводу этого эпизода: «Русская точка зрения» (ГА РФ. Ф. 801. Оп. 1. Д. 205. Л. 482).

тому равнодушию к польскому вопросу, какое проявилось в «Обзрении проявлений политической жизни в России». Ни одним словом не осуждал Фонвизин раздел Польши и не замечал как будто его завершения на Венском конгрессе. Вот что он писал об этом: «По низвержении французского колосса, полновластно располагавшего судьбами Европы, она совершенно изменила вид. Россия возвеличилась, и если бы Александр остался верен своим прежним убеждениям, то мог бы со славою победителя и миротворца соединить еще большую славу восстановителя свободы народов. Последнее его либеральное действие было дарование конституционных учреждений Польше, присоединенной к России Венским конгрессом. Для русских она названа Царством Польским... для Европы же и самой Польши она восстанавлилась как королевство самобытное, имеющее одного с Россиею государя, собственное законодательство, управление, финансы и войско»¹. Пропать, лежащая между этими представлениями и мыслями автора записки, очевидна и не нуждается в пояснениях.

Не совсем так, как представлял себе Семевский, обстоит дело и с вопросом о религиозности и богословских познаниях М. А. Фонвизина. Эти черты были ему действительно свойственны, но гораздо позднее, в Сибири. В 1840–1850-е гг. он приобрел широкую богословскую эрудицию, много переводил в этой области и был даже автором оригинальных богословских сочинений². В эти годы религиозность стала неотъемлемой и многое определяющей чертой его мировоззрения. В пору декабристского движения и вообще в молодости это было ему чуждо и не выходило за пределы самых обыденных тогда религиозных верований. Находясь в Петропавловской крепости, Фонвизин писал в своем дневнике 13 июня 1826 г.: «Несчастью моему обязан я тем, что в первый раз испытал я силу и сладость сердечной молитвы к Богу... Господи! Благодарю тебя за испытание, которое ты послал мне, молю тебя, да не изгладятся из души моей чувства сии»³.

Как ни мало сохранилось писем М. А. Фонвизина, относящихся ко времени до восстания 14 декабря, нельзя не заметить в них полного отсутствия каких бы то ни было религиозных мотивов и богословских ассоциаций. В своих воспоминаниях о М. А. Фонвизине близкая к его семье М. Д. Францева писала, что его жена «своею глубокою ре-

¹ Общественные движения в России в первую половину XIX века. С. 179.

² Несколько замечаний к богословиям архимандритов Макария и Антония // ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. № 2949

³ Фонвизин М. А. Дневник и письма. С. 96.

лигиозностью имела огромное влияние на мужа, так что под ее влиянием из человека, равнодушного к религии, и он сделался тоже горячо верующим»¹. Однако это произошло не в течение нескольких месяцев, а в результате долгого и сложного процесса. Сама Н. Д. Фонвизина только в 1844 г. с удовлетворением сообщала своему духовнику С. Я. Знаменскому об окончательно совершившемся в ее муже повороте к религии².

И, наконец, стилистические особенности записки «О повиновении вышней власти...»: речь от первого лица («тут я вижу», «я отвечаю», «я знаю»), резкость эпитетов, обилие восклицаний и неукротимый темперамент автора, соответствующий полемическому характеру записки, находятся в бросающемся в глаза противоречии со свойственной Фонвизину крайней сдержанностью тона и объективированной манерой изложения. В этом отношении все написанное Фонвизиным в течение жизни в высшей степени однородно.

Вышесказанное заставляет отказаться от предположения о том, что это примечательное произведение принадлежит М. А. Фонвизину. Взгляды анонимного автора, которые мы постарались подробно изложить выше, позволяют искать его среди сравнительно широкого круга современников. Но это уже задача другого исследования.

¹ Русская старина. 1885. № 11. С. 288.

² Литературный сборник / Изд. редакции «Восточного обозрения» СПб., 1885. С. 317.

ЖУРНАЛЫ И ДОКЛАДНЫЕ ЗАПИСКИ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА ПО ДЕЛУ ДЕКАБРИСТОВ¹

Журналы и докладные записки занимают важное место в делопроизводстве Следственного комитета. Только по ним можно проследить день за днем, шаг за шагом весь ход следствия. Именно журналы и докладные записки служат тем звеном, которое объединяет в единое целое весь огромный комплекс следственных материалов.

Содержание журналов и докладных записок составляет последовательная запись всех вопросов, рассмотренных на заседаниях Следственного комитета. Из нее мы узнаем, когда и какой декабрист был устно допрошен в Комитете, когда впоследствии там были прочитаны его письменные показания, когда и с кем даны очные ставки, удовлетворилось ли следствие полученными данными или было решено продолжить расследование и допросить новых лиц. В журнале фиксировались также оглашенные в Комитете распоряжения Николая I по ведению следствия, в журналах и докладных записках отражалось чтение на заседаниях внесенных в Комитет официальных бумаг и многое другое. Очевидно, наконец, значение журналов и докладных записок как единственных официальных документов, прямым назначением которых была точная фиксация принятых Комитетом решений.

Наибольшее внимание историков декабризма в журналах и докладных записках привлекают, конечно, записи о показаниях членов тайных обществ. Чтобы оценить эти записи как источник для исто-

¹ Восстание декабристов. Документы. Т. XVI. Журналы и докладные записки Следственного комитета М.: Наука, 1984. С. 9–26.

рии движения декабристов, нужно хотя бы в самом общем виде обрисовать сложившуюся в Комитете систему следствия. Схематически ее можно представить следующим образом.

Вначале арестованный декабрист попадал на допрос к В. В. Левашову, а иногда к царю (в первые дни, еще до создания Комитета, кроме Левашова в допросах принимал участие К. Ф. Толь¹); Левашов записывал свои вопросы и ответы подследственного, составляя таким образом протокол допроса. Переданный в Комитет протокол вместе с имеющимися там другими материалами о данном лице (сведениями из доносов, из показаний декабристов) становился основой для составления письменных вопросов — так называемых вопросных пунктов, готовившихся чиновниками канцелярии Комитета. Когда вопросные пункты были готовы, декабриста доставляли для допроса в Комитет. Здесь протокол уже не составлялся, но показания, несомненно, тем или иным образом фиксировались — ведь без этого невозможно было бы составить текст записи для журнала и докладной записки. В отличие от протоколов допросов В. В. Левашова и К. Ф. Толя эти черновые записи до нас почти не дошли. Устно допросив арестанта на основании заранее составленных письменных вопросов², Комитет принимал, как правило, решение послать ему те же вопросные пункты для письменных ответов. Следующим этапом следствия становилось чтение этих ответов на заседании. Вся эта процедура — допрос в Комитете, посылка вопросных пунктов, обсуждение в заседании письменных показаний — могла повторяться несколько раз для уточнения все новых и новых обстоятельств. Во многих случаях вопросные пункты посылались подследственному и без предварительного устного допроса. Бывало и так, что декабристы по своей инициативе отправляли письменные показания в Комитет или обращались к его председателю и членам, а иногда прямо к царю с письмами, содержащими сведения о деятельности автора в тайном обществе. В обоих случаях эти документы зачитывались и обсуждались в Комитете.

К концу деятельности Комитета в его практике стали широко использоваться очные ставки. Они проводились следующим образом.

¹ Журнал генерал-адъютанта графа К. Ф. Толя о декабрьских событиях 1825 года. СПб., 1910. С. 30–32.

² Использование на устном допросе подготовленных письменных вопросов подтверждает запись в журнале о допросе 13 апреля декабриста Арбузова: «Сначала продолжал по-прежнему упорно запереться, но потом, видя из читанных ему вопросных пунктов, что все малейшие обстоятельства в подробностях правительству известны, оказал раскаяние».

В канцелярии на основании письменных ответов составлялись краткие резюме показаний двух декабристов, в чем-то противоречивших друг другу. Затем обоих доставляли в Комитет и каждому по отдельности зачитывали показания другого. Если один участник очной ставки с предъявленными ему показаниями соглашался, то на этом дело заканчивалось, и лицом к лицу декабристов не сталкивали. Если же снова возникали противоречия, то декабристов тут же (но снова поодиночке) допрашивали. И реальная очная ставка производилась только в крайнем случае упорных противоречий с обеих сторон. Показания, данные на очной ставке, кратко записывались присутствовавшим при ней чиновником и подписывались каждым из декабристов¹.

Каждый из описанных этапов следствия фиксировался в журналах и докладных записках в виде краткой (лишь в отдельных случаях довольно пространной) записи. Таким образом, в журналах и докладных записках присутствуют четыре типа записей о показаниях декабристов: 1) о чтении протоколов устных допросов, проведенных Левашовым и Толем; 2) об устных допросах декабристов в Комитете; 3) о чтении в Комитете их письменных показаний; 4) об очных ставках.

Письменные ответы на вопросные пункты, документации очных ставок, письменные обращения декабристов в Комитет находят, как известно, в их персональных следственных делах. Возникает, естественно, вопрос: содержат ли журналы и докладные записки такую информацию о движении декабристов, которую нельзя почерпнуть из этих дел? Иными словами, являются ли журналы и докладные записки в какой-либо степени первоисточником для истории движения декабристов или имеющиеся в них сведения вторичны и просто повторяют то, что уже известно из других следственных документов?

Записи о допросах Левашова, письменных показаниях и очных ставках основаны на документах, имевшихся в руках составителей журна-

¹ Характерным примером такой организации очной ставки является очная ставка И. Д. Якушкина с П. А. Мухановым, состоявшаяся 3 мая (Восстание декабристов. Т. III. С. 176). Якушкин, рассказавший о ней в своих «Записках», даже не понял, что это была очная ставка. Он писал: «На другой день меня повезли в Комитет. За красным столом сидел один Чернышев. Он торжественно прочел мне мое показание, написанное не моею рукою... спросил меня потом, готов ли я подтвердить мое показание. Я ответил, что подтверждаю его... После этого меня вывели в другую комнату, из которой я слышал разговор Чернышева с Мухановым.... Я ожидал как пытки очной ставки с Мухановым и вздохнул свободно только тогда, когда по прочтении моего показания Муханов сказал: „Я не запираюсь...“» (Записки, статьи, письма И. Д. Якушкина. М., 1951. С. 78).

лов и докладных записок, вошедших в следственные дела отдельных декабристов и публикующихся теперь в их составе в томах серии «Восстание декабристов». Понятно, что первоисточником здесь являются не записи в журналах и докладных записках, а те документы, на основе которых они составлялись. Поэтому на роль первоисточника в журналах и докладных записках могут претендовать лишь записи об устных допросах декабристов. Они, вероятнее всего, составлялись по черновым записям, сделанным в ходе самого заседания и сохранявшимся крайне редко: как, например, запись показания П. Г. Каховского, сделанную А. Д. Боровковым 25 декабря 1825 г. (Восстание декабристов. Т. I. С. 342) или запись Д. И. Вахрушевым допросов И. Л. Гончарова и И. С. Фадеева 4 апреля (ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 153. Л. 10–11 об.). После составления журналов и докладных записок такие записи почти всегда уничтожались.

Поэтому записи в журналах и докладных записках об устных допросах в Комитете, особенно в тех случаях, когда они раскрывают содержание ответов, должны привлекать наше внимание. На первый взгляд кажется, однако, что значение их не так уж велико: ведь после устного допроса те же вопросные пункты направлялись декабристу для письменного ответа. Если же на заседании вскрывались обстоятельства, не предусмотренные заранее подготовленными вопросами, то текст последних корректировался и дополнялся с учетом новых данных. Но даже выборочное сопоставление записей устных допросов в журналах и докладных записках с письменными ответами доказывает, что декабристы не всегда просто излагали письменно сказанное ими в ходе заседания. Порой они освещали факты в явном противоречии со своими устными показаниями. Приведем несколько примеров.

Еще в 1927 г. Б. Е. Сыроечковский, комментируя следственное дело Пестеля, обратил внимание на то, что записи его устных допросов в журналах Комитета содержат «некоторые подробности», отсутствующие в письменных ответах. Так, 13 января Пестель, судя по записи в журнале, говорил на заседании Комитета «о намерении поляков отделиться от России во время революции в Неаполе», о своем противодействии бобруйскому плану, о прекращении своих связей с Орловым. Но в его письменных показаниях обо всем этом нет ни слова. 1 апреля Пестель показал на допросе, что еще в Тульчине был предупрежден Юшневским о доносе Майборода; этого он тоже не повторил письменно¹.

¹ Восстание декабристов. Т. IV. С. 437, 439. Вряд ли можно согласиться с мнением М. Н. Покровского, будто из показаний Пестеля не видно, «чтобы он серьезно учитывал инфор-

Аналогичные примеры можно привести и в отношении других декабристов. Лишь журнальная запись допроса С. И. Муравьева-Апостола 5 апреля сохранила исполненные мужества и благородства слова, ярко освещающие нравственную чистоту и стойкость убеждений этого выдающегося декабриста. «В заключение изъявил, — записал чиновник Комитета, — что раскаивается только в том, что вовлек других, особенно нижних чинов, в бедствие, но намерение продолжает почитать благим и чистым, в чем Бог один его судить может и что составляет единственное его утешение в теперешнем положении».

Записи устных допросов не только открывают нам новые, совершенно не отразившиеся в следственных делах факты истории движения декабристов. Оказывается, одно и то же событие, один и тот же эпизод, поступок мог быть по-разному освещен декабристом — сперва на устном допросе в присутствии Комитета, а потом наедине с самим собой в камере Петропавловской крепости. Формальное совпадение сюжетов показаний на устном допросе и в письменных ответах вовсе не означает еще совпадения показаний по существу. Вернемся к допросу П. И. Пестеля 1 апреля и продолжим сравнение письменных ответов с записью устного допроса в журнале, начатое, но не исчерпанное до конца Б. Е. Сыроечковским.

В числе вопросов, заданных в этот день Пестелю, был вопрос о замысле создания особого отряда цареубийц: «Подполковники Сергей и Матвей Муравьевы и Поджио и Бестужев-Рюмин показывают, что вы для исполнения преступного намерения, означенного в предыдущем пункте, предполагали составить из нескольких отважных людей партию под названием *garde perdue* и поручить оную Лунину, известному по его решительности». В следующем пункте обвинение подкреплялось новыми показаниями и, в частности, свидетельством А. В. Поджио о словах, сказанных ему Пестелем: «Я поручил уже князю Бястинскому и Бестужеву-Рюмину приготовить мне двенадцать человек решительных для сего!!!»¹ На допросе в Комитете Пестель так ответил на это: «Никогда не имел намерение составить особую шайку из 12-ти отважных людей под именем „*garde, cohorte*“ или „*enfants perdus*“ и о сем ни Лунину, ни же кому-либо другому никогда не говорил; но Бестужев-Рюмин хотел основать особое общество решительных людей под на-

мацию, шедшую через этого провокатора» (Там же. С. X). Журнальная запись доказывает, что Пестель хорошо знал о предательстве Майбороды, хотя не мог, конечно, представлять себе объема и конкретного содержания его доноса.

¹ Восстание декабристов. Т. IV. С. 142–143.

званием „la revolution“, дабы отличить оное от настоящего общества, которое именовал „la conspiracy“. Письменные ответы Пестеля содержат весьма важные отличия от этого устного показания. Отрицая какие-либо переговоры с Луниным и Поджио о царевбийственном отряде («Я с Поджио никогда про Лунина не говорил и сего намерения в отношении к Лунину не имел и не мог иметь, ибо одно уже местопребывание Лунина делало сие невозможным. К тому же не имел я с сего 1820 года никакого известия о Луине»), Пестель все же признал существование подобного замысла («Намерение извести государя императора, конечно, ведет к составлению таковой партии»), но ответственность за него пытался возложить на других («вышеназванные члены, перемешав все вышесказанное, возлагают на меня всю вину сего предположения, в то время как о начатии действия и о способе скорого приступа к оному Васильковская управа заботилась более всех прочих, чему столь много доказательств, и я не только не подстрекал ее, но, напротив того, неоднократно удерживал»).

Самое же существенное изменение претерпел в письменных показаниях Пестеля рассказ о намерениях Бестужева-Рюмина. Исчезло сообщение о плане создания в недрах тайного общества новой особой организации под знаменательным названием «революция», не сказано, что Бестужев-Рюмин называл тайное общество «конспирация», и вообще весь этот чрезвычайно важный для декабристской истории сюжет сужен Пестелем и отнесен только к белоцерковскому плану. «А справедливо то, — писал он в своих ответах, — что Бестужев хотел таковую партию составить для белоцерковского предположения и у меня спрашивал в 1824 году, не имеются ли в Тульчине способные на то люди, на что я отозвался, что не ручаюсь, чтобы таковые нашлись в Тульчинской управе. Сию партию называл он *Les conspirateurs*»¹.

В нашу задачу не входит, разумеется, объяснение причин этих различий в показаниях — этот вопрос требовал бы специального исследования, но значение признания, сделанного Пестелем на устном допросе в Комитете и сохранившегося только благодаря журналу и докладной записке, очевидно. Ясно, что изучение этого момента в истории движения не может опираться только на письменные показания Пестеля, содержащие одну версию замысла *garde perdue*, а обязано учитывать и другую, изложенную им устно².

¹ Восстание декабристов. Т. IV. С. 159.

² Интересно в этом плане свидетельство М. И. Муравьева-Апостола в письменных ответах на вопросы, посланные ему 10 апреля: «...Пестель старался в бытности своей в Петербур-

Естественно, что обе версии должны иметься в виду и при изучении поведения Пестеля на следствии, для чего сравнение устных показаний, отраженных в журналах и докладных записках, с последующими письменными его ответами дает богатый материал. В тот же день, 1 апреля, Комитет допрашивал Пестеля о совещании в Петербурге в 1820 г. на квартире Ивана Шипова. Чтобы ответ Пестеля был ясен, приведем весь текст вопросного пункта: «В собрании Коренной думы, происходившем в 1820 году у полковника Шипова в Преображенских казармах, когда некоторые из присутствовавших изъявили опасения свои насчет безначалия и беспорядков, могущих произойти при введении республиканского правления, то вы возразили, что сие могло отвратиться учреждением временного правления, а потом вы уже *слегка коснулись до необходимости царевубийства*. Сия последняя мысль возбудила сильный спор между князем Долгоруковым, восставшим против оной, и Никитою Муравьевым, поддерживавшим предложение ваше; на чем и самое собрание окончилось. Но в ответах своих об оном ничего не говорите. Поясните, каким образом сие происходило»¹. На устном допросе в Комитете Пестель отвечал: «Собрание у полковника *Ивана Шипова* в 1819-м году² не было совещание формальное Коренной думы Союза благоденствия, как у *Федора Глинки*, а только случайный съезд некоторых членов. Там было говорено о многом и между прочим и о политической перемене в государстве, но не рассуждали о том в виде правильного прения, и никакое заключение сделано не было. До необходимости царевубийства он (т. е. Пестель) не коснулся, и спор, происшедший между князем Долгоруким и Никитою Муравьевым, имел предметом не царевубийство, а временное правление»³.

В письменных же ответах Пестель, сохранив и даже несколько развив прежнее начало, о планах царевубийства писал прямо проти-

ге склонить директоров Северного общества на принятое намерение Южным обществом вводить новый порядок вещей посредством Временного правления. Он хотел, чтобы заговор состоял из людей, как бы сказать, вне общества, вот что ему и подало мысль составить, как он называл, *une cohorte perdue* под начальством Лунина. Он называл сие *le premier acte de la revolution*» (Восстание декабристов. Т. IX. С. 254) Бросается в глаза совпадение наименования «обреченного отряда», по приведенным показаниям, данное ему Пестелем, с названием, приписываемым самим Пестелем Бестужеву-Рюмину.

¹ Восстание декабристов. Т. IV. С. 140.

² В действительности — в 1820 г.

³ Анализируя записи устных допросов, надо постоянно иметь в виду, что это всего лишь сокращенное изложение обширных устных показаний, сделанное чиновником Комитета от третьего лица. При специальном источниковедческом анализе журналов и докладных записок поправка на указанную особенность необходима.

воположное показанному устно: «Что же касается до необходимости царевубийства, то напрасно мне приписывают первую мысль и первое предположение об оном: ибо в сей день не в первой раз говорено было об оном, как то уже доказывает Московский заговор 1817 года. Мы все имели несчастье сию мысль разделять долгое время прежде сего собрания, и в числе разделявших сию мысль был также и князь Долгоруков. Ежели он начал в сем случае спорить о сем с Муравьевым, то сие доказывает, как я уже неоднократно говорил, что часто члены спорили противу мнений, кои перед тем сами разделяли и кои потом опять своими объявляли. Спор же сей сделался сильным от личных колкостей, заменивших настоящий предмет разговора»¹. Слова «мы все имели несчастье сию мысль разделять долгое время прежде сего собрания» означали решительный отход Пестеля от прежней линии защиты.

Все долгие месяцы заключения в крепости он упорно и последовательно отрицал не только свою причастность, но даже и самую осведомленность о планах уничтожения императора и всей царской семьи. Еще 1 апреля он признавал справедливыми многие обвинения, давал довольно обширные и подробные показания, создавая тем самым у следователей впечатление своей полной откровенности, но участие в выработке и обсуждении планов царевубийства решительно отрицал. И, надо признать, добился в этом немалого успеха. В журнале заседания 1 апреля записано: «Допрашивали вторично для пополнения и пояснения прежних показаний полковника Пестеля: вообще казался откровенным и на все почти вопросы отвечал удовлетворительно». Запись эта как бы резюмирует общее положительное впечатление Комитета от допроса Пестеля, в том числе от отрицания им участия в подготовке царевубийства. Но о впечатлении, произведенном на следователей, Пестель ничего не знал. Вернувшись в камеру и получив вопросные пункты, он в ответах на них, прочитанных в Комитете 6 апреля, решился признать главное из предъявляемых ему обвинений.

Таким образом, только запись в журнале дает возможность точно восстановить историю этого кульминационного пункта следствия над Пестелем. Любопытно полное хронологическое совпадение линии поведения А. П. Юшневского при ответах на аналогичные вопросы с поведением Пестеля. О показаниях Юшневского на допросе

¹ Восстание декабристов. Т. IV. С. 155

1 апреля в журнале сказано: «К прежним ответам ничего не прибавил и отвечал отрицательно на все сделанные ему дополнительные вопросы». В письменных же ответах, зачитанных в Комитете 6 апреля, как и показания Пестеля, Юшневский признал практически все обвинения, в том числе и участие в замысле цареубийства¹. В журнале об этом записано: «Сознается во всем и оказывает откровенность, стараясь, однако, отклонять от себя, сколько возможно, прямое его участие во всех замыслах Южного общества».

Как доказывает все изложенное, журналы и докладные записки содержат новые, подчас чрезвычайно важные факты истории тайных обществ и наряду с этим дают немаловажный материал для восстановления биографий отдельных декабристов. Однако их историко-ведческая ценность этим далеко не исчерпывается. Первостепенное значение журналы и докладные записки имеют прежде всего для истории самого следствия, восстанавливая его общую картину.

Пользуясь журналами и докладными записками как путеводителем, ориентирующим исследователя во всей следственной документации, можно проследить постепенное накопление в руках следователей информации о задачах, характере, деятельности, участниках тайных обществ и достаточно точно реконструировать содержание и объем этой информации на каждом этапе следствия. Уже одно это способствует более глубокому пониманию направления следствия, формирования его особого интереса к тем или иным проблемам и недостаточного внимания к другим. Для освещения последних вопросов еще важнее зафиксированные в журналах и докладных записках решения Комитета. Наряду с постоянно встречающимися в журналах и докладных записках оценками искренности и полноты показаний декабристов решения дают достаточно ясное представление о том, что более всего занимало следствие, в выяснении каких моментов оно проявляло постоянную настойчивость и к каким методам прибегало. Исключительное значение в этом плане имеют сохранившиеся на докладных записках собственноручные резолюции Николая I. Таким образом, во всех этих отношениях журналы и докладные записки снова выступают как важный первоисточник.

Однако очевидно, что главный смысл изучения истории следствия, как ни интересна она сама по себе, состоит в том, что именно эта история дает критерии для оценки материалов следствия в каче-

¹ Восстание декабристов. Т. X. С. 72–80.

стве источника по истории движения декабристов. Мы возвращаемся, таким образом, еще раз к главному вопросу.

Вполне понятная специфика этого комплекса источников, вытекающая из стремления декабристов не раскрыть, а по возможности утаить существенные моменты истории своего движения, определяет трудности его использования, неизбежность постоянного критического подхода к нему. «В течение всего следствия идет непрерывная борьба следователя с подследственным лицом, — пишет М. В. Нечкина. — Обвиняемые стремятся создать у следователя впечатление наименьшей прикосновенности их к делу, пытаются „верноподданнической“ позой скрыть факт своей революционной деятельности. Исследователь же, заинтересованный в выяснении именно последнего вопроса — в выяснении революционной деятельности допрашиваемого, должен учитывать обстановку следствия, позицию подследственного лица. Перекрестное сопоставление данных и учет обстановки допроса и ответов допрашиваемого необходимы при изучении этого трудного источника»¹.

История следствия, указывающая, на каких моментах движения декабристов было сосредоточено его внимание, что из истории тайных обществ, может быть, осталось вне поля его зрения, дает прежде всего возможность понять степень отражения в документации следствия разных сторон движения.

Очевидно, с другой стороны, что все показания декабристов находятся в сложной взаимосвязи с направлением и характером вопросов, ставившихся перед ними Следственным комитетом. История следствия, дающая представление о том, что знали и чего не знали в каждый конкретный момент следователи, как препарировали они имеющуюся у них информацию при подготовке вопросных пунктов, что стремились они выяснить, задавая декабристам сформулированные именно так, а не иначе, вопросы, открывает широкие возможности для анализа показаний декабристов как источника. Именно она позволяет понять, какие возможности скрыть истину давала декабристам неосведомленность следствия и его определенная направленность.

Очень важно также, что восстановление по журналам и докладным запискам всего хода следствия позволяет рассматривать каждое показание декабриста не изолированно, а в контексте развития всех событий. На возможность и необходимость именно такого подхода

¹ Восстание декабристов Т. Х. С. 10.

уже указывалось в литературе. Н. И. Мордовченко, рассказывая о своем замысле обширной специальной работы о следствии, утверждал: «Каждый документ „дела декабристов“ понятен лишь в общем контексте процесса, и восстановление этого контекста должно предшествовать использованию извлекаемых из него документов»¹. Реализация такого замысла действительно крайне необходима.

Следует, однако, иметь в виду, что в журналах и докладных записках отразилась, к сожалению, не вся деятельность Следственного комитета, а лишь ее преобладающая часть.

Как известно, Следственный комитет вел помимо основного еще одно секретное следствие — о возможном участии в планах тайного общества крупных государственных деятелей, таких как Сперанский и Мордвинов. Секретность этого расследования была так велика, что оно вообще не отражалось в журналах и докладных записках, а его делопроизводство после окончания было уничтожено по приказанию Николая I².

Еще более существен тот факт, что происходившее на заседаниях не всегда полно фиксировалось в журналах и докладных записках. Еще А. А. Покровский заметил, что в следственном деле Н. М. Муравьева на трех его показаниях есть пометы о чтении их в Комитете 3 февраля, 14 и 29 апреля, но в соответствующих журналах записей об этом нет³. Такие примеры встречаются и в ряде других дел. В том же журнале за 3 февраля, например, нет сведений о чтении показаний Н. П. Кожевникова. Между тем на самих показаниях есть помета В. Ф. Адлерберга: «Читано 3-го февраля»⁴.

Сопоставление следственных дел с журналами обнаружило также, что не все показания декабристов читались в Комитете. Нередко на письменных ответах нет помет о чтении в Комитете и, соответственно, нет записей об этом в журналах и докладных записках. Так обстоит дело, например, с письменным ответом В. И. Штейнгеля на вопросный пункт, посланный ему 8 марта⁵, с ответом К. Ф. Рылеева на вопросный пункт, посланный ему 8 апреля⁶, и др.

¹ Лотман Ю. М. Н. И. Мордовченко. Заметки о творческой индивидуальности ученого // Историографический сборник Саратов, 1973. Вып. 1(4). С. 209.

² Семенова А. В. М. М. Сперанский и декабристы // Исторические записки. М., 1978. Вып. 102 С. 214.

³ Восстание декабристов. Т. I. С. 501.

⁴ ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 196. Л. 13.

⁵ Восстание декабристов. Т. XIV. С. 162–163.

⁶ Там же. Т. I. С. 166.

И, наконец, нельзя упускать из виду то обстоятельство, что журналы и докладные записки освещают только следствие, которое велось Следственным комитетом в Петербурге. Материалы же других дознаний, ведшихся параллельно, отражались в его делопроизводстве, как правило, лишь в виде итоговых отчетов.

Но и при этих ограничениях журналы и докладные записки составляют важную и ценную часть следственного делопроизводства.

Для правильного пользования ими необходимо представлять себе специфические особенности этого источника, тесно связанные с практикой их составления в Следственном комитете.

Формуляр и порядок представления журналов определялись правилами, давно вошедшими в практику государственного делопроизводства. Как обычная официальная форма фиксации результатов любого коллективного обсуждения они вошли в систему документации еще со второй четверти XVIII в.¹ Традиционный порядок их составления был сохранен и в деятельности Следственного комитета по делу декабристов.

Заседания Комитета происходили ежедневно вечером: начинались в 18 часов, а кончались часто за полночь (к концу работы Комитета заседания стали проводиться дважды в день: днем и вечером). Журнал составлялся на следующий день и зачитывался на очередном заседании, где его подписывали члены Комитета. Только после этого он приобретал силу официального документа. Николай I мог ознакомиться с ним лишь утром следующего дня. Таким образом, интервал между заседанием Комитета и отчетом о нем царю в случае использования для этой цели журналов достигал бы полутора и более суток. Поэтому они не могли быть и не стали для царя источником информации о работе Комитета. Таким источником стали докладные записки.

Докладные записки — тоже не новая форма документации. Предназначенные для получения санкции верховной власти на те или иные меры, они применялись в деятельности различных государственных органов и прежде. Но они представлялись несравненно реже и, как правило, сообщали только об окончательном результате деятельности этого органа. Здесь ситуация была иной: информирование Комитетом царя, его согласие на предлагаемые действия требовались немедленно. Этим диктовалась необходимость системати-

¹ Эйдельман Н. Я. Журналы и докладные записки Следственного комитета по делу декабристов // Археографический ежегодник за 1972 год. М., 1974 С. 161

ческого, ежедневного представления царю оперативного документа — докладной записки.

Внимательный анализ докладных записок Следственного комитета показывает, что по этим названием объединены, в сущности, два разных по назначению типа документов.

Докладные записки, поданные Татищевым императору в первые две недели работы Комитета, в декабре 1825 г., выполняли только обычную свою задачу — согласование с царем предлагаемых Комитетом мер. Все остальные записки помимо этой цели преследовали и другую — сообщать ему о заседаниях Комитета и ходе следствия. По своему информативному значению они сближались с журналами. Однако и докладные записки за январь — июнь 1826 г. тоже неоднородны: если в январе и первой декаде февраля они еще заметно отличаются по содержанию от соответствующих журналов, то далее эти различия постепенно уменьшаются. Поэтому для понимания историко-ведческого значения докладных записок необходимо последовательно проследить характер их изменений.

В первые дни работы Следственного комитета все бумаги, которые он рассматривал (в том числе и начальные допросы декабристов, записанные В. В. Левашовым и К. Ф. Толем), поступали, как правило, от самого императора или были ему уже известны. Поэтому не было никакой необходимости информировать Николая I о значительной части содержания заседаний Комитета. В этих условиях первые докладные записки А. И. Татищева подавались не регулярно, а по мере необходимости, и возникали только с целью получения санкций царя — главным образом на аресты декабристов и организацию следствия. Более того, в эти дни были даже случаи, когда А. И. Татищев представлял царю докладные записки, минуя Комитет¹. Сравнение декабрьских докладных записок с соответствующими журналами Комитета показывает, что в докладные записки включались тогда

¹ 18 декабря (вероятнее всего, утром, во время доклада царю о первом заседании) Татищев получил от Николая I рапорт И. И. Дибича от 11 декабря, присланный из Таганрога вместе с запиской о деятельности полковника Николаева в связи с доносом Шервуда. Не дожидаясь вечернего заседания Комитета, Татищев подал царю докладную записку № 2, в которой просил доставить в Комитет бумаги, отобранные при аресте Ф. Ф. Вадковского, и предлагал арестовать ряд декабристов, упомянутых в присланной из Таганрога записке. Николай I согласился с предложениями Татищева и, наложив соответствующие резолюции, возвратил докладную записку в Комитет. В тот же вечер 18 декабря она была зачитана на заседании. Аналогичным образом поступил Татищев и 24 декабря, представив Николаю I, минуя Комитет, список вновь обнаруженных членов, составленный на основании анализа первых допросов декабристов (см. приложение).

только те решения Комитета, представление которых на рассмотрение царя было решено на заседании и зафиксировано в журнале¹.

Постепенно характер заседаний менялся: с 23 декабря в Комитете начались допросы декабристов. До конца месяца были допрошены С. П. Трубецкой, К. Ф. Рылеев, А. И. Якубович, П. Г. Каховский, Н. А. и А. А. Бестужевы, А. И. Одоевский, Д. А. Щепин-Ростовский, И. И. Пущин и др. Характер же докладных записок оставался пока неизменным: содержание ответов декабристов в них не излагалось. Правда, даже и в начальный период в докладных записках заметно кое-где стремление не только представить царю решения, требующие его одобрения, но и информировать его о деятельности Комитета в целом. Так, докладная записка о втором заседании была прямо озаглавлена ее составителем, правителем дел Комитета А. Д. Боровковым: «Краткая записка о занятиях Комитета 18-го декабря 1825 года». Она претендовала, таким образом, на точное освещение занятий Комитета в этот день. В записку на этот раз (единственный раз за все время работы Комитета) были включены даже сведения о деятельности канцелярии: «Во исполнение резолюций государя императора приготовлены отношения к разным лицам о высылке соучастников в злоумышлении, которые сегодня и отправлены».

Однако сравнение содержания этой докладной записки с журналом заседания 18 декабря претензию на полный отчет не подтверждает. Прежде всего, в докладной записке вообще не отражены первые четыре пункта журнала: утверждение и подписание журнала предыдущего заседания, чтение первой докладной записки Татищева и резолюций на ней Николая I, сообщение о том, кто из членов Комитета уже принял меры к аресту некоторых из перечисленных в предыдущем пункте декабристов, и, наконец, чтение в заседании доклада Дибича из Таганрога, докладной записки № 2 и резолюций на ней царя. Мотивы исключения этих пунктов из докладной записки вполне ясны: все они содержали уже известные Николаю I факты или мелкие подробности организационного характера.

¹ За все время работы Следственного комитета только один раз решение, зафиксированное в журнале, как требующее одобрения императора, не было внесено в докладную записку. В журнале первого заседания Комитета 17 декабря среди мер, предлагаемых на «высочайшее соизволение», указана необходимость истребовать от А. А. Аракчеева «письма доносителя Шервуда и все бумаги, какие находятся у него по сему предмету». В докладных записках об этом нет ни слова. Однако Татищев, видимо, нашел иной способ сообщить об этом царю, и Аракчеев прислал требуемые бумаги (см. журнал 6-го заседания 22 декабря).

Следующий, пятый пункт отражен и в записке, и в журнале, но в последнем изложен гораздо подробнее, а один момент (на первый взгляд, малозначительный) в журнале уточняется. Речь идет о предложении великого князя Михаила Павловича возвратить в роту лейб-гвардии Гренадерского полка, которой командовал А. Н. Сутгоф, отобранные у него при аресте казенные деньги. Сумма же возвращаемых денег в журнале и в записке указана разная (в журнале — 1970 рублей, в записке — 1930 рублей ассигнациями). Возможно, это результат простой описки в том или другом случае. Но возможно и другое: записка и журнал составлялись разными лицами, причем составитель журнала уточнил данные записки, проверив количество денег по документам. К подобным разночтениям мы еще вернемся.

Шестой пункт журнала гласил: «Продолжали разбор и рассмотрение бумаг Горского, Якубовича, Синявина и Бестужева, адъютанта герцога Виртембергского, в коих ничего относительно злоумышления не открыто, но в некоторых замечен дух либерализма, почему и положили, отделив оные, иметь в виду при допросах. Что касается до бумаг Синявина... то испросить соизволение государя императора о возвращении сих бумаг Синявину». Ясно, что последняя часть решения требовала согласия царя. В записке же было сказано только: «Продолжали разбор отобранных у мятежников бумаг»¹.

Однако если содержание журнала заседания исчерпывалось шестью перечисленными пунктами, то докладная записка показывает, что занятия Комитета этим не ограничились. Судя по ней, 18 декабря было принято еще одно решение («Испросить соизволение императора взять двух чиновников для переписки»); кроме того, председатель объявил о распоряжении императора, чтобы все изъятые у арестованных декабристов бумаги на иностранных языках отправлялись прямо из Комитета к нему. Очевидно, что в этой первой попытке сблизить записку с отчетом различия между ней и журналом очень велики.

«Краткая записка о занятиях Комитета 18 декабря 1825 г.» представляла собой опыт, в декабре еще не закрепившийся. Следующие декабрьские записки составитель не пытался более превратить в отчет о ходе следствия, хотя отдельные сообщения такого типа в них проскальзывали («Продолжали разбор бумаг, взятых у мятежников, что скоро и окончится», — сказано, например, в докладной записке № 4 от 20 декабря).

¹ Это решение было отражено потом в докладной записке № 4 от 20 декабря.

Такая информация вряд ли могла удовлетворить императора. Николай I доверил расследование специальному Комитету и формально не был его членом, но фактически именно он, а не А. И. Татищев, руководил следствием. «Чувство страха мощно овладело Николаем Павловичем с памятного дня 14 декабря, — писал П. Е. Щеголев. — Боязнь, как бы следствие чего-либо не оставило неоткрытым, заставила Николая Павловича стать во главе следственной комиссии, заставила не только неустанно следить за всеми ее действиями, но и самому опуститься до роли производящего дознание, самому чинить допросы, самому давать приказания об арестах, самому распоряжаться о порядке содержания»¹.

Для того чтобы, не присутствуя на заседаниях Комитета, быть постоянно осведомленным о ходе его деятельности и иметь возможность ее направлять, Николай I нуждался в точной и немедленной информации. Хотя в Комитете в течение декабря были уже допрошены наиболее видные из арестованных декабристов, докладные записки не давали царю главных сведений — о самом тайном обществе, его участниках, планах и замыслах. Поэтому после сделанного Комитетом в конце декабря двухдневного перерыва допросов (30 и 31 декабря) характер докладных записок изменился — и это, по всей вероятности, не случайно. Хотя мы не располагаем прямыми свидетельствами о подобном требовании Николая I, в этом вряд ли можно сомневаться.

Начиная с отчета о заседании 1 января, как мы уже сказали, докладные записки приобретают новую функцию и, соответственно, наполняются новым содержанием. Сохраняя свое первоначальное назначение — получение санкций царя, они с этого момента становятся вместе с тем донесениями о допросах и ответах декабристов, где не только отражается факт допроса, но и резюмируются наиболее важные показания. О том, как составлялись в это время докладные записки, А. Д. Боровков рассказывал в своих воспоминаниях так: «О всех допросах и ответах тотчас после присутствия составлял я ежедневно краткие мемории для государя императора; они подносились его величеству на следующий день поутру, как только он соизволит проснуться. Конечно, эти мемории, написанные наскоро поздно ночью, после тяжкого утомительного дня, без сомнения, не обработаны, но они должны быть чрезвычайно верны как отражение первых свежих впечатлений»².

¹ Щеголев П. Е. Николай I и декабристы: Очерки. Пг., 1919. С. 31.

² Александр Дмитриевич Боровков и его автобиографические записки // Русская старина. 1898. № 11. С. 343.

С 1 января меняется и оформление докладных записок. У них появляется заголовок, соответствующий их новому характеру: сперва «Записка о заседании Тайного комитета» (3–5, 7 января), затем «Записка заседания Тайного комитета» (6, 8–15 января) и, наконец, просто «Заседание», номер и дата (после 15 января из заглавия исчезает название Комитета). Последний, лапидарный заголовок сохраняется до самого конца. Упорядочение оформления докладных записок сказалось и в появлении под ними с заседания 3 января подписи А. И. Татищева (ранее подписей не было). Это связано, по-видимому, с изменением порядка представления докладных записок царю. Если до начала января Татищев лично вручал их Николаю I, то теперь это осуществлялось через возвратившегося из Таганрога и ставшего членом Комитета начальника Главного штаба И. И. Дибича¹.

Записка о заседании 1 января уже составлена по-новому. Сравнение ее с журналом этого заседания дает любопытную картину. А. Д. Боровков стремился теперь как можно полнее изложить содержание заседания Комитета. Опустив, как ненужный царю, факт чтения и подписания предыдущего журнала, с чего начиналось каждое заседание, он сразу начинал с существа работы Комитета. Перечислив фамилии декабристов, чьи письменные показания зачитывались первыми, но не излагая их содержания, он сообщал, что Комитет, «сделав некоторые замечания, положил замеченное пояснить и пополнить». В записке прежнего образца такого сообщения вообще не могло быть. В новых условиях это становится правилом. Далее, вслед за глухим перечнем прочтенных показаний, не раскрывающим существа ответов, Боровков поместил достаточно подробные резюме письменных показаний С. П. Трубецкого и К. Ф. Рылеева, отмечая сразу решения Комитета по каждому пункту. Однако полностью перестроиться на новый лад было ему еще трудно. Поэтому записка о заседании 1 января сохраняет черты прежних записок. Она

¹ Доказательством этого служит ряд обстоятельств. На многих декабрьских докладных записках решения Николая I зафиксированы не его собственноручными резолюциями, а в записи рукой А. И. Татищева. Последний раз это произошло, когда Татищев представлял царю записку о заседании 2 января. Эта записка им еще не подписана. На следующей докладной записке при резолюции царя впервые появляется помета И. И. Дибича («5-го января. Что исполнено мною вчерашнего числа»). Эта записка уже скреплена подписью председателя Комитета. Лично представляя Николаю I докладную записку, Татищев не имел необходимости ее подписывать. Когда же это начал делать Дибич, подпись стала обязательной. Об изменившемся порядке представления докладных записок свидетельствует и новый тип документа, появившийся в делопроизводстве впервые 10 января, — отношения Дибича Татищеву, в сопровождении которых докладные записки возвращались от царя в Комитет.

распадается на две несхожие части: в первой из них в форме связанного рассказа изложены ход заседания и содержание обнаруженных данных («Тайный комитет в заседании 1 января рассматривал ответы», «Потом читали показания», «Сутгоф показал» и т. п.), во второй же, как две капли воды похожей на прежние докладные записки, рассказ сменяется перечислением принятых решений («Комитет положил испросить», «Комитет признал полезным» и даже просто «Испросить соизволение государя императора»). Как мы видели, и в первой части записки по ходу изложения упоминались решения Комитета, требовавшие согласия царя, но во второй приводились только решения как таковые.

Пытаясь понять эту странную особенность записки о заседании 1 января, мы обнаружили, что вторая ее часть начинается с решения, принятого не на этом заседании, а несколькими днями раньше. Еще 30 декабря в Комитете был допрошен О. В. Горский, которого за «упорство в ответах» и «дерзость в выражениях» тогда же положено было заковать (см. журнал этого заседания). Понятно, что рассказать об этом в записке, излагающей ход заседания 1 января, было невозможно. Поэтому в ней, вне связи с предыдущим, было сказано: «Комитет положил испросить соизволение государя императора заковать статского советника Горского, который упорствует в признании и употребляет дерзость»¹. После этого подобным образом сообщалось и о других решениях Комитета, принятых уже 1 января. Видимо, вернувшись в связи с Горским к привычной форме записки, А. Д. Боровков закончил и всю записку по прежнему образцу.

Сопоставление этой докладной записки с журналом показывает, что и на этот раз в записку попали не все решения, принятые 1 января. В прочтенных в этот день письменных показаниях Г. С. Батенькова и А. И. Якубовича было, среди прочего, несколько личных просьб, связанных с их имущественными делами. Судя по журналу, Комитет положил представить их императору. Но это решение попало почему-то только в следующую докладную записку.

Не ставя здесь задачу проанализировать все отличия докладных записок от журналов Комитета, и в частности за январь — первую половину февраля, изложим несколько соображений, помогающих понять присущие им особенности.

¹ Для декабрьских докладных записок такой хронологический разрыв был обычным и, в сущности, не имел значения. Теперь же, когда записка становилась хоть кратким, но все же отчетом о заседании, внесение в нее решений, принятых ранее, порождало путаницу.

Из журналов и докладных записок можно извлечь два ряда сведений: ряд событийный (какие вопросы обсуждал на данном заседании Комитет, кого допрашивал и какие документы заслушивал) и ряд содержательный (содержание показаний, других оглашенных на заседании документов, решений Комитета). Сравним журналы и докладные записки именно по этим двум показателям. Заранее кажется очевидным, что событийный ряд должен быть представлен в журналах абсолютно полно — ведь именно в этом их основное делопроизводственное назначение. И, напротив, в докладных записках пропуски такого рода вполне естественны. В преобладающем числе случаев дело обстоит именно так. Но вплоть до середины февраля 1826 г. в докладных записках можно обнаружить сообщения о некоторых событиях, пропущенные в журнале. Так, только из записки о заседании 2 января мы узнаем, что в этот день А. Х. Бенкендорф объявил членам Комитета о непричастности к восстанию 14 декабря графа Ливена и о его «отличном» поведении. Журнал этого не фиксирует. 10 января на заседании был допрошен А. И. Одоевский. В журнале об этом опять-таки ни слова.

Несколько иная картина складывается при сравнении содержания записок и журналов. Здесь докладная записка в ряде случаев подробнее журнала. Примеры этого уже приводились в литературе¹. Н. Я. Эйдельман объяснял краткость журналов боязнью чрезмерного разглашения. С этим трудно согласиться: члены Комитета и так были обо всем осведомлены, журналы же были не менее секретны, чем докладные записки. Покажем на примере, что подобные мотивы вряд ли были у составителя журнала. В журнале заседания 2 января говорилось только о том, что в этот день были допрошены Г. С. Батеньков и С. Г. Краснокутский и Комитет решил «дать им вопросные пункты». В докладной же записке сообщалось не только о факте их допроса, но была передана и суть их показаний. «Главнейшее занятие Комитета в заседании 2-го января, — говорилось в ней, — заключалось в допрашивании обер-прокурора Краснокутского и подполковника Батенькова, из коих при увещании присутствующих первый сознался, что он, бывши еще в армии, поступил в общество под названием Благоденствия, но не знал и даже не предполагал в оном преступной цели; а Батеньков объяснил, что принадлежностью его к обществу можно почесть только то, что он часто выражался свободно, но пря-

¹ Эйдельман Н. Я. Журналы и докладные записки Следственного комитета по делу декабристов // Археографический ежегодник за 1972 год. С. 166, 174.

мо вступления в оное не делал. Комитет положил дать им вопросные пункты». Очевидно, что никаких оснований секретности для исключения из журнала этих показаний найти невозможно.

Были и немногие случаи, когда журнал оказывался полнее докладной записки. Например, 3 января Комитет дал П. Х. Граббе очную ставку с Н. Комаровым, на которой последний «уличал полковника Граббе в принадлежности к тайному обществу». В докладной записке, против обыкновения, о показаниях Граббе на очной ставке не сказано ни слова, в журнале же они изложены очень подробно.

Различия между журналами и докладными записками не сводятся только к расхождениям в передаче содержания заседаний Комитета. Но эти и другие различия могут быть объяснены только при анализе того, как и кем составлялись рассматриваемые документы.

Прочтем еще раз внимательно докладные записки и журналы, сопоставляя тексты сообщений об одних и тех же событиях. В заседании 1 января были прочитаны письменные показания ряда декабристов, и в том числе А. Н. Сутгофа. Судя тексту его показаний (Восстание декабристов. Т. II. С. 126) и журналу, он сказал, в частности, что 14 декабря к Рылееву его отвез С. М. Палицын, и в результате Комитет принял решение об аресте последнего. В докладной записке сведения о показаниях Сутгофа разбиты на две части. Первый раз они упомянуты вначале в сообщении о факте чтения разных показаний, после чего дано общее решение: «Тайный комитет в заседании 1-го января рассматривал ответы: статского советника Горского, капитана Пущина, поручика Сутгофа, дворянина Сомова, поручика Горожанского и корнета Свистунова. Сделав некоторые замечания, положил замеченное пояснить и пополнить».

Затем записка переходит совсем к другому сюжету — подробному пересказу показаний Трубецкого и к решениям в связи с ними. Но потом составитель записки неожиданно снова вернулся к Сутгофу: «Сутгоф показал, что 14-го декабря приезжал за ним Гвардейского штаба прапорщик Палицын и повез его к Рылееву, почему Палицына нужно взять». Если бы мы судили о происходившем только по докладной записке, то вправе были бы думать, что помимо чтения письменных показаний Сутгофа его на этом заседании еще допросили устно, и он признался насчет Палицына, чего на деле, конечно, не было. В журнале этой явной несообразности нет, решение об аресте Палицына следует сразу за общим решением по всем прочитанным показаниям.

Отличается текст журнала от докладной записки и редакционно. Если в записке решение было выражено довольно неуклюжей фразой: «Сделав некоторые замечания, положил замеченное пояснить и пополнить», то в журнале оно сформулировано так: «Положили: согласно замечаниям присутствующих потребовать пояснений пополнений».

По-разному изложены в записке и в журнале следующие затем письменные показания С. П. Трубецкого и К. Ф. Рылеева. Как уже было сказано, в докладной записке отчет об их показаниях перемежался решениями по отдельным их пунктам (например, после передачи слов Трубецкого о том, что Южное общество поддерживало связь с поляками через Мошинского, следовало: «Комитет признал нужным вытребовать сего Мошинского»). В журнале в соответствии с обычным его формуляром все решения были объединены и помещены после всего текста показаний Трубецкого.

Сам характер различий между текстами обоих документов (их можно проследить и на примере других заседаний) показывает, что составитель журнала опирался в своей работе на уже готовый текст докладной записки, преобразовывая его в присущую журналу форму, кое-что уточняя по документам (напомним приведенную выше историю с суммами Гренадерского полка) и просто редактируя. Это подтверждается и наличием чисто стилистической правки. Нелзя не заметить, что в ходе этих исправлений в журнале оказывались сведения, в докладной записке отсутствовавшие. Так, в рассматриваемом случае вместо неопределенных слов записки «Сношение сие производилось», в журнале сказано точно: «Пестель на сие сношение употреблял». Источник этого уточнения ясен: фраза просто выписана из показаний Трубецкого — «на сие сношение Пестель употреблял» (Восстание декабристов. Т. XII. С. 331). Выясняется, таким образом, уже без всякого сомнения, что составитель журнала пользовался для уточнения или дополнения записки текстами заслушанных в этот день письменных показаний декабристов и других документов. Первичность докладной записки и вторичность журнала становится в результате этого анализа очевидной.

Можно, однако, поставить вопрос иначе: не объясняется ли это сходство и различие докладных записок и журналов тем, что оба документа восходят к одной и той же первичной черновой записи, сделанной в ходе заседания? Рассмотрим и этот вариант.

Несомненно, что в ходе заседания все происходившее так или иначе вчерне фиксировалось — без этого нельзя было составить по-

том какой бы то ни было отчет. К сожалению, эти черновые записи до нас практически не дошли. Поэтому к решению поставленного нами вопроса приходится идти путем логической реконструкции хода составления обоих интересующих нас документов. Понятно, что, делая во время заседания беглую запись, Боровков не мог вносить в нее тут же содержание читавшихся письменных показаний и других материалов — на это не было времени, и вообще их можно было использовать потом. Следовательно, запись эта, скорее всего, фиксировала лишь формулировки решений. Подробная же черновая запись содержания показаний велась, видимо, только при устном допросе декабриста на заседании. Она неизбежно должна была быть последовательной и сравнительно подробной: обобщать содержание показаний на ходу невозможно, их можно только протокольно фиксировать. Наше рассуждение подтверждают сохранившиеся немногие подобные записи Боровкова (к ним нам еще придется вернуться).

В отличие от этих записей и докладная записка, и журнал передавали показания декабристов уже в форме резюме. Если бы они составлялись независимо друг от друга, различными людьми, на основании черновых записей, то тексты этих резюме неизбежно были бы совсем разными. Нельзя себе представить, что краткие изложения обширного документа могли бы почти полностью совпасть, лишь незначительно отличаясь редакционно. Следовательно, нужно либо допустить составление еще одного промежуточного, уже обобщенного черновика, либо вообще отказаться от мысли об общем черновом источнике. Такое допущение полностью снимается приведенным выше свидетельством Боровкова о том, когда и в какой спешке составлялись докладные записки.

Посмотрим теперь все же, как соотносятся немногие сохранившиеся черновые записи устных допросов декабристов с последующим отражением их в отчетах о заседаниях. 25 декабря в Комитете был допрошен П. Г. Каховский. Запись его ответов, сделанная Боровковым и подписанная самим декабристом, была включена в его собственное дело и в этом черновом виде дошла до нас благодаря особым обстоятельствам. В отличие от обычного порядка, на этот раз письменные вопросные пункты не были составлены заранее, и даже после устного допроса Комитет не принял решения ему их направить. Поэтому запись Боровкова приобрела характер, равнозначный письменным показаниям, и именно это заставило ее сохранить. В иных случаях, убедившись в идентичности письменных ответов де-

кабристов их показаниям на устном допросе (об этом свидетельствуют не раз встречающиеся в журналах записи типа: «ответы комиссионера Иванова согласны с словесным показанием» (журнал заседания 13 марта) или «Ответы Артамона Муравьева... повторяющего то же самое, что он объявил на словах» (журнал заседания 1 февраля), черновые записи последних уничтожали.

Запись допроса П. Г. Каховского сделана Боровковым довольно подробно и содержит ответы на восемь заданных ему вопросов (Восстание декабристов. Т. I. С. 342). В докладной записке об этом допросе ничего не сказано, так как в декабре, как мы видели, подобный материал в них не включался. В журнале заседания 25 декабря допрос изложен так: «Как в ответах своих Каховский показывает, что все сведения о средствах, на чем общество основывало возможность в исполнении планов своих получить содействие от высших трибуналов, а также и о лицах общества, получил он от Рылеева, то для точнейшего пояснения сего обстоятельства дать им очную ставку».

Мы видим, что черновая запись Боровкова не только не переносится в журнал текстуально, но из нее выбирается лишь то, что имеет прямое отношение к вытекающему из допроса решению Комитета об очной ставке с Рылеевым.

Другой пример сохранившейся черновой записи — это показания П. Х. Граббе на уже упоминавшейся очной ставке его с Н. Комаровым в заседании 3 января. В отличие от предыдущего случая, эту запись можно сравнить и с докладной запиской, и с журналом. В записке все содержание очной ставки и последовавшего устного допроса Граббе изложено очень кратко: «Комаров уличал полковника Граббе, что он принадлежал обществу злоумышленников и в 1821-м году был на великом съезде их в Москве». Затем сообщалось об аресте Граббе, произведенном Дибичем здесь же, на заседании. Запись о том же в журнале не только более пространна, но просто заимствована из текста записанных Боровковым на заседании показаний Граббе (ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 106. Л. 5). Однако и на этот раз показания не перенесены в журнал полностью: в нем совсем не отразилась часть текста, приписанная Граббе собственноручно к черновой записи Боровкова. Если бы журнал и докладная записка отражали в этот день только очную ставку и допрос Граббе, то могла возникнуть мысль, что при составлении журнала докладная записка вообще не использовалась. Но Комитет рассматривал в этот день еще ряд вопросов, и весь остальной текст журнала построен как обычно: текст

докладной записки подвергнут незначительной редакции и некоторой композиционной перестройке в соответствии с формой журнала. Иной подход составителя журнала к показаниям Граббе объясняется просто чрезмерной краткостью передачи их в записке, заставившей привлечь для журнала черновую запись допроса, без этого не был бы понятен смысл решения Комитета.

Перейдем теперь к вопросу об авторстве докладных записок и журналов. Внешнее оформление этих документов свидетельствует, что к их составлению были причастны только два человека: правитель дел Комитета А. Д. Боровков и его помощник флигель-адъютант В. Ф. Адлерберг. Почти все докладные записки до 26 января включительно (и о заседании 30 января) писаны Боровковым собственноручно¹. Его же рукою написан первый журнал. Все остальные журналы и докладные записки переписывались низшими чиновниками Комитета или писарями. Первое время Боровков сам отмечал в журналах исполнение решений Комитета, а на письменных показаниях декабристов делал пометы «Читаны» с указанием числа. С конца первой декады января пометы на журналах и показаниях стал делать В. Ф. Адлерберг. Переход контроля за исполнением решений Комитета от Боровкова к Адлербергу произошел 9 января: в журнале заседания 7 января отметки об исполнении первых двух решений сделаны еще рукой Боровкова, а помета о следующем решении, исполненном 9 января, — уже Адлерберга. С 10 января отдельные пометы Адлерберга появляются на показаниях декабристов, а со следующего дня все пометы «Читано» сделаны его рукой. Двумя неделями позднее, 27 января, Боровков перестает скреплять журналы своей подписью, это начинает делать Адлерберг. Участие только этих двух человек в составлении докладных записок и журналов подтверждается данными об организации следствия и распределении обязанностей среди чиновников канцелярии Комитета (что выяснилось в результате установления нами при комментировании, кем из чиновников написаны те или иные документы). Изучение делопроизводства Комитета показывает, в частности, что второй помощник Боровкова А. И. Карасевский имел совсем другой круг занятий: он руководил перепиской Комитета и вел его хозяйственные дела.

¹ Писарем переписаны записка № 11 (о запрещении всех сношений Орлову), № 18 (о заседании 4 января) и № 44 (о заседании 28 января); рукой чиновника А. П. Григорьева — записка № 13 (выписка из показаний Н. Комарова); рукой А. И. Карасевского — записка № 14 (показания Комарова) и № 43 (о заседании 27 января).

Какова же конкретно была доля участия Боровкова и Адлерберга в составлении докладных записок и журналов? Из всего сказанного ясно, что до 26 января докладные записки составлял Боровков, позднее же им, несомненно, составлена докладная записка 30 января. Кто же в это время составлял журналы? Поскольку все журналы (кроме первого, явно составленного также Боровковым) были переписаны набело, решить этот вопрос можно только путем сличения их текстов с докладными записками. Мы уже показали выше, что текст журнала возникал из докладной записки в результате ее редактирования и дополнения. Это, в принципе, мог бы делать и автор докладных записок, улучшая составленный наскоро текст. Если же исправления не удастся объяснить саморедактированием, то остается предположить участие другого лица. Декабрьские докладные записки, очевидно, материалом для подобного сличения служить не могут.

Сравнивая же январские записки с журналами, мы обнаруживаем прежде всего странное обстоятельство: последовательность допросов, чтения письменных показаний и других событий, происходивших на заседаниях, в журналах иная, чем в докладных записках (см., например, отчеты о заседаниях 3, 4, 5, 7 января). Это нельзя удовлетворительно объяснить ни логикой изложения, ни приспособлением записки к форме журнала. Изменение последовательности фактов может быть объяснено только необходимостью восстановить в журнале реальный ход заседания. Для составления докладной записки последовательность событий на заседании значения не имела, важно было информировать царя о сути тех или иных дел (напомним, что для записки вообще не была обязательна полная передача содержания заседания). Но если бы записку и журнал составлял один и тот же человек, то он, несомненно, с самого начала не упускал бы из виду, что впоследствии в журнале ему придется излагать все последовательно, и следил бы за этим уже в записке. Можно представить себе, как записка возникала реально. Мы уже видели, что немногие сохранившиеся черновые записи допросов были написаны Боровковым на отдельных листочках. Кроме того, на отдельных листах были написаны и письменные показания декабристов, читавшиеся в Комитете. Скорее всего, и решения Комитета фиксировались во время заседания на отдельных листах, присоединявшихся для удобства к документу¹. Составляя ночью докладную записку, Боровков располагал

¹ В пользу этого говорит и тот факт, что Адлерберг, который впоследствии составлял докладные записки, иногда записывал решения прямо на полях показаний (см. коммент. с. 345, 348).

эти груды листов и излагал их содержание в произвольном порядке. Это первый аргумент в пользу того, что журнал и докладная записка составлялись разными людьми.

Приведем и другой аргумент: довольно часто время окончания заседания, указанное в докладной записке, в журнале изменяется. Очевидно, что исправить час мог только другой человек, помнивший, что дело было иначе.

Посмотрим теперь, что же происходит после 26 января. Если записка о заседании 26 января подвергнута при составлении журнала столь же заметной правке, как и предыдущие, то журналы заседаний 27, 28 и 29 января, докладные записки о которых написаны не рукой Боровкова, таких исправлений не имеют. Но докладная записка о заседании 30 января снова написана Боровковым — и в журнале текст ее снова исправлен. Естественен вывод, что в те дни, когда текст докладной записки переносился в журнал без исправлений, оба документа составлялись одним человеком. Им мог быть только Адлерберг.

Обратим теперь внимание на то обстоятельство, что с 27 января Адлерберг начинает скреплять журналы своей подписью. В том, что с этого времени он — их составитель, сомнения быть не может: подпись подчиненного никогда не может скреплять документ, составленный начальником. Но все изложенное выше убеждает в том, что Адлерберг составлял журналы и раньше, в течение всего января, а появление его подписи под журналами лишь формально закрепило уже сложившийся порядок. После 30 января все докладные записки переписаны низшим персоналом Комитета, и поэтому установление авторства по почерку здесь невозможно. В это время между записками и журналами продолжает нередко просматриваться та же разница, что и прежде.

Есть случай даже более выразительный. Короткая докладная записка, объясняющая, чем занимался Комитет 6 февраля, по смыслу полностью совпадающая с соответствующей запиской, заменявшей в этот день журнал, составлена в совершенно иных выражениях. Различное авторство в этом случае бесспорно. Однако в течение той же первой декады февраля разница в передаче одних и тех же фактов между докладными записками и журналами начинает сглаживаться, а с 9 февраля в преобладающей части случаев сохраняются только такие различия, которые легко объясняются авторским редактированием или приспособлением изложения в докладной записке к форме журнала. С этого времени и до конца работы Комитета и докладные записки, и журналы составлял один человек — В. Ф. Адлерберг.

Сравнивая эту последнюю часть докладных записок и журналов, мы понимаем, что В. Ф. Адлерберг переносил текст записки в журнал целиком, лишь с самой незначительной редакционной правкой. Редакция эта, вообще не частая, была чисто стилистической (как самую значительную можно отметить правку изложения допроса Лукашевича на заседании 14 февраля). В ряде мест Адлерберг исправлял допущенные им в докладных записках ошибки (так, 15 февраля он исправил фамилию крепостного слуги В. К. Кюхельбекера Балашова, в записке ошибочно названного Молчановым) или уточнял смысл (например, в решении о допросе корнета Вяземского 11 февраля он приписал в журнале: «А о Капнисте спросить главных членов»).

Только в двух случаях текст журнала по смыслу принципиально отличается от текста докладной записки. Так, в журнале заседания 20 февраля указано, что С. П. Юшневский был принят в тайное общество Пестелем, в докладной же записке — братом, А. П. Юшневским. Аналогичное расхождение возникло между журналом заседания 4 апреля и докладной запиской: в журнале указано, что о принадлежности Хоткевича к Польскому обществу есть одно свидетельство — М. П. Бестужева-Рюмина. В докладной записке в качестве единственного свидетельства об этом названы показания Яблоновского и Крыжановского. Мы не входим здесь в объяснения, как возникли подобные расхождения. Но совершенно ясно, что такие исправления могли быть сделаны и в том случае, когда оба документа составлял один человек, и когда это делалось разными людьми.

Наконец, следует отметить, что и на этом этапе в журналах изредка встречаются исправления времени окончания заседаний по сравнению с указанием докладных записок, хотя текст докладной записки в остальном совпадает с текстом журнала. Чем это вызвано, сказать трудно, но, возможно, это говорит о том, что в подобных случаях автором докладной записки был не В. Ф. Адлерберг, а другой чиновник Комитета.

В заключение укажем, что, несмотря на значительное текстуальное совпадение, журнал всегда был и до конца остался полнее докладной записки: только в нем отражались вопросы организационного и хозяйственного характера, а также личные просьбы декабристов, разрешение которых не требовало участия царя. Эти разделы журналов особенно обращают на себя внимание тогда, когда в остальном они дублируют записки. Кроме того, с самого начала только в журналах отмечалось, кто из членов Комитета присутствовал на каждом за-

седании и непосредственно участвовал в том или ином эпизоде следствия. С другой стороны, только докладные записки представлялись Николаю I, и именно на них сохранились его резолюции, в журналах зачастую приводившиеся в совсем иной форме.

Все сказанное убеждает в том, что ни журналы, ни докладные записки, взятые по отдельности, не отражают в полной мере содержание работы Комитета, и, следовательно, историю следствия по делу декабристов. Исследователю необходимо использовать одновременно и те, и другие.

Рассмотренная нами история составления докладных записок и журналов Следственного комитета позволяет сделать еще одно любопытное заключение. Картина следствия предстает перед нами значительно полнее и разностороннее в тот период, когда записки и журналы составлялись двумя разными лицами. Как ни формальны эти документы, но все происходившее на заседаниях передавали, каждый по-своему, два человека. Используя докладную записку Боровкова, Адлерберг уточнял и дополнял изложенное там. Приходится пожалеть, что с 9 февраля двойной взгляд на события утрачивается, а с ним утрачивается и возможность сопоставления.

Текст журналов заседаний Следственного комитета воспроизводится полностью. Полностью печатается и текст докладных записок с начала работы Комитета по 8 февраля включительно. Остальные докладные записки, ввиду их текстуального совпадения с журналами, не приводятся; описаны лишь разночтения с текстом журналов (кроме повторяющегося в каждом журнале и отсутствующего в докладной записке первого пункта — утверждения журнала предыдущего заседания) и воспроизведены все пометы и резолюции, имеющиеся на них. Подавляющее большинство резолюций Николая I и помет начальника Главного штаба И. И. Дибича, сделанных на полях докладных записок, было повторено В. Ф. Адлербергом там же чернилами. Эти повторения нами не отмечались. Помимо докладных записок, составляющих основную часть дела № 25 фонда Верховного уголовного суда и Следственного комитета по делу декабристов, в нем имеется ряд других документов: сопроводительные отношения И. И. Дибича к отправляемым в Комитет бумагам, справки об отдельных декабристах и т. п. Все они полностью воспроизведены в настоящем издании. Отметим, что докладных записок о заседаниях 141–144 в фонде 48 нет.

Справочный аппарат состоит из двух частей: традиционных в серии «Восстание декабристов» подстрочных текстологических при-

мечаний и комментариев, отличающихся от обычных из-за особого характера публикуемых источников.

Главной задачей комментариев было связать журналы и докладные записки, документирующие ход следствия, со всеми следственными делами, как опубликованными в I–XVIII томах серии и других изданиях, так и еще не напечатанными. Для этого в комментариях даются указания на каждый документ, упомянутый в журнале или докладной записке. Для документов, напечатанных в томах серии «Восстание декабристов», место хранения не указывается. Для опубликованных в других изданиях — наряду с библиографической ссылкой приводится и архивный шифр. Он дан, конечно, и для всех не изданных к моменту выхода тома документов. Журналы как основной документ о ходе следствия прокомментированы полностью, а в докладных записках — лишь те документы, которые в журналах не встречались.

Второй задачей комментариев было определить, чьей рукой написан каждый из следственных документов, упоминающихся в публикуемых источниках, и кому принадлежат многочисленные пометы на них (при публикации следственных дел в томах серии это, как правило, не устанавливалось). Комментарии дают, таким образом, возможность не только восстановить подлинную картину работы Следственного комитета, но и исправить ошибки, допущенные при издании следственных дел декабристов. Понятно, что в рамках данной статьи нет возможности даже бегло рассказать об этих ошибках. Читатели, впрочем, легко установят их, сличив наши комментарии с томами серии «Восстание декабристов». Покажем все же характер самых существенных ошибок на одном примере. При публикации в первом томе «Восстания декабристов» следственного дела С. П. Трубецкого было указано, что документ № 4 (а это не что иное, как первый допрос декабриста после его ареста) написан им собственноручно. На самом же деле допрос записан В. В. Левашовым. Трубецкой же приписал к нему лишь две последние фразы от слов «В сие последнее и несчастное время». Понятно, насколько важно при анализе показаний одного из руководителей тайных обществ точно знать, что написано им самим, а что записано следователями с его слов. В тот же день после устного допроса Трубецкой написал дополнительные показания, которые опубликованы в том же томе под № 3. Публикаторы, к сожалению, не только не установили, что заглавие этого документа «Собственноручное показание полковника князя Трубецко[го]. 15 де-

кабря 1825» приписано к нему К. Ф. Толем, но не указали даже, что оно не принадлежит самому Трубецкому. Имеющиеся в конце текста слова «Спросить у к[нязя] Трубецкого о Загорском, коего стихи найдены у него в кармане», были глухо определены в подстрочном комментарии как «приписка другой рукой», хотя в действительности это помета В. В. Левашова. Одного этого примера достаточно, чтобы понять необходимость при комментировании журналов и докладных записок сверить все опубликованные ранее пометы на документах следственных дел с подлинниками, что позволило нам устранить таким образом ошибки в их чтении и атрибуции. Тексты всех помет приведены в комментарии.

Почерки чиновников были идентифицированы нами главным образом на основании прихода-расходной книги Комитета (ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 288. Ч. I и II), в которой кроме подписи каждого из них имеется достаточно пространственный *автографический* текст. Автографов же членов Следственного комитета сохранилось достаточно, и они известны.

В ссылках на документы, опубликованные в серии «Восстание декабристов», название серии опущено; римской цифрой указан номер тома, арабской — страницы. В ссылках на архивные материалы фонда Следственного комитета наименование архива (ГА РФ) и номер фонда (ф. 48) опущены.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК ДЕКАБРИСТОВ. Принципы издания¹

Прошло более 60 лет со времени издания «Алфавита декабристов» — книги, ставшей первым в советской исторической науке биографическим справочником участников русского революционного движения². Опубликованная тиражом в 3 тыс. экземпляров осенью 1925 г., накануне 100-летнего юбилея восстания на Сенатской площади, она почти сразу же стала библиографической редкостью. И это не удивительно, богатый по своему фактическому содержанию, дающий краткие, но необыкновенно емкие биографические справки более чем о 300 участниках движения декабристов и, сверх того, о лицах, привлеченных к следствию по делу первых русских революционеров, «Алфавит» стал настольной книгой не только профессиональных историков, но привлек внимание широкого круга людей, интересующихся историей нашей родины. Понятно, что с течением

¹ Декабристы. Биографический справочник. М., 1988. С. 376–398

² Восстание декабристов: Материалы. Л., 1925. Т. VIII. Алфавит декабристов / Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса. Два года спустя вышла в свет первая часть первого тома биобиблиографического словаря «Деятели революционного движения в России», посвященная его дворянскому этапу (Т. 1. От предшественников декабристов до конца «Народной воли» Ч. 1 — до 50-х годов XIX в. / Сост. А. А. Шиловым и М. Г. Карнауховой. М., 1927). Справки о декабристах, помещенные в словаре, являются, по существу, сильно сокращенным изложением сведений издания Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса. Однако в ряде случаев словарь полнее «Алфавита декабристов». В него включены краткие сведения о солдатах и матросах, участниках восстания на Сенатской площади и выступления Черниговского полка, а также две справки о декабристах (членах общества «Соединенных славян» Е. Н. Троицком и С. П. Трусове), не учтенных в «Алфавите». Кроме того, справки словаря снабжены указаниями на имевшуюся в 1927 г. литературу о каждом декабристе. И, наконец, составители поместили в томе портреты декабристов.

времени потребность в нем все возрастала, а возможность приобрести или хотя бы воспользоваться им в библиотеке резко уменьшалась. Сегодня «Алфавитом декабристов» располагают только наиболее крупные библиотеки страны (его, как известно, нет даже во многих университетских центрах), и лишь редкие счастливицы имеют его на своих книжных полках.

Однако все же не это, несомненно, серьезное и вызывающее тревогу обстоятельство стало главной причиной, заставившей приступить к подготовке нового справочника о декабристах. Еще в 1925 г., думая о возможности переиздания в будущем своего труда, Б. Л. Модзалевский и А. А. Сиверс завершали предисловие к нему словами: «Не подлежит, однако, сомнению, что данные „Указателя“ не лишены некоторых пропусков и даже ошибок, неизбежных в такого рода работах; поэтому редакторы просят не отказать в сообщении им поправок и дополнений к собранным ими сведениям для включения их в следующее издание „Алфавита“, если таковому суждено будет появиться в свет».

Речь тогда шла, конечно, об ошибках или пропусках того, что было известно к 1925 г. Однако за десятилетия, прошедшие с тех пор, советское декабристоведение накопило столь обильный и ценный, ранее неизвестный фактический материал, что проблема нового издания приобрела совсем иной характер. Но прежде чем рассмотреть задачи и принципы нового биографического справочника о декабристах, напомним читателям, что представлял собой VIII том серии «Восстание декабристов», изданный в 1925 г.

Оценить труд Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса в полной мере можно, только рассмотрев, хотя бы в самых общих чертах, историю возникновения самого замысла подобного издания и его воплощения в жизнь.

Идея принадлежала известному историку феодализма Н. П. Павлову-Сильванскому. В 1990 г. он приступил к описанию в Государственном архиве фонда Следственного комитета и Верховного уголовного суда над декабристами¹. Одним из результатов этой работы явился основанный на документах фонда биографический очерк о П. И. Пестеле². Тогда же у Павлова-Сильванского возникла мысль о справочном издании, посвященном биографиям декабристов, в ос-

¹ Опись фонда в настоящее время хранится в ГА РФ (Ф. 48).

² Павлов-Сильванский Н. П. П. И. Пестель // Русский биографический словарь. СПб., 1902. Т. XIII. Павел — Петр. С. 599–615

нову которого должна была лечь публикация «Алфавита членам тайных злоумышленных обществ», составленного в 1827 г. правителем дел Следственного комитета А. Д. Боровковым и за подписью председателя комитета Татищева представленного императору¹.

Сохранившийся в архиве Павлова-Сильванского черновик посвященного этому текста (то ли наброска предисловия, то ли заявки на издание) позволяет представить себе его замысел (подготовленной к печати рукописи в архиве нет, и существовала ли она вообще, сказать трудно). Павлов-Сильванский предполагал разделить сам текст «Алфавита» на три части, поместив в первой справки Боровкова о декабристах, преданных Верховному уголовному суду, во второй — о причастных к движению, а в третьей — о привлечены к следствию по недоразумению. «Сведения о декабристах, оканчивающиеся в „Алфавите“ 1826-м годом, приговором суда, я дополняю, — писал Павлов-Сильванский, — сведениями о их жизни на каторге и в ссылке из печатного списка с рукописными дополнениями, хранящегося в том же госуд[арственном] архиве, и для позднейшего времени из других источников. Тут же я дал главнейшие библиографические примечания». Из дальнейшего ясно, что эти дополнения Павлов-Сильванский помещал прямо в текст «Алфавита» и только предполагал выделить их особым шрифтом². В то время издание по цензурным условиям не состоялось³. Отметим, однако, что Павлову-Сильванскому принадлежит принципиально важная мысль о необходимости биографического комментария к тексту «Алфавита», сохраненная и развитая его преемниками.

В 1906–1907 гг. Н. П. Павлов-Сильванский предпринял еще одну попытку издать «Алфавит» (теперь уже вместе с П. Е. Щеголевым). О ней кратко упоминают в одном из примечаний к своему предисловию в издании 1925 г. Б. Л. Модзалевский и А. А. Сиверс: «Между прочим, известно, что покойный историк Н. П. Павлов-Сильванский (ум. 17-го сентября 1908 г.) намерен был еще в 1906–1907 гг., в сотрудничестве с П. Е. Щеголевым, приготовить к печати и издать „Алфавит“». Редакторы настоящего издания считают своим долгом принести П. Е. Щеголеву выражение благодарности за сообщение некоторых материалов, собранных им для издания... „Алфавита“». В 1907 г.

¹ Характеристику этого документа см. в посвященном ему предисловии Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса к изданию 1925 г.

² РГИА. Ф. 1014. Оп. 1 Д. 34. Л. 1, 1 об.

³ Невелев Г. А. Н. П. Павлов-Сильванский — историк декабристов // Освободительное движение в России. Саратов, 1971. Вып. 1. С. 57.

П. Е. Щеголев был выслан из Петербурга, и многие декабристские издания, предпринимавшиеся при его участии (в том числе и трехтомная «История декабристов», одним из авторов которой должен был быть Н. П. Павлов-Сильванский), не увидели свет¹.

Наконец, несколько лет спустя к работе над биографическим изданием о декабристах приступили Б. Л. Модзалевский и А. А. Сиверс. Трудно было бы найти ученых, лучше подготовленных для создания подобного справочника. Имя Бориса Львовича Модзалевского (1874–1928), выдающегося пушкиниста, знатока биографии и творчества Пушкина, его эпохи, прочно вошло в историю науки. Огромна роль Б. Л. Модзалевского и как архивиста — до революции и в советское время он принимал деятельное участие в формировании рукописных фондов Пушкинского дома Академии наук. К кругу научных интересов его всегда принадлежало конкретное изучение деятельности участников движения декабристов².

Незаменимым подспорьем для комментирования «Алфавита декабристов» явилась, несомненно, знаменитая картотека Б. Л. Модзалевского, содержащая указания на упоминания в книгах, журналах, газетах десятков тысяч людей XIX в.

Менее известен второй редактор издания — Александр Александрович Сиверс (1866–1954). Специалист по вспомогательным историческим дисциплинам³, А. А. Сиверс занимался главным образом генеалогией. Изучая родословные многих дворянских фамилий, А. А. Сиверс стал одним из крупнейших специалистов в области генеалогии в дореволюционной России. Широкие и основательные знания создали ему высокий научный авторитет, он был избран председателем Русского генеалогического общества. Интерес к истории дворянских родов вообще пробудил у А. А. Сиверса и более специальный интерес к родословной и биографиям декабристов. Наряду

¹ Невелев Г. А. Замысел издания «Истории декабристов» в 1906–1907 гг. // Исторические записки. М., 1975. Т. 96. С. 380–382.

² Еще до революции Б. Л. Модзалевский опубликовал ряд писем и других документов декабристов — Г. С. Батенькова, А. А. Бестужева-Марлинского, Е. П. Оболенского и др., возглавлял такие фундаментальные издания, как «Архив Раевских» (СПб., 1908–1915), «Архив декабриста С. Г. Волконского», редактировал сборники «Огни», где печатались многие декабристские материалы. Но особенно плодотворна была его исследовательская и публикаторская деятельность в этом направлении в 1920-е гг., когда он ввел в науку такие первостепенные материалы, как письма Лунина из Акатуя, письма Рылеева, Пушина, стихотворения Барятинского, когда появилось его замечательное исследование «К истории „Зеленой лампы“» и многое другое.

³ В последние годы жизни А. А. Сиверс заведовал нумизматическим отделом Государственного исторического музея и много сделал для его научной организации.

с многочисленными генеалогическими разысканиями А. А. Сиверс уже в советское время опубликовал ряд чисто декабристоведческих работ¹. Прекрасное знание эпохи, обширная эрудиция и специальная подготовка, присущие обоим составителям, являлись залогом высокого научного уровня задуманного ими издания.

К сожалению, материалы архивов А. А. Сиверса и Б. Л. Модзалевского, которыми мы располагаем, не позволяют точно установить, как и когда они приступили к работе. По всей вероятности, она была начата не ранее 1917 г.: на это, как кажется, указывает их замечание в предисловии к изданию 1925 г. о вывозе в 1917 г. части Государственного архива из Петербурга в Москву, вследствие чего, как они писали, не удалось сделать «извлечения сведений из самых дел о декабристах». Весной же 1918 г. работа была уже в разгаре. 12 марта 1918 г. Б. Л. Модзалевский писал А. А. Сиверсу из Гатчины: «Двинулся ли „Алфавит декабристов“? Написано ли предисловие — введение с исторической справкой о Верх[овной] следств[енной] ком[иссии] и суде? Мне досадно, что я задержал последние доставленные Вами листки: авось либо догоню и наверстаю пропущенное время. Прилагаю карточку о Гурко, из которой, кажется, можно будет пополнить то, что я о нем написал»².

Сохранившаяся переписка не дает, к сожалению, возможности подробно восстановить все этапы их работы. Однако из писем видно, что к июлю 1919 г. она была завершена, и в издательстве «Огни», которым заведовала В. А. Ляцкая-Пыпина, летом того года началось печатание книги. Но через некоторое время по неизвестным причинам издание затормозилось, а потом и вовсе было прекращено. Еще в феврале 1920 г. велась интенсивная доработка «Указателя»³, а в ноябре того же года А. А. Сиверс посылал Б. Л. Модзалевскому частые листы книги⁴. Но через год в их переписке речь идет вовсе не о вы-

¹ Перу А. А. Сиверса принадлежат статьи о декабристах: Ф. Ф. Вадковском, А. И. Вегелине, П. А. Муханове, М. Ф. Орлове, А. Ф. Фролове. В 1920 г. он опубликовал «Извлечение» из выписки по делу об Обществе военных друзей, впоследствии помещенное в приложениях к «Алфавиту декабристов». Он же первый ввел в научный оборот переписку III отделения о возвращении декабристов из ссылки после амнистии 1856 г.

² РГИА. Ф. 720 (А. А. Сиверс). Оп. 1. Д. 51. Л. 25 об.

³ 10 февраля 1920 г. А. А. Сиверс писал Б. Л. Модзалевскому: «Просматривая конец рукописи нашего указателя, констатировал отсутствие справок о двух Фонвизиных. Не будете ли добры на эти днях набросать вступительные части до осуждения, а также и концы; еще неделю спустя, 18 февраля: «Возвращаю использованные карточки. Норова нашел. Исправил ошибку в годе смерти Ал-ры Григ. Муравьевой, которую сделали мы благодаря Лобанову (надо 1832 вместо 1833, как у него). Никому верить нельзя» (РО ИРЛИ. Ф. 184 (Б. Л. Модзалевского). Не обработан).

⁴ РО ИРЛИ. Ф. 184. Письмо А. А. Сиверса от 24 ноября 1920 г.

шедшей книге, а о новом поиске путей для ее издания. «Ведь нам с Вами нужно пойти к Ионову, — напоминал А. А. Сиверс Б. Л. Модзалевскому 1 ноября 1921 г., — переговорить насчет „Алфавита декабристов“. Зайдите как-нибудь на этих днях ко мне в архив, и мы с Вами пойдем в Дом книги»¹. То, что издание «Алфавит декабристов» в издательстве «Огни» не было завершено, тираж не напечатан и не выпущен в продажу, не вызывает сомнений. Однако бесспорно и другое — несколько корректурных оттисков погибшего в типографии издания находилось в руках специалистов. Об этом прямо писал известный библиограф Н. М. Ченцов: «Набор книги был рассыпан, известно несколько отпечатанных экземпляров»². Как на вышедшую в свет книгу указывал на «Алфавит» в своей библиографии В. Селиванов³. Сам Модзалевский ссылался на это издание, приводя выдержки из него в комментарии к «Дневнику» А. С. Пушкина⁴. Однако все наши попытки обнаружить хотя бы один из отпечатанных тогда экземпляров не увенчались успехом. Трудно поэтому с уверенностью судить о том, что реально представляло собой это издание. Однако косвенные данные позволяют предполагать, что оно мало отличалось от издания 1925 г. Среди материалов юбилейной комиссии Центрархива 1925 г. сохранился корректурный оттиск предисловия к изданию «Огней». Оно практически полностью, за исключением незначительных редакционных различий, совпадает с предисловием к изданию 1925 г.⁵ О том, что издание 1925 г. в значительной степени повторяло печатавшееся в «Огнях» в 1919–1920 гг., свидетельствует и заметка С. Я. Штрайха, напечатанная в декабре 1919 г. в еженедельнике «Жизнь искусства» и информировавшая о скором выходе в свет «Алфавита декабристов». Сообщая, что в издательстве «Огни» в самом скором времени будет выпущен «справочный словарь декабризма — Алфавит декабристов», Штрайх, несомненно, уже видевший готовую книгу, писал, что текст «Алфавита» Боровкова снабжен в издании «Указателем», «составленным редакторами издания Б. Л. Модзалевским и А. А. Сиверсом, которые отвели здесь каждому

¹ РО ИРЛИ. Ф. 184. И. И. Ионов в то время заведовал Госиздатом.

² Ченцов Н. М. Восстание декабристов: Библиография. М., Л., 1929, с. 22; см. также: Азодовский М. К. Рецензия на библиографию В. Селиванова // Красная летопись. 1926. № 2. С. 192.

³ Селиванов В. Декабристы, 1825–1925. Систематический указатель русской литературы. Л., 1925. С. 46.

⁴ Пушкин А. С. Дневник, 1833–1835. М., Пг., 1923. С. 94, 140.

⁵ ГА РФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 981. Л. 51–58. За указание этого дела приношу глубокую благодарность К. Г. Ляшенко.

прикосновенному к делу от нескольких строк до целой страницы более убоистой печати и сообщили дополнительные сведения о происхождении, воспитании и службе до 1825 года, о дальнейшей судьбе „декабристов“, их семейном положении и т. д.»¹ В этом описании читатель, знакомый с изданием 1925 г., легко узнает и принципы его построения, и даже внешний вид. Таким образом, можно полагать, что корпус издания сформировался уже к 1919 г., был определен тогда и основной его принцип — дополнение текста «Алфавит» биографическим «Указателем».

Нет сомнения, что после неудачи 1919–1920 гг. редакторы продолжали совершенствовать свою работу, исправляя и дополняя биографические справки для указателя. Об этом свидетельствуют, в частности, включенные в издание 1925 г. ссылки на некоторые публикации первой половины 1920-х гг., например, на издание «Воспоминаний и писем» М. И. Муравьева-Апостола 1922 г. и на опубликованные Б. Л. Модзалевским в том же году извлечения из записной книжки Ф. П. Шаховского.

Только в 1925 г. очередная попытка Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса опубликовать подготовленную работу увенчалась успехом. Помог широко отмечавшийся в стране 100-летний юбилей восстания декабристов. «Алфавит» был включен в план документальной серии «Восстание декабристов», к изданию которой приступил Центр-архив. Осенью 1925 г. он появился на прилавках книжных магазинов².

Осуществленное наконец издание состояло из двух частей — основной и вспомогательной. В основной публиковался «Алфавит членам бывших злоумышленных тайных обществ...» Боровкова, который был дополнен рядом официальных документов, расширявших круг охарактеризованных в «Алфавите» лиц (например, справки III отделения о декабристах — участниках восстания Черниговского полка, сведения о которых либо вовсе отсутствовали в «Алфавите», либо были крайне скудны; извлечение из военно-судного дела Литовского пионерного батальона — делопроизводства об обществе «Военных друзей»). Вспомогательная часть состояла из небольшого предисловия Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса и «Указателя» имен, упомянутых в тексте публикуемых документов.

¹ Штрайх С. О первых русских революционерах // Жизнь искусства. Пг., 1919. 13, 14 декабря. 316/317. С. 3

² Экземпляр «Алфавита декабристов», принадлежавший Ю. Г. Оксману, судя по имеющейся на ней дарственной надписи, был подарен ему Б. Л. Модзалевским 14 ноября 1925 г. (в настоящее время принадлежит К. П. Богаевской).

Сразу скажем, что «Указатель» далеко выходил за рамки обычных представлений о справочном аппарате документального издания. Он и до сих пор остается беспрецедентным явлением в истории науки. Сознвая значение «Алфавита» как свода биографических сведений о декабристах и в то же время хорошо понимая его ограниченность (вытекающую из самого его назначения и времени составления), составители видели свою задачу в том, чтобы сообщить в сопровождающем его «Указателе» «сведения о происхождении, воспитании и службе до 14 декабря 1825 г., равно как и проследить дальнейшую судьбу лиц, внесенных в „Алфавит“». Они стремились дать в нем «фактическую, проверенную по возможности документами, краткую сухую сводку биографических сведений о каждом из числа более чем пятисот, привлеченных к делу». Таким образом, Модзалевский и Сиверс с самого начала понимали задачу «Указателя» гораздо шире его скромного наименования и места в книге. «Должен был получиться, — писали они, — полезный справочник о более чем пятистах лицах, в число которых вошел почти весь, за немногими исключениями, цвет русской передовой по убеждениям и наиболее образованной интеллигенции первой четверти XIX столетия». Таким образом, уже и в 1925 г., несмотря на структурную и функциональную подчиненность «Указателя» документальной части издания, его самостоятельное значение было очевидно, а сконцентрированная в нем информация ничуть не уступала информационному значению «Алфавита».

Каковы же были справки этого «Указателя»? При всей бросающейся в глаза их неоднородности (одни очень кратки, формальны, другие содержат элементы связного повествования, чрезвычайно подробны и значительны по объему) структура и наполнение справок фактическим материалом, к которым в принципе стремились составители, довольно ясны. Составленная по полной программе справка включала в себя семь основных пунктов: 1) фамилия, имя, отчество, место службы и должность (по «Алфавиту» Боровкова); 2) шифр следственного дела и дела по надзору; 3) сведения о жизни до восстания (дата и место рождения, родители, воспитание, служба, иногда имущественное положение); 4) сведения об участии в тайном обществе (очень неполно и непоследовательно); 5) сведения об аресте, суде и приговоре; 6) сведения о жизни после 1825 г. (каторга и ссылка для осужденных, дальнейшая служба для остальных, дата и место смерти); 7) сведения о родственниках (жена, дети, братья, се-

стры). Кроме того, в ряде справок давалась библиография, приводились цитаты из свидетельств современников и пр. Если некоторые пункты этой схемы предполагали точный и идентичный объем и характер сведений (например, фамилия, имя, отчество и годы жизни), то другие позволяли значительно их варьировать (например, жизнь до и после восстания). Реальное наполнение этой схемы зависело от того, какие биографические факты были известны составителям.

В большинстве справок принятая структура была выдержана. Случалось все же, что Б. Л. Модзалевскому и А. А. Сиверсу вообще не удавалось отыскать никаких сведений, сверх содержащихся в «Алфавите», даже о тех лицах, которые либо принадлежали к тайным обществам, либо подозревались в этом и на которых в Следственном комитете были заведены специальные дела¹. Но отличались друг от друга и те справки, где составители выявили необходимые сведения с достаточной полнотой. Отличия эти возникали большей частью в результате соблазна расширить содержание справок вопреки собственному принципу «краткой сухой сводки биографических сведений». Это касалось главным образом жизни декабристов после 1825 г. Так, справка о М. К. Кюхельбекере содержит объемистый текст письма его брата Вильгельма к А. Х. Бенкендорфу, справка о Ф. П. Шаховском — большую выдержку из письма С. И. Кривцова к А. Г. Муравьевой на французском языке с описанием душевной болезни Шаховского, в справке о Г. С. Батенькове приводится одна из резолюций Николая I на всеподданнейшем докладе шефа жандармов А. Ф. Орлова об облегчении участи Батенькова. Подобный примеров немало. Однако все эти отступления от объявленной программы только пополняли «Указатель» ценными сведениями, несколько его не ухудшая.

Без сомнения, для своего времени издание Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса явилось крупным научным достижением. Недаром «Алфавит декабристов» прочно вошел в научный оборот, и за ним укрепилась репутация одного из надежнейших и подробнейших биографических справочников.

Однако за шесть прошедших десятилетий ситуация в декабристоведении изменилась коренным образом. Достаточно сказать, что почти все достигнутое в этой области советскими учеными, плодот-

¹ Составители специально оговорили, что при именах лиц, лишь упоминаемых в тексте «Алфавита», указано их служебное или общественное положение в 1826 г. без приведения дальнейших биографических подробностей.

ворно разрабатывавшими не только историю движения декабристов в целом, но и биографии преобладающей части его участников, возникло после выхода в свет «Алфавита декабристов». История его подготовки к печати показывает, что издание это обобщало в основном данные дореволюционной науки. Кроме того, широко используя архивные источники, Б. Л. Модзалевский и А. А. Сиверс в трудных условиях первых послереволюционных лет не смогли использовать даже основной из них — следственные дела декабристов, и тем самым за пределами справочника остался сконцентрированный там богатейших фактический материал¹.

Настоятельная необходимость нового биографического свода данных о декабристах с годами становилась все более ощутимой, ее диктовали назревшие научные и общественные потребности. Каждое новое серьезное исследование или документальная публикация многое меняли в представлениях о жизни и деятельности декабристов, опровергали, уточняли и дополняли данные издания 1925 г. А между тем «Алфавит декабристов» продолжал оставаться наиболее полным сводным справочником. Понятно, что не все специалисты, занимавшиеся декабристами и их временем, а тем более многочисленные краеведы, журналисты, литераторы, обращавшиеся к движению декабристов и биографиям отдельных его участников, успевали внимательно следить за специальными исследованиями и публикациями, часто появлявшимися в малотиражных и труднодоступных изданиях. Но все хорошо знали «Алфавит». В результате значительное количество сведений издания 1925 г., давно уже уточненных и исправленных наукой в ходе ее естественного развития, продолжало автоматически переходить из работы в работу. Этим в значительной степени объясняется тот разноречивый характер биографических данных, который так явственно замечен в литературе последних десятилетий. И это не удивительно, одни авторы пользовались результатами новейших исследований, другие — прежде всего «Алфавитом декабристов». Наиболее наглядно это проявляется в повсеместно встречающихся расхождениях сообщаемых дат рождения и смерти декабристов. Причина очевидна: почти у трети декабристов даты жизни в издании 1925 г. указаны неверно (неверны даже даты рождения трех из пяти казненных).

¹ «Извлечения сведений из самих дел о декабристах, — писали Б. Л. Модзалевский и А. А. Сиверс во введении к „Указателю“, — редакторам не удалось сделать ввиду вывоза в 1917 г. части Государственного архива в Москву».

Работа над подготовкой нового справочного издания о декабристах была начата в 1978 г. по инициативе академика М. В. Нечкиной в Институте истории СССР АН СССР. Однако в начале работы истинный масштаб необходимых изменений по сравнению с изданием 1925 г. и, следовательно, предпринимаемого дела был понят далеко не полностью. Казалось, что можно просто переиздать «Алфавит декабристов» (возможно, даже факсимильно), снабдив его небольшим комментарием, где были бы даны необходимые уточнения и дополнения. Но сам ход работы, вскоре сделавшей очевидным огромный объем новых сведений, исправлений и уточнений, опроверг первоначальный замысел. Стало ясно, что речь не может идти о переиздании работы Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса, пусть даже исправленной и значительно дополненной. Задачей стала подготовка нового биографического справочника декабристов. Понятно, что издание 1925 г. оставалось основой и отправным пунктом для такого труда, хотя не всем заложенным в нем принципам имело смысл следовать. Одни из них, доказавшие свою жизненность, сохранялись, от других пришлось отказаться.

Так, вполне оправдало себя объединение в рамках справочного издания собственно биографического справочника и текста «Алфавита» Боровкова с дополняющими его документами. Конечно, значение этой документальной части как источника претерпело за прошедшие 60 лет коренные изменения: с изданием 18 томов документальной серии «Восстание декабристов», где опубликована большая часть следственных дел декабристов, «Алфавит» Боровкова перестал быть единственным источником, на основании материалов следствия освещающим деятельность первых революционеров в тайных обществах. Он остался лишь полезной обобщающей сводкой данных обо всех 579 лицах, привлеченных к следствию.

Одного этого было бы, конечно, достаточно, чтобы сохранить документальную часть в новом издании, но есть еще более важный аспект проблемы, не допускающий нарушения теснейшей связи между собственно биографическим справочником и «Алфавитом». Дело в том, что сам круг лиц, отраженных в справочнике, — тот же, что в «Алфавите» Боровкова и документальных приложениях к нему. И круг этот значительно шире круга точно установленных членов тайных декабристских обществ и участников восстаний на севере и юге. Справочник дает, таким образом, биографические сведения о множестве лиц, так или иначе втянутых в орбиту движения или по

крайней мере следствия по нему. В этой широте охвата большое преимущество как труда Боровкова, добросовестно фиксировавшего все, что было известно следствию, так и «Указателя» в издании 1925 г. Не воспользоваться этим и ограничить новый справочник собственными декабристами было бы большой ошибкой. Биографические справки обо всех лицах, так или иначе фигурировавших во время следствия, дают представление о широком общественном слое, лишь часть которого составляли выявленные члены тайных обществ: здесь и сумевшие обмануть следствие декабристы, и отступившие от своих первоначальных намерений, и случайно примкнувшие к событиям в какой-то решающий момент, и просто наблюдатели, и, наконец, даже предатели и агенты правительства. Прямолинейная логика диктовала бы отказ от включения в биографический справочник многих таких лиц. Но это могло закрыть путь к дальнейшему исследованию того, что не всегда было установлено следствием или не привлекло его пристального внимания.

В новом справочнике документальная часть издания 1925 г. воспроизведена полностью. «Алфавит членам бывших тайных злоумышленных обществ...» и все приложения к нему заново сверены с архивными подлинниками и печатаются в соответствии с современными правилами публикации исторических источников.

Однако расположение справочника и документальной части в новом издании совсем иное. Принятый составителями в 1925 г. и тогда оправданный принцип функциональной подчиненности «Указателя» публикации документов сегодня стал явным анахронизмом. Многолетний опыт использования «Алфавита декабристов» убедительно доказал, что именно к биографическим данным «Указателя» постоянно обращаются и исследователи, и любители истории. Поэтому именно биографический справочник должен быть его центральной частью.

Он, в свою очередь, состоит из двух разделов. Первый из них дает биографические сведения обо всех лицах, внесенных Боровковым в «Алфавит» и упомянутых в документальных приложениях. Однако этот широкий круг декабристов и вообще привлеченных к следствию лиц не исчерпывает реальный состав членов тайных обществ и участников восстаний на севере и юге. В издании «Декабристы. Биографический справочник» сделан шаг к расширению и уточнению представлений об этом реальном составе. В особом, втором разделе справочника помещены биографические справки о 20 декабристах, не упомянутых в издании 1925 г. Принадлежность этих лиц

к тайным декабристским обществам установлена по другим источникам. О некоторых из них уже написаны исследования. О других таких работ нет, но их имена как членов тайных обществ назвали сами декабристы. Справки об этих «новых» декабристах не растворены в общем алфавите, а выделены в особый раздел. Это, как можно надеяться, привлечет к ним внимание исследователей и будет стимулировать дальнейшие разыскания в этой области.

Перейдем теперь к характеристике основных принципов составления биографических справок. Они следуют в основном тем принципам, которые были выработаны Б. Л. Модзалевским и А. А. Сиверсом, и на протяжении десятилетий доказали свою целесообразность. Каждая справка представляет собою возможно более лаконичную сводку документально установленных и точно датированных фактов. Так, например, в справках даются сведения о продвижении по службе, но фактическая деятельность на том или ином посту не раскрывается, а какие бы то ни было оценки отсутствуют. Даже в отношении деятельности в тайных обществах соблюден тот же принцип — даются сведения о членстве (если возможно, то указывается дата вступления в тайное общество) и об участии в крупнейших событиях истории движения декабристов.

Некоторому изменению подверглась только структура самой справки. Она теперь такова: 1) исходные данные (фамилия, имя, отчество, даты жизни, служебное или общественное положение декабриста к моменту восстания); 2) жизнь до восстания (социальное происхождение, место рождения, вероисповедание, родители, воспитание, служба до 1825 г. включительно, имущественное положение, участие в литературных и иных обществах, масонство); 3) членство и время вступления в тайное общество, участие в восстании на Сенатской площади, выступления Черниговского полка и Литовского пионерного батальона; для остальных — причина упоминания в документальной части издания; 4) арест и заключение; 5) приговор и последующая жизнь (приговор Верховного уголовного суда или иное решение участи декабриста, его приметы, жизнь на каторге, поселении, после амнистии или же иной жизненный путь после 1825 г.; если декабрист не понес наказания, место смерти и погребения); 6) семья (жена, дети, братья, сестры); 7) указание на место хранения или публикацию следственного дела и место хранения дела по надзору.

Для того чтобы читатель, разыскивающий какой-то один биографический факт, легко ориентировался в тексте справки, последова-

тельность сведений внутри каждой ее структурной части точно соблюдается.

Следует, наконец, сказать и еще об одном принципе, принятом при подготовке нового биографического справочника декабристов. Вся работа строилась таким образом, чтобы освободить читателя от необходимости обращаться к прежнему изданию «Алфавита декабристов». В биографические справки полностью включены факты, сообщавшиеся Б. Л. Модзалевским и А. А. Сиверсом (если они, конечно, не оказались опровергнутыми). Сохранены приводившиеся ими цитаты, даже самые обширные, все мельчайшие подробности, включенные в некоторые справки. Исключение из этого последовательно приведенного принципа было сделано лишь для библиографических данных. Крайне выборочные, они потеряли свое значение теперь, при наличии фундаментальных библиографий по теме¹. Дословно воспроизведены здесь как предисловие составителей ко всему изданию 1925 г., так и краткое их введение к «Указателю». В документальных приложениях текст самих документов отделен от пояснений Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса — последние заключены в квадратные скобки и подписаны их именами.

Таким образом, новый биографический справочник декабристов состоит из собственно биографического справочника («Декабристы и лица, привлеченные к следствию по делу о тайных обществах» и «Декабристы, не выявленные в ходе следствия»), документальной части («Алфавит бывшим членам тайных злоумышленных обществ» с приложениями), сопровождающих их научно-исследовательских статей, а также именного и предметно-географического указателей.

Каким же образом велась работа над главной частью издания — самими биографическими справками? Естественно, что основой для нее стали справки Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса. Однако все содержащиеся там данные были подвергнуты тщательной проверке. Поэтому любая биографическая справка нового справочника — это результат кропотливого научного исследования. Литература по истории движения декабристов и их времени насчитывает десятки тысяч названий. Для проверки биографических сведений были учтены данные обобщающих работ и всех наиболее серьезных исследований, посвященных данному лицу.

¹ Ченцов Н. М. Указ. соч.; Эймонтова Р. Г. Движение декабристов. Библиография. 1928–1959. М., 1960; Эймонтова Р. Г. и др. Движение декабристов. Указатель литературы, 1960–1976. М., 1983.

Другим фундаментом проверки и дополнения фактов явились документальные источники — изданные и неизданные. При подготовке настоящего справочника была в полной мере использована документальная серия «Восстание декабристов» и огромное число других осуществленных в последние десятилетия документальных публикаций. Конечно, задача хоть сколько-нибудь полного просмотра архивных источников не могла быть поставлена, ибо это затянуло бы подготовку издания на долгие десятилетия. Поэтому в работе над справками были использованы материалы только основных декабристских фондов. Это прежде всего материалы Следственного комитета и Верховного уголовного суда (ГА РФ. Ф. 48), дела по надзору за декабристами из фонда III отделения (ГА РФ. Д. 109. 1 эксп. 1826 г. Д. 61. Ч. 1–234), следственное дело членов общества «Военных друзей» и участников выступления Литовского пионерного батальона и дела по надзору за ними (РГВИА. Ф. 801. Оп. 70. 1827 г. Д. 45. Ч. 1–3), а также формулярные списки декабристов из других фондов РГИА и РГВИА.

В мае 1979 г. в «Книжном обозрении» М. В. Нечкина обратилась к декабристооведам и всем лицам, интересующимся историей движения декабристов, с просьбой присылать в Институт истории СССР АН СССР накопившиеся у них исправления, уточнения и дополнения к «Указателю» издания 1925 г. В ответ было получено около 100 писем со всех концов страны — от историков и архивистов, писателей и учителей, потомков декабристов и краеведов. Сообщаемые уточнения и дополнения большей частью подкреплялись ссылками на документы, во многих случаях почерпнутые из местных архивов. Таким образом удалось привлечь к работе над справочником широкий круг общественности.

Одновременно было предпринято разыскание экземпляров издания 1925 г. с рукописными поправками и дополнениями владельцев — чаще всего крупных историков. В результате удалось использовать экземпляры, принадлежавшие М. В. Нечкиной, Ю. Г. Оксману, А. А. Сиверсу. Кроме того, обследовались архивы Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса, где можно было надеяться обнаружить материалы их дальнейшей работы над «Алфавитом». Надежда эта оправдалась: в отделе нумизматики Государственного исторического музея, как оказалось, хранится рукопись «Указателя», переработанного А. А. Сиверсом в 1930-х гг.¹ Перечисленные материалы после тщательной

¹ За указание этой рукописи приношу глубокую благодарность О. В. Рыковой

проверки тоже были использованы при составлении нового текста биографических справок.

Чтобы дать представление о результатах проделанной работы, укажем прежде всего, что сам объем справочника увеличился более чем вдвое. Однако характер и обоснованность внесенных в справки изменений не могут быть поняты без некоторого раскрытия самого хода работы и ее источников. Это касается как каждого структурного раздела биографической справки, так и того, что послужило основанием к созданию в справочнике особого раздела «Декабристы, не выявленные в ходе следствия». Рассмотрим это по разделам биографической справки.

1. Исходные данные (фамилия, имя, отчество, даты жизни, служебное или иное положение к моменту восстания 1825 г.)

В этом разделе были исправлены сведения более чем о трети декабристов. Подавляющее большинство уточнений и дополнений касалось дат жизни. Среди тех, чья дата рождения была уточнена, оказались такие видные участники движения декабристов, как казненные М. П. Бестужев-Рюмин, П. Г. Каховский, С. И. Муравьев-Апостол, а также А. П. Барятинский, Н. В. Басаргин, братья Беляевы, А. Ф. Бриген, А. О. Корнилович, С. Г. Краснокутский, Н. И. Лорер, Н. М. Муравьев, Е. П. Оболенский, В. Ф. Раевский, Ф. П. Шаховской, А. И. Якубович, И. Д. Якушкин.

Единственным абсолютно достоверным источником, позволяющим точно судить о дате рождения, являются записи в церковных метрических книгах. К сожалению, записи о рождении многих декабристов либо не выявлены, либо просто не сохранились. В тех случаях, когда их удавалось обнаружить, результаты были весьма важными. Так, до последнего времени считалось, что М. П. Бестужев-Рюмин родился в 1803 г. Эта дата значилась в прежнем издании «Алфавита декабристов» и вошла во все современные справочники и энциклопедии. Она, однако, не была подкреплена какими-либо достоверными источниками. Более того, ей противоречили некоторые документы, а главное, показания самого Бестужева-Рюмина на следствии. В формулярном списке декабриста за 1825 г. указано, что ему «26 лет от роду»¹. Следовательно, он мог родиться в 1798 или 1799 г. Но с этим не согласуются ответы Бестужева-Рюмина на так называемые во-

¹ Восстание декабристов. Т. IX. С. 28.

просные пункты о «воспитании». Отвечая на вопрос: «Как ваше имя и отчество и сколько от роду лет?» он писал: «Михайло сын Павлов. От роду двадцать четыре года»¹. Сплошной просмотр ответов декабристов на «вопросные пункты о воспитании» показывает, что они направлялись им с марта по июнь 1826 г. Таким образом, из собственных показаний Бестужева-Рюмина можно заключить, что он родился в 1801 или в начале 1802 г. И только запись в метрической книге церкви села Теряева Горбатовского уезда Нижегородской губернии за 1801 г., обнаруженная Е. Н. Мачульским, внесла полную ясность. Она гласит, что в мае в сельце Кудрёшки «у господина Павла Николаева Бестужева сын Михаил рожден двадцать третьего числа, а святым крещением просвещен двадцать девятого числа»².

Еще более сложным оказался вопрос о дате рождения С. И. Муравьева-Апостола. В этом случае в распоряжении исследователей было весьма авторитетное, как казалось, свидетельство Матвея Ивановича Муравьева-Апостола, утверждавшего, что брат Сергей родился в октябре 1796 г.³ Этому свидетельству некоторые историки полностью доверяли до последнего времени⁴. Однако параллельно в литературе фигурировала и несколько иная дата — 25 сентября 1796 г. Именно она вошла в «Алфавит декабристов», а из него во все современные справочники и энциклопедии. При этом игнорировался тот факт, что осень 1796 г. как время рождения С. И. Муравьева-Апостола опровергалась его собственными показаниями. В ответах на вопросные пункты о «воспитании» он писал, что ему «от роду 31-й год»⁵. Следовательно, он мог родиться в промежутке между июнем 1795 и мартом 1796 г. И опять только запись в метрической книге петербургской церкви Воскресения Христова, что за Литейным двором, разысканная В. Ф. Шубиным, поставила все на место. Согласно ей, 23 октября 1795 года родился «стата (штата. — С. М.) его высочества Константи́на Павловича у полуполковника Ивана Муравьева сын Сергей»⁶.

Появление в печати сведений, содержащихся в метрических записях, зачастую опровергало совершенно незыблемые представления. Так, на протяжении полутора столетий не было сомнений, что

¹ Восстание декабристов. Т. IX. С. 49.

² Мачульский Е. Н. Новые данные о биографии декабриста М. П. Бестужева-Рюмина // Исторические записки. М., 1975. Т. 96. С. 348.

³ Декабрист М. И. Муравьев-Апостол. Воспоминания и письма. Пг., 1922. С. 26.

⁴ Медведская Л. А. Сергей Иванович Муравьев-Апостол. М., 1970. С. 7.

⁵ Восстание декабристов. Т. IV. С. 264

⁶ Шубин В. Ф. Дата рождения декабриста // Ленинградская правда. 1985. 25 августа.

декабрист М. А. Фонвизин родился 20 августа 1788 г. Дата эта обозначена на памятнике, установленном его женой Натальей Дмитриевной (во втором браке за лицейским товарищем А. С. Пушкина декабристом И. И. Пушным) на могиле декабриста в ограде Архангельского собора в Бронницах. Сам Фонвизин был уверен, что родился в 1788 г. Отвечая весной 1826 г. на вопросные пункты о «воспитании», он писал: «Имя и отчество мое Михаил Александров, от роду мне 38-й год»¹. Все эти свидетельства подтверждались официальными документами. Однако в 1986 г. московский краевед С. Романюк обнаружил метрическую книгу Преображенской церкви, что в Спасской слободе Москвы, где имелась запись о том, что 20 августа 1787 г. «у подполковника Александра Иванова сына Фонвизина родился сын Михаил»². Оказалось, таким образом, что Фонвизин родился годом ранее, чем считалось до сих пор. На год раньше, как установил тот же исследователь, родился и его брат декабрист И. А. Фонвизин (не в 1790 г., как значится, скажем, в издании 1925 г., а в 1789 г.).

Другим важным источником для установления времени рождения являются собственные показания декабристов на следствии. К сожалению, следствие интересовала не точная дата рождения, а возраст, имевший некоторое значение для вынесения приговора. Поэтому лишь немногие из более чем 150 декабристов, получивших вопросные пункты о «воспитании», указали в ответах точную дату своего рождения (например, А. П. Барятинский и Н. А. Чижов³). Показания Барятинского позволили исправить ошибку Модзалевского и Сиверса, указавших, что он родился в 1798 г., и привести точную дату — 7 января 1799 г. В подавляющем же большинстве случаев ответы ограничивались указанием возраста (столько-то лет или идет такой-то год). Иногда, в случаях, когда день рождения оказывался близок ко времени ответов на вопросные пункты, декабристы сообщали, что им только что или недавно исполнилось столько-то лет. Это позволяло точно указывать хотя бы месяц и год их рождения.

В подавляющем же большинстве случаев вопрос о времени рождения декабриста приходилось решать на основании анализа всей совокупности источников. Так было, например, с установлением даты рождения декабриста Н. В. Басаргина. В литературе утвердилось мнение, что Басаргин родился в 1799 г. Эта дата приведена в «Алфавите

¹ Восстание декабристов. Т. III. С. 65.

² Романюк С. Его личность к себе привлекала // Московская правда. 1986. 17 августа.

³ Восстание декабристов. Т. X. С. 262; Т. XIV. С. 264

декабристов», а также во всех энциклопедиях и справочниках. Сам же декабрист показал на следствии, что ему 25 лет¹, и, следовательно, он мог родиться как в 1800, так и в 1801 г. Установить год его рождения позволяет сопоставление его мемуаров с послужным списком. Вспоминая о Московском учебном заведении для колонновожатых, Басаргин писал, что поступил туда 17-ти лет от роду². В послужном же списке имеется точная дата — 22 декабря 1817 г.³ Следовательно, Басаргин родился в 1800 г. Сообщение декабриста И. Д. Якушкина в одном из писем о праздновании 9 мая именин Басаргина⁴ позволило еще точнее датировать его рождение (чаще всего день празднования того или иного святого совпадал или был очень близок ко дню рождения). В тех же случаях, когда показание на следствии было единственным источником сведений, приходилось ограничиваться указанием на два возможных года рождения. В качестве примера приведем случай с декабристом И. Н. Хотяинцовым, который на следствии показал: «От роду мне 39 лет»⁵. Следовательно, он мог родиться либо в 1786, либо в 1787 г. Никаких более точных свидетельств разыскать не удалось (указание формулярного списка, что в 1825 г. ему было 30 лет, на основании которого Модзалевский и Сиверс определили год его рождения, никак нельзя признать более авторитетным, чем его собственное показание).

Проверка по другим источникам показаний декабристов о своем возрасте доказала, что в большинстве случаев они сообщали верные данные. Из тех, кто неточно указал год своего рождения, обратим еще внимание на К. Ф. Рылеева и М. С. Лунина. Лидер северян, отвечая на вопрос о возрасте, заданный 24 декабря, заявил: «От роду мне 30 лет», а несколькими месяцами позже в ответах на вопросные пункты о «воспитании» уменьшил свой возраст: «От роду мне тридцатый год»⁶. Единственный случай резкого расхождения между точно установленной датой рождения и показаниями на следствии связан с М. С. Луниным. В ответах на вопросные пункты «о воспитании» он показал: «От роду 43 года»⁷. На самом же деле в этот момент ему было

¹ Восстание декабристов. Т. XII. С. 310.

² Мемуары декабристов. Южное общество. М., 1982. С. 145.

³ Восстание декабристов. Т. XII. С. 280.

⁴ Якушкин И. Д. Воспоминания, записки, письма. М., 1951. С. 365.

⁵ ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 87. Л. 5.

⁶ Восстание декабристов. Т. I. С. 156–157.

⁷ Там же. Т. III. С. 128

только 38 лет¹. Цель этих неверных показаний Лунина пока разъяснить не удается.

Еще одним источником для установления даты рождения являются официальные документы, содержащие сведения о возрасте. Это формулярные списки, разного рода справки, прошения и прочее. Однако организация делопроизводства в первой четверти XIX в. была построена так, что сведения в подобные документы зачастую заносились со слов того лица, которому они затем и выдавались. Поэтому их достоверность весьма относительна. Если такие материалы оказывались единственным источником, позволяющим судить о возрасте декабриста, то указание на год рождения обязательно сопровождалось в новом издании словом «около».

При выяснении дат жизни декабристов большую роль сыграли надписи на надгробиях. Именно благодаря им были исправлены даты смерти М. М. Спиридова, А. П. Беляева, Ф. Г. Вишневого и др. На их же основании были уточнены и даты рождения некоторых декабристов. Так, по сведениям М. В. Нечкиной, полученным от П. С. Юдина и внесенным ею в свой экземпляр «Алфавита декабристов», на надгробии Ф. М. Башмакова указан иной, нежели в «Алфавите», год его рождения — 1774. П. С. Юдин лично списал эту надпись. На этом основании и было внесено исправление в настоящее издание.

Ценным источником для установления точных дат жизни является переписка декабристов и их родственников. К сожалению, в преобладающей своей части она не опубликована и хранится в архивах. Поэтому этот вид источников мог быть использован составителями лишь выборочно. Приведем пример, хорошо показывающий возможности эпистолярии в интересующем нас аспекте. К моменту первого издания «Алфавита декабристов» в литературе были высказаны разные предположения о дате смерти декабриста И. Б. Аврамова. Так, в синодике, составленном М. И. Муравьевым-Апостолом, указывалось, что Аврамов был зарезан в Туруханске в 1856 г. в один день с Н. Ф. Лисовским. Б. Л. Модзалевский и А. А. Сиверс дали более правильную, но все же приблизительную дату смерти Аврамова — октябрь 1840 г. В 1926 г. Е. Е. Якушкин издал ряд материалов из архива

¹ Долгие годы считалось, что Лунин родился в 1783 г. Затем был установлен правильный год рождения — 1787, а несколько позднее и дата — 18 декабря (*Окунь С. Б. Декабрист М. С. Лунин. Л., 1985. С. 8, 9*). Однако и в этом случае найденная позднее запись в метрической книге уточнила день рождения декабриста. Оказалось, что М. С. Лунин родился 29 декабря 1787 г., а 18 числа праздновались его именины (*Бройтман Л. Запись в метрической книге // Вечерний Ленинград. 1986. 29 мая*).

Якушкиных и в их числе письмо П. С. Бобрищева-Пушкина от 22 сентября 1841 г. К нему была приложена копия письма Н. Ф. Лисовского к брату Аврамова, где обстоятельно описана вся болезнь И. Б. Аврамова и указан точная дата его смерти — 17 сентября 1840 г.¹

В ходе подготовки настоящего издания удалось выявить довольно много имен и отчеств тех декабристов, лишь фамилия которых была известна ранее. Большинство дополнений такого рода основывалось на материалах, связанных с прохождением военной службы и хранящихся в РГВИА. Они отражены в обширном справочнике, составленном Л. П. Петровским². Ряд дополнений был сделан и на основании следственных материалов. Так, пользуясь сведениями, присланными в Следственный комитет пензенским губернатором Ф. П. Лубяновским, Б. Н. Равдин и А. Б. Рогинский установили, что член Союза благоденствия Левина звали Федором Ивановичем и что он был не тамбовским, как ошибочно указано в издании 1925 г., а пензенским помещиком³.

Незаменимым источником в подобного рода поисках были формулярные списки. Надежность содержащихся в них сведений чрезвычайно высока. Приведем только один пример. В «Алфавите» Боровкова упомянут поручик 5-й конноартиллерийской роты Нащокин, причастный к деятельности Южного общества (по показаниям М. П. Бестужева-Рюмина и С. И. Муравьева-Апостола, считался полупринятым). Б. Л. Модзалевский и А. А. Сиверс полагали, что речь идет о Порфирии Нащокине. Однако, как показывает сохранившийся в следственном деле формулярный список Нащокина, на самом деле его звали Дмитрий Александрович⁴. Принципиально важное значение имеет восстановление правильного написания фамилий ряда декабристов. Исправления этого рода опирались на то написание, которого придерживались сами декабристы. Вот один из примеров. В отличие от издания 1925 г., где фамилия Штейнгель воспроизводилась без второй «й» (Штейнгель), в новом справочнике она пишется Штейнгейль. Именно так сам декабрист всю жизнь писал свою фамилию (см., например, его следственное дело — Восстание декабристов.

¹ Декабристы на поселении: Из архива Якушкиных. М., 1926. С. 111–113.

² Движение декабристов: Именной указатель к документам фондов и коллекций ЦГВИА СССР. М., 1975. Вып. 1–3.

³ Равдин Б. Н., Рогинский А. Б. Записка декабриста М. Н. Новикова «О земледелии и мануфактурах в России» (1816 г.) // Освободительное движение в России. Саратов, 1975. № 5. С. 127.

⁴ ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 93. Л. 29, 29 об.

Т. XIV), так ее писали и его сыновья. В этом написании она вынесена на титул его книги «Опыт полного исследования начал и правил хронологического месячесловного счисления старого и нового стиля», изданной в 1819 г.¹ Написание же Штейнгель, широко вошедшее, к сожалению, в науку, встречается только в официальном делопроизводстве и объясняется, видимо, тем, что фамилия записывалась на слух.

2. Жизнь до восстания

Во втором разделе (социальное происхождение, место рождения, вероисповедание, родители, воспитание, служба до 1825 г. включительно, имущественное положение, участие в литературных и иных обществах, масонство) исправления и дополнения в той или иной степени коснулись всех без исключения декабристов.

В ходе работы удалось установить места рождения ряда декабристов, а в некоторых случаях опровергнуть существовавшие в литературе неверные представления. Так, в отличие от прежнего издания в новом справочнике ничего не сказано о месте рождения К. Ф. Рылеева. И это не случайно. До начала 1950-х гг. считалось, что Рылеев родился в селе Батове Софийского уезда Петербургской губернии. Однако В. Нечаев, специально занимавшийся историей Батова, выяснил, что мать Рылеева приобрела это имение (по другим сведениям, оно было ей подарено) только в 1800 г.² и в том же году, расставшись с мужем, в него переехала. Поэтому Рылеев никак не мог там родиться. Место же его рождения до сих пор остается неизвестным.

Наиболее достоверным источником о месте, так же как и о дате рождения, остаются записи в церковных метрических книгах. Именно они позволили установить, например, что М. П. Бестужев-Рюмин родился в селе Кудрёшки Горбатовского уезда Нижегородской губернии, а декабрист, член Союза благоденствия А. Г. Непенин — в Архангельске³.

Сведения о социальном происхождении, вероисповедании, воспитании, службе и имущественном положении были почерпнуты в основном из формулярных списков. Подавляющая их часть сохра-

¹ Майстров Л. Е. Новаторский труд В. И. Штейнгеля по времяисчислению и астрономии // Декабристы и русская культура. Л., 1975; Он же. Забытый труд по астрономии декабриста В. И. Штейнгеля // Историко-астрономические исследования. М., 1978. Вып. 14

² Нечаев В. Батова, усадьба Рылеева // Звенья. М., 1951. Вып. IX. С. 195–196.

³ Мачульский Е. Н. Указ. соч. С. 348; Фруменков Г. Г., Волынская В. А. Декабристы на Севере. Архангельск, 1986. С. 165.

нилась в составе следственных дел декабристов и опубликована в I–XV, XVIII томах документальной серии «Восстание декабристов» (формулярные списки не опубликованных еще дел были извлечены из архива Следственного комитета). Выявление недостающих формуляров проводилось по фондам РГВИА. Это позволило увеличить число известных списков более чем на сто. Таким образом, при подготовке нового справочника было использовано в общей сложности более 250 подлинных формулярных списков. В результате удалось довольно полно восстановить биографии многих декабристов, сведения о которых в издании 1925 г. именно оттого были крайне скудны и отрывочны, что Б. Л. Модзалевскому и А. А. Сиверсу не удалось использовать многие формулярные списки.

В новом справочнике пополнены и уточнены сведения о весьма многих деятелях тайных обществ. Приведем в качестве примера справку об уже упоминавшемся А. Г. Непенине. В прежнем издании сведения о его жизни до 1825 г. ограничивались только указанием на время производства в полковники и на то, что в 1821 г. он командовал 32-м егерским полком. Обнаруженные в РГВИА и ГА РФ формулярные списки¹ дают возможность представить полную картину жизни этого явно незаурядного человека. Прежде всего выяснилось, что Непенин — один из немногих разночинцев среди декабристов. В формуляре о его происхождении сказано, что родом «из обер-офицерский детей». Следовательно, его отец не был дворянином, а получил дворянство за военную службу, сам же Непенин родился до утверждения отца в дворянском достоинстве. Таким образом сразу проясняется та среда, в которой рос будущий декабрист. В неполные 16 лет (прежняя неверная дата рождения — 1787 г. исправлена на основании записи в метрической книге на 30 ноября 1782 г.²), в марте 1798 г. Непенин вступил в службу унтер-офицером. Формулярный список позволяет проследить все этапы военного пути декабриста, отмеченного орденами и золотой шпагой за храбрость.

Сведения о социальном положении, извлеченные из формулярных списков, приведены в биографических справках в точном соответствии с формулировкой источника: «Из дворян такой-то губернии». Однако это указывает вовсе не на губернию, откуда декабрист

¹ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 12595. Л. 6–15; ГА РФ. Ф. 109. 1 эксп. 1826 г. Д. 61. Ч. 187. Л. 29–38

² Фруменков Г. Г., Волюнская В. А. Указ. соч. Здесь же приведены подробные сведения о родителях Непенина и его семье.

родом, а лишь на то, что он внесен в дворянскую книгу именно этой губернии.

Сведения о вероисповедании извлечены из формулярных списков или собственных показаний декабристов. Хорошо известно, что в дореволюционной России национальность никак не фиксировалась. Поэтому сведения о вероисповедании являются единственным источником, позволяющим (правда, со значительными оговорками) судить о национальном составе участников движения. Так как преобладающая часть их была православной, то в справках указывалась только принадлежность к иному вероисповеданию. Сведения о воспитании извлекались в основном из ответов декабристов на упоминавшиеся уже специальные вопросные пункты. Именно они в совокупности с данными формулярных списков служат надежной основой для исследования и освещения этой важнейшей проблемы, позволяя достаточно полно вскрыть обстановку, в которой начиналось формирование передовых убеждений членов тайных обществ.

Менее полно и точно, по сравнению с другими сведениями, представлены в этом разделе данные об имущественном положении декабристов. Понятно, что по самому своему характеру сведения подобного рода не из тех, что получают широкую огласку. Судить об этой стороне жизни декабристов было бы чрезвычайно трудно, если бы заботу об этом не проявило само правительство. В июле 1826 г. по распоряжению Николая I Следственная комиссия стала собирать сведения о «положении и домашних обстоятельствах ближайших родных» государственных преступников. Запросы об этом были разосланы во все губернии. Полученные ответы и подготовленная на их основе «Записка о состоянии и домашних обстоятельствах ближайших родных государственных преступников, по приговорам Верховного уголовного суда осужденных» составили довольно объемистое дело, хранящееся в ГА РФ и частично опубликованное в 1926 г. С. Н. Черновым¹.

Сразу отметим, что собранные сведения были далеко не полны. Об одних декабристах местные власти вообще ничего не сообщали (как это произошло, например, с А. Ф. Бригеном). Присланные донесения о других, как выясняется, были существенно неполны. Проиллюстрируем это примером донесения нижегородского гражданского губернатора об имущественном положении семьи М. П. Бестужева-Рюмина. Перечислив имения Бестужевых-Рюминых в различных

¹ ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 315; Красный архив. М., Л., 1926. Т. 2 (15).

уездах Нижегородской губернии и указав число их крестьян, он вовсе не упомянул о принадлежавшей матери декабриста миткалевой фабрике, которая была расположена в селе Ново-Никольское Звенигородского уезда Московской губернии и производила в год продукции на 15 тыс. рублей¹. Понятно, что нижегородский губернатор мог и не знать, чем владеют дворяне за пределами его губернии, но и московский генерал-губернатор Д. В. Голицын также ничего не сообщил об этом в Комитет, хотя уведомлял его, что нижегородские имения Бестужевых заложены в Опекунском совете².

Специально вопрос об имущественном положении декабристов был рассмотрен в двух исследованиях Е. Щепкиной³, основанных на экономических примечаниях к атласам и картам губерний России и дел Департамента герольдии Сената. Данные Е. Щепкиной во второй ее статье были дополнены С. Я. Гессеном на основании печатных «Сенатских извещений» за 1824–1825 гг. Складывающаяся на их основе картина достаточно выразительна и заслуживает специального рассмотрения. Отметим только, что хотя среди первых русских революционеров были и крупнейшие помещики, владевшие тысячами крепостных крестьян (см., например, справки о С. Г. Волконском, М. Ф. Орлове, братьях М. А. и И. А. Фонвизинах), но большинство их составляли все же мелкие, беспоместные дворяне.

Дело о «положении и ближайших родственниках» государственных преступников содержит, кроме того, важные сведения о родителях декабристов, их семьях, братьях и сестрах, что также было использовано при пополнении справок Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса.

Наконец, в этом же разделе помещены сведения об участии декабристов в различных литературных, исторических и других обществах. В издании 1925 г. составители сделали это крайне выборочно. Теперь благодаря появившейся литературе удалось указать, например, всех участников «Арзамаса» или Вольного общества любителей российской словесности⁴, достаточно полно выявить участие декабристов в масонских организациях⁵.

¹ Мачульский Е. Н. Указ. соч. С. 349–350.

² Красный архив. Т. 2 (15). С. 170–171, 200–201.

³ Щепкина Е. Помещичье хозяйство декабристов. Дворянские гнезда Каховских, Повалов-Швейковских, Якушкиных, Вишневских // Былое. 1925. № 3 (10); Она же. Извлечение из материалов о помещичьем хозяйстве декабристов // Декабристы и их время. М., 1932. Т. 2.

⁴ Базанов В. Г. Ученая республика. М., Л., 1964.

⁵ Bakounine T. Répertoire biographique des franc-maçons russe (XVIII et XIX siècles). Paris, 1967.

3. Членство в тайных обществах, участие в восстании на Сенатской площади, выступлении Черниговского полка и Литовского пионерного батальона; для прочих — причина упоминания в документальной части издания

Б. Л. Модзалевский и А. А. Сиверс при подготовке своего издания далеко не всегда сообщали, членом какого тайного общества был тот или иной декабрист. Подразумевалось, видимо, что читатель извлечет эти сведения из публикуемого ими «Алфавита» Боровкова. Однако, как выяснилось при подготовке нового справочника, данные «Алфавита» в этом отношении не только чрезвычайно неполны, но часто и просто неверны. Это с наглядностью показала огромная декабристоведческая литература, появившаяся после 100-летнего юбилея восстания декабристов. Наиболее полно вопрос о персональном составе тайных декабристских обществ исследован в обобщающей монографии М. В. Нечкиной «Движение декабристов», а также в ее предисловиях к томам документальной серии «Восстание декабристов». Совсем недавно в печати появилась составленная ленинградской исследовательницей В. А. Пушкиной графическая схема развития декабристских организаций с поименным перечислением их членов¹. Хотя работа и не лишена некоторых фактических ошибок, но в целом она дает наглядное представление о широте распространения тайных обществ декабристов и их первоначальном составе. Тем не менее следует особо подчеркнуть, что определение, был ли тот или иной человек членом тайного общества, являлось одной из сложнейших задач. Прежде всего, в деятельности декабристских тайных организаций не всегда последовательно соблюдался порядок оформления приема новых членов. Декабриста могли считать членом общества просто после посещения нескольких совещаний. Неясность этих правил оставляла возможности для различных толкований. Поэтому бесспорно решает вопрос лишь признание самого декабриста в принадлежности к тайному обществу.

Значительно сложнее обстоит дело с теми из них, кому удалось на следствии доказать свою непричастность к движению. Наиболее выразительным примером такого рода является вопрос об А. С. Грибоедове. Спор о его идейных позициях, об отношении к движению декабристов и о членстве в тайном обществе не прекращается в науке уже много десятилетий. Сам Грибоедов решительно отрицал свою

¹ Пушкина В. А. Схема (и комментариев к ней) развития декабристских и связанных с ними организаций // Общественная мысль в России XIX века. Л., 1986.

принадлежность к Северному обществу, сумел убедить в этом следствие и был освобожден с оправдательным аттестатом. Эта проблема рассмотрена в двух работах М. В. Нечкиной¹.

Сопоставив и проанализировав круг показаний, связанных с участием Грибоедова в Северном обществе, М. В. Нечкина пришла к выводу, что Грибоедов был принят Рылеевым в Северное общество.

Кратко изложим ее аргументацию. Два члена Северной думы, Е. П. Оболенский и С. П. Трубецкой, показали на следствии, что, по словам Рылеева, Грибоедов был членом общества. Рылеев, сперва отрицавший факт приема Грибоедова в общество, на втором допросе признал, что Грибоедов об обществе знал, но «совершенно» принят не был. В достоверности версии Рылеева о «несовершенном» приеме заставляют усомниться показания А. Ф. Бригена и Н. Н. Оржицкого, которым он сообщил о приеме в общество А. С. Грибоедова, ни словом не упомянув о каком-то особом «несовершенном» характере этого акта. Поэтому оба декабриста называли на следствии Грибоедова членом без каких-либо оговорок. Можно думать, таким образом, что версия о «несовершенном» приеме Грибоедова родилась у Рылеева на следствии и диктовалась бережным отношением к его таланту. Об этом прямо заявил на следствии А. А. Бестужев (Рылеев «жалел такой талант»).

Однако аргументация М. В. Нечкиной принята не всеми исследователями, и ее выводы оспариваются в ряде работ². В этом и других подобных случаях в справочнике приводятся не выводы участников научных дискуссий, а в соответствии с принятыми в нем принципами лишь факты, извлеченные из документов. О Грибоедове: «По показанию ряда декабристов (Оболенский, Трубецкой, Рылеев, Бриген, Оржицкий) — член Северного общества. Сам это решительно отрицал» и далее: «Высоч[айше] повелено освободить с оправдательным аттестатом, произвести в следующий чин и выдать не в зачет годовое жалованье».

Подавляющее число новых данных в этом разделе относится к числу уточнений и дополнений. Вот пример, касающийся нескольких декабристов. Речь идет о А. С. Гангеблове, Н. Н. Депрерадовиче, А. С. Горожанском, И. Ю. Поливанове и других, в издании 1925 г. на-

¹ Нечкина М. В. Следственное дело А. С. Грибоедова. М., 1978; Она же. Грибоедов и декабристы. М., 1977.

² Наиболее последовательным оппонентом М. В. Нечкиной в этом вопросе являлся Н. К. Пиксанов. См. его работу «Творческая история «Горя от ума»» (Подгот текста и коммент. А. Л. Гришунина. М., 1971)

званных членами Южного общества, хотя они жили и действовали в Петербурге. Составителям следовало разъяснить читателям, как они могли участвовать в Южном обществе, не служа на юге, а находясь в Петербурге.

Перечисленные декабристы действительно формально были членами Южного общества. Их принял туда П. И. Пестель, находившийся в 1823 г. в Петербурге и желавший создать в столице ячейку Южного общества. Ситуация сложилась, однако, таким образом, что фактически ни Горожанский, ни Гангеблов, ни другие кавалергарды никакого участия в деятельности Южного общества не принимали, а, напротив, активно включились в работу северян. Поэтому в справочнике в соответствии с последними исследованиями¹ дана иная формулировка, более отвечающая историческим фактам: «Член Петербургской ячейки Южного общества, принимал участие в деятельности Северного общества».

Приведем характерный пример дополнений в справках о декабристах В. Л. Давыдове и Ф. Б. Вольфе. Как показала М. В. Нечкина в предисловии к публикации следственных дел в XII томе документальной серии «Восстание декабристов», дела эти доказывают, что они начали свою революционную деятельность еще в рядах Союза благоденствия и лишь продолжили ее в Южном обществе. Модзалевский и Сиверс вслед за Боровковым указали лишь на их членство в Южном обществе. Подобных примеров довольно много. Так, о Ф. Н. Глинке не было сказано, что он принадлежал еще к Союзу спасения, а о Горсткине — что помимо Союза благоденствия он был членом Практического союза — тайной организации, основанной в Москве И. И. Пушным в 1824 г. Не знали составители издания 1925 г. и о существовании самостоятельной тайной организации в морском Гвардейском экипаже. Как показал ленинградский исследователь А. Б. Шешин, эта организация имела даже свой устав, но не была выявлена следствием. Естественно, что теперь в справочнике указаны все ее члены.

4. Арест и заключение

Четвертый раздел биографической справки содержит сведения об аресте декабриста, доставке его в Следственный комитет и заключении в крепости. Все исправления и дополнения, внесенные в этот

¹ Семенова А. В. Кавалергарды члены тайного общества в день 14 декабря 1825 года // История СССР 1979 № 1.

раздел, почерпнуты из тщательной работы Б. С. Пушкина¹. Исследователь на основе специального дела об аресте декабристов, а также фронтального изучения делопроизводства Следственного комитета составил исчерпывающую сводку архивного материала по данному кругу вопросов, снабдив ее ссылками на источники. Поэтому составители не указывают источник исправлений и дополнений в этом разделе, отсылая заинтересованных читателей к работе Б. С. Пушкина.

5. Приговор и последующая жизнь

В пятом разделе (приговор Верховного уголовного суда или иное решение участи привлеченного к следствию лица, его приметы, жизнь на каторге, поселении, после амнистии или же иной жизненный путь после 1825 г.; если он не понес наказания, место смерти и погребения) исправления и дополнения вновь коснулись практически всех справок.

Сведения этого раздела наиболее полны в издании 1925 г. Объясняется это тем, что Б. Л. Модзалевский и А. А. Сиверс сумели использовать такой важный источник, как дела по надзору за жизнью и поведением декабристов, которые с 1826 г. велись в III отделении². Благодаря этому им удалось точно восстановить историю перемещения декабристов по разным местам Восточной и Западной Сибири, довольно полно выявить круг их занятий на поселении, будь то просвещение местных жителей или земледелие, торговля или деятельность по откупам, установить их материальное положение и т. п. Но подчас сведения, известные Б. Л. Модзалевскому и А. А. Сиверсу, были даны в составленном ими «Указателе» слишком кратко. Так, для всех декабристов, сосланных на каторгу, составители ограничились лапидарным сообщением: «Поступил в Нерчинские рудники» и указанием даты. В настоящее время, когда так велик интерес не только к революционной деятельности декабристов, но и к их жизни в Сибири, ограничиться этим уже невозможно. Само же собирательное понятие «Нерчинские рудники» практически ничего не говорит о действительном размещении декабристов в огромной сибирской каторге. Покажем на одном примере, что на самом деле скрывалось за этой общей формулировкой.

Первыми из осужденных декабристов были отправлены в Сибирь в июне 1826 г. Е. П. Оболенский, А. З. Муравьев, А. И. Якубович

¹ Пушкин Б. С. Арест декабристов // Декабристы и их время. М., 1932. Т. 2.

² ГА РФ. Ф. 109. 1 экз. 1826 г. Д. 61. Ч. 1–234.

и В. Л. Давыдов. 27 августа они прибыли в Иркутск. Проследим дальнейший путь по нерчинской каторге одного из них — В. Л. Давыдова. Через несколько дней он был отправлен в Александровский завод, через месяц с небольшим, 6 октября, возвращен обратно в Иркутск, откуда 8 октября отправлен в Благодатский рудник. В Благодатку Давыдов был доставлен только 26 октября и провел там почти год. 20 сентября 1827 г. он был отправлен с товарищами из рудника в Читу, где по решению верховной власти собирались все сосланные в Сибирь на каторгу декабристы. Весь этот тяжелый, изнурительный путь, начатый Давыдовым в июне 1826 г. в Петербурге и заверченный 29 сентября 1827 г. Читинским острогом, остался за пределами прежней биографической справки. Более того, ограничившись фразой о прибытии в Нерчинские рудники, Б. Л. Модзалевский и А. А. Сиверс ни в одной из справок не указали на пребывание декабристов в Петровском заводе.

В настоящем справочнике точные сведения о пребывании на каторге и в ссылке приведены для каждого декабриста на основании официальных материалов, сохранившихся в фондах III отделения.

Наряду с делами по надзору важными источниками о карательных мерах по отношению к декабристам, пребывании их в Сибири и дальнейшей жизни были и другие официальные бумаги: приговоры военных судов при главных квартирах 1-й и 2-й армий и Отдельном литовском корпусе, рапорты сибирских властей, формулярные списки, всеподданнейшие доклады и т. п. Дополнения и исправления, основанные на этих источниках, коснулись главным образом тех декабристов, следствие и суд над которыми осуществлялись не в Петербурге. В этом отношении характерным примером может служить справка о члене общества «Военных друзей», одном из организаторов выступления Литовского пионерного батальона А. И. Вегелине. Так, благодаря материалам, выявленным Н. К. Орловой в Военно-историческом архиве, удалось значительно дополнить прежние сведения о нем. Материалы следственного дела сохранили указание, что первоначально Вегелин был приговорен Военным судом к лишению дворянства, чинов и смертной казни, лишь затем по конфирмации смертная казнь была заменена десятилетней каторгой. Рапорт командира Литовского корпуса Ожаровского от 20 мая 1827 г. позволил установить место и дату приведения приговора в исполнение, а рапорт генерал-губернатора Восточной Сибири Лавинского и коменданта Нерчинских рудников Лепарско-

го — время отправления на каторгу и дату прибытия в Читинский острог. Они же документально подтвердили, что члены общества «Военных друзей» прибыли в Сибирь пешком, «по этапу»; формулярный список Вегелина 1842 г. дал возможность восстановить ход его службы на Кавказе.

Существенным дополнением данного раздела биографических справок явилось включение в них «примет» декабристов. Во время архивных поисков выяснилось, что перед отправкой в Сибирь в III отделении по существовавшим тогда правилам на каждого из декабристов был составлен словесный портрет. В архиве III отделения сохранился сводный документ, где описана внешность 86 декабристов¹. Воспроизведение этих описаний помимо чисто исторического интереса имеет важное значение для создания полной галереи декабристской иконографии.

Письма и воспоминания декабристов привлекались в этом разделе главным образом для восстановления основных вех их жизни после амнистии 1856 г., когда сведения источников официального характера становятся отрывочными и малосодержательными.

Особое внимание было уделено тщательной проверке сообщений о местах захоронений декабристов. Дело в том, что с течением времени многие могилы были утрачены. Так, уже в конце прошлого столетия затерялась могила декабриста Гангеблова. И только в 1925 г. стараниями краеведов была вновь обнаружена на Украине в селе Богодаровке могильная плита². Уже в советское время в связи со строительством огромных плотин на сибирских реках ряд деревень, где были похоронены некоторые декабристы, оказался затоплен. При строительстве Иркутской ГЭС на дне Иркутского моря оказались деревни Большая и Малая Разводные, где жили и умерли Артамон Муравьев, А. И. и П. И. Борисовы. Перед затоплением прах А. З. Муравьева был перенесен в Иркутск и захоронен на Лисихинском кладбище. Могил же братьев Борисовых, к сожалению, отыскать не удалось.

Следует сказать, наконец, об изменении в справочнике написания некоторых географических названий. Б. Л. Модзалевский и А. А. Сиверс просто воспроизвели названия, данные селам и деревням русскими чиновниками, переименовывавшими сибирские названия на среднерусский лад. В результате в издании 1925 г. село Урик

¹ ГА РФ Ф. 109. 1 эксп. 1826 г. Д. 61. Л. 6–74 об.; РГВИА. Ф. 36. Оп. 4/847. Д. 389. Св. 23.

² Звезда (г. Днепропетровск). 1926. 11 мая; Пролетарская правда (г. Киев). 1926. 14 мая.

называлось Уриковским, Манзурка — Манзурское, Жилкино — Жилкинское и т. п. Теперь точные названия мест, где жили декабристы, полностью восстановлены.

6. Семья

В шестом разделе, где сконцентрированы данные о родственниках декабристов (жена, дети, братья и сестры), дополнения и исправления коснулись примерно двух третей справок.

Основной источник, содержащий весьма полные данные о родственниках декабристов к 1825 г. — уже упоминавшееся дело Следственного комитета о «положении и ближайших родственниках» государственных преступников. Именно оттуда извлечена основная масса сведений, дополнивших справки издания 1925 г.

Сложнее было выяснить вопрос о семьях декабристов, возникших после 1825 г. Оказалось, что в делах по надзору материал о женах и детях декабристов сибирского периода отражен крайне неполно и отрывочно. Основными источниками, позволяющими хотя бы приоткрыть завесу, являются переписка и воспоминания. Приведем несколько примеров. Если бы не упоминавшееся уже письмо декабриста Н. Ф. Лисовского к А. Б. Аврамову, брату декабриста И. Б. Аврамова, опубликованное в 1926 г. Е. Е. Якушкиным, то осталось бы неизвестным, что в Сибири у Аврамова была жена, простая казачка, и трое детей. После смерти отца дети остались на руках его товарища Лисовского¹. Лишь из писем Н. И. Лорера к М. М. Нарышкину и А. Ф. Бриггену выяснились сведения о жене Лорера, его детях и внебрачном сыне, рожденном в Сибири и воспитанном его братом Д. И. Лорером². Большой вклад в изучение сибирских семей декабристов внесла специальная работа М. М. Богдановой³.

Важным источником для определения родственных связей декабристов являются дела, касающиеся оформления прав на дворянство. Только благодаря прошениям о внесении в дворянскую родословную книгу Тульской губернии мы узнаем, что у моряка-декабриста М. А. Бодиско было шесть детей, старший из которых, Михаил, родился в 1849 г., а младший, Андрей — в 1863 г.⁴

¹ Декабристы на поселении. С. 111–113.

² Лорер Н. И. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 353, 355, 362, 365.

³ Богданова М. М. Жены декабристов сибирячки // В сердцах отечества сынов. Иркутск, 1975. С. 242–262.

⁴ Гос. архив Тульской обл. Ф. 39. Оп. 2. Д. 265 л. 25–27 об. (сообщено В. И. Крутиковым).

7. Следственное дело и дело по надзору

Исправления и дополнения, внесенные в данный раздел, отражают осуществленную за прошедшие десятилетия публикацию следственных дел декабристов. Поэтому во многих справках вместо архивных шифров следственных дел, данных в издании 1925 г., в настоящем издании указываются том и страницы документальной серии «Восстание декабристов». Сообщаемые архивные шифры приведены в соответствие с их современным видом.

Для декабристов, на которых не были заведены особые следственные дела, в справках указаны те дела Следственного комитета, где они упоминаются.

Следует, наконец, отметить, что так называемые дела по надзору, ссылки на которые даны во всех справках, очень различны по наполнению и информационному значению: одни из них содержат полную и богатейшую документацию жизни данного лица после 1825 г., другие — лишь краткие справки о ней.

* * *

В заключение рассмотрим на некоторых примерах основания, на которых был составлен предлагаемый читателям список «новых» декабристов. Благодаря усилиям волгоградской исследовательницы С. Л. Мухиной в декабристоведение вошло имя члена Союза благоденствия С. Д. Нечаева¹. На следствии никто из декабристов не назвал его в числе членов тайных обществ. Однако его причастность к движению декабристов все же обнаружилась. Дело в том, что в конце следствия правительство решило отобрать у всех чиновник, находящихся на государственной службе, подписку о непринадлежности к тайным обществам. Подобная подписка была взята и у старшего учителя тульской гимназии коллежского асессора Д. И. Альбицкого. В ней Альбицкий чистосердечно признался, что принадлежал в 1819 г. к Союзу благоденствия, куда был принят С. Д. Нечаевым: «Сим объявляю о кратковременной прикосновенности моей к Союзу благоденствия, в который вступил членом в начале 1819 года по предложению бывшего тогда директором тульских училищ титулярного советника Степана Дмитриева сына Нечаева». Из обнаруженной в архиве III отделения агентурной записки начальника 2-го округа Московского

¹ Мухина С. Л. Безвестные декабристы (П. Д. Черевин, С. Д. Нечаев) // Исторические записки. М., 1975. Т. 96.

корпуса жандармов А. А. Волкова, которому Бенкендорф поручил собрать «полные известия» о Нечаеве, видно, что кроме Альбицкого он пытался привлечь в ряды тайного общества тульского губернского почтмейстера Бабаева. Даже эти скудные данные позволяют представить себе, какую активную деятельность развил в Туле Нечаев, вербуя в общество новых членов.

Основанием для внесения в предлагаемый список членов общества Соединенных славян офицеров Полтавского полка С. П. Трусова и Е. Н. Троцкого послужили известные «Записки» И. И. Горбачевского. В них прямо говорится, что Трусов и Троцкий были приняты в общество Я. А. Драгомановым, но активного участия в его деятельности принять не успели, поскольку полк вскоре был переведен в Бобринскую крепость. Здесь в начале 1826 г. они узнали о восстании Черниговского полка и попытались организовать выступление солдат в его поддержку. Попытка окончилась неудачей, Трусов и Троцкий были арестованы, судимы военным судом и приговорены к смертной казни, по конфирмации замененной вечной каторгой¹.

Некоторые лица, названные в показаниях декабристов как известные им члены тайных обществ, не привлекли внимания следствия и не были упомянуты в «Алфавите» Боровковым. К их числу принадлежит, например, В. Х. Христиани, названный Н. В. Басаргиным². Справки о них также включены в этот раздел справочника.

В декабристоведческой литературе можно встретить указания на принадлежность к движению еще ряда лиц. Однако пока такие утверждения не подкреплены тщательным и всесторонним анализом, опираться на них преждевременно. Поэтому в справочник не включены, например, офицеры 32-го егерского полка Крыжов и Таушев, названные А. А. Брегман и Е. П. Федосеевой членами Союза благоденствия³, — публикуемые ими источники не дают, на наш взгляд, для этого оснований.

Научно-вспомогательная работа в издании «Декабристы. Биографический справочник» выполнена С. В. Мироненко и Л. С. Новоселовой-Чурсиной.

В составлении биографических справок приняли участие канд. ист. наук С. В. Житомирская (члены Союза спасения), старший научный сотрудник военно-исторического архива канд. ист. наук Н. К. Ор-

¹ Горбачевский И. И. Записки, письма. М., 1963.

² Восстание декабристов. Т. XII. С. 284.

³ Раевский В. Ф. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. Материалы о революционной деятельности и судебном процессе. Иркутск, 1980. С. 15, 381.

лова (члены общества «Военных друзей» и участники выступления Литовского пионерного батальона), канд. ист. наук С. В. Думин (обработка части архивных материалов ГА РФ, справки о деятелях польских тайных обществ К. Княжевиче, С. Крижановском, П. Мошинском, Г. Олизаре, А. Ходкевиче, А. Яблоновском, а также о А. А. и Н. А. Крюковых, А. Н. Муравьеве, А. М. Исленьеве, А. А. Рачинском, Ю. К. Люблинском).

В ответ на обращение в печати академика М. В. Нечкиной около 100 человек откликнулись и прислали свои материалы и предложения для нового биографического справочника декабристов. При подготовке его были использованы сведения, сообщенные Г. П. Агаповым (Днепропетровск), Г. А. Бороздиным (Шуя), С. М. Борщевской (Сосновоборск Красноярского края), А. П. Бурановым (Ангарск), Б. М. Витенбергом (Ленинград), А. А. Григоровым (Кострома), И. Е. Домбровским (Москва), Б. И. Еропкиным (Ленинград), Н. В. Зейфман (Москва), Г. П. Игнатьевой (Ленинград), В. А. Казачковым (Москва), Б. Н. Карсоновым (Курган), Р. А. Киреевой (Москва), М. С. Коншиным (Владимир), Н. С. Коршиковым (Ростов-на-Дону), В. И. Крутиковым (Тула), Г. А. Кудиновым (Москва), Кургановой (Суздаль), Н. Е. Лалетиной (Красноярск), Я. Леонтьевым (Москва), Г. Г. Лисицыной (Ленинград), Л. С. Магониной (Магадан), Л. Е. Майстровым (Москва), Н. П. Матхановой (Новосибирск), М. С. Михайловой (Горький), Г. М. Морозовой (Калуга), Е. П. Мстиславской (Москва), А. К. Нарышкиным (Москва), Г. А. Невелевым (Ленинград), Т. Ю. Никитиной (Ленинград), О. В. Поповым (Москва), Д. В. Рацем (Москва), Г. Е. Самойловым (Москва), А. В. Семеновой (Москва), З. Ю. Стенгрен (Москва), О. С. Тальской (Барнаул), Э. Э. Титовым (Магадан), А. З. Тихантовской (Ленинград), Г. Г. Фруменковым (Архангельск), Ю. И. Черновым (Москва), В. А. Чивилихиным (Москва), А. Б. Шешиним (Ленинград), В. Ф. Шубиним (Ленинград).

Существенную помощь в подготовке издания и выявлении материалов для него оказали дочь А. А. Сиверса Т. А. Аксакова и его падчерица О. Б. Бредихина, К. П. Богаевская, О. В. Рыкова, С. А. Янина, дирекция и сотрудники ЦГАОР СССР (ныне — ГА РФ; директор архива Б. И. Каптелов, а также З. И. Перегудова, Л. И. Тютюник, Н. Е. Акулькина и др.), сотрудники ИРЛИ АН СССР (ныне — РАН) С. С. Гречишкин, Г. Г. Полякова, В. П. Степанов.

Ценные советы, замечания и дополнения были высказаны сотрудниками Института славяноведения и балканистики АН СССР (ныне — Институт славяноведения РАН) доктором ист. наук В. А. Дья-

ковым и Л. П. Петровским, взявшими на себя труд ознакомиться с рукописью справочника и дать на нее письменный отзыв.

Важное значение для подготовки справочника имели обсуждения его в коллективе Института истории СССР АН СССР (ныне — Институт российской истории РАН), в которых принял участие широкий круг специалистов.

Всем, содействовавшим этой работе, приношу глубокую благодарность.

«МОСКОВСКИЙ ЗАГОВОР» 1817 г. и ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ДЕКАБРИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ¹

Совещания членов первого тайного декабристского общества Союз спасения, происходившие осенью 1817 г. в Москве и получившие впоследствии название «московского заговора», не раз были предметом обстоятельного изучения². Это и неудивительно. Ведь именно в ходе совещаний на квартире А. Н. Муравьева, а затем М. А. Фонвизина впервые был затронут вопрос о практических путях преобразования России, возникла и была высказана мысль о цареубийстве как неизбежном условии свержения самодержавия и уничтожения крепостного права. Естественно, что в науке самым тщательным образом была восстановлена фактическая сторона событий, выяснены обстоятельства, послужившие поводом к предложению убить Александра I.

Впрочем, не конкретные причины «московского заговора» привлекали основное внимание исследователей — они казались совершенно очевидными. Изучались главным образом цареубийственные замыслы и их значение в общем развитии декабристской идеологии. Между тем вопрос о том, что именно вызвало оживленное обсуждение участников тайного общества осенью 1817 г., еще недостаточно прояснен. Углубленное исследование может не только дать новый фактический материал, но и внести уточнения в представления о процессе формирования декабристской идеологии.

¹ Революционеры и либералы России. М : Наука, 1990. С. 239–250

² Наиболее подробно этот вопрос рассмотрен М. В. Нечкиной в монографии «Движение декабристов» (М., 1955. Т. 1. С. 175–179).

Чтобы яснее представить существо дела, необходимо в общих чертах напомнить предысторию «московского заговора» так, как она отразилась в литературе. Начало событиям положил разговор Александра I со своим флигель-адъютантом и одновременно членом Союза спасения князем П. П. Лопухиным, сыном первого сановника империи, председателя Государственного совета и Комитета министров князя П. В. Лопухина. Мысли, высказанные императором, оказались настолько примечательными, что Лопухин немедленно сообщил о них С. П. Трубецкому, который, в свою очередь, счел необходимым письменно известить о выяснившихся намерениях Александра I своих товарищей, находившихся в то время с Гвардейским корпусом в Москве. Полученные от Трубецкого известия и стали толчком к возникновению «заговора». Письмо Трубецкого, к сожалению, не сохранилось, и судить о его содержании можно лишь на основании показаний декабристов на следствии и по их воспоминаниям.

О чем же говорили Александр I и Лопухин? Согласно общепринятой версии, император сказал Лопухину о своем намерении присоединить к Польше часть украинских и белорусских земель, восстановив ее в границах 1772 г. Оскорбление патриотических чувств декабристов подобными планами было последней каплей, переполнившей чашу накопившегося уже осуждения императора, полностью пренебрегавшего, как им казалось, интересами страны.

Такое изложение разговора и соответственно письма Трубецкого было наиболее четко сформулировано И. Д. Якушкиным, одним из самых активных участников «московского заговора». При первом же допросе после ареста 9 января 1826 г. он сказал генералу В. В. Лешеву: «В 1817 г. многие члены получили известие, что польские губернии будут присоединены к Царству Польскому. Сие обстоятельство и, сверх сего, уверение, что государство не может быть в худшем положении, как под управлением государя Александра Павловича, решило меня на жизнь его покуситься»¹.

Более подробно свои воспоминания о содержании письма Трубецкого Якушкин изложил в ответах на вопросные пункты, отправленные им в Следственный комитет 13 февраля 1826 г. Предупредив вначале, что при всем своем старании он точно не мог припомнить содержания письма, Якушкин писал: «Вообще, если не ошибаюсь, то оно заключало в себе извещения, что будто бы покойный государь

¹ Восстание декабристов. Т. III. С. 42.

император, дав конституцию Польше, учредив Отдельный литовский корпус, присоединяя польско-российские губернии к Царству Польскому, старается сим привлечь к себе привязанность поляков, дабы иметь в них верную опору в случае сопротивления в России угнетениям, угрожающим ей при учреждении военных поселений и прочее». «Излагая содержание упомянутого письма, — заключал Якушкин, — я, может быть, и ошибаюсь»¹.

Видимо, именно такая интерпретация письма Трубецкого глубоко запала в память Якушкина, ибо, дополнив ее лишь рядом деталей, он повторил это и 30 лет спустя в своих воспоминаниях: «Александр Муравьев прочел нам только что полученное письмо от Трубецкого, в котором он извещал всех нас о петербургских слухах: во-первых, что царь влюблен в Польшу, и это было всем известно... во-вторых, что он ненавидит Россию, и это было вероятно после всех его действий в России с 15-го года; в-третьих, что он намеревается отторгнуть некоторые земли от России и присоединить их к Польше, и это было вероятно; наконец, что он, ненавидя и презирая Россию, намерен перенести столицу свою в Варшаву»².

Аналогичную версию причин «московского заговора» излагали на следствии и другие его участники³. В частности, М. А. Фонвизин на прямой вопрос: «Какие причины родили в вас сие ужасное намерение?», отвечал, что такой причиной было известие от Трубецкого «об уступке будто бы Царству Польскому наших польских губерний»⁴.

Таковы источники, традиционно привлекаемые в историографии для освещения начала и непосредственных причин «московского заговора». Однако ими свидетельства участников событий вовсе не исчерпываются.

Начнем с того, что вне поля зрения исследователей, как ни странно, оказались воспоминания одного из главных действующих лиц — самого С. П. Трубецкого. В своих записках, написанных много лет спустя, он специально остановился на этом эпизоде и довольно подробно передал содержание разговора Александра I с П. П. Лопухиным, как оно стало ему тогда известно. «Пред самым отъездом своим из Петербурга, — вспоминал Трубецкой, — государь объявил ему (Лопухину. — С. М.), что он непременно желает освободить и освобо-

¹ Восстание декабристов. Т. III. С. 52.

² Якушкин И. Д. Записки, статьи, письма. М., 1951. С. 16–17.

³ Восстание декабристов. Т. III. С. 19; Т. IV. С. 277.

⁴ Там же. Т. III. С. 73.

дит крестьян от зависимости помещиков, и на представление князя о трудностях исполнения и сопротивлении, которое будет оказано дворянством, сказал: „Если дворяне будут противиться, я уеду со всей своей фамилией в Варшаву и оттуда пришлю указ“». «Когда эти слова были переданы некоторым членам общества, бывшим в Москве, — продолжал Трубецкой, — то в первую минуту мысль о том, каким ужасам безначалия могла подвергнуться Россия от такого поступка, так сильно поразила одного из членов, что он выразил готовность, если бы государь оказал себя таким врагом Отечества, то он чувствует в себе довольно духа, чтоб принести его в жертву, не щадя собственной жизни»¹. Свидетельство Трубецкого нельзя не признать авторитетнейшим: ведь именно от него декабристы узнали о планах Александра I. Однако само письмо Трубецкого, как мы уже сказали, не сохранилось, а некоторые декабристы иначе передавали его содержание. Поэтому достоверность воспоминаний Трубецкого требует дополнительного рассмотрения.

Внимательное изучение материалов следствия показывает, что точно такая же, как в воспоминаниях Трубецкого, трактовка содержания беседы царя с Лопухиным была высказана уже во время работы Следственного комитета. Разберемся в этом несколько подробнее. 8 января 1826 г. Н. М. Муравьев представил следователям «Историческое обозрение хода общества». Именно из него следствие впервые получило подробные сведения о событиях, происшедших в Союзе спасения осенью 1817 г. «В это время, — писал Н. М. Муравьев, — пришло к Якушкину письмо от князя Трубецкого из П[етер]б[урга], в котором он извещал его, что государь император решился отделить польские губернии от России и, зная, что таковое предприятие не может исполниться без сопротивления, едет со всею царствующею фамилиею в Варшаву, из коей издаст манифест о вольности крепостных людей и крестьян. Что тогда народ примется за оружие противу дворян, и во время сего всеобщего смятения польские губернии будут присоединены к новому Царству»².

Для следствия возникла крайне деликатная ситуация. Показание Муравьева прямо свидетельствовало, что в числе главных причин решения декабристов убить Александра I было не только оскорбление патриотических чувств, но и стремление предотвратить крова-

¹ Трубецкой С. П. Записки // Трубецкой С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Серия «Полярная звезда». Документы и материалы. Иркутск, 1983. Т. 1. С. 223.

² Восстание декабристов. Т. I. С. 306.

вое междоусобие, которое могло возникнуть, если император, сопротивлением дворянства вынужденный к отъезду в Варшаву, издал бы оттуда манифест об освобождении крестьян. То, как развивались события в Следственном комитете дальше, показывает, что Муравьев, упомянув о подобных намерениях Александра I, затронул весьма болезненный для верховной власти вопрос. «Историческое обозрение» было оглашено на заседании комитета 9 января¹, а уже 10 января Трубецкой был специально допрошен о «московском заговоре». «На вас есть прямое показание, — говорилось в посланных ему после допроса письменных вопросных пунктах, составленных на основании „Исторического обозрения“, — что в 1817-м году, во время пребывания высочайшего двора в Москве, вы писали из Петербурга в Москву служившему в л[ейб]-г[вардии] Семеновском полку Якушкину, что блаженной памяти государь император положил тогда присоединить российско-польские провинции к Царству Польскому». Трубецкому предлагалось дать «определятельное показание», от кого он узнал о подобных планах, зачем сообщил об этом в Москву, что было решено делать, кто присутствовал на совещаниях тайного общества и т. п.

Сразу бросается в глаза, что в отличие от обычного порядка, когда показание, послужившее основанием к допросу, воспроизводилось в вопросных пунктах целиком, здесь оно было намеренно сокращено. Трубецкому явно не хотели сообщать, каким способом, по утверждению Муравьева, Александр I собирался добиться осуществления своих стремлений. Напротив, именно это свидетельство Муравьева следствие пыталось проверить у Трубецкого, крайне осторожно сформулировав вопрос: «Не упоминали ли в том письме еще о других мнимых намерениях государя императора и о мерах, предположенных к исполнению означенного присоединения». Характерно, что слово «мнимые» было вписано в текст вопросов позднее. Авторы вопросных пунктов, видимо, поняли, что в первоначальной формулировке без этого уточнения содержалось косвенное признание истинности намерений покойного императора, и поспешили исправить свою оплошность.

Трубецкой признал, что в письме действительно шла речь о планах Александра I присоединить западные области России к Царству Польскому, сообщил, что слышал «писанное» от П. П. Лопухина, и подтвердил ряд других обстоятельств. Но в отношении вопроса, наиболее интересовавшего следствие, воспользовавшись эвфемизмами

¹ Восстание декабристов. Т. XVI. С. 53.

в заданных вопросах, отвечал уклончиво: «Поистине не могу упоминать, упоминал ли я о каких других мнимых намерениях государя императора»¹.

Двусмысленный ответ Трубецкого не мог удовлетворить следствие, а может быть, самого Николая I, который, как известно, не только пристально следил за показаниями декабристов, но и направлял деятельность Следственного комитета. В новых вопросных пунктах, посланных ему 11 января, ссылаясь на «неопределенность» ответов 10 января, от декабриста потребовали «дополнительно пояснить», «о каком еще намерении покойного государя императора упоминается в письме вашем, писанном в сентябре или октябре 1817-го года к Якушкину (а по словам вашим, к Сергею Муравьеву-Апостолу)». Понимая, что на этот раз уже бесполезно просто требовать «дополнительных пояснений», следователи вынуждены были изложить ту версию, подтверждение или отрицание которой они хотели получить от Трубецкого. «Комитету же известно, — сказано в вопросных пунктах, — что вы писали: что государь, зная неудовольствие, которое произведет на дворян присоединение к Царству Польскому российско-польских провинций, решился уехать со всею императорскою фамилиею в Варшаву и оттуда обнародовать сказанное присоединение, дабы в случае сопротивления дворян мнимо принужденным выездом своим из России возмутить крестьян против помещиков и тем принудить их к согласию на отделение от России польских провинций»².

На первый взгляд кажется, что, так формулируя вопрос, следователи просто пересказали показания Н. М. Муравьева. И тут и там речь идет о намерении Александра I расширить границы Царства Польского, и тут и там в качестве последнего, самого крайнего средства осуществления этого замысла фигурирует крестьянское восстание, которое может вспыхнуть по инициативе царя. Но внимательное чтение этих двух текстов обнаруживает разительное противоречие между ними. Муравьев утверждал, что взрыв вооруженной борьбы против дворян Александр I будто бы хотел вызвать манифестом «о вольности крепостных людей и крестьян», следствие — из-за сопротивления дворянства его полонофильским планам царь вынужден будет покинуть страну, и именно это спровоцирует крестьянское выступление.

¹ Восстание декабристов. Т. I. С. 48–49.

² Там же. С. 51.

Поразительнее всего, что ничего подобного Комитету известно не было. Во всяком случае тщательное изучение следственных дел декабристов, других материалов, предпринятое с целью определить источник этих сведений, не дало положительного результата. В распоряжении следствия не было никаких письменных показаний, позволяющих утверждать, что в несохранившемся письме Трубецкого сообщалось о намерении Александра I достичь своих целей, вызвав крестьянское восстание «мнимо принужденным» отъездом в Варшаву. В это время следствие располагало только «Историческим обозрением» Муравьева и ничем более.

Остается только гадать, кто и с какой целью мог выдвинуть столь необычную версию. Возможно, кто-то из декабристов высказал ее во время устного допроса в Комитете, но не повторил сказанного в письменных ответах. Возможно, подобная трактовка принадлежит одному из членов Следственного комитета или даже самому Николаю I — ведь о замыслах Александра в отношении западных губерний и его намерениях приступить к решению крестьянского вопроса он мог знать больше, чем декабристы.

Как бы то ни было, получив вопрос, где содержалось столь далекое от истины утверждение, Трубецкой ответил на него решительным и развернутым возражением: «Нет, я никогда не писал ни в означенном здесь письме, ни в другом каком-либо и когда-либо писанном, что государь император хочет со всею императорскою фамилиею уехать в Варшаву, дабы в случае сопротивления дворян мнимо принужденным выездом своим из России возмутить крестьян против помещиков и тем самым принудить их к согласию на отделение от России польских провинций»¹.

А теперь обратимся к свидетельству самого князя П. П. Лопухина. Он не оставил воспоминаний, но сохранилась запись его показаний в январе 1826 г., после того как следствию стали известны показания Трубецкого. Запись сделана допрашивавшим князя по распоряжению Николая I генералом В. В. Левашовым. Приведем полностью лишь то, что непосредственно касается рассматриваемого вопроса. «В собрании сочленов я никогда не упоминал о разнесшихся слухах о отделении польских губерний от России, — показывал декабрист, — но говорил однажды Трубецкому, что удивляюсь отделению литовских войск от русских и употреблению в должности тех губерний един-

¹ Восстание декабристов. Т. I. С. 51–52.

ственно тамошних уроженцев, что еще в публике мало было известно, и в числе угадываемых причин полагал возможным присоединение польских губерний к Царству Польскому. Какие он из сего вывел заключения и что он предпринял, мне неизвестно»¹.

Даже беглого взгляда на эти показания достаточно, чтобы понять, насколько неискренен и осторожен был Лопухин. Ведь если не знать обстоятельств дела, то прочитавшему эти строки и в голову не придет, что Лопухин, говоря с Трубецким, не просто удивлялся некоторым распоряжениям правительства и пытался объяснить их «возможным присоединением польских губерний к Царству Польскому», а передавал свой разговор с царем. Совершенно очевидно, что Лопухин старался сказать Левашову как можно меньше и повернуть дело таким образом, чтобы его нельзя было упрекнуть в разглашении явно конфиденциального разговора с императором. Впрочем, это и неудивительно: ведь такую линию поведения Лопухин избрал с самого начала следствия. Сперва он просто отрицал даже свою принадлежность к тайному обществу. Об этом Лопухин заявил самому императору, ответив решительным отрицанием на прямо заданный вопрос². Потом, когда отпираться стало бессмысленно и нельзя было не признать очевидных фактов, Лопухин писал, что его участие в обществе ограничивалось лишь знакомством с Никитой Муравьевым и обменом с ним «чересчур либеральными мыслями». Наконец, после того как в руках следствия оказались подробные показания о его деятельности в тайном обществе на протяжении пяти лет, он вынужден был во многом признаться Левашову. Во многом, но, конечно, далеко не во всем. Тактика его в этом случае мало чем отличалась от тактики подавляющего большинства декабристов: рассказывать, стараясь не выходить за пределы задаваемых вопросов. А так как Левашов спрашивал только об отделении западных губерний от России, то Лопухин ничего не сказал о намерениях Александра I в крестьянском деле³.

В дальнейшем, ведя детальное и тщательное изучение мельчайших подробностей «московского заговора», допрашивая его участни-

¹ ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 235. Л. 1 об. — 2.

² В своем письме в Следственный комитет П. П. Лопухин писал: «Когда его величество император соблаговолил спросить меня, принадлежал ли я к какому-нибудь тайному обществу, я должен был ответить „нет“, потому что был по совести в этом убежден» (Там же. Л. 4. Подлинник на франц. яз.).

³ В докладной записке о заседании Комитета 11 января сказано только, что Трубецкой «об отделении польских провинций от России» слышал от генерал-майора князя Лопухина. Именно против этих слов Николай I оставил свое распоряжение: «Спросить чрез г[енерала] Левашова» (Восстание декабристов Т. XVI. С. 239).

ков, прибегая к множеству очных ставок, следствие не возвращалось к выяснению его причин и главное внимание сосредоточило на выявлении всех участников, особенно стараясь выяснить имена тех, кто предлагал себя в цареубийцы.

Только значительно позже следователи однажды вернулись к этому вопросу. В апреле 1826 г. он был задан Пестелю, который, как хорошо было известно, не присутствовал на совещаниях тайного общества осенью 1817 г. В посланных ему вопросных пунктах говорилось, что «князь Трубецкой, письмо коего служило предлогом к помянутому заговору, и другие показывают, что московским членам сообщено было ложное известие об отделении польских губерний от России и свободе крестьян от крепости». Нельзя не заметить, что и в этом случае формулировка не была точной, ибо в показаниях Трубецкого, как мы видели, о свободе крестьян ничего не говорилось¹. Пестель отвечал, что об отделении польских губерний от России он никогда и ни от кого не слышал, отверг предположение, что причиной заговора мог быть слух об отмене крепостного права, так как «освобождение крестьян от крепости входило в цель общества», и объяснил, что слышал от членов, бывших в то время в Москве, в том числе и от Н. М. Муравьева, что причиной были известия, полученные «о происходившем в новгородских поселениях». «Не быв сам в Москве, — подчеркнул в заключение Пестель, — говорю то, что слышал»².

Так в показаниях Пестеля появился новый мотив предполагавшегося цареубийства, совершенно не связанный с Польшей. Вполне возможно, что источником этих сведений был для Пестеля участник московских совещаний Матвей Муравьев-Апостол. Он показывал на следствии, что «Александр Муравьев сделал предложение воспользоваться сопротивлениями, которые делали в Новгородской губернии военным поселениям»³. Не вдаваясь в причины того, почему

¹ Любопытно, насколько сильно было убеждение следствия, что именно С. П. Трубецкой, а не Н. М. Муравьев, писал в показаниях о планах Александра I издать манифест о свободе крестьян. Оно снова отразилось, например, в сводке показаний декабристов о П. П. Лопухине, завершавшей по установленному порядку его следственное дело. О показаниях Трубецкого здесь сказано: «Между прочим изложил, что письмо свое к А. Муравьеву в Москву в 1817 г. . . составил он из слов кн[язя] Лопухина, будто белорусские губернии возвращаются Польше, будто государь и вся императорская фамилия отправляются в Варшаву и оттуда объявится свобода крестьянам и что из сего возникнет восстание крестьян на господ своих и гибель сих последних» (ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 235. Л. 6) Характерно, что в сводке указаны страницы всех следственных дел, откуда выписаны показания декабристов на Лопухина, кроме этого последнего показания Трубецкого.

² Восстание декабристов. Т. IV. С. 140, 154.

³ Там же. Т. IX. С. 252.

М. И. Муравьеву-Апостолу запомнился именно этот мотив, отметим, что, вернувшись к этому вопросу, следствие вновь не вполне точно передало имевшиеся в его распоряжении сведения.

Таким образом, материалы следствия показывают, что, хотя Трубецкой уклонился в своих показаниях от того, что так откровенно осветил впоследствии в воспоминаниях, в них содержится убедительнейшее подтверждение версии, там изложенной, — «Историческое обозрение» Н. М. Муравьева. Независимо от Трубецкого и за долгие годы до появления его воспоминаний Никита Муравьев утверждал, что осенью 1817 г. у Александра I было намерение издать «манифест о вольности крепостных людей и крестьян». Муравьев придавал этому намерению значение тактического хода императора в осуществлении его полонофильских планов. Трубецкой же в своих воспоминаниях, напротив, пишет об этом как о вполне самостоятельном плане Александра I, а о польских делах вовсе не упоминает. Это умолчание кажется на первый взгляд странным. Однако недоумение легко разрешается обращением к тексту записок Трубецкого. Рассказ о разговоре императора с Лопухиным помещен им в контекст общего обзора всей известной Трубецкому деятельности Александра I в крестьянском вопросе. Поэтому, считая, видимо, что освобождение крестьян вовсе не связывалось царем с присоединением западных губерний к Польше, Трубецкой, рассказав о первом, вовсе не коснулся второго.

В заключение добавим, что нам удалось найти еще одно веское подтверждение достоверности воспоминаний Трубецкого. В архиве Н. К. Шильдера хранится несколько листов с записями рассказов Е. И. Якушкина, сделанными историком в Ярославле в 1897 г. Е. И. Якушкин, сын декабриста И. Д. Якушкина, как известно, настойчиво занимался историей тайных обществ в России. Его инициативе мы обязаны появлением многих декабристских мемуаров, в том числе и его отца. Сам он очень многое знал. Хотя на склоне лет память на даты стала изменять Е. И. Якушкину, но суть событий он продолжал помнить прекрасно. В его рассказах, записанных Шильдером, суммировались и обобщались сведения, почерпнутые у многих декабристов. Вот, в частности, что он рассказал об интересующих нас событиях: «Якушкин вызвался на цареубийство в 1819 г. Тогда были слухи, что Александр I удалится в Варшаву, оттуда издаст манифест о „реформах“. Декабристы были убеждены, что „вслед за этим последует общая резня помещиков“. Чтобы избежать сего, решили убить

А[лександра] I. „Находясь в России, он (Александр I) никогда не посмел бы издать такой манифест“¹.

Как же развивались события дальше? Решение убить императора, предавшего, как казалось, интересы страны, единодушно принятое собравшимися на квартире А. Н. Муравьева членами тайного общества, было столь же быстро оставлено, сколь быстро и неожиданно возникло. Уже на следующий день съехавшиеся у М. А. Фонвизина декабристы вели разговоры «совершенно в противном смысле вчерашним толкам»². Все в один голос уговаривали И. Д. Якушкина оставить намерение убить Александра I. Заболевший С. И. Муравьев-Апостол прислал с братом Матвеем письмо, «коим, — как он признавался на следствии, — останавливал предпринятое действие, доказывая скудость средств к достижению цели»³.

Вызванный к жизни политическими декларациями Александра I⁴, «московский заговор» стал острым моментом общественной борьбы того времени. Он не остался тайной для Александра I. О высказанной в самом узком товарищеском кругу и тут же оставленной мысли о цареубийстве он узнал уже в самом начале следующего, 1818 г. Доказательством этому служит авторитетное свидетельство его брата, будущего императора Николая I. Прочтя в конце 1840-х гг. рукопись книги М. А. Корфа о событиях ноября — декабря 1825 г., Николай сделал на ее полях ряд замечаний, уточняющих отдельные эпизоды, в том числе и вопрос о том, когда Александру I стало известно о существовании тайных обществ. «По некоторым доводам я должен полагать, — писал Николай I, — что государю еще в 1818-м году в Москве после Богоявления сделались известными замыслы и вызов Якушкина на цареубийство»⁵.

Насколько полно Александр I был осведомлен о перипетиях «московского заговора», судить трудно. Ясно, однако: он знал, что недовольство в среде дворян велико, что в 1817 г. вновь, как когда-то в 1801-м, возникла мысль о насильственном устранении монарха. А это не могло не влиять на его политику.

В жизни тайного общества «московский заговор» был важным рубежом. Вихрем налетевшая мысль о цареубийстве, отказ от нее,

¹ ОР РНБ. Ф. 859 (Н. К. Шильдера). К. 38. № 15. Л. 16.

² Якушкин И. Д. Указ. соч. С. 18.

³ Восстание декабристов. Т. IV. С. 256.

⁴ См. об этом. Мироненко С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989.

⁵ Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М., Л., 1946. С. 41.

осознание «скудости средств», которыми располагала малочисленная и замкнутая тайная организация, — все толкало к пониманию необходимости перестройки основ Союза спасения, расширения его базы, постепенного завоевания общественного мнения, новой, более развернутой программы. Но важно и другое. В событиях осени 1817 г. мы сталкиваемся с первым, в сущности, прямо сформулированным отношением членов Союза спасения к кровавому крестьянскому бунту, к участию народа в решении своей собственной судьбы. При общем для декабристов решительном неприятии крепостного права этот способ его ликвидации оказался для них решительно неприемлемым.

П. И. ПЕСТЕЛЬ И СОЗДАНИЕ «РУССКОЙ ПРАВДЫ»¹

Первая четверть XIX в. — особое время в истории России. Именно тогда и в правительстве, и в обществе появляется и постепенно набирает силу убеждение в необходимости не просто реформирования существующей системы, но ее кардинального изменения. Конечно, это отражало общие процессы, происходившие тогда в мире. В сфере политической и экономической мысли господствующими, общепринятыми и в Европе, и в Америке, были представления о преимуществах свободного труда над подневольным, конституционного образа правления над монархическим. Долетавший и до России «дух времени», как говорили тогда, побуждал прогрессивную часть русского общества осуждать рабство и деспотизм, мечтать об освобождении крестьян от крепостной зависимости, о замене самодержавия или конституционной монархией, или республикой. Характеризуя тогдашнее состояние общества, декабрист П. И. Пестель видел «отличительную черту» XIX в. в том, что он «ознаменовывается революционными мыслями. От одного конца Европы до другого видно везде одно и то же, от Португалии до России, не исключая ни единого государства, даже Англии и Турции, сих двух противоположностей. То же самое зрелище представляет и вся Америка».

И правительство, и общество пытались изменить существующее положение. Но шли они разными путями. Правительство — подготовкой реформ, разработкой конституционных проектов, планов ос-

¹ Павел Пестель. «Русская Правда». М.: Прогресс-Академия, 1993. На рус. и итал. яз. С. 53–83.

вобождения крестьян, общество — поддержкой и подталкиванием реформаторских устремлений власти, давлением на нее, а затем, когда стало ясно, что курс на реформы сменился очевидным поворотом вправо — разработкой своих проектов переустройства, консолидацией противостоящих власти сил, борьбой с ней, вылившейся в восстание в столице империи Петербурге в декабре 1825 г. и в восстание Черниговского пехотного полка в январе 1826 г. на Украине.

Однако нельзя забывать, что в борьбу за преобразования был вовлечен тогда очень узкий общественный слой. Преобладающая часть дворян, находившихся на государственной, статской или военной службе, и большинство помещиков, владевших миллионами крестьян на необъятных просторах России, были решительными противниками каких-либо серьезных изменений в социально-политическом строе страны. «Наверху» к реформам стремились сам Александр I и небольшая группа его ближайших друзей (их можно пересчитать по пальцам). Министры и высшие сановники империи и слышать не хотели ни о каких преобразованиях. «Внизу» прогрессивно настроенных людей было больше. Но все же число участников тайных обществ, возникших в России после Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов, за все десять лет их существования (1816–1825) сводилось лишь к нескольким сотням (чуть более 350). Что это в масштабах такой огромной империи, как Россия?

Движение к переменам в начале XIX в. носило явно верхушечный характер и, как хорошо известно, не привело к реальным результатам: обещанная Александром I конституция так и осталась обещанием, восстание декабристов потерпело поражение. И тем не менее само это движение и вызванные им события стали важной вехой в истории страны, во многом сказавшейся на ее дальнейших судьбах.

Стремление к обновлению сильно захватило мыслящую часть русского общества, особенно после Отечественной войны 1812 г. Декабрист М. И. Муравьев-Апостол был прав, говоря о себе и своих товарищах: «Мы были дети 1812 года». Победители Наполеона, освободители цивилизованного мира от его тирании, молодые русские офицеры, собственными глазами увидевшие Западную Европу, возвратившись домой, с удесятеренной болью воспринимали бесправное, почти рабское положение крестьян, дикость деспотического самодержавия. А правительство, казалось, и не думало что-либо менять.

Любопытное положение создалось в то время в стране. Власть, задумавшая реформы, таилась от общества. Тщательно скрывалось,

что начиная с 1816 г. по инициативе Александра I разрабатывались проекты постепенного освобождения крепостных крестьян и действовал даже Секретный комитет, обсуждавший эту проблему. Ничего публично не говорилось и о том, что в Варшаве в 1818–1820 гг. под руководством Н. Н. Новосильцева был не только подготовлен проект конституции для России, но и написан манифест о введении ее в действие. А в реальной жизни ничего не менялось.

И для достижения тех же целей, которые ставил перед собой император, потерявшая надежду на него наиболее активная часть дворянства начала объединяться в общества — естественно, тайные от власти. Не допуская и мысли о поисках поддержки общества своим реформаторским устремлениям, самодержавие делало ставку на собственные силы, веря в возможность осуществления реформ бюрократическим путем. Передовая часть общества рассчитывала теперь только на себя. Так возникли первые тайные организации — Союз спасения, потом Союз благоденствия. Членами их были в основном гвардейские офицеры. И самое видное место среди них принадлежало, без сомнения, Павлу Ивановичу Пестелю.

Сын крупного государственного чиновника конца XVIII — начала XIX в., грозного сибирского генерал-губернатора И. Б. Пестеля, печально прославившегося тем, что при нем взяточничество и казнокрадство достигли в Сибири апогея, Павел Пестель с юности отличался независимостью характера и свободным образом мыслей.

Получив первоначальное образование дома, двенадцати лет он был отправлен в Дрезден к бабушке, известной немецкой писательнице Крок, в доме которой он слушал лекции лучших профессоров. Вернувшись в 1810 г. в Россию, он поступил сразу в старшие классы Пажеского корпуса, бывшего тогда одним из лучших военных учебных заведений в России. Здесь уже в полной мере проявились его незаурядная личность и свойственная ему самостоятельность суждений. Директор корпуса Клиnger так характеризовал его при выпуске: «Камер-паж Пестель за время пребывания в Пажеском корпусе неоднократно замечен был в критике порядков, в оном корпусе водворенных: имеет ум, в который легко извне вливаются вольнолюбивые внушения. Так, подвергал рассуждению о значении помазания Вашего Величества, замечен был в суждении о несправедливости крепостного состояния, желательности равенства всех людей».

Александр I, лично принимавший выпускные экзамены у пажей, поражен был знаниями Пестеля и даже после такой характеристики

поставил его на первое место среди выпускников (вместе с В. Ф. Адлербергом, ставшим затем одним из главных действующих лиц в Следственном комитете по делу декабристов и долгое время бывшим министром двора).

О формировании своих политических взглядов сам Пестель с редкой откровенностью и полнотой рассказал на следствии. В сочетании с сохранившимися его сочинениями и свидетельствами других декабристов показания эти позволяют хорошо проследить его идейную эволюцию.

На первое место в своем духовном развитии Пестель ставил влияние книг и пристрастие к политическим наукам. Сочинения французских просветителей Бентама, Беккариа, Дестют де Траси оказали наибольшее воздействие на него. Декабрист Н. И. Лорер, познакомившийся с Пестелем в 1824 г., уже на юге, в главной квартире 2-й армии, вспоминал о «полках с книгами», тянувшихся во всю длину его комнат. «Это были сочинения политические, экономические, вообще ученого содержания и излагающие всевозможные конституции». «Не знаю, — писал Лорер, — чего этот человек не прочел на своем веку на многих иностранных языках».

Обращаясь к российским порядкам, Пестель, как он сам писал, пытался «рассуждать о том, соблюдены ли в устройстве российского правления правила политических наук». Вначале он размышлял не о верховной власти, но только о министерствах, местном управлении и тому подобных предметах. Ведь русская действительность давала более чем достаточно поводов для критических размышлений. Понятно, что взор Пестеля обращался к самым вопиющим язвам и прежде всего к крепостному состоянию. «Обратил также мысли и внимание, — писал он в показании на следствии, — на положение народа, причем рабство крестьян всегда сильно на меня действовало». Ненависть к крепостничеству соединялась у него с неприятием «преимуществ аристократии», что впоследствии так ярко и недвусмысленно проявилось в его «Русской Правде». Но постепенно естественный ход размышлений приводил Пестеля к заключению, что причина российских бед не просто в неудачном устройстве отдельных частей государства, но в положенных в его основу принципах. Тогда-то в нем «начал возникать внутренний ропот противу правительства». Размышляя о Великой французской революции, он пришел к выводу, что, несмотря на Реставрацию, «большая часть коренных постановлений, введенных революцією, были... сохранены и за благие вещи призна-

ны». Это убедило его в благотворном влиянии революции на развитие Франции и породило мысль, что «революция, видно, не так дурна, как говорят, и что может даже быть весьма полезна». Мысль эта подтверждалась и тем, что «те государства, в коих не было революции, продолжали быть лишенными подобных преимуществ и учреждений». В сознании Пестеля постепенно объединялись цели и средства их достижения: «...начали во мне рождаться почти совокупно как конституционные, так и революционные мысли. Конституционные были совершенно монархические, а революционные были очень слабы и темны. Мало-помалу стали первые определительнее и яснее, а вторые сильнее. Чтение политических книг подкрепляло и развивало во мне все сии мнения, мысли и понятия».

Оставим здесь на время исповедь Пестеля о формировании его взглядов и напомним, что складывались они отнюдь не в тихом кабинете философа, а в пылу военных баталий, в которых несколько лет протекала жизнь молодого вольнодумца, потом в буднях офицерской службы в Петербурге и Митаве и, наконец, в Тульчине, на юге.

Выпущенный из Пажеского корпуса командиром стрелкового взвода второй гренадерской роты Литовского полка, юный Пестель попал в самую гущу сражений с наступавшей армией Наполеона. 26 августа 1812 г. он участвовал в знаменитом Бородинском сражении, был тяжело ранен и награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость». В 1813 г. Пестель был назначен адъютантом главнокомандующего 2-й армией графа Витгенштейна, в этой должности прошел все заграничные походы и вместе со своим шефом вошел в поверженный Париж. Его военные заслуги были отмечены пятью орденами. Фельдмаршал был в восторге от своего адъютанта: «Он на все годится: дай ему командовать армиею или сделай каким хочешь министром, он везде будет на своем месте». Восторженных отзывов о Пестеле всех, кто хорошо его знал, — великое множество. Пусть читатель поверит на слово: в глазах современников он был не просто незаурядным человеком, а личностью выдающейся, может быть, гениальной. Не избери он путь противостояния власти, не посвяти жизнь насильственному изменению существовавшего в России строя, он, несомненно, стал бы крупным деятелем и в самодержавной России. Судьба решила иначе.

Осенью 1816 г. П. И. Пестель вступает в члены только что возникшего тайного общества — Союза спасения. Так начался путь, который привел его к виселице на кронверке Петропавловской крепости

13 июля 1826 г. Иной путь для него был уже невозможен, и поэтому он не только вступил в тайное общество, но и стал в нем, пожалуй, самым ревностным его членом, идеологом и руководителем. Возникшее в Петербурге тайное общество первоначально состояло всего из шести членов. Постепенно оно пополнялось, но оставалось весьма немногочисленным: более тридцати членов в нем никогда не было. Любопытно, что принял Пестеля в Союз спасения М. Н. Новиков, двоюродный племянник известного русского просветителя XVIII в. Н. И. Новикова и сам автор первого декабристского проекта конституции. Проект этот не сохранился, но известно, что он был республиканским.

Пестелю, поручику лейб-гвардии Кавалергардского полка, было в то время 23 года. Почти одновременно, в феврале 1817 г., он стал членом масонской ложи «Трех добродетелей». Однако масонство, видимо, не оказало на него сколько-нибудь значительного влияния. Ему импонировала скорее внешняя сторона масонства, его обряды, но не суть учения вольных каменщиков.

С первых шагов в тайном обществе Пестель заявил о себе как о теоретике движения, стремящемся изложить его цели и «правила». Он был одним из основных авторов устава Союза спасения. Устав этот не сохранился, но, опираясь на различные свидетельства, можно предположить, что главными целями в нем провозглашались введение в России представительного правления в форме конституционной монархии и уничтожение крепостного права. Способ достижения поставленных целей — открытое выступление членов общества в момент смены монархов на престоле.

Однако деятельность Пестеля в петербургском тайном обществе была непродолжительной. В 1817 г. он вместе с Витгенштейном уезжает продолжать службу в Митаву. О жизни Пестеля там мы знаем очень мало. Известно только, что за это время он принял в общество четырех новых членов. Кроме того, занимался чисто военными вопросами и написал несколько специальных сочинений по этой теме. Но главное его дело в 1817–1819 гг. — работа над «Запиской о государственном правлении». Оторванный от Петербурга и Москвы, где находились в то время почти все члены тайного общества, Пестель сосредоточивает свои усилия на решении теоретических вопросов.

В тайном обществе происходили важные события. В начале 1818 г. вместо Союза спасения возникает новое тайное общество с новыми задачами — завоевания общественного мнения. Пестель, несомнен-

но, знал об этом, но не мог принимать участия в сопровождавших эти события спорах. Без его участия была подготовлена и «Зеленая книга» — устав Союза благоденствия. А он работал над «Запиской о государственном правлении».

По замыслу Пестеля она должна была состоять из трех частей и содержать очерк всех главных проблем государственного устройства и гражданского правопорядка. Но написаны были только первые две части. Сохранилась из них только вторая, которая публикуется в настоящем издании. По одной части трудно судить о целом, но все же можно с уверенностью сказать, что в период создания этой записки Пестель был сторонником конституционной монархии. И это полностью согласуется с его собственным рассказом на следствии. Впрочем, о конституции в сохранившемся тексте сказано довольно глухо: «Законы разделяются на два главных рода: первые выражают устройство и образование, вторые — порядок и круг действия. Законы первого рода составляют в гражданском обществе государственную устав или конституцию». О монархе же упоминается достаточно часто и совершенно ясно его существенное место в описываемом Пестелем государственном устройстве. Трудно сказать, рассматривал ли Пестель в не дошедших до нас частях «Записки о государственном правлении» проблему крепостных отношений. Основные же темы сохранившейся второй ее части: судопроизводство, государственная безопасность и военная реформа.

Любопытной чертой этой записки и особенно подробно разработанной в ней главы об устройстве армии является стремление автора исключить из текста прочно вошедшие в русский язык термины иностранного происхождения и заменить их изобретенными им русскими. В составленных им словниках вместо «дивизии» предложен «воевод», вместо «артиллерии» — «огнемет», а в разделах, посвященных государственному устройству, слово «министр» заменено «государственным главой», а слово «республика» — «общедержавием».

Переведенный в конце 1818 г. в штаб 2-й армии, находившийся в Тульчине, Пестель сразу же принялся за организацию там управы Союза благоденствия. Именно там, среди десятка единомышленников, Пестель радикально изменил свои взгляды на желанное для России будущее — он стал республиканцем. Республиканские взгляды Пестеля — явление уникальное в русском общественном движении того времени. Никто из его современников не стремился к республике так твердо и убежденно, как он. «От монархического конституци-

онного образа мыслей, — писал впоследствии Пестель, — я переведен в республиканский главнейше следующими предметами и сообщениями. Сочинение Детю де Траси на французском языке очень сильно подействовало на меня... Все газеты и политические сочинения так сильно прославляли возрастание благоденствия в Северных Американских Соединенных Штатах, приписывая сие государственному их устройству, что сие мне казалось ясным доказательством в превосходстве республиканского правления». Упомянул Пестель и о влиянии на его мысли истории Греции и Рима, Великого Новгорода, которая «также утверждала в республиканском образе мыслей, наконец, современной истории Франции и Англии».

Новые республиканские позиции Пестеля ярко проявились на Петербургском совещании членов Союза благоденствия в начале 1820 г. Теоретические споры о целях движения и образе действий общества составляли тогда одну из главных черт его деятельности. На совещании присутствовали не менее 14 человек. С основным докладом выступил приехавший из Тульчина Пестель, изложивший, по просьбе членов, «все выгоды и все невыгоды как монархического, так и республиканского правления». Обсуждение и заранее предполагавшееся голосование должно было определить программную установку Союза благоденствия. Доклад Пестеля, как единодушно свидетельствовали все участники этого совещания, защищал пользу республиканского правления. Итогом долгих прений, в которых высказывались самые различные суждения, стала известная фраза Н. И. Тургенева: «*Le president sans phrases!*»

Мы видим, что в начале 1820 г. и в жизни Пестеля, и в самом движении произошел весьма важный эпизод: республиканские убеждения были впервые высказаны открыто и впервые же получили открытую поддержку. Поддержка эта, впрочем, оказалась неустойчивой: взгляды Пестеля разделили только его товарищи на юге, те же из участников, которые создали потом в Петербурге следующее тайное — Северное общество, в итоге оказались сторонниками конституционной монархии.

В последующие два года члены общества были заняты главным образом организационной перестройкой. Состоявшийся в 1821 г. Московский съезд тайного общества объявил о его формальном роспуске. Среди многообразных целей, с которыми предпринималась эта акция, не последнее место занимало стремление освободиться от Пестеля и его сторонников, радикальные воззрения которых были не-

приемлемы для большинства руководителей общества на севере. Однако Пестель, не присутствовавший на съезде, не согласился с его решениями и продолжил на юге деятельность Союза благоденствия.

Затихшие на время теоретические споры возобновились в 1822 г. В январе этого года пятеро членов тайного общества, продолжавшего действовать на юге, собрались в Киеве во время Контрактовой ярмарки. Здесь они еще раз согласились не следовать решениям Московского съезда 1821 г. о роспуске общества и избрали руководителями Пестеля и А. П. Юшневского. Собравшиеся в Киеве единодушно приняли в качестве главной цели общества установление в России республиканского правления. Говорилось и о необходимости подготовить конституционный проект. С изложением его основных начал выступил на этой встрече Пестель. Как показывал на следствии С. И. Муравьев-Апостол, речь шла о диктатуре временного верховного правления на переходный период. Однако это, видимо, были только общие идеи, поскольку было решено еще год работать над проектом и обсудить его во время следующей Контрактовой ярмарки.

Работу Пестеля над проектом собственной конституции, безусловно, подталкивала деятельность в том же направлении Н. М. Муравьева. К концу 1822 г. у последнего был уже законченный вариант конституционного проекта. Пестель и его единомышленники успели познакомиться с этим проектом и возвратили его автору «как неудовлетворительный». Отметим, что возражения Пестеля вызвал не принцип конституционной монархии, положенный в основу проекта (вряд ли можно согласиться с гипотезой М. В. Нечкиной о существовании в это время некоего «республиканского» проекта Н. Муравьева, чем и объяснялось отсутствие возражений Пестеля против основного принципа), но принцип федеративного государства и слишком высокий имущественный ценз для занятия государственных постов, который, по мнению Пестеля, привел бы к «ужасной аристократии богатств».

К сожалению, скудость источников не позволяет проследить этапы работы Пестеля над своим проектом — «Русской Правдой» и, соответственно, этапы формирования принципов, положенных в ее основу. Можно предположить, что и к началу 1823 г. текст еще не был написан. Во всяком случае, рассказывая на следствии о встречах декабристов в январе 1823 г. в Киеве на очередной Контрактовой ярмарке, Пестель говорил только об обсуждении «плана конституции». «Как в 1822, так и в 1823 году, — писал он, — было рассуждае-

мо о республиканском правлении, и я при том объяснял свои мысли и свой план конституции». Как и год назад, участников обсуждений было немного. По сравнению с 1822 г. к ним прибавился лишь молодой и пылкий М. П. Бестужев-Рюмин. Собравшиеся и на этот раз проявили полное единодушие — все предложенные Пестелем принципы переустройства России были одобрены. Пестель сделал устный доклад — это весомое доказательство отсутствия еще ненаписанного проекта, в отличие от уже существовавшего и забракованного южанами проекта Н. Муравьева. В своем докладе Пестель, по словам Бестужева-Рюмина, «последовательно формулировал основные положения конституции, спрашивая мнения о них присутствующих».

Показания декабристов на следствии позволяют в общих чертах восстановить принципы, изложенные Пестелем в докладе и соответственно закладывавшиеся в будущий конституционный проект. Прежде всего, снова был поставлен вопрос о республике. Пестель спросил: «Согласны ли мы на введение республиканского правления в России?» «Мы сказали да», — показывал Бестужев-Рюмин. Затем обсуждалась проблема выборов народных представителей — быть ли им прямыми или косвенными, потом проблема наличия или отсутствия избирательного ценза. В. Л. Давыдов показал, что Пестель затронул и вопрос о наделении крестьян землей («о распределении земель волостям»). Единодушно признали, «что останется религия господствующая» (Бестужев-Рюмин). Но многие стороны доклада Пестеля остаются не ясными. Из показаний декабристов (а других источников у нас нет) нельзя понять даже, высказался ли Пестель за прямые или за многоступенчатые выборы и защищал ли он идею имущественного ценза. Возможно, впрочем, что это свидетельствует о проблемах лишь поставленных, но не решенных.

Нельзя не сказать о том внимании, которое собравшиеся уделили вопросу о царевубийстве как возможном способе достижения поставленных целей. Пестель был решительным сторонником «изведения» не только императора, но и всей его семьи, чтобы не открывалась возможность возвести потом на престол его наследников. Вокруг этого возникли споры, но большинство все же поддержало Пестеля. Обсуждался и способ захвата власти — военное выступление в столице.

Совещания в Киеве в январе 1823 г. стали важным рубежом в работе Пестеля над конституцией. Именно после них он, видимо, почувствовал себя готовым изложить на бумаге уже сформулированные представления. Трудно сказать, когда точно это произошло и сколь-

ко времени заняло. Известно, что были написаны две редакции, и ни одна из них не была полностью завершена. Но все-таки представляется, вопреки выдвинутому М. В. Нечкиной и устоявшемуся мнению, что ни одна из редакций не могла возникнуть ранее 1823 г. и киевских совещаний. Снова подчеркнем, что во всех показаниях декабристов речь идет только об устном докладе лидера южан и ни словом не упоминается какая-либо существовавшая уже рукопись Пестеля. Подтверждается это, в частности, показаниями А. П. Юшневского, писавшего, что «одобрение последовало по одним только изустным объяснениям Пестеля, ибо в то время проект сей не был еще изготвлен и едва ли кто-либо из членов общества читал оный, а судили только по словам Пестеля, и, помнится, сказывал он мне сам, когда давал читать мне, что оный не был еще кончен».

К подобному выводу подводит и еще одно обстоятельство, упомянутое, кстати сказать, самой М. В. Нечкиной. В феврале 1823 г. Пестель отправил Н. М. Муравьеву в Петербург не только «предлинный» разбор его конституции, но и «тетрадку» С. И. Муравьева-Апостола с изложением только что обсужденных основных начал конституционного проекта Пестеля. Но будь хоть вчерне готов сам текст проекта, нужно ли было посылать своим сочленам по тайному обществу изложение устного доклада? Конечно, нет.

В начале 1824 г. Пестель получил продолжительный отпуск и отправился с юга в Петербург. Здесь в марте этого года члены тайного общества на нескольких совещаниях обсуждали перспективы своей дальнейшей деятельности, в том числе и вопрос о будущем устройстве России. Не вдаваясь в подробности этих обсуждений, укажем, что Пестель и на этот раз не смог представить на суд товарищей текст «Русской Правды» — по всей вероятности, он все еще не был готов (в отличие от конституции Н. Муравьева, которая неоднократно обсуждалась в среде декабристов, и по письменным замечаниям товарищей на ее текст автор перерабатывал свое сочинение). Очень показательно, что ни один из участников петербургских совещаний 1824 г. ни словом не упоминает о том, что он читал какой-либо письменный текст Пестеля. Так же, как в 1822 и 1823 гг., дело ограничилось устными выступлениями лидера южан. И вновь Пестелю было поручено представить письменный текст. Вот что показывал об этом Е. П. Оболенский: «Касательно конституции положено было, дабы полковник Пестель, изложив оную письменно, прислал нам для рассмотрения и определения о принятии или отвержении оной; равно-

мерно письменный проект Южного общества о способах, предполагаемых к началу решительных действий». Нельзя представить себе, чтобы подобное решение было принято при наличии готового текста, одобренного членами Южного общества.

Очевидно, что к началу 1824 г. Пестель не располагал еще письменным текстом «Русской Правды», он приступил к этой работе только после совещаний в Петербурге. Чрезвычайно важно, что подобное понимание процесса работы Пестеля над «Русской Правдой» полностью совпадает с показаниями его самого. Говоря о своем пребывании в Петербурге в 1824 г., Пестель 13 января 1826 г. писал: «„Русская Правда“ не была тогда еще начата, и я тут вознамерился ее написать».

Таким образом, «Русская Правда» была написана Пестелем в 1824 г. (в советской историографии эту точку зрения впервые высказал в 1954 г. Б. Е. Сыроечковский). Иного мнения придерживались известные исследователи декабристского движения М. В. Нечкина, С. Н. Чернов, а также А. А. Покровский, много труда приложивший для текстологического изучения рукописей Пестеля. Они считали, что первая редакция «Русской Правды» существовала уже в 1822–1823 гг. и именно ее текст был предметом обсуждения на съездах руководителей Южного общества. В 1824 г. Пестель, по их мнению, работал над второй редакцией, которая, как и первая, осталась незавершенной.

В сущности, для истории создания самой рукописи «Русской Правды» не столь уж важно, существовала ли она уже в 1822–1823 гг. или тогда имелись лишь отдельные ее наброски. Эти споры приобретают значение только в общем контексте истории движения декабристов. И здесь уже вопрос о времени возникновения письменного текста программы Южного общества приобретает существенное значение. Одно дело, когда несколько видных участников тайного общества собираются несколько раз на протяжении двух или трех лет для устной полемики о целях своего движения. И совсем другой оборот принимает дело, если они обсуждают готовые идеологические документы, утверждая их в качестве программы движения. Это говорит об ином уровне развития тайного общества. Однако все это — тема особого исследования, и, ограничившись сказанным, попытаемся теперь коротко познакомить читателя с тем, что представляет собой сохранившаяся рукопись «Русской Правды».

Прежде всего, нужно помнить, что текст «Русской Правды» никогда не был доведен до конца — мы имеем дело с незавершенным

произведением. О том, какой представлял себе «Русскую Правду» сам Пестель, он подробно рассказал в ответах на вопросы следствия 13 января 1826 г.: *«Первая глава* рассуждала о границах государства и о разделении земельного оною пространства на области, областей на округа или губернии, округов на уезды, уездов на волости и определяла значение и состав волостей. *Вторая глава* рассуждала о жителях России, разделяя оные на коренной народ русский и на племена подвластные и присоединенные и, указывая на средства, коими можно слить все сии различные оттенки в один общий состав таким образом, чтобы все жители России через некоторое время составляли истинно только один народ. *Глава третья* рассуждала о всех различных сословиях, в государстве обретающихся, указывая на права, преимущества и недостатки каждого из оных и представляя меры и действия, которые бы надлежало с каждым из оных предпринять, дабы слить все сословия в одно общее сословие гражданское. *Глава четвертая* рассуждала о политическом или общественном состоянии народа, о правах гражданства, о равенстве всех перед законом и об образе, коим устраивался представительный порядок в избирательных собраниях. *Глава пятая* рассуждала о гражданском или частном состоянии народа, то есть о главнейших правилах и постановлениях так называемого гражданского частного права в отношении лиц, имуществ и взаимных между граждан сношений. *Глава шестая* долженствовала рассуждать о верховной власти и быть написана вдвойне: одна в монархическом, а другая в республиканском смысле. Любую можно было бы избрать и в общее сочинение включить. *Глава седьмая* долженствовала рассуждать об образовании правительственных мест и начальств в волостях, уездах, округах и областях, а равно и представить общее учреждение министерств, доказывая, что оных должно быть десять, не более, не менее. *Глава восьмая* долженствовала рассуждать о частях правления, устраивающих государственную безопасность, как внешнюю, так и внутреннюю; то есть об юстиции, полиции, внешних сношениях, военных силах и морских силах: говоря при том особенно о каждой из главных отраслей каждой из сих частей правления. *Глава девятая* долженствовала рассуждать о частях правления, заведывающих благосостоянием, то есть о финансах, народном хозяйстве или внутренних делах, просвещении и учебной системе, духовных делах и общем делосводе; говоря подобным же образом особенно о каждой из главных отраслей каждой из сих частей правления. *Глава десятая*, наконец, долженствовала

ла содержать род наказа для составления общего государственного свода законов или уложения и представить главнейшие правила или, так сказать, оглавление (*sommaire*) сего полного и общего государственного уложения».

В дальнейшем тексте своих ответов Пестель четко определил, что из задуманного было им реализовано: «Первая, вторая и большая часть третьей главы были кончены; четвертая и пятая были начерно написаны; а последние пять состояли в разных отрывках. Статью о финансах и народном хозяйстве долженствовал написать Сергей Муравьев». Эта часть показания Пестеля полностью подтверждается сохранившимися рукописями «Русской Правды» (отсутствуют только упомянутые им наброски ненаписанных глав). Его слова почти полностью совпадают с текстом § 13 «Введения» во второй редакции «Русской Правды». Свидетельство Пестеля о составе написанных им частей «Русской Правды» тем более заслуживает доверия, что оно было сделано, когда рукопись еще не была найдена следствием, и Пестель мог рассчитывать, что ее вообще не удастся отыскать (рукопись была выкопана из земли и доставлена в Следственный комитет только более месяца спустя).

Пестель успел создать вторую редакцию только первых трех глав «Русской Правды». Часть третьей главы, а также главы четвертая и пятая оставались еще в первой, не переработанной редакции («были написаны начерно»). Вывод о существовании двух редакций «Русской Правды» был сделан С. Н. Черновым и А. А. Покровским при подготовке академического издания «Русской Правды». Тех, кого интересуют подробности их аргументации, мы отсылаем к текстологической статье, помещенной в VII томе серии «Восстание декабристов», где осуществлена публикация «Русской Правды» (М., 1958). Создавая новую, вторую редакцию, Пестель уничтожил первоначальные тексты переработанных глав. Это обстоятельство не дает возможности детально проследить те изменения, которые он вносил в текст первой редакции. Очевидно, однако, что работа шла в направлении радикализации проекта. Об этом позволяет судить сравнение отрывка из третьей главы о казенных крестьянах, сохранившегося как в первой, так и во второй редакции. В новой редакции, как может легко убедиться читатель, исчез 10–15-летний переходный период, в течение которого, по старой версии, казенные крестьяне не приобретали полной личной свободы и продолжали сохранять существенные обязанности по отношению к владеющему ими государству.

К сожалению, так и не были написаны Пестелем заключительные пять глав «Русской Правды». Особенно горестно, что мы не располагаем шестой главой, где Пестель предполагал описать политическое устройство новой России. Очевидно, скорее всего, там должно было предлагаться республиканское устройство. Слова Пестеля из только что процитированного показания, что в этой главе он предполагал описать как республиканское, так и конституционно-монархическое устройство государства, можно объяснить чисто психологическими особенностями поведения лидера южан на следствии. Не исключено, впрочем, что Пестель готов был принять предложения членов Северного общества и после революции предоставить Учредительному собранию право определить форму государственного правления, а для этого изложить в «Русской Правде» оба варианта.

К такому предположению подводит и само предназначение «Русской Правды». Ведь, в сущности, это не был конституционный проект в чистом виде. Это сложный политический и социально-экономический трактат, выполнявший одновременно совершенно различные задачи. С одной стороны, он должен был представить общую теоретическую платформу движения, с другой — преследовать вполне практическую цель, служа «наказом» временному революционно-му правительству на переходный период.

«Поскольку Россия должна иметь залог в том, что временное верховное правление точно будет действовать для блага России и для всевозможного усовершенствования положения и состояния ее по всем предметам и статьям, то необходимым оказывается издание „Русской Правды“ в виде наказа верховному правлению», — писал Пестель во введении ко второй редакции. Конституцию же, содержащую «одни только точные или положительные законы и постановления, утверждающие будущий порядок в государстве», он называл «Уложением» и подчеркивал, что на это «обширное, многотрудное» дело и потребуются переходный период. Сама же «Русская Правда» является документом, определяющим «все перемены, в государстве последовать имеющие, все предметы и статьи, уничтожению и низпровержению подлежащие и, наконец, коренные правила и начальные основы, долженствующие служить неизменным руководством при сооружении нового государственного порядка и составлении нового государственного уложения».

Но независимо от того, собирался ли Пестель включить в эти «коренные правила» только республиканское политическое устрой-

ство или также альтернативный вариант конституционной монархии, сам он был убежденным республиканцем. О его позиции в этом вопросе свидетельствует краткое извлечение из «Русской Правды», продиктованное Пестелем в 1825 г. Бестужеву-Рюмину и озаглавленное «Конституция Государственный Завет». «Государство, — говорится в нем, — состоит из народа и правительства». Правительство же, разделяющееся на верховную власть и государственное правление, не включает в себя монарха. Исполнительная власть, по этому проекту, вручена Державной думе из пяти членов, избираемых народом; законодательная — Народному вече.

В оконченных Пестелем главах второй редакции «Русской Правды» центральное место занимает аграрный проект. Основу и наиболее радикальную его сторону составляет не только немедленное уничтожение крепостного права, но и наделение крестьян землей. По проекту Пестеля земля, основа благосостояния населения, является его неотъемлемой собственностью. Тем не менее предлагалось разделить всю землю на две половины: одна, находящаяся в общественной собственности, не может ни продаваться, ни покупаться, и распределяется безвозмездно между земледельцами; другая раздается в качестве частной собственности, и пользование ею имеет уже все черты буржуазного хозяйства. При всей утопичности этих предложений для российской действительности первой четверти XIX в., нельзя не признать, что Пестель был одним из первых русских мыслителей, требовавших, чтобы государство гарантировало каждому гражданину возможность владеть земельным участком, достаточным для его пропитания.

Задумаемся теперь над тем, чем же отличались от предложений Пестеля другие конституционные проекты, создававшиеся в России в течение того же «декабристского» десятилетия.

Напомним, что первым из них был правительственный проект, готовившийся в Варшаве и законченный в 1820 г. Основопологающий принцип всех европейских конституций — суверенитет народа — был заменен в нем суверенитетом императора, признававшегося источником всякой власти, главой исполнительной власти и единственным обладателем права законодательной инициативы. Совершенно игнорировалась проблема крепостного права и, следовательно, вопрос о включении крепостных крестьян в число дееспособных граждан. Однако предусматривалось создание двухпалатного парламента, одобрение которого требовалось императору для

издания любого закона, и объявлялись обычные гражданские свободы: слова, печати, вероисповедания, права частной собственности, равенство всех перед законом, неприкосновенность личности. Будь осуществлен этот проект, конституция России оказалась бы, без сомнения, одной из самых консервативных конституций своего времени. Но все же это был достаточно реальный проект государственного устройства уже не самодержавной, а конституционной монархии.

И только очевидный для членов тайного общества отказ верховной власти от его реализации заставил их перейти к планам военной революции и разработке собственных проектов будущего переустройства России. Альтернативным по отношению к предложениям Пестеля был проект конституции, составленный одним из руководителей Северного общества Никитой Муравьевым.

Конституция Никиты Муравьева тоже предполагала превращение России в конституционную монархию. Но в ней источником верховной власти провозглашался народ, а император был всего лишь главой исполнительной власти, «верховным чиновником Российского государства». Законодательная власть передавалась двухпалатному парламенту, Народному вече. Народу предоставлялись все традиционные в конституционных государствах гражданские свободы. Статья 16 гласила: «Крепостное право и рабство отменяются. Раб, прикоснувшийся к земле русской, становится свободным». Однако, в отличие от «Русской Правды», проект Н. Муравьева сохранял помещичье землевладение. Помещики были только обязаны предоставить крестьянам приусадебные участки и по две десятины пахотной земли на двор. Не было всеобщим и избирательное право.

Нельзя не признать, подводя итоги этому краткому сравнению, что взгляды Пестеля на будущее переустройство России, изложенные им в «Русской Правде», были вершиной радикализма, достигнутого русской конституционной мыслью его времени.

14 ДЕКАБРЯ 1825 ГОДА. ВОССТАНИЯ МОГЛО НЕ БЫТЬ¹

Можно ли представить себе русскую историю без восстания декабристов? Без каре мятежных полков на Сенатской площади, без выстрела Каховского и смертельной раны Милорадовича, без картечи, ознаменовавшей кровавое подавление военного бунта в сердце страны? А главное, без того глубокого влияния, которое оказало восстание на все дальнейшее развитие русского общества, влияния, ощущаемого до сих пор? Трудно, не правда ли? В сущности, это была бы другая история.

Однако если спокойно и беспристрастно проанализировать ситуацию, то окажется, что восстание 14 декабря 1825 г. и последовавшее за ним восстание Черниговского полка были вовсе не так неизбежны, как это принято считать. Если бы не исключительное стечение обстоятельств на исходе 1825 г., связавшее в единое целое совершенно различные события и явления, восстания просто не было бы. Причем не только в тот момент, но и вообще никогда.

Оговорюсь сразу: закономерность движения декабристов сомнения не вызывает. Десятилетняя история тайных обществ ясно показывает, что их породили объективные противоречия российской действительности начала XIX в., а участники их ставили перед собой радикальные задачи — освободить страну от пут крепостничества и неограниченного самодержавного произвола. Речь о другом — о самой попытке захватить государственную власть путем военного пе-

¹ Отечественная история. 2002. № 3. С. 57–66.

реворота. Вот она-то принадлежит скорее к числу исторических случайностей.

Рассмотрим же события, приведшие, в конце концов, к восстанию на Сенатской площади в Петербурге, а затем во 2-й армии на юге.

Первое из них — внезапная смерть Александра I, ожидать и предвидеть которую ни у кого не было оснований. Проживи он еще хотя бы две-три недели, не говоря уже о более длительном сроке, основная масса членов тайных обществ была бы арестована, что, естественно, вообще исключило бы возможность восстания¹.

Вот широко известные факты, давно собранные и проанализированные историками. Летом 1825 г. Александр I получил от унтер-офицера 3-го Украинского уланского полка И. В. Шервуда сообщение о широком противоправительственном заговоре на юге. 17 июля 1825 г. доносчика доставили в Петербург, и в тот же день он был принят императором. Александр спрашивал, как велик заговор и легко ли его будет раскрыть. Шервуд отвечал, что «по духу и разговорам офицеров вообще, а в особенности во 2-й армии, заговор должен быть распространен довольно сильно» и что он имеет сведения об участии в нем его знакомого — Ф. Ф. Вадковского. Как показали дальнейшие события, Шервуд оказался совершенно прав — Вадковский действительно был одним из деятельнейших членов Южного общества, а само общество особенно распространено было во 2-й армии.

Однако рассказ этот показался Александру I все-таки недостаточно убедительным, и он приказал Шервуду действовать дальше в поисках неопровержимых доказательств существования тайного общества. В соответствии с планом, получившим высочайшее одобрение, Шервуд избрал одним из главных объектов своей деятельности Ф. Ф. Вадковского: «Начать предлагаю Нежинского конноегерского полка с прапорщика Вадковского, который, как мне известно, состоит в сем обществе, наблюдая за всеми его движениями». Получив годичный отпуск и тысячу рублей на издержки, Шервуд двинулся в путь. 19 сентября он встретился в Курске с Вадковским и объявил ему, что «выпросил отпуск на год единственно для того, чтобы действовать в пользу общества». Вадковский пришел в восторг от того, что «предприятие их, сверх чаяния, идет весьма хорошо», и говорил о необходимости истребить всю императорскую семью.

¹ См., например: *Шильдер Н. К.* Император Александр I, его жизнь и царствование. В 4-х т. СПб., 1898. Т. 4; *Федоров В. А.* «Своей судьбой гордимся мы...». М., 1988; *Сахаров А. Н.* Александр I. М., 1998.

О слышанном от Вадковского Шервуд донес А. А. Аракчееву, а тот — Александру I. Выехав 1 сентября 1825 г. из Петербурга в длительное путешествие по России, император получил это донесение уже в Таганроге. 11 октября он передал полученные бумаги начальнику Главного штаба И. И. Дибичу, который, однако, отнесся к ним скептически и уверял его, что все это «выдумки» и «кончится вздором». Но Александр I отвечал ему: «Ты ошибаешься. Шервуд говорит правду, я лучше вас знаю людей». Уверенность Александра легко объяснима: к этому времени в его руках был еще один донос, подтверждавший существование в армии обширного заговора. А. К. Бошняку, агенту начальника южных военных поселений генерала И. О. Витта, удалось проникнуть в тайное общество. В августе 1825 г. Витт отправил донесение об этом Александру, а 19 октября был принят им в Таганроге. Судя по всему, императору была представлена картина заговора, охватившего чуть ли не всю армию. Как писал впоследствии Дибич Николаю I, Витт сообщал, что тайное общество «значительно увеличилось», что «18-я пехотная дивизия в особенности заражена сим духом и что в оной играет главную роль командир Вятского пехотного полка Пестель». В числе «деятельнейших» членов Витт назвал М. Ф. Орлова, В. Л. Давыдова, Н. А. Крюкова, В. Н. Лихарева, Н. М. Муравьева, Н. А. Бестужева, К. Ф. Рылеева.

После смерти Александра I при разборе его бумаг была обнаружена написанная его рукой записка, не имевшая ни адресата, ни даты. «Есть слухи, что пагубный дух вольномыслия или либерализма, — говорилось в ней, — разлит или по крайней мере сильно уже разливается и между войсками; что в обеих армиях, равно как и в отдельных корпусах, есть по различным местам тайные общества или клубы, которые имеют притом секретных миссионеров для распространения своей партии. Ермолов, Раевский, Киселев, Мих. Орлов, гр. Гурьев, Дмит. Столыпин и многие другие из генералов, полковников, полковых командиров; сверх сего большая часть разных штаб-и обер-офицеров».

Как только была обнаружена эта записка, стали выяснять, кому она предназначалась и для чего была написана. 18 марта 1826 г., в разгар следствия по делу декабристов, ее послали великому князю Константину Павловичу в Варшаву. Возвращая ее, тот написал 26 марта Дибичу: «Хотя покойный государь император изволил часто говаривать со мною о подобных обстоятельствах, но об сей запи-

ске я не знал, а полагаю, что она следовала или к графу Алексею Андреевичу, или к князю Александру Николаевичу Голицыну»¹.

И до сих пор эта записка Александра I остается столь же загадочной, какой была в 1826 г. для Николая I и его окружения. Ясно только, что она — результат размышлений императора после первых полученных доносов. Вероятнее всего, записка была написана после разговора с Виттом.

И вот 10 ноября 1825 г. Александр I решил, наконец, действовать. Он более не колебался: нужны были решительные меры. Дибичу был отдан приказ отправить полковника лейб-гвардии Казачьего полка С. С. Николаева под предлогом покупки лошадей в Харьков для ареста там Ф. Ф. Вадковского и его сообщников. Дибич снабдил Николаева письмом к Шервуду, где просил, чтобы тот «указал способы» схватить «заговорщиков». Однако Николаев решил, что для ареста мало одним только словесных показаний Шервуда, а необходимы вещественные улики. Добыть их удалось лишь две недели спустя, в начале декабря. Под воздействием Шервуда Вадковский написал обширное письмо Пестелю, где откровенно говорилось о замыслах и деятельности тайного общества. В письме были названы и имена многих декабристов: С. П. Трубецкого, А. П. Барятинского, С. И. и М. И. Муравьевых-Апостолов, а также П. Х. Граббе и М. Ф. Орлова, уже отошедших к тому времени от общества. Передать письмо Вадковский поручил Шервуду. 8 декабря Николаев вернулся с этим письмом в Таганрог, чтобы получить дальнейшие инструкции.

Но пока он отсутствовал, ситуация резко изменилась. 19 ноября скончался Александр I. А 1 декабря в Таганроге был получен еще один донос — от близкого к Пестелю члена Южного общества капитана Вятского пехотного полка А. И. Майборода. В нем были перечислены имена уже 46 декабристов, в том числе почти всех руководителей Южного общества и многих членов Северного. Во всех трех доносах главой заговора на юге назывался командир Вятского пехотного полка П. И. Пестель.

Никаких сомнений не оставалось, и даже смерть императора не могла уже остановить аресты, тем более что первое распоряжение о них было отдано еще самим Александром 10 ноября. 5 декабря из Таганрога выехал генерал-адъютант А. И. Чернышев с приказом Дибича арестовать Пестеля, что и произошло в Тульчине 13 декабря.

¹ ОР РНБ. Ф. 859 (Н. К. Шильдера). К. 25. № 20.

А 11 декабря в Курске был арестован Ф. Ф. Вадковский. Все это, заметим, происходило до 14 декабря, до восстания на Сенатской площади.

Подведем первые итоги. Верховной власти уже за несколько недель до восстания стало известно о существовании тайных обществ на севере и юге страны. Были названы десятки имен участников движения. Еще немного времени, и многочисленные аресты привели бы к разгрому движения. Но в дело вмешался нелепый случай — смерть императора вдалеке от столицы. Именно это дало декабристам единственный шанс открыто заявить о своих притязаниях на изменение хода российской истории.

Об открытом выступлении, «революции посредством войск» для осуществления заветных целей в тайных обществах помышляли давно. Но в конце 1825 г. члены их еще не считали себя готовыми к этому. На 1826 г. намечался съезд Северного и Южного обществ, который должен был обсудить разногласия, возникшие между двумя центрами движения, а возможно, и условия совместного выступления. Не подготовленность декабристов в этот момент к решительным действиям с полной очевидностью продемонстрировали и события конца 1825 г.

Неожиданная смерть Александра I создала сложную ситуацию. У императора не было детей, и на престол, согласно принятому Павлом I закону о престолонаследии, должен был вступить старший из братьев скончавшегося императора — цесаревич Константин Павлович. Поэтому вся Россия первоначально присягнула новому императору Константину. Однако внезапно выяснилось, что Константин царствовать не желает и что еще в 1823 г. были оформлены, но не оглашены документы, передающие русский престол следующему брату — Николаю. Это было второе роковое обстоятельство, приведшее к восстанию.

Несмотря на то что декабристы не раз обсуждали вопрос о возможности открытого выступления именно в момент смены одного императора другим, первая присяга, принесенная Константину, прошла без всяких осложнений. Но после его отказа в столице на 14 декабря 1825 г. была назначена новая присяга. Если бы это обстоятельство не возникло, то, вероятно всего, представившийся случай остался бы неиспользованным. Одного теоретического замысла для реального выступления было недостаточно. Нужны были особые условия. Именно такие условия возникли в краткий период междуцарствия — время, прошедшее от первой присяги Константину до новой

присяги Николаю (всего 17 дней: от 27 ноября до 13 декабря). Прекрасно понимая уникальность создавшихся обстоятельств, декабристы сознавали, что не воспользоваться ими было бы равносильно отказу от целей общества.

Но как вообще могла возникнуть эта странная ситуация? Что привело к небывалому в истории династическому кризису, когда не боролись за трон, а отказывались от него? Кризису, который чуть было не закончился низложением династии Романовых? Почему документы о передаче престола Николаю не были оглашены при жизни Александра I и не обрели, таким образом, силу закона? Для ответа на эти вопросы нужно отступить несколько назад и коснуться весьма деликатных сюжетов — намерения Александра I отречься от престола и нежелания царствовать Константина.

Мысль о непомерной тяжести бремени государственной власти, желание избежать уготованной ему самим рождением участи быть российским императором появились у Александра еще в юности. Об этом он писал самым близким людям — своему наставнику швейцарцу Ф. де Лагарпу и ближайшему другу графу В. П. Кочубею. 10 мая 1796 г. в письме к Кочубею он замечал: «Одним словом, мой любезный друг, я сознаю, что не рожден для того сана, который ношу теперь, и еще менее для предназначенного мне в будущем, от которого я дал себе клятву отказаться тем или другим способом... Мой план состоит в том, чтобы по отречении от этого неприглядного поприща (я не могу еще положительно назначить время сего отречения) поселиться с женою на берегах Рейна, где буду жить спокойно частным человеком, полагая свое счастье в обществе друзей и в изучении природы». В другом письме, находясь под впечатлением от действий фаворита Екатерины II П. Зубова, он констатировал: «В наших делах господствует неимоверный беспорядок: грабят со всех сторон; все части управляются дурно; порядок, кажется, изгнан отовсюду, а империя стремится лишь к расширению своих пределов». «При таком ходе вещей, — задавался вопросом Александр, — возможно ли одному человеку управлять государством, а тем более исправлять укоренившиеся в нем злоупотребления?» И тут же отвечал себе: «Это выше сил не только человека, одаренного, подобно мне, обыкновенными способностями, но даже и гения»¹. Выход представлялся ему только в отказе от ожидавшего его престола.

¹ Корф М. А. Восшествие на престол императора Николая I. СПб., 1857. С. 32–33 (Приложение); Шильдер Н. К. Указ. соч. СПб., 1897. Т. 1. С. 114.

Намерения отречься от престола не оставляли Александра и после воцарения Павла I. Однако они приобрели уже иной облик. Первый же год царствования отца убедил Александра, что его долг сперва попытаться осуществить конституционное переустройство страны и лишь затем сложить с себя бремя царской власти. «Если когда-либо придет и мой черед царствовать, — писал он Лагарпу 27 сентября 1797 г., — то вместо добровольного изгнания себя я сделаю несравненно лучше, посвятив себя задаче даровать стране свободу и тем не допустить ее сделаться игрушкой в руках каких-либо безумцев... Нужно будет стараться, само собою разумеется, постепенно образовать народное представительство, которое, должным образом руководимое, составило бы свободную конституцию, после чего моя власть совершенно прекратилась бы, и я, если Провидение благословит нашу работу, удалился бы в какой-нибудь уголок и жил бы там счастливый и довольный, видя процветание своего отечества и наслаждаясь им»¹.

Перенесемся теперь на много лет вперед, в годы наивысшего триумфа Александра I — победителя Наполеона, освободителя Европы, неограниченного властителя огромной империи. Несмотря на блистательные успехи и мировую славу, именно в эти годы Александр вновь возвращается к мысли об отречении от престола. Существеннейшим свидетельством об этом являются воспоминания цесаревича Константина Павловича. Сам Константин мемуаров не писал, но часто делился своими воспоминаниями с окружающими. Несколько таких рассказов были записаны в 1829 г. А. И. Михайловским-Данилевским со слов П. Д. Киселева, крупного государственного деятеля николаевского царствования, в свое время бывшего генерал-адъютантом Александра I. Приведем целиком эту важнейшую запись Михайловского-Данилевского. 10 июля 1829 г. он записал в дневнике: «Во время вечерней прогулки я встретился с ген. Киселевым, мы разговаривали с ним о дворе, вот нечто от него слышанное: „В 1819 г. государь Александр Павлович возвращался из Варшавы. Его провожал до Москвы старший цесаревич, который сам следующее обстоятельство рассказал Киселеву, что я и помещаю здесь в виде разговора.

Александр. Я должен сказать тебе, брат, что я хочу абдикировать (то есть отказаться от престола. — *С. М.*), я устал и не в силах сносить тягость правительства. Я тебя предупреждаю для того, чтобы ты подумал, что тебе надобно будет делать в сем случае.

¹ Шильдер Н. К. Указ. соч. Т. 1. С. 163–164.

Константин. Тогда я буду просить у вас место второго камерди-нера вашего, я буду вам служить и, ежели нужно, чистить вам сапо-ги. Когда бы я теперь это сделал, то почли бы подлостью, но тогда вы будете не на престоле — я докажу преданность мою к вам как благо-детелю моему. — При сих словах государь поцеловал меня так креп-ко, — присовокупил цесаревич, — как еще никогда в сорок пять лет нашей жизни он меня не целовал.

Александр. Когда придет время абдикировать, то я тебе дам знать, и ты мысли свои напиши к матушке“.

Следовательно, догадка моя об отречении императора от престо-ла, которую я поместил в журнале моем 1817 года, была справедли-ва. Государю хотелось перед отречением издать новые гражданские и уголовные законы и еще несколько коренных постановлений, чем и намеревался заключить свое царствование»¹.

В этой записи особое внимание привлекают последние слова о том, что до отречения Александр хотел издать «новые гражданские и уголовные законы и еще несколько коренных постановлений». Над новыми уголовными и гражданскими кодексами в конце 1810-х — начале 1820-х гг. действительно шла интенсивная работа, не при-ведшая, впрочем, к положительным результатам. Подготовленные проекты кодексов были обсуждены в Государственном совете, а за-тем навсегда отложены. Но что скрывается под довольно туманны-ми словами «еще несколько коренных постановлений»? Человеку ос-ведомленному нетрудно догадаться об этом. Именно осенью 1819 г. в Варшаве, откуда возвращался император, шла активная работа над проектом российской конституции. Александр I несколько раз об-суждал ее принципы с Н. Н. Новосильцевым, а перед отъездом утвер-дил ее основные положения. В том же 1819 г. несколько чиновников под руководством графа Д. А. Гурьева по распоряжению Александра I работали над проектом освобождения крепостных крестьян. Изда-ние конституции и отмена крепостного права представлялись тог-да Александру I вполне реальным делом². В это-то самое время и со-стоялся столь примечательный разговор императора с наследником. Тут нельзя не вспомнить письмо 1797 г. к Лагарпу о намерении от-речься от престола, когда удастся даровать народам России консти-

¹ ОР РНБ. Ф. 488 (А. И. Михайловского-Данилевского). № 25. Л. 47–48; ср.: *Шильдер Н. К.* Указ. соч. Т. 4. С. 146 (пер. с франц.).

² См.: *Мироненко С. В.* Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989.

туционное устройство. Трудно отказаться от мысли, что успешная работа над проектом конституции и прямо высказанное императором намерение отречься тесно связаны между собой.

В рассмотренной ситуации достаточно отчетливо улавливается схема 1797 г. Появился, впрочем, и один новый аргумент в пользу отречения — накопившаяся усталость от бремени правления. О том, что такой огромной державой можно управлять, только пока чувствуешь в себе достаточно физических сил, Александр I, по свидетельству А. И. Михайловского-Данилевского, впервые заговорил еще в 1817 г. Надо сказать, что Михайловский-Данилевский как флигель-адъютант императора в течение многих лет сопровождал его и в заграничных походах, и в многочисленных поездках по России и по Европе. Однажды за обедом, как рассказывал Михайловский-Данилевский, зашел разговор об обязанностях различных людей, в том числе и монархов. Александр сказал среди прочего, что правитель «должен оставаться на своем месте, пока ему позволяют это его физические силы». Словом, до тех пор, пошутил Александр, «пока он может сесть на лошадь». «При этих словах, — продолжает Михайловский-Данилевский, — на устах государя явилась улыбка выразительная, и он продолжал: „Что касается меня, я сейчас чувствую себя хорошо, но через десять или пятнадцать лет, когда мне будет пятьдесят, тогда...“». Эти слова заставили Михайловского-Данилевского задуматься, нет ли у Александра I «в душе мысли об отречении от престола»¹.

Приведенный выше рассказ Константина Павловича, дошедший до нас далеко не прямо, находит свое подтверждение в письменных свидетельствах других членов царской семьи. Николай I и его жена Александра Федоровна согласно вспоминали о другом разговоре, который состоялся у них с Александром I летом 1819 г., то есть за несколько месяцев до объяснения императора с Константином. В больших маневрах, шедших в это время в Красном Селе, участвовала гвардейская бригада, которой командовал великий князь Николай Павлович. На маневрах присутствовал Александр I. За обедом у Николая, когда никого, кроме великокняжеской четы, не было за столом, он сказал им, что намерен отречься от престола. А так как брат Константин также отказывается царствовать, то наследником станет Николай. В 1825 г. в период междуцарствия воспоминание об этом разговоре занесла в свой дневник Александра Федоровна. По ее рас-

¹ Русская старина. 1897. № 6. С. 473 (пер. с франц.).

сказу, Александр говорил тогда: «Брат Константин, который никогда не заботился о престоле, теперь более чем когда-либо решил формально от него отказаться и передать свои права своему брату Николаю и его потомкам. Что же касается меня, то я решил отказаться от своих обязанностей и удалиться от мира... Европа более чем когда-либо нуждается в государях молодых и обладающих вполне энергией и силой, — продолжал он, — а я уже не тот, что был, и считаю своим долгом вовремя удалиться»¹.

Более подробно о состоявшемся летом 1819 г. разговоре вспоминал в своих мемуарах Николай I, писавший их для своих детей в несколько приемов в 1830–1840-х гг. По его словам, Александр говорил тогда, «что он чувствует, что силы его ослабевают, что в нашем веке государям, кроме других качеств, нужна физическая сила и здоровье для перенесения больших и постоянных трудов; что скоро он лишится потребных сил, чтобы по совести исполнять свой долг, как он его понимает, и что потому он решил, ибо сие считает долгом, отречься от правления с той минуты, когда почувствует сему время. Что он неоднократно о том говорил брату Константину Павловичу, который, быв одним с ним почти лет, в тех же семейных обстоятельствах, при том имея природное отвращение к сему месту, решительно не хочет ему наследовать на престоле, тем более что они оба видят в нас знак благодати Божией, дарованного нам сына. Что поэтому мы должны знать наперед, что мы призываемся на сие достоинство». Мы были поражены, как громом. В слезах, в рыдании от сей ужасной неожиданной вести мы молчали!» В ответ на все возражения Николая, что у него нет способностей, чтобы управлять столь огромной страной, Александр приводил брату в пример самого себя. Он получил страну в «совершенном запустении», но многое сумел исправить и улучшить, и потому Николай «найдет все в порядке, который тому останется только удерживать»².

Таким образом, можно не сомневаться, что летом — осенью 1819 г. в императорской семье обсуждался вопрос не только о передаче права на престол от Константина к Николаю, но и о возможном отречении от престола Александра I.

Как же развивались события дальше? В 1820 г. Константин Павлович официально расторг свой брак с великой княгиней Анной Фе-

¹ Императрица Александра Федоровна в своих воспоминаниях // Русская старина. 1896. № 10. С. 53 (пер. с франц.).

² Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М., Л., 1926. С. 13–14.

доровной, которая еще в 1801 г. покинула Россию и больше в нее не возвращалась. Через несколько месяцев было объявлено, что он вступил в новый брак с польской графиней Иоанной Грудзинской. Не принадлежа ни к одной из царствующих династий, новая жена цесаревича по существующему законодательству не получала никаких привилегий, кроме присвоенного ей титула княгини Лович. Однако Константин Павлович, вступив в новый брак, вовсе не утратил свои права на русский престол, как нередко пишут иные исследователи. Этим прав лишались только его дети, если бы им было суждено появиться на свет.

На протяжении следующих двух лет вопрос о престолонаследии больше не поднимался. Только в начале 1822 г. живший в это время в Петербурге Константин Павлович решил добиться окончательного решения. После нескольких обсуждений, в которых принимала участие вдовствующая императрица Мария Федоровна (мать Александра, Константина, Николая и Михаила), в один из январских дней 1822 г. Александр уступил настойчивым просьбам брата. Решено было, что Константин письменно обратится к императору с просьбой о передаче престола другому наследнику. 14 января 1822 г. Константин передал брату письмо, в котором писал: «Не чувствуя в себе ни тех дарований, ни тех сил, ни того духа, чтоб быть когда бы то ни было возведену на то достоинство, к которому по рождению моему могу иметь право, осмеливаюсь просить Вашего Императорского Величества передать сие право тому, кому оно принадлежит после меня, и тем самым утвердить навсегда непоколебимость положения нашего государства». Спустя две недели Александр собственноручно ответил Константину, объявляя, что он и мать согласны на его отречение от права на престол. Однако имя нового наследника не было названо. На это стоит обратить внимание, как и на то, что после обмена письмами, столь важными для судьбы страны, Александр еще целых полтора года не предпринимал никаких шагов, чтобы придать отречению Константина законную форму.

Только в августе 1823 г. был, наконец, подготовлен манифест, в котором наследником российского престола объявлялся великий князь Николай Павлович. Манифест был составлен архиепископом Московским Филаретом, исправлен императором, переписан и отправлен в запечатанном конверте в Москву, где должен был храниться в Успенском соборе, в том же ковчеге, где находились основные государственные акты. Копии манифеста, тоже в запечатанных конвертах, были от-

правлены на хранение в Государственный совет, Синод и Сенат. Из текста манифеста очевидно, что новый наследник назначался на случай внезапной смерти императора. Ни на какую возможность отречения самого Александра в нем не было и намека¹. Это же следовало и из собственноручных надписей Александра I на конвертах. Так, на конверте, предназначенном Государственному совету, он написал: «Хранить в Государственном совете до моего востребования, а в случае моей кончины раскрыть прежде всякого другого действия в чрезвычайном собрании». Однако манифест так и не был оглашен и поэтому не получил законной силы. Это было подтверждено событиями ноября 1825 г.

Итак, дело было сделано, но в абсолютной тайне. Кроме Александра I, Константина и Марии Федоровны о существовании манифеста знали только три человека: А. А. Аракчеев, А. Н. Голицын (его рукой были переписаны копии, посланные в Государственный совет, Синод и Сенат) и архиепископ Филарет. Эта-то тайна и стала тем фактором, который спровоцировал восстание 14 декабря. Опубликуй Александр I эти секретные документы, появившись царский манифест еще в 1823 г., не мог бы возникнуть потом сам факт двух присяг. Именно об этом писал много лет спустя в своих воспоминаниях декабрист А. Е. Розен: «Войска... спокойно бы присягнули бы Николаю, если бы воля Александра I была сообщена им законным порядком»².

Почему же Александр I этого не сделал? Мог ли он не понимать, что, оставляя манифест в тайне, ставит под угрозу основополагающий принцип любой монархии — законность перехода власти от одного самодержца к другому? В это поверить нельзя. Тогда в чем же дело? Рискнем выдвинуть одну гипотезу, хотя ее трудно подкрепить фактическими данными.

К 1822 г. император окончательно похоронил идею конституционного переустройства России. Однако он был не в силах расстаться с тем, к чему стремился почти всю жизнь. Именно в то время, когда один за другим рушились его планы и приходило понимание недостижимости задуманного, обернувшееся для него тяжелым душевным кризисом, уходом в мистицизм, императору пришлось решать вопрос о престолонаследии. Оглашение манифеста, где наследником без всяких условий назван Николай, означало для Александра окончательное признание самому себе, что с мечтами о конституции и одновременном собственном отречении покончено навсегда. Это было психоло-

¹ Корф М. А. Указ. соч. С. 25–28.

² Розен А. Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 119.

гически трудно. Поэтому, уступая настоянию Константина, Александр подготовил все необходимое для законного оформления перехода права на престолонаследие от одного своего брата к другому, но так и не решился придать документам официальную силу, оставляя себе иллюзию о возможности иного выбора. В действительности же нерешительность царя вела не только к отказу от коренных реформ, но создавала особые условия для вооруженного бунта гвардии.

Александр I умер 19 ноября 1825 г. в Таганроге. 25 ноября, получив известие, что Александр умирает и надежды на его спасение нет, Николай Павлович бросился к матери в Зимний дворец и впервые достоверно узнал от нее, что существует официальный акт, передающий корону от Константина ему, Николаю. Официальная версия последовавших за этим событий, изложенная позже по приказанию Николая, утверждала, что инициатором присяги Константину был именно Николай. На самом деле все обстояло иначе. Ф. П. Опочинин, бывший адъютант Константина, человек вполне осведомленный, рассказал о происходившем декабристу С. П. Трубецкому. По его словам, узнав от матери о манифесте, Николай заявил петербургскому генерал-губернатору графу М. А. Милорадовичу о своем праве на престол и намерении его занять. Но «граф Милорадович отвечал наотрез, что вел. кн. Николай Павлович не может и не должен никак надеяться наследовать брату своему Александру в случае его смерти; что законы империи не позволяют государю располагать престолом по завещанию, что притом завещание Александра известно только некоторым лицам и неизвестно в народе; что отречение Константина также не явное и осталось необнародованным; что Александр, если хотел, чтоб Николай наследовал после него престол, должен был обнародовать при жизни своей волю свою и согласие на нее Константина; что ни народ, ни войско не поймут отречения и припишут все измене, тем более что ни государя самого, ни наследника по первородству нет в столице, но оба были в отсутствии; что, наконец, гвардия решительно откажется принести Николаю присягу в таких обстоятельствах, и неминуемое затем последствие будет возмущение. Совещание продолжалось до двух часов ночи. Великий князь доказывал свои права, но гр. Милорадович их признать не хотел и отказал в своем содействии»¹. С этого момента одним из главных действующих лиц междоусурствия становится Милорадович.

¹ Трубецкой С. П. Записки // Трубецкой С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1983. Т. 1. С. 313–314.

В томительном ожидании прошло более суток, пока, наконец, утром 27 ноября фельдъегерь не привез известие о кончине Александра. В этот момент Николай, его мать и жена были в большой церкви Зимнего дворца. Николай писал потом: «Дверь в переднюю была стеклянная, и мы условились, что, буде приедет курьер из Таганрога, камердинер сквозь дверь даст мне знак. Только что после обедни начался молебен, знак мне был дан камердинером Гриммом. Я тихо вышел и в бывшей библиотеке, комнате короля прусского, нашел графа Милорадовича; по лицу его я уже догадался, что роковая весть пришла. Он мне сказал: „Все кончено, мужайтесь, дайте пример“, и повел меня под руку; так мы дошли до перехода, что был за кавалергардскою комнатою. Тут я упал на стул — все силы меня оставили»¹.

Дальше все шло так, как того хотел Милорадович. Николай присягнул новому императору Константину, за ним — Милорадович и присутствовавшие генералы. Затем Николай немедленно привел к присяге внутренний и главный дворцовые караулы, а начальника штаба Гвардейского корпуса А. И. Нейдгарта послал в Александроневскую лавру, где собран был для молебна о здравии императора гвардейский генералитет во главе с генералом А. Л. Воиновым.

Вскоре полки стали повсеместно присягать Константину. Удивленные современники заметили явную несообразность в порядке присяги: вместо гражданских властей первыми присягнули войска. Петербургский гарант завещания покойного императора князь А. Н. Голицын оказался во время присяги в Лавре. Услышав о смерти Александра, он бросился во дворец. «В исступлении, вне себя от горя, но и от вести во дворце, что все присягнули Константину Павловичу, он начал мне выговаривать, зачем я брату присягнул и других сам завлек, и повторил мне, что слышал от матушки, и требовал, чтобы я повиновался мне неизвестной воле покойного государя; я отверг сие неуместное требование положительно, и мы расстались с князем: я — очень недовольный его вмешательством, он — столь же моей неуступчивостью»², — вспоминал Николай.

После того как войска присягнули первыми, надо было организовать присягу правительственных учреждений и прежде всего Государственного совета. Поскольку именно здесь хранился один из экземпляров манифеста, то при приведении к присяге его членов во-

¹ Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. С. 38.

² Там же. С. 39.

прос о престолонаследии должен был неизбежно встать с особой остротой.

После двух часов пополудни собрался Государственный совет. Голицын сообщил о хранящемся здесь завещании Александра. Часть членов Совета не склонна была знакомиться с завещанием усопшего императора, которое могло привести их к столкновению с живым. Министр юстиции князь Д. И. Лобанов-Ростовский и адмирал А. С. Шишков предложили не распечатывать пакет, а идти присягать Константину. Но большинство решило иначе, и пакет был принесен. Ожидали только Милорадовича. Но последний, явившись в Совет, не выразил никакого желания слушать чтение бумаг. «Я имею честь донести Государственному совету, — сказал он, — что его императорское высочество великий князь Николай Павлович изволил учинить присягу на подданство старшему брату своему императору Константину Павловичу. Я, военный генерал-губернатор, и войска уже присягнули его величеству, а потому советую господам членам Государственного совета прежде всего тоже присягнуть, а потом уж делать, что угодно!»

Однако большинство Совета все же настояло на том, чтобы заслушать манифест Александра и письмо Константина. Бумаги были прочитаны, и положение членов Государственного совета стало весьма двусмысленным. Решив выполнить волю покойного императора, они противопоставили бы себя генералитету, гвардии, наконец, законному наследнику, который мог и отказаться от своего прежнего решения. Члены Совета пожелали все же пригласить Николая в Совет. Пошедший за ним Милорадович сообщил, вернувшись, что, не будучи членом Государственного совета, великий князь не считает себя вправе явиться в таковой. Тогда Совет попросил Милорадовича исхodataйствовать у великого князя разрешения самим явиться к нему в полном составе.

Бледный, взволнованный Николай, по свидетельству государственного секретаря А. Н. Оленина, заявил членам Совета: «Господа, я вас прошу, я вас убеждаю, для спокойствия государства немедленно, по примеру моему и войска, принять присягу на верное подданство государю императору Константину Павловичу. Я никакого другого предложения не приму и ничего другого и слушать не стану». По словам Оленина, Николай тут же ясно заявил членам Совета, что ему известно содержание манифеста и письма цесаревича об отречении.

Тогда же решили не вскрывать пакет с завещанием, хранивший-ся в Сенате, и не знакомить с ним сенаторов. Государственный совет присягнул Константину¹. Вскоре присягнул и Сенат.

Четыре года спустя Николай сказал Константину в личной беседе: «В тех обстоятельствах, в которых я был поставлен, мне невозможно было поступать иначе»².

Таким образом, в первый же день, когда было получено известие о смерти Александра, произошло резкое столкновение двух сил: с одной стороны, тех, кто пытался сохранить законность, хотя бы в юридических нормах абсолютной монархии, и с другой — претендента на престол, выдвинутого его предшественником с полным пренебрежением к закону. Николай, опираясь на манифест, заявил о своих правах на престол, но Милорадович, в руках которого как военного генерал-губернатора была решающая военная сила, резко этому воспротивился и фактически принудил Николая отступить и первым присягнуть Константину, признав его императором. Тут же присягнули и войска. Заметим, что присяга Государственного совета протекала в условиях этих уже совершившихся фактов. Тем не менее, как мы видели, она прошла с серьезными затруднениями. Только лично убедившись, что Николай, игнорируя волю покойного брата, присягнул Константину, члены Государственного совета последовали его примеру, и с этого момента официально началось царствование императора Константина (хотя впоследствии было столь же официально признано, что царствование Николая I началось с момента смерти Александра I).

Однако сам Константин присяги не признал. Он был тверд в своем отказе царствовать.

Подумать только! Огласи Александр I состоявшееся отречение Константина, объяви он Николая своим законным преемником, не было бы вообще никакого спора о том, кто должен царствовать, не было бы ни присяги Константину, ни междоцарствия, ни династического кризиса — словом, не возникла бы вся та сложная и удивительная ситуация, которая сделала возможным восстание декабристов.

Нельзя пройти мимо и еще одного обстоятельства. Декабристам удалось вывести мятежные полки на площадь во многом благодаря тому, что Константина не было в столице. Его отсутствие — результат многих обстоятельств. В истории до сих пор не существует

¹ Корф М. А. Указ. соч. С. 59.

² Там же. С. 101.

единого мнения о причинах, заставивших официального наследника престола остаться в Варшаве. Очевидно одно, окажись Константин 14 декабря в Петербурге, и дело приняло бы совсем иной оборот.

Итак, цепь невероятных случайностей, которая могла прерваться в любую минуту, привела к тому, что восстание 14 декабря 1825 г. все-таки произошло: появилась уникальная возможность осуществления планов политических и социальных преобразований, которые строили декабристы. Прекрасно понимая это, И. И. Пущин писал 12 декабря 1825 г. в Москву: «Случай удобен, ежели мы ничего не предпримем, то заслуживаем во всей силе имя подлецов»¹.

Вряд ли можно принимать всерьез рассуждения о том, что внезапная смерть Александра I, нарушив обычное течение событий, помешала декабристам, что в ином случае действия их были бы более продуманными, а после объединительного съезда, намеченного на лето 1826 г., прибавилось бы и сил. Надеюсь, читателю ясно, что это не произошло бы: в любом случае большинству декабристов предстояло вскоре оказаться за решеткой.

Подчеркнем особо, что после арестов, следствия, суда, ссылки декабристов в Сибирь ничего, подобного их тайным обществам, в России больше не возникало. Освободительное движение приняло иные формы, а идейное направление его существенно отличалось от декабристского. Хотя побудительные причины — крепостное право и неограниченное самодержавие — оставались прежними, но об изменении политического и социального строя путем военного переворота речь никогда уже не шла (во всяком случае в XIX в.).

Великая французская революция, не произошли она в 1789 г., все равно произошла бы раньше или чуть позднее. Она была неизбежна. Восстание же декабристов, не откройся для него совершенно особая возможность в декабре 1825 г., так и осталось бы навсегда лишь проектом, мечтой. Именно в этом коренное отличие восстания декабристов от современных ему революционных событий в других странах.

Но анализ причин и своеобразия самого движения декабристов — задача другого исследования.

¹ Пущин И. И. Сочинения и письма. М., 1999. Т. 1. С. 80.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Bakounine T. 325

Blanc L., *см. Блан Л.*

Deschamps, *см. Пешар-Дешан П. И.*

Schiemann Th. 82, 83

Stern F. 88

Аврамов А. Б. 321, 332

Аврамов И. Б. 320, 321

Агапов Г. П. 335

Адлерберг В. Ф. 117, 281, 294–298

Азадовский М. К. 130

Аксакова Т. А. 335

Акулькина Н. Е. 335

Александр I, имп. 12, 14–33, 35–37, 39–42, 44–46, 50, 52–59, 63, 64, 67–83, 89,
90, 92–110, 112–117, 119, 122–130, 134, 137, 139–141, 143–149, 152, 154,
156, 158, 159, 161, 163, 164, 167–169, 171–175, 177–188, 191, 219, 255,
260, 261, 265, 267, 269, 337–346, 349, 350, 366–381

Александр Македонский 15

Александр Невский, кн. 15

Александра Федоровна, имп. 373

Алексеев М. П. 204

Альбицкий Д. И. 333, 334

Андреев А. Ю. 18, 27

Андреева Т. В. 13,

- Анна Иоанновна, имп. 11
Анна Павловна, вел. кн. 32
Анна Федоровна, вел. кн. 374
Антоний, архим. 234, 269
Аракчеев А. А. 57, 68, 73, 105–109, 113, 119, 134, 140, 149, 177, 185, 186, 284, 376
Арбузов А. П. 272
Артамонов Д. С. 48, 49
Архангельский А. Н. 13, 14
Аскенази Ш. 69, 179
- Бабеф Г. 249
Базанов В. Г. 325
Балашов А. Д. 68, 88–90, 121, 122, 124, 128, 181, 182, 187
Балашов, крепостной В. К. Кюхельбекера 297
Балугьянский М. А. 110–112
Барковец А. И. 17
Бартнев П. И. 139
Барятинский А. П. 304, 316, 318, 368
Басаргин Н. В. 316, 318, 319, 334
Батеньков Г. С. 289, 304, 309
Башмаков Ф. М. 320
Беарде Делабей (Беарде-де-Лабей) 102
Безбородко-Кушелев, *см. Кушелев А. С.*
Бекгольд И. 250
Беккариа Ч. 351
Беляев А. П. 320
Беляевы, братья 316
Бенигсен Л. Л. 26, 27
Бенкендорф А. Х. 115, 120, 129, 130, 139, 289, 309, 334
Бенкендорф С. И. 16
Бентам И. 351
Бернсторф Х.-Г. 83
Бестужев-Марлинский А. А. 43, 284, 285, 304, 327,
Бестужев Н. А. 284
Бестужев-Рюмин М. П. 275–277, 297, 316, 317, 321, 322, 324, 357, 363,
Бестужев-Рюмин П. Н. 317
Бибииков И. Г. 134
Блан Л. 244, 247, 249

- Бланки Л.-О. 252
Бобрищев-Пушкин П. С. 321
Бобаевская К. П. 307
Богарне Ж. 31
Богданова М. М. 332
Богданович М. И. 21, 70, 79
Бодиско А. М. 332
Бодиско М. А. 332
Бодиско М. М. 332
Бокова В. М. 13, 45, 46, 119, 121, 149, 203, 204
Борисов А. И. 331
Борисов П. И. 331
Боровков А. Д. 117, 274, 284, 287, 292–296, 303, 306–308, 311, 312, 326, 328, 334
Бороздин А. К. 43
Бороздин Г. А. 335
Борщевская С. М. 335
Брегман А. А. 334
Бредихина О. Б. 335
Бриген, фон дер А. Ф. 135, 136, 324, 327
Бройтман Л. 320
Буранов А. П. 335
Бурбоны 56
Бурцев И. Г. 63, 118–121, 135, 136
Бурцов, *см. Бурцев И. Г.*
Бутенко И. А. 13
- Вадковский Ф. Ф. 283, 305, 366–369
Валлоттон А. 32
Васильчиков А. И. 123–126
Васильчиков В. И. 1276, 127
Васильчиков И. В. 115–118, 121–126, 128–130, 136, 138–142, 156, 165–168
Васильчиков Л. В., *см. Васильчиков И. В.*
Вахрушев Д. И. 274
Вегелин А. И. 305, 330, 331
Вейсгаупт А. 135
Вернадский Г. В. 83, 87–89
Витгенштейн П. Х. 134, 352, 353
Витенберг Б. М. 335

- Витт И. О. 367, 368
Вишневские 325
Вишневский Ф. Г. 320
Воинов А. Л. 378
Волков А. А. 334
Волконский П. М. 115–118, 138–140, 142, 154
Волконский С. Г. 77, 88, 160, 304, 325
Волынская В. А. 322, 323
Вольтер 10, 26
Вольф Ф. Б. 328
Вольховский В. Д. 119
Воронцов М. С. 157–159, 163–165, 167, 169, 173
Воронцов С. Р. 77
Вяземский Н. Г. 152, 155, 165,
Вяземский П. А. 15, 78–82, 90–92, 121, 154, 156, 157, 164–168, 179, 200, 203–205
Вяземский, корнет 297
- Гангеблов А. С. 327, 328, 331
Гегель Г. 256
Герасимова Ю. И. 146
Герцен А. И. 24, 208, 242
Гессен С. Я. 235, 325
Глинка С. Н. 151
Глинка Ф. Н. 115, 119–121, 135, 136, 277, 328
Голицын А. Н. 135, 153, 172, 368, 376, 378
Голицын Д. В. 122–124, 127, 325
Гончаров И. Л. 274
Горбачевский И. И. 334
Гордин Я. А. 146
Горожанский А. С. 327, 328
Горский О.-Ю. В. 285, 288, 290
Горсткин И. Н. 135, 328
Горчаков П. Д. 195, 202, 203
Граббе П. Х. 135, 136, 290, 293, 294, 368
Греч Н. И. 141, 142, 152
Гречишкин С. С. 335
Грибовские, братья 116
Грибовский М. К. 114–138, 145, 147–149
Грибовский Я. К. 116

Грибоедов А. С. 156, 326, 327
Григоров А. А. 335
Григорьев А. П. 294
Гримм Ф.-М., бар. 16
Гримм, камердинер 378
Гришунин А. Л. 327
Грудзинская И., гр. (кн. Лович) 375
Гурьев Д. А. 110, 112, 113, 149, 367, 372
Гушеваров С. 142

Давыдов В. Д. 127
Давыдов В. Л. 328, 330, 357
Давыдов Д. 121, 127, 128
Данзас Б. К. 205
Депрерадович Н. Н. 327
Дестют де Траси А. 351
Дибич И. И. 88, 283, 284, 287, 293, 298, 367, 368
Дидро Д. 10
Дмитриев И. И. 77, 78, 171, 286, 333
Дмитриев-Мамонов М. А. 135
Долгорукий И. М. 45
Долгорукий, кн., см. *Долгоруков И. А.*
Долгоруков И. А. 60, 134, 277, 278
Домбровский И. Е. 335
Драгоманов Я. А. 334
Дружинин Н. М. 47, 215
Дубровин Н. Ф. 74, 103, 164
Думин С. В. 146, 335
Дьяков В. А. 335

Екатерина II, имп. 10, 11, 15–17, 20, 21, 24, 29, 98, 102, 172, 370
Екатерина Павловна, вел. кн. 32, 169, 170
Елизавета Алексеевна, имп. 20
Елизавета Петровна, имп. 15, 16, 170
Ермолов А. П. 28, 74, 75, 89, 146, 147, 184, 367
Еропкин Б. И. 335

Жданов, помещик 175
Жеребцов Н. А. 237, 257

Жилин П. Д. 219, 235

Житомирская С. В. 45, 174, 259, 334

Жозефина, см. *Богарне Ж.*

Жомини Г.-В. 115

Жуковский В. А. 121

Загорский М. П. 300

Закревский А. А. 74, 75, 89, 117, 119, 146

Замалеев А. Ф. 258

Занд К. 184

Засыпкина И. Н. 13

Зейфман Н. В. 335

Знаменский С. Я. 270

Зубов П. 370

Зубов П. А. 26

Иванов, комиссионер 293

Ивановский А. А. 130

Игнатьева Г. П. 335

Иннокентий (Борисов), архиеп. 249

Иоанн Лейденский 250

Ионов И. И. 306

Исленьев А. М. 335

Истомина А. И. 144

Кабе Э. 249

Казачков В. А. 335

Каменский А. Б. 11

Кампанелла Т. 249

Капелюш Б. Н. 77

Капнист А. В. 297

Каподистрия И. 70, 71

Каптелов Б. И. 335

Каразин В. Н. 141, 142, 155, 159–168

Карамзин Н. М. 40, 77–80, 90, 91, 93, 161, 168–172

Карасевский А. И. 294

Караш Н. Ф. 77

Карл Людвиг, курфюрст, маркграф Баден-Дурлахский 20

Карнаухова М. Г. 301

- Карсонов Б. Н. 335
Каховские 325
Каховский П. Г. 274, 284, 292, 293, 316, 365
Киреева Р. А. 335
Киселев П. Д. 75, 119, 197–199, 203, 205–208, 215, 240, 367, 371
Клингер Ф.-М. 350
Книппердолинг Б. 250
Княжевич К. 335
Ковальская М. И. 258
Кожевников Н. П. 281
Колошин Павел И. 135
Колошин Петр И. 135
Колюпанов Н. 152
Комаров Н. И. 145, 290, 293, 294
Комаровский Е. Ф. 121, 128, 164
Консидеран В. 249
Константин Павлович, вел. кн. 16, 72, 83, 110, 169, 172, 317, 367, 369–381
Коншин М. С. 335
Копылов Г. И. 135
Корнилович А. О. 316
Корсаков М. М. 135
Корф М. А. 24, 25, 114, 144, 346, 370, 376, 380
Коршиков Н. С. 335
Косачевская Е. М. 110
Косинский А. 150
Коцебу А. 184
Кочубей В. П. 23, 25, 28, 96, 142–144, 160, 161, 163, 167, 174, 176, 177, 370
Кочубей С. М. 103, 104, 107
Кошелев А. И. 152
Краснокутский С. Г. 289, 316
Кривцов С. И. 309
Крижановский С. 297, 335
Крок Е. И. 350
Крутиков В. И. 332, 335
Крыжановский, см. *Крижановский С.*
Крыжов 334
Крюденер В. 41
Крюденер, дочь баронессы В. Крюденер 41
Крюков А. А. 335

- Крюков Н. А. 335, 367
Крячкова Л. В. 13
Кудинов Г. А. 335
Кульман Н. К. 92, 152, 156, 157, 163, 165
Куницын А. П. 135, 152, 153
Куракин А. Б. 68
Курганова 335
Кутузов М. И. 31, 41,
Кутузов Н. И. 135
Кушелев А. С. 135
Кюстин, де А. 189
Кюхельбекер В. К. 135, 297
Кюхельбекер М. К. 309
- Лавинский А. С. 330
Лагарп, де Ф.-С. 17–19, 22–24, 27, 56, 67, 94, 95, 109, 370–372
Лалетина Н. Е. 335
Ланда С. С. 77
Ланжерон А. Ф. 27
Лапин В. В. 140, 143
Лебцельтерн Л. 88
Левашов В. В. 47–49, 64, 272, 273, 283, 299, 300, 342, 343
Левин Ф. И. 321
Лейкина-Свирская В. Р. 242
Ленин В. И. 208, 242
Леонтьев Я. 335
Лепарский С. Р. 330
Леру П. 249
Ливен А. К. 289
Лисицына Г. Г. 335
Лисовский Н. Ф. 320–332
Литвин А. А. 130
Лихарев В. Н. 367
Лобанов-Ростовский А. Б. 305
Лобанов-Ростовский Д. И. 175, 379
Лопухин П. В. 61, 175, 337
Лопухин П. П. 52, 61, 64, 337–340, 342, 343–345
Лорер Д. И. 332
Лорер Н. И. 316, 332, 351

- Лотман Ю. М. 22, 281
Лубяновский Ф. П. 321
Луиза Мария Августа Баденская, см. *Елизавета Алексеевна, имп.*
Лунин М. С. 234, 275–277, 304, 319, 320
Львов Л. Ф. 200
Люблинский Ю. К. 335
Лютер М. 250
Лярский 201
Ляцкая-Пыпина В. А. 305
Ляшенко К. Г. 306
Лященко П. И. 9
- Мабли Г.-Б. 249
Магонина Л. С. 335
Майборода А. И. 110, 274, 275, 368
Майстров Л. Е. 322, 335
Макарий, архим. 234, 269
Малашенко Л. Н. 13
Малиновская М. И. 203
Мамонов, см. *Дмитриев-Мамонов М. А.*
Манфред А. З. 183
Марин А. Н. 116
Маринин О. В. 130
Мария Федоровна, вел. кн., см. *Мария Федоровна, имп.*
Мария Федоровна, имп. 15, 29, 375, 376
Мартенс Ф. 184
Матханова Н. П. 335
Мачульский Е. Н. 317, 322, 325
Медведская Л. А. 317
Мейлах Б. С. 204
Меншиков А. Д. 158
Меншиков А. С. 110, 112, 158, 159, 163–165, 168, 173
Меттерних, фон К. 87, 140
Милов Л. В. 9
Милорадович М. А. 139, 142–144, 176, 365, 377–380
Мильчина В. А. 27
Мироненко С. В. 45, 82, 110, 115, 174, 234, 259, 334, 346, 372
Михаил Павлович, вел. кн. 119, 134, 375
Михайлова М. С. 335

- Михайловский-Данилевский А. И. 19, 74, 88, 371–373
Мишо де Боретур А. Ф. 41
Модзлевский Б. Л. 301–311, 313–315, 318–321, 323–326, 329–331
Мор Т. 249
Мордвинов Н. С. 98, 281
Мордовченко Н. И. 281
Морозова Г. М. 335
Морус Т., *см. Мор Т.*
Мошинский П. И. 201, 335
Мстиславская Е. П. 335
Муравьев А. З. 293, 329, 331
Муравьев А. М. 63
Муравьев А. Н. 46–50, 53–55, 58, 61, 64, 134, 145, 146, 154, 335, 336, 338, 344, 346
Муравьев М. Н. 63
Муравьев Н. М. 54–56, 134, 187, 189, 204, 277, 278, 281, 339–345, 356–358, 364, 367
Муравьева А. Г. 305, 309
Муравьев-Апостол И. М. 317
Муравьев-Апостол М. И. 43, 46, 54, 62, 124, 275, 276, 307, 317, 320, 344, 345, 349, 368
Муравьев-Апостол С. И. 43, 46, 47, 54, 62, 63, 275, 316, 317, 321, 341, 346, 356, 361, 368
Муравьев-Карский Н. Н. 146
Муравьевы, братья 57
Муравьевы-Апостолы 57
Муханов П. А. 273, 305
Мухина С. Л. 333
Мюнцер Т. 250

Набоков И. А. 204
Набокова Е. И. 203
Наполеон, имп. 12, 14, 15, 30–32, 40, 41, 43, 44, 66, 130, 144, 171, 183, 243, 262, 265, 349, 352, 371
Нарышкин А. К. 335
Нарышкин М. М. 135, 332
Нащокин Д. А. 321
Невелев Г. А. 115, 303, 304, 335
Нейдгарт А. И. 378

- Непенин А. Г. 322, 323
Нечаев В. 322
Нечаев С. Д. 333, 334
Нечкина М. В. 11, 46, 47, 60, 118, 121, 130, 145, 148, 188, 233, 280, 311, 315, 320, 326, 327, 335, 336, 356, 358, 359
Никитина Т. Ю. 335
Николаев С. С. 368
Николаев, полковник 283
Николаенко П. Д. 176
Николай I, имп. 24, 50, 114, 119, 144–146, 149, 172, 239, 279, 281–284, 286, 287, 298, 309, 324, 341–343, 346, 367–370, 373–380
Николай II, имп. 41, 110
Николай Михайлович, вел. кн. 30, 97, 98, 185, 186
Ницковский 204
Новиков М. Н. 321
Новиков Н. И. 353
Новоселова-Чурсина Л. С. 334
Новосильцев Н. Н. 24, 25, 28, 71, 72, 78–83, 87, 90–93, 96–98, 103, 104, 110, 178, 185, 350, 372
Норов В. С. 305
- Оболенский Е. П. 203, 204, 234, 237–240, 243, 304, 316, 327, 329
Овен Р., см. *Оуэн Р.*
Огарев Н. А. 24
Огинский М. К. 18, 69
Одоевский А. И. 284, 289
Ожаровский А. П. 57, 330
Оксман Ю. Г. 307, 315
Окунь С. Б. 320
Оленин А. А. 135
Оленин А. Н. 379
Олизар Г. 335
Ольшанский П. Н. 258
Опочинин Ф. П. 377
Оржицкий Н. Н. 327
Орлик О. В. 258
Орлов А. Ф. 309
Орлов М. Ф. 119, 135, 136, 227, 260, 268, 274, 294, 305, 325, 367

Орлова Н. К. 335

Оуэн Р. 249

Павел I, имп. 11, 15, 16, 21–24, 26, 27, 170, 369, 371

Павел Петрович, вел. кн., *см. Павел I, имп.*

Павлова В. П. 50

Павлов-Сильванский Н. П. 302–304

Пален П. А. 27

Палицын С. М. 290

Панин Н. П. 11, 26

Пашков В. А. 166

Перегудова З. И. 335

Переславский И. 150

Перовский Л. А. 63, 64, 134, 135

Песков А. М. 11

Пестель И. Б. 350

Пестель П. И. 47, 55, 59, 60, 62, 63, 133–135, 145, 174, 187, 189, 274–279, 291,
297, 302, 328, 344, 348, 350–364, 367, 368

Петр I, имп. 10, 26, 74, 170, 175

Петровский Л. П. 321

Пешар-Дешан П. И. 81, 82, 90

Пиксанов Н. К. 327

Пирх К. К. 139

Платон 248

Повало-Швейковские 325

Погодин М. П. 122

Поджио А. В. 275, 276

Покровский А. А. 281, 359, 361

Покровский М. Н. 274

Поливанов И. Ю. 327

Полторацкий К. М. 27

Полуботок, гетман 115

Полякова Г. Г. 335

Попов В. С. 100–102

Попов О. В. 335

Порох В. И. 44

Порох И. В. 44

Посохов С. И. 13, 115

Правдин 151, 152

- Предтеченский А. В. 98, 180
Прижевский 135
Протасов А. Я. 20
Прудон П.-Ж. 244, 249
Пушкин А. С. 9, 10, 12, 14, 21, 138, 156, 158, 160, 169, 172, 304, 306, 318
Пушкин Б. С. 329
Пушкина В. А. 326
Пушин И. И. 109, 196–206, 210, 216, 219, 220, 223–226, 228, 229, 232, 259, 260, 290, 304, 318, 328, 381
Пушин М. И. 204
Пушин Н. И. 206
Пущина А. И. 203, 206
Пыпин А. Н. 21, 148
- Равдин Б. Н. 116, 120, 121–123, 126, 321
Радищев А. Н. 28, 159
Раевский В. Ф. 316, 334
Раевский Н. Н. 367
Рац Д. В. 335
Рачинский А. А. 335
Рead 135
Репнин Н. Г., см. *Репнин-Волконский Н. Г.*
Репнин-Волконский Н. Г. 103–105, 135, 153, 154, 164, 175
Робеспьер М. 249
Рогинский А. Б. 116, 120, 122, 123, 126, 321
Роговая Л. А. 13
Розен А. Е. 64, 115, 116, 376
Романовы 370
Романюк С. 318
Ронов А. Н. 143
Росси П., гр. 252
Россин Ф. 142, 143
Ростопчин Ф. В. 77
Рудницкая Е. Л. 24, 144
Румянцев Н. П. 99
Румянцев С. П. 99, 100
Рунич Д. П. 39, 40
Руссо Ж.-Ж. 249

Рылеев К. Ф. 281, 284, 287, 290, 291, 293, 304, 319, 322, 327, 367

Рэй М.-П. 13

Сайтов В. И. 93

Салтыков Н. И. 16, 17

Самбурский 107

Самойлов Г. Е. 335

Сафонов М. М. 11, 96

Сахаров А. Н. 13, 14, 31, 366

Свистунов П. Н. 290

Селиванов В. 306

Семевский В. И. 96, 100, 101, 106, 126, 196, 197, 207, 208, 216, 235, 259, 260, 268, 269

Семенов С. М. 118, 135, 201, 203

Семенова А. В. 281, 328, 335

Сенявин Д. Н. 143, 144

Сенявин Н. Д. 143, 285

Сибиряков С. И. 121

Сиверс А. А. 301–311, 314, 315, 318–321, 323, 326, 328, 329, 331, 335

Сидорова М. В. 130

Синявин, см. *Сенявин Н. Д.*

Словягин П. А. 13

Смит А. 18, 98

Соколов В. 196

Сомов О. М. 290

Сперанский М. М. 25, 32–40, 76, 81, 84, 85, 88, 100, 169, 171, 178, 185–187, 215, 281

Спиридов М. М. 320

Сталь, де Ж. 12

Стенгрен З. Ю. 335

Степанов В. П. 335

Столыпин А. А. 76

Столыпин Д. 367

Строганов П. А. 25, 28–30, 96–98

Стройновский В. 101

Струве П. Б. 9

Струмилин С. Г. 9

Сутгоф А. Н. 285, 288, 290

Сухомлинов М. И. 18, 95

Сыроечковский Б. Е. 196, 197, 199, 202, 204, 210, 211, 213, 214, 235, 239, 240, 242, 274, 275, 359

Тальская О. С. 335

Тарасова В. М. 148

Тартаковский А. Г. 24, 144

Татищев А. И. 283–287, 303

Таушев 334

Титов Э. Э. 335

Тихантовская А. З. 77, 335

Тихонов И. С. 13

Тозато-Риго Д. 27

Токвиль А. 236, 257

Толстикова Г. Г. 13

Толь К. Ф. 272

Троцкий Е. Н. 301, 334

Трубецкой С. П. 44, 46, 47, 50–58, 60–62, 64, 65, 68, 134, 154, 155, 284, 287, 290, 291, 299, 300, 327, 337–345, 368, 377

Трусов С. П. 301, 334

Тургенев А. И. 78, 81, 82, 88, 90, 91, 93, 156, 157, 159, 168, 173

Тургенев А. М. 186

Тургенев Н. И. 33, 91, 106, 121, 135–137, 148, 157–159, 163–168, 173, 174, 176, 177

Тургенев С. И. 91, 92, 156, 157, 167, 173, 179

Тьер А. 248

Тютюник Л. И. 335

Уваров С. С. 77, 153

Фадеев И. С. 274

Файбисович В. М. 20–22

Федоров В. А. 29, 143, 144, 366

Федосеева Е. П. 334

Филарет, архиеп. 375, 376

Фонвизин А. И. 318

Фонвизин Д. И. 11

Фонвизин И. А. 134, 174, 195, 207, 236, 318, 325

Фонвизин М. А. 44, 45, 55, 58, 109, 134, 135, 146, 147, 174, 195–204, 206–219, 222, 223, 225, 228, 231, 234–243, 247, 249, 252, 255, 256, 258–261, 267–270, 318, 325, 338, 346

Фонвизина Н. Д. 195
Фонвизины 174, 195, 305
Францева М. Д. 170
Фролов А. Ф. 305
Фруменков Г. Г. 322, 323, 335
Фурье Ш. 249

Хавский П. В. 135
Ходкевич А. 335
Хомутова 27
Хомяков А. С. 43
Хотяинцов И. Н. 319
Христиани В. Х. 334

Цинцендорф Н.-Л. 250

Чаадаев П. Я. 135, 142
Чарторыйский А. 25, 26, 31, 81, 95–97, 185
Ченцов Н. М. 306, 314
Черевин П. Д. 333
Черепанов П. Н. 200, 203
Чернов С. Н. 121, 126, 129, 144, 148, 324, 359, 361
Чернов Ю. И. 335
Чернышев А. И. 73, 273, 368
Чивилихин В. А. 335
Чижев Н. А. 318
Чиркова Е. А. 13
Чубарьян А. О. 13

Шаховской И. Л. 203, 205
Шаховской Ф. П. 307, 309, 316
Шварц Ф. Е. 143
Шебунин А. Н. 158, 175
Шеллер, прусский посланник в России 88, 93
Шенншо Л. 196
Шервуд И. В. 283, 284, 366–368
Шереметев (Шереметьев) А. В. 135, 227
Шешин А. Б. 328, 335
Шилов А. А. 301

Шильдер Н. К. 16, 18–22, 24–26, 33, 67, 70, 74, 88, 95, 106, 121, 129, 137, 141, 345, 346, 366, 368, 370–372

Шиман М.-Т. 179

Шипов И. П. 277

Шипов С. П. 122, 128, 134, 135

Шишков А. С. 66–68, 119, 176, 379

Шмидт, прусский консул в Варшаве 83, 88

Штейнгейль (Штейнгель) В. И. 281, 321, 322

Штрайх С. Я. 306, 307

Шубин В. Ф. 317, 335

Щеголев П. Е. 286, 303, 304

Щепин-Ростовский Д. А. 284

Щепкина Е. 325

Эверс И.-Ф. 198

Эдельман О. В. 49, 50

Эйдельман Н. Я. 11, 26, 169, 171, 282, 289

Эймонтова Р. Г. 314

Эно Ж. 196

Юдин П. С. 320

Юшневский А. П. 135, 274, 278, 279, 297, 356, 358

Юшневский С. П. 297

Яблоновский А. 297, 335

Якубович А. И. 284, 285, 288, 316, 329

Якушкин В. 43

Якушкин Е. Е. 259, 320

Якушкин Е. И. 259, 332, 345

Якушкин И. Д. 43–47, 49, 54–61, 65, 123, 124, 126, 144, 145, 147, 174, 196, 236, 239, 259, 273, 316, 319, 337–341, 345, 346

Якушкины 321, 325

Янина С. А. 335

Ярмыш А. И. 115

Яценков Г. М. 152

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Мироненко Сергей Владимирович

Александр I и декабристы:
Россия в первой четверти XIX века. Выбор пути

Редактор *Е. Р. Ароян*

Художественное оформление *С. Б. Валишин*

Компьютерная верстка *С. Б. Валишин*

Корректор *Е. Р. Цегельник*

ООО «Кучково поле»

119071, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 10, оф. 420

Тел./факс: (495) 256-04-56

E-mail: info@kpole.ru

www.kpole.ru

Подписано в печать 03.10.2016. Формат 165×235 мм

Усл. печ. л. 31,75. Доп. тираж 300 экз.

ISBN 978-5-9950-0700-5

В.М.РОДИКО. АНГЕЛЫ И ДЕТЯ БРАТЯ

9 785995 007005

